

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Б

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XI

ГОДЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ
1908—1911 г.г.

часть I

78 — 93 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
ИМЕНИ ГУТЕНБЕРГА
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

Часть I

1908 и 1909 годы

1908 год.

Политические заметки.

Шовинисты работают. Усиленно распространяются слухи о вооружениях японцев, о том, что они сконцентрировали 600 батальонов в Маньчжурии для нападения на Россию. Турция, будто бы, деятельно вооружается для объявления этой же весной войны России. Готовится, дескать, восстание на Кавказе с целью отделения от России (не доставало еще, чтобы закричали о планах поляков!). Травля Финляндии подогревается рассказами о ее вооружении. Ведется ожесточенная кампания против Австрии по поводу постройки железной дороги в Боснии. Усиливаются нападки российской печати на Германию, которая будто бы натравливает Турцию на Россию. Кампания ведется не только в русской, но и во французской печати,— о подкупе которой российским правительством так кстати напомнил недавно один социал-демократ в Думе.

Серьезная буржуазная пресса запада отказывается признать всю эту кампанию за порождение фантазии газетчиков или аферу гонящихся за сенсацией людей. Нет, очевидно, из «правлящих кругов» — читай: от черносотенного царского правительства или от тайной придворной шайки вроде пресловутой «звездной палаты» — исходит вполне определенный пароль, ведется какая-то систематическая «линия», взят какой-то «новый курс». Закрытие думской комиссии по государственной обороне от всех невходящих в нее членов Думы, т.-е. не только от революционных партий, но и от кадетов, заграничная печать ставит в прямую связь с этой шовинистской кампанией; говорят даже, что русское правительство, чтобы окончательно довершить свою издевку над «конституционализмом», намеренно испрашивает не у всей Думы, а только у черносотенно-октябристской комиссии кредиты на пограничные военные подкрепления.

Вот некоторые цитаты из европейских, отнюдь не социалистических, газет, которые не могут быть заподозрены в оптимизме насчет русской революции:

«Немецкие победы над Францией (в 1870 году) разожгли, как заметил однажды Бисмарк, честолюбие русских военных, и они тоже протянули руку за военными лаврами. По причинам политическим, религиозным и историческим, Турция казалась особенно пригодным объектом для этой цели (война с Турцией 1877—1878 г.г.). Очевидно, того же взгляда держатся и теперь известные круги в России, забывшие уроки японской войны и не понимающие истинных нужд страны. Так как на Балкане не приходится уже освобождать никаких «братушек», то придется придумать другие средства, чтобы повлиять на русское общественное мнение. И средства эти, надо сказать правду, еще более аляповатые, чем тогдашние: Россию хотят представить окруженной внутренними и внешними врагами.

«Правящие круги России хотят попытаться укрепить свое положение старыми средствами, именно: насильственным подавлением освободительного движения внутри и отвлечением народного внимания от печального внутреннего положения посредством пробуждения чувств национализма, посредством создания дипломатических конфликтов, которые неизвестно чем могут кончиться»:

Каково же значение этой новой шовинистской линии в политике контр-революционного самодержавия? На такую политику, после Цусимы и Мукдена¹⁾, могут бросаться только люди, у которых окончательно уходит почва из-под ног. Опыт двухлетней реакции не дал, несмотря на все усилия, никакой скольконнибудь надежной внутренней опоры черносотенному самодержавию, не создал никаких новых классовых элементов, способных экономически обновить самодержавие. А без этого никакие зверства, никакое бешенство контр-революции не в силах удержать современный политический строй России.

И Столыпин²⁾, и черносотенные помещики, и октябристы понимают, что без создания новых классовых опор удержаться им у власти нельзя. Отсюда — их политика разорения крестьян до глы, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии во что бы то ни стало. Российские либералы, самые ученые, самые образованные, самые «гуманные» — вроде

профессоров из «Русских Ведомостей»³⁾ — оказываются в этом отношении несравненно тупее Столыпинных. «Не будет ничего удивительного, — пишет передовик названной газеты 1-го февраля, — если при решении, например, судьбы временных ноябрьских правил вчерашние общинники-славянофилы поддержат попытку министерства разрушить общину посредством укрепления земли в личную собственность отдельных домохозяев... Можно даже думать, что оборонительные цели, общие консервативному большинству Думы и министерству подскажут и ей и ему даже более агрессивные меры, нежели знаменитые указы 1906 года⁴⁾... Картина получится поразительная: консервативное правительство при содействии представителей консервативных партий готовит радикальную реформу в области поземельных отношений, всего менее поддающейся крутым переворотам, решаясь на такую радикальную меру из-за отвлеченных соображений о предпочтительности одной формы владения перед другою».

Пробудитесь, господин профессор, — страхните с себя архивную пыль старореволюционного народничества, — взгляните на то, что сделали два года революции. Столыпин победил вас не только физической силой, но и тем, что правильно понял самую практическую нужду экономического развития, насильственную ломку старого землевладения. Великий «сдвиг», уже бесповоротно совершенный революцией, состоит в том, что черносотенное самодержавие раньше могло опираться на среднесековые формы землевладения, а теперь вынуждено, всецело и бесповоротно вынуждено с лихорадочной быстротой работать над их разрушением. Ибо оно поняло, что без ломки старых земельных порядков не может быть выхода из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!

Значит, вы за Столыпинское земельное законодательство? — с ужасом спросят нас народники. — О, нет! успокойтесь! Мы безусловно против всех форм старого землевладения в России и помещичьего и крестьянского наделного. Мы безусловно за насильственную ломку этой гнилой, гниющей и отравляющей все новое старины, — мы за буржуазную национализацию земли⁵⁾, как единственный последовательный лозунг буржуазной революции, как единственную практичную меру, которая направляет все острие исторически-необходимой ломки против помещиков,

помогая среди крестьянской массы выделиться свободным хозяевам на земле.

Особенность русской буржуазной революции состоит в том, что революционную политику в основном вопросе революции, — в аграрном, — ведут черносотенцы и крестьяне с рабочими. Либеральные же адвокаты и профессора защищают нечто самое безжизненное, нелепое и утопичное: примирение двух противоположных взаимоисключающих методов ломки и того, что отжило, и притом такое примирение, чтобы ломки вообще не было. Либо победа крестьянского восстания и полная ломка старого землевладения на пользу обновленного революцией крестьянства, т.-е. конфискация помещичьей земли и республика. Либо Столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков, ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания ее из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи. Такую политику провести меньшинству над большинством нелегко, но она экономически не невозможна. Мы должны помочь народу ясно сознать это. А попытка аккуратной реформой, мирно, без насилия, выйти из того бесконечно запутанного клубка средневековых противоречий, который создан веками русской истории, есть самая тупоумная мечта заскоружлых «человеков в футляре». Экономическая необходимость безусловно вызывает и безусловно проведет самый «крутой переворот» в земельных распорядах России. Исторический вопрос состоит только в том, проведут ли его помещики, руководимые царем и Столыпиным, или крестьянские массы, руководимые пролетариатом.

«Объединение оппозиции» — такова злоба дня русской политической печати. Полицейски-столыпинская «Россия» ликует: «объединение? — значит, и кадеты — революционеры; ату кадет!» Кадетская «Речь», насквозь пропитанная чиновничьим желанием доказать, что к.-д. могут быть умеренны не хуже октябристов, жеманно надувает губы, изливает потоки «морального» негодования по поводу недобросовестных попыток обвинить ее в революционности и заявляет: мы, конечно, приветствуем объединение оппозиции, но объединение это должно быть движением «слева направо» (передовица от 2-го февраля). «Мы имеем

спыт политических ошибок и разочарований. Когда оппозиция объединяется, она естественно объединяется на минимальной программе наиболее умеренной из партий, входящих в ее состав».

Эта программа вполне ясная: гегемония буржуазного либерализма, вот мое условие, говорят кадеты,— подобно тому, как Фаллу говорил в 1871 году просившему его поддержки Тьеру ⁶⁾: монархия, вот мое условие.

«Столичная Почта» увидала, что прямо такие вещи говорить совестно, зазорно, и потому «не соглашается» с «Речью», отделиваясь туманными намеками на «дооктябрьское настроение» (цензура проклятая мешает ясной политической программе) и приглашая, по существу дела, поторговаться. Дескать, «Речь» хочет руководить, революционеры хотят руководить (новым объединением), а мне нельзя ли могоарыч за честное маклерство?

«Объединение» — мы горячо сочувствуем этому лозунгу, особенно когда тут намекают — хотя бы только намекают! — на «дооктябрьские настроения». Только история не повторяется, любезнейшие г.г. политики. И те уроки, которые дала нам «история трех лет», никакими силами не могут быть вытравлены из сознания разных классов. Эти уроки необыкновенно богаты, и положительным своим содержанием (формы, характер, условия победы массовой борьбы рабочих и крестьян в 1905 году) и своим отрицательным содержанием (крах двух Дум, т.-е. крах конституционных иллюзий и кадетской гегемонии).

Кто хочет систематически изучить, продумать, усвоить, проводить в массы эти уроки,— милости просим, мы всецело за «объединение», — за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции. Не нравится? Наши дороги разошлись.

Старый, «дооктябрьский» лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано Медему ⁷⁾ из сборника «Наша Мысль»!) не выкинем его прочь («Учредительное Собрание»). Но он недостаточен. Он слишком формален. В нем нет сознания практической постановки острых вопросов жизнью. Мы пополним его великим уроком трех великих лет. Наша «программа-минимум», «программа нашего объединения» проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика. Учредительное Собрание нам нужно для этого такое, чтобы осилить это.

История двух Дум, кадетских Дум, показала с поразительной наглядностью, что действительная борьба общественных сил,— та борьба, которая не всегда сознавалась, не всегда прорывалась

наружу, но всегда оказывала свое решающее действие на все крупные политические исходы, всегда разметывала, как прах, кунштюки наивных и мошеннически-ловких профанов «конституционализма», эта борьба шла всецело и целиком из-за двух указанных нами «объектов». Не отвлеченные теории, а реальный опыт борьбы наших народных масс в реальных условиях русского помещичьего самодержавия показали нам на деле неизбежность именно этих лозунгов. Кто способен усвоить их,—тому мы предлагаем «врозь итти» и «вместе бить», бить врага, опустошающего Россию, избивающего тысячи лучших людей России.

«Вы останетесь одни с такой программой объединения». Это—неправда.

Прочтите речи беспартийных крестьян в первых двух Думах, — и вы поймете, что наша программа объединения только формулирует их пожелания, их нужды, элементарно-необходимые выводы из этих нужд. С тем, кто не понимает этих нужд,—начиная от кадета и кончая Пешехоновым⁸⁾ (он тоже проповедывал «объединение» в Москве, как нам пишут оттуда),—с теми мы поведем войну во имя «объединения».

Это будет упорная война. Мы умели долгис годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными⁹⁾. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе.

«Пролетарий» № 21

от 13 (26) февраля 1908 года.

К дебатам о расширении бюджетных прав Думы.

В течение трех заседаний, 12, 15, 17 января шли прения в Гос. Думе по вопросу о расширении бюджетных прав ее¹⁰⁾. Партия кадетов за подписью 40 членов Думы внесла проект такого расширения. Представители всех партий высказались по этому поводу. От имени правительства две длинные речи держал министр финансов. Высказался и представитель соц.-дем. рабочей партии. И прения закончились единогласным («Стол. Почта» от 18 января говорит так) принятием предложения октябристов:

передать законопроект о расширении бюджетных прав Гос. Думы в комиссию, «не касаясь объема этого изменения», т.-е. изменения правил 8 марта, особенно стесняющих бюджетные права Гос. Думы.

Каким образом могло получиться такое странное явление? Каким образом в III-й Думе, в Думе черносотенных зубров, е д и н о г л а с н о прошло предложение октябристов, соответствующее по существу дела желанию правительства и сделанное п о с л е первой речи министра финансов, который намстил как раз такой исход дела. По существу, проект к.-д. неприемлем; в частности — отчего же не изменить закона. Так заявил министр черносотенцев. Согласно этому заявлению редактировали свое предложение октябристы, подчеркнув, что не касаются объема изменений закона.

Что октябристы сошлись с черносотенным министром, это неудивительно. Что кадеты сняли свою редакцию (в которой ни слова не было, конечно, о том, что они не касаются объема изменений, ими же самими указанных!), это также неудивительно для всех, знающих природу партии к.-д. Но чтобы с.-д. могли участвовать в единогласии подобного рода, — это невероятно, нам хочется думать, что «Стол. Почта» сказала неправду, что с.-д. за резолюцию октябристов не голосовали.

Впрочем, тут есть более важный вопрос, чем вопрос о том, голосовали соц.-дем. за октябристов или нет, именно вопрос о б о ш и б к е, несомненно сделанной соц.-дем. депутатом Покровским 2-м. На этой ошибке и на действительном политическом значении прений 12, 15 и 17 января мы и намерены остановить внимание читателей.

Российская Гос. Дума не имеет бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливает «по закону» приведение бюджета в исполнение. Этот закон, изданный контр-революционным правительством после поражения декабрьского восстания (20 февраля 1906 г., пресловутые «основные законы» ¹¹⁾, есть издевательство над народным представительством со стороны черносотенцев, царя и помещиков. А «правила» 8 марта 1906 года еще более подчеркивают это издевательство, создавая кучу мелочных стеснений рассмотрения бюджета в Думе и устанавливая даже (в ст. 9), что «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключены или изменяемы такие расходы и доходы, которые внесены в проект на основании действующих законов, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного

управления последовавших». Разве это не издевательство? Нельзя изменять ничего, соответствующего и законам, и штатам, и расписаниям, и просто высочайшим повелениям! Не смешно ли толковать после этого о бюджетных правах российской Гос. Думы?

Спрашивается теперь, каковы были задачи действительно борющейся за свободу буржуазной демократии перед лицом такого положения вещей? Каковы задачи рабочей партии? — Мы говорим в д а н н о й статье только о задачах парламентской борьбы и парламентских представителей соответственной партии.

Очевидно, что вопрос о бюджетных правах Думы н а д о было поднять в Думе, чтобы вполне выяснить и перед русским народом и перед Европой черносотенное издевательство царизма, чтобы показать все б е с п р а в и е Думы. Непосредственно-практическая цель такого выяснения (не говоря уже об основной задаче в с я к о г о демократа — раскрытия правды перед народом, просвещения его сознания) определялась еще вопросом о займе. Черносотенное правительство царя не могло удержаться после декабря 1905 г., не может держаться и теперь без помощи всемирного капитала международной буржуазии в виде займов. И буржуазия всего мира дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышем, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат.

Таким образом т о л ь к о выяснение всей правды могло быть целью возбуждения вопроса и прений в Думе. Практическое реформаторство н е могло быть в данное время и при данной обстановке целью д е м о к р а т а, ибо, во-1-х, ясна была невозможность реформ на почве данных основных законов о бюджетных правах Думы, во-2-х, нелепо было бы предлагать для Думы черносотенных зубров и московских купцов расширение е е прав, прав такой Думы. Русские кадеты (которых только невежды или простачки могли считать демократами), конечно, не поняли этой задачи. Возбудив вопрос, они поставили его сразу на фальшивую почву ч а с т и ч н о й реформы. Мы не отрицаем, конечно, возможности и необходимости иногда для демократа и для социал-демократа возбуждать вопрос именно о частичной реформе. Но в такой Думе, как III-я, в такой момент, как настоящий, по такому

вопросу, как бюджетные права, изуродованные до смешного не прикосновенными основными законами, это было нелепо. Кадеты могли поднять вопрос в виде частичной реформы — мы готовы сделать даже такую уступку, — но не могли демократы так трактовать этот вопрос, как делали кадеты.

Они напирали на так называемую деловую сторону вопроса, на неудобство правил 8 марта, на невыгодность их даже для правительства, на историю того, как писались разные идиотские законы против Думы в идиотских канцеляриях Булыгина, Витте¹²⁾ и прочей шайки. Всего рельефнее дух кадетской постановки вопроса передан в следующих словах г. Шингарева¹³⁾: «Никаких посягательств (на ограничение прерогатив монарха) в проекте, который мы внесли, нет, никаких задних мыслей (!) в нем нет. В нем есть лишь стремление ради удобства работ Думы, ради ее достоинства, ради необходимости совершить ту работу, к которой мы призваны» (курсив наш; стр. 1263 официальных стенографических отчетов, засед. 15 января 1908 г.).

Подобный субъект вместо просвещения сознания народа затемняет его, ибо говорит явную ложь и бессмыслицу. И хотя бы этот г. Шингарев, со всей своей кадетской братией политиканов, искренно верил в «пользу» своей «дипломатии», мы никоим образом не можем изменить этого неизбежного вывода. Демократ должен раскрывать перед народом пропасть между правами парламента и прерогативами монарха, а не притуплять его сознание, не извращать политической борьбы, сводя ее к канцелярскому исправлению законов. Ставя так вопрос, кадеты показывают этим на деле, что они — конкуренты чиновников царя и октябристов, а не борцы за свободу, хотя бы даже за свободу одной крупной буржуазии. Так говорят только пошло-либеральничающие чиновники, а не представители парламентской оппозиции.

В речи представителя соц.-дем. Покровского 2-го — мы с радостью должны признать это — явно сказывается иной дух, дается иная принципиальная постановка вопроса. Соц.-дем. сказал прямо и ясно, что народное представительство в III-й Думе он признает фальсифицированным (мы цитируем по «Стол. Почте» от 18 января, ибо не имеем еще в своем распоряжении стенографических отчетов этого заседания). Он подчеркивал не мелочи, не канцелярскую историю закона, а ра-

зоренное и угнетенное состояние народных масс, миллионов и десятков миллионов. Он заявил правильно, что «о бюджетных правах Гос. Думы нельзя говорить без иронии», что мы требуем не только права перекраивать весь бюджет (чиновник с доходным местом, Коковцев, всего больше спорил в Думе против чиновников без доходного места, Шингарева и Аджемова по вопросу о допустимости и пределах «перекраивания»), но и «перестраивать всю финансовую систему», «вотировать отказ в бюджете правительству». Он закончил не менее правильным и обязательным для члена рабочей партии требованием «полноты народовластия». Во всех этих отношениях Покровский отстаивал добросовестно и правильно с.-д. точку зрения.

Но сделал при этом печальную ошибку,— судя по газетным известиям, сделала ее вся соц.-дем. фракция,— дав такую директиву своему оратору. Покровский заявил: «Мы поддерживаем предложение 40, как клонящееся к расширению бюджетных прав народного представительства».

К чему было это заявление о поддержке положения, заведомо невыдержанного принципиально, заведомо исполного, заведомо подписанного непринципиальными и неспособными проявить хоть каплю твердости людьми,— предложения, заведомо практически никчемного? Это была не поддержка борющейся буржуазии (формула, которою многие любят оправдывать свою политическую бесхарактерность), а поддержка ш а т к о с т и либерально-октябристской буржуазии. И что это так,— это сейчас же доказали ф а к т ы. Сами кадеты доказали это, с н я в с голосования свое предложение и п р и с о е д и н и в ш и с ь к октябристскому: «передать в комиссию, н е к а с а я с ь объема изменений закона» (!). В сотый и тысячный раз «поддержка» кадетов привела к обману поддерживающих. В сотый и в тысячный раз ф а к т ы вскрыли все убожество, всю недопустимость тактики поддержки либеральных кадетских предложений, п о л и н и и н т. д.*).

*) «Безголовая» газета «Столичная Почта» устами некоего г. Сатурина заявляет: «оппозиция совершенно разумно (!) голосовала за нее» (за октябристскую резолюцию). «Благодаря этому поправка» (т.-е. резолюция, не предпрещающая объема изменений) «и была принята единогласно» (18 января, стр. 4, «Из залы заседаний»). Да здравствует единогласие российских безголовых либералов с октябристами и министрами черносотенного царя!

Если бы кадеты вместо присоединения к октябристам внесли на голосование заявление, в котором ясно и точно говорилось бы о бессилии Думы в финансовых вопросах, о фальсифицированности народного представительства, о разорении страны самодержавием и неминуемом финансовом крахе, об отказе представителей демократии ручаться за займы при таких условиях, — это был бы честный шаг буржуазных демократов, — акт борьбы, а не акт тушумного лакейства. Такой акт мы обязаны были бы поддерживать, не забывая оговорить особо и самостоятельно свои социал-демократические цели. И такой акт принес бы пользу делу просвещения народа и разоблачения самодержавия.

Провал Думой такого заявления, бешеный скандал черной сотни против такого предложения был бы исторической заслугой демократии и вероятным этапом новой борьбы за свободу. А теперь кадеты паки и паки п р о в а л и л и себя. Товарищи соц.-дем. в Думе! Берегите честь социалистической рабочей партии, не давайте проваливать себя поддержкой подобного либерализма!

Один необузданный правый отступил в Думе от тактики октябристов — замазывать разногласия, подманивать кадетов на соглашения. Коваленко, черносотенец, прямо высказался в Гос. Думе 12 января за то, чтобы и в комиссию не вносить проекта к.-д. (стр. 1192 стеногр. протокола). Но голосовал этот герой, видимо, с октябристами: храбр он был только на словах. В своей речи он и р е с о с х о д и о иллюстрировал действительное положение дел, сославшись в доказательство необходимости особых полномочий на такой пример: «Назовем, положим, восстание в Москве, посылку карательных отрядов. Разве было тогда время у правительства соблюдать обычный ход?..» (стр. 1193). Жаль, что соц.-дем. не л о в я т этих искорок правды у черной сотни. Вы правы, коллега депутат, — надо было сказать ему. Тут не до обычного хода. Бросим же лицемерие и признаем, что мы переживаем не «обычный ход», а г р а ж д а н с к у ю в о й н у; что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания. Это будет правда, а правду полезно почаще напоминать народу! ¹⁴).

«Социал-Демократ» ¹⁵) № 1

февраль 1908 г. Перепечатано в газете:

«Пролетарий» № 27 от 26 марта

(8 апреля) 1908 года.

Новая аграрная политика.

В среду 13 февраля состоялся прием Николаем II 307 депутатов III-й Думы. Любезные беседы царя с черносотенцами Бобринским и Челышевым относятся к комической стороне нового лобзания самодержавия с бандой союзников. Гораздо серьезнее заявление Николая, что Дума должна вскоре принять новые земельные законы, и что всякая мысль о принудительном отчуждении должна при этом быть исключена, ибо он, Николай второй, никогда подобного закона не утвердит. «На крестьян,— сообщает корреспондент «Франкфуртской Газеты»,—речь царя произвела угнетающее действие»...

Несомненно, агитационное значение «аграрного заявления» самого царя очень велико, и мы можем только приветствовать талантливого агитатора. Но, кроме агитационного значения, эта грозная выходка против принудительного отчуждения представляет большую важность, как окончательное вступление помещичьей монархии на н о в ы й путь аграрной политики.

Знаменитые внедумские указы по 87-ой статье—9 ноября 1906 г. и следующие за ним—открыли эру этой новой аграрной политики царского правительства. Во II Думе Столыпин подтвердил ее, правые и октябристские депутаты одобрили и ее, кадеты (запуганные собранными в передних камарильи слухами о разгоне Думы) отказались от открытого осуждения ее. Теперь, в III-ей Думе земельная комиссия приняла на-днях основное положение закона 9-го ноября 1906 г. и пошла дальше, признала частной собственностью крестьян их участки во всех общинах, не производивших передела в течение 24 лет. На приеме 13 февраля глава крепостнически-помещичьей России громогласно одобрил эту политику, прикрикнув,—явно для сведения беспартийных крестьян,—что он не утвердит никогда никакого закона о принудительном отчуждении в пользу крестьянства.

Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России,—не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций,—зависят б о л ь ш е в с е г о от успеха или неуспеха этой политики.

В чем сущность поворота? В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, надельного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику о х р а н е н и я старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями. Диалектика истории сделала то, что крестьянство, — которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Д.мы).

Эти радикальные и подкрашенные даже идеями меланхолического социализма требования вызывались вовсе не «социализмом» мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле *).

Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России. Он не может развиваться дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому. Но этот строй может быть сломан по-помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути помещичьему или крестьянскому капитализму. Помещичья ломка старины означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков. Крестьянская ломка — означает конфискацию помещичьего землевладения и предоставление всей земли в распоряжение свободного фермерства из

*) Изложенные здесь взгляды тесно связываются с критикой нашей партийной программы. В № 21 «Пролетария» эта критика была намечена, как частное мнение; в следующих номерах вопрос будет разобран подробно.

крестьян («равное право на землю» господ народников на деле означает право х о з я е в на землю с уничтожением всех средневековых перегородок).

И вот, правительство контр-революции поняло это положение. Столыпин правильно понял дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственное развитие России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы.

Господа либералы и мещанские демократы, — начиная от полуктоябристских «меонов» ¹⁶⁾, продолжая «Русскими Ведомостями» и кончая г. Пешехоновым из «Русского Богатства», — подняли теперь страшный шум по поводу разрушения общины правительством, о б в и н я я это правительство в революционизме! Никогда еще так резко не выступало межуточное положение буржуазного либерализма в русской революции. Нет, господа, хныканьем по поводу разрушения исконных основ не поможешь тут делу. Три года революции выжгли примиренческие и соглашательские иллюзии. Вопрос поставлен ясно. Либо смелый призыв к крестьянской революции, идущей вплоть до республики, и всесторонняя идейная и организационная подготовка т а к о й революции в союзе с пролетариатом. Либо пустое нытье, политическое и идейное бессилие перед столыпинско-помещичьи-октябристским натиском на общину.

Выбирайте, — те, у кого осталась еще капля гражданского мужества и сочувствия к крестьянской массе! Пролетариат сделал уже свой выбор, и теперь тверже, чем когда-нибудь, с.-д. рабочая партия будет разъяснять, пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как е д и н с т в е н н о г о возможного средства помешать столыпинскому методу «обновления» России.

Мы не скажем, что этот метод невозможен — он испытан был в Европе не раз в меньших размерах, — но мы разъясним народу, что он осуществим лишь путем безграничных насилий меньшинства над большинством в течение десятилетий и путем массового истребления передового крестьянства. Мы не станем сосредоточивать своих забот на штопании революционных столыпинских проектов, на попытках поправить их, ослабить их действие и т. п. Мы ответим усилением нашей агитации в народных

массах, особенно в тех слоях пролетариата, которые связаны с крестьянством. Крестьянские депутаты — даже просеянные через ряд полицейских сит, даже выбранные помещиками, даже запуганные зубрами в Думе — обнаружили совсем недавно свои истинные стремления. Группа беспартийных и частью правых крестьян высказалась, как известно из газет, за принудительное отчуждение земли и за выборные в с е м н а с е л е н и е м местные земельные учреждения! Недаром один кадет в земельной комиссии сказал, что правый крестьянин левее кадетов. Да, в аграрном вопросе «правые» крестьяне во всех 3-х Думах стоят левее кадетов, доказывая этим, что монархизм мужика есть отмирающая наивность, — в отличие от монархизма либеральных дельцов, которые монархисты по классовому расчету.

Царь крепостников крикнул беспартийным крестьянам, что он не допустит принудительного отчуждения. Пусть рабочий класс крикнет в ответ на это миллионам «беспартийных» крестьян, что он зовет их на массовую борьбу за низвержение царизма и за конфискацию помещичьей земли.

«Пролетарий» № 22

от 19 февраля (4 марта) 1908 г.

Нейтральность профессиональных союзов.

В предыдущем номере «Пролетария» мы напечатали резолюцию Ц. К. нашей партии о проф. союзах. «Наш Век», сообщая читателям об этой резолюции, добавил, что она была принята в Ц. К. единогласно, ибо меньшевики голосовали за нее ввиду сделанных в ней уступок по сравнению с первоначальным большевистским проектом. Если это сообщение верно (покойная газета «Наш Век» отличалась обыкновенно исключительно хорошей осведомленностью во всем, что касается меньшевизма), то нам остается только от всей души приветствовать крупный шаг к объединению с.-д. работы в такой важной области, как профессиональные союзы. Те уступки, о которых говорил «Наш Век», совершенно незначительны и нисколько не изменяют основных принципов большевистского проекта (напечатанного, кстати сказать, в № 17 «Пролетария» от 20 октября 1907 года вместе с обширной мотивировочной статьей: «Профессиональные союзы и с.-д. партия»).

Вся наша партия признала теперь, следовательно, что работу в профессиональных союзах надо вести не в духе нейтральности союзов, а в духе возможно более тесного сближения их с социал-демократической партией. Признано и то, что партийность союзов должна быть достигаема исключительно работой с.-д. внутри союзов, что с.-д. должны образовывать сплоченные ячейки в союзах, что следует основывать нелегальные союзы, раз невозможны легальные.

Несомненно, что на это сближение обеих фракций нашей партии по вопросу о характере работы в профессиональных союзах сильнейшим образом повлиял Штуттгарт. Резолюция Штуттгартского конгресса ¹⁷⁾, как отметил Каутский в своем докладе перед лейпцигскими рабочими, кладет конец принципиальному признанию нейтральности. Высокая степень развития классовых противоречий, обострение их в последнее время во всех странах, многолетний опыт Германии, — где политика нейтральности усилила оппортунизм в профессиональных союзах, несколько не помешав возникновению особых христианских и либеральных союзов, — расширение той особой области пролетарской борьбы, которая требует совместного и единодушного действия и союзов и политической партии (массовая стачка и вооруженное восстание в русской революции, как прообраз вероятных форм пролетарской революции на Западе), — все это отняло окончательно почву у теории нейтральности.

Среди пролетарских партий вопрос о нейтральности не обещает вызывать теперь особенно больших споров. Иное дело — непролетарские quasi-социалистические партии вроде наших социалистов-революционеров, на деле представляющих из себя крайнее левое крыло революционно-буржуазной партии интеллигентов и передовых крестьян.

В высшей степени характерно, что с защитой и де и нейтральности после Штуттгарта у нас выступили только социалисты-революционеры и Плеханов. И выступили очень неудачно.

В последнем номере центрального органа партии соц.-рев. «Знамя Труда» (№ 8, декабрь 1907) находим две статьи, посвященные вопросу о профессиональном движении. С.-р. пробуют там прежде всего посмеяться над заявлением с.-д. газеты «Вперед», что штуттгартская резолюция решила вопрос об отношении партии к профессиональным союзам именно в том смысле, как это наметила и лондонская в духе большевизма ¹⁸⁾. Мы скажем на это,

что сами с.-р. в том же самом номере «Знамени Труда» привели ф а к т ы, доказывающие неоспоримо правильность именно такой оценки.

«К этому же времени, — пишет «Знамя Труда» про осень 1905-го года, — и это характерный факт — относится первая встреча лицом к лицу трех русских социалистических фракций: с.-д. меньшевиков, с.-д. большевиков и с.-р-ов, с изложением своих взглядов на профессиональное движение. Московское Бюро, которому поручено было выделить из своей среды и центральное бюро для созыва съезда (профессиональных союзов), организовало большой митинг входящих в профессиональные союзы рабочих в театре Олимпия *). Меньшевики выступили с классическим-марксистским, строго-ортодоксальным разграничением целей партии и профессионального союза. «Задача с.-д. партии — установление социалистического строя с уничтожением капиталистических отношений; задача профессиональных союзов — улучшение условий труда в пределах капиталистического строя, чтобы добиться выгодных для интересов труда условий продажи рабочих рук»; отсюда выводилась непартийность профессиональных союзов и охват ими «всех рабочих данной профессии» **).

Большевики доказывали, что в настоящее время разделение политики от профессии не может быть проведено строго, и отсюда приходили к выводу, что «должно быть тесное единение между соц.-дем. партией и профессиональными союзами, которыми она должна руководить». Наконец, с.-р-ы требовали строгой беспартийности союзов во избежание раскола в пролетариате, но отвергли всякое ограничение задач и деятельности профессиональных союзов какой-либо узкой сферой, формулируя эту задачу, как борьбу с капиталом во всем ее объеме, следовательно, равно как экономическую, так и политическую борьбу».

Так описывает ф а к т ы само «Знамя Труда»! И только слепой или совсем неспособный думать человек может отрицать, что из

*) На митинге было около полуторы тысячи человек. Отчет см. в «Бюллетене Музея Содействия Труду» № 2 от 26 ноября 1905 г. (цитата «Знамени Труда»).

**) Надо сказать, однако, что эту «непартийность» г.г. меньшевики понимали довольно своеобразно: так, их докладчик иллюстрировал свои положения след. образом: «Правильное решение вопроса о партийности состоялось в московском типографском союзе, который предлагает товарищам, как отдельным лицам, вступать в ряды с.-д. партии» (Примечание «Знамени Труда»).

этих трех точек зрения именно та, которая говорит о тесном единении между соц.-дем. партией и союзами», подтверждена Штуттгартской резолюцией, рекомендующей тесную связь между партией и проф. союзами» *).

Чтобы запутать этот до-нельзя ясный вопрос, с.-р-ы смешали самым забавным образом самостоятельность профессиональных союзов в экономической борьбе с беспартийностью их. «Штуттгартский съезд, — пишут они, — определенно стал и за самостоятельность (беспартийность) союзов, т.-е. отверг точку зрения и большевиков, и меньшевиков». Это выводится из следующих слов Штуттгартской резолюции: «У каждой из этих двух организаций (партии и профсоюза) есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но на-ряду с этим существует все расширяющаяся область» и т. д., как цитировано выше. Нашлись же такие шутники, которые это требование «самостоятельности» профсоюзов в «соответствующей их природе области» с м е ш а л и с вопросом о беспартийности союзов или о тесном сближении их с партией в области политики и задач социалистической революции!

Таким-то образом наши с.-р-ы совершенно замяли основной принципиальный вопрос об оценке теории «нейтральности», которая на деле служит укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Вместо этого принципиального вопроса, они предпочли говорить только о русских специальных отношениях, когда есть на-лицо несколько социалистических партий, и притом говорить с л о ж н ы м освещением того, что было в Штуттгарте. «Ссылаться здесь на туманность Штуттгартской резолюции не приходится, — пишет «Знамя Труда», — ибо всякую туманность и всякое сомнение разрушил г. Плеханов, выступивши на международном съезде в качестве официального представителя партии, и пока мы еще не имеем соответствующего заявления центрального с.-д. комитета, что «такое выступление тов. Плеханова дезорганизует ряды единой партии»...».

Г.г. с.-р-ы! Вы, конечно, вправе иронизировать над тем, что наш Ц. К. призвал к порядку Плеханова. Вы вправе думать, что можно уважать, к примеру скажем, партию, н е о с у ж д а ю щ у ю официально кадетолюбие г-на Гершуни¹⁹⁾. Но зачем

*) Меньшевики излагали в ноябре 1905 г. не ортодоксальные, а в у л г а р н ы е взгляды на нейтральность, пусть запомнит это г.г. эс-эры!

же говорить прямую неправду? Плеханов не был на Штуттгартском конгрессе представителем с.-д. партии, а был лишь одним из 33 делегатов ее. И представлял он взгляды не партии с.-д., а теперешней меньшевистской оппозиции по отношению к партии с.-д. и к ее лондонским решениям. С.-р-ы не могут не знать этого и говорят они, значит, заведомую неправду.

«...В комиссии, рассматривавшей вопрос о взаимоотношениях профессиональных союзов и политической партии он (Плеханов) сказал буквально следующее: «В России 11 революционных организаций, с какой же из них должны профессиональные союзы вступить в связь?.. Внесение в профессиональные союзы политических разногласий было бы в России вредным». На это все члены комиссии единогласно заявили, что так и нельзя понимать резолюцию Конгресса, что они «отнюдь не вменяют профессиональным союзам и их членам в обязанность состоять членами с.-д. партии», т.-е. они, как и указано в резолюции, требуют «совершенной самостоятельности» их» (курсив «Знамени Труда»).

Путаете вы, господа из «Знамени Труда»! В комиссии один бельгийский товарищ спросил, можно ли обязывать членов проф. союзов вступать в с.-д. партию, и ему все ответили, что нельзя. А, с другой стороны, Плеханов внес в резолюцию поправку: «при чем не следует упускать из виду единство профессиональной организации», и эта поправка была принята, но не единогласно (тов. Воинов ²⁰), представлявший взгляды Р. С.-Д. Р. П., голосовал за поправку и голосовал, по нашему мнению, правильно). Вот как было дело.

Социал-демократы никогда не должны упускать из виду единства профессиональной организации. Это совершенно справедливо. Но это относится и к с.-р-ам, которых мы приглашаем подумать об этом «единстве профессиональной организации», когда она провозгласит свою тесную связь с с.-д.! О том, чтобы «вменять в обязанность» членам союзов входить в партию с.-д., никто никогда и не думал: это с.-р-ам от страха померещилось. Но чтобы Штуттгартский съезд запретил проф. союзам объявлять о своей тесной связи с соц.-дем. партией или проводить на деле, в жизни, такую связь,—это сказки.

«Русские с.-д.,—пишет «Знамя Труда»,—ведут самую неуклюжую и энергичную кампанию для завоевания проф. союзов и подчинению их своему партийному руководству. Большевики это

делают прямо и открыто... меньшевики избрали более окольный путь»... Правильно, г.г. с.-р-ы! Во имя авторитета рабочего Интернационала вы вправе требовать от нас, чтобы мы вели эту кампанию тактично, выдержанно, «не упуская из виду единства профессиональных организаций». Мы со всей охотой признаем это и требуем от вас признания того же, но от кампании мы не откажемся!

Но ведь Плеханов сказал, что вредно вносить в союзы политические разногласия... Да, Плеханов сказал эту глупость, и г.г. с.-р-ы, естественно, должны были уцепиться за нее, как всегда цепляются они за все, наименее заслуживающее подражания. Но руководством должны служить не слова Плеханова, а резолюция Конгресса, применение которой не в о з м о ж н о без «внесения политических разногласий». Вот вам маленький пример. Резолюция Конгресса говорит, что профессиональные союзы не должны руководиться «теорией гармонии интересов между трудом и капиталом». Мы, с.-д., утверждаем, что аграрная программа, требующая в буржуазном обществе уравнительности распределения земли, построена на теории гармонии интересов труда и капитала *). Мы всегда выскажемся против того, чтобы из-за такого разногласия (или даже из-за разногласия с рабочими-монархистами) раскалывать единство стачки и т. п., но мы всегда будем «вносить это разногласие» в рабочую среду вообще, во все рабочие союзы в частности.

Так же неумна ссылка Плеханова на 11 партий. Во-первых, не в одной России есть разные социалистические партии. Во-вторых, в России только две сколько-нибудь серьезно конкурирующие социалистические партии, с.-д. и с.-р., ибо национальные партии валить в общую кучу—совсем целено. В-третьих, вопрос об объединении действительно социалистических партий—совсем особый вопрос; примешивая его, Плеханов запутывает дело. Мы должны всегда и всюду отстаивать сближение союзов с социалистической партией рабочего класса, а какая партия в той или иной стране, среди той или иной национальности является действительно социалистической и действительно партией рабочего класса—это вопрос особый, и решают его не резолюции международных съездов, а ход борьбы между национальными партиями.

*) Теперь даже некоторые с.-р-ы сознали это, и сделали таким образом решительный шаг к марксизму. См. очень интересную новую книгу г.г. Фирсова и Якобия, о которой мы вскоре подробно побеседуем с читателями «Пролетария»,

До какой степени ошибочны в этом вопросе рассуждения тов. Плеханова, это особенно наглядно показывает его статья в № 12 «Современного Мира» за 1907 год. На стр. 55-ой Плеханов приводит указание Луначарского на то, что нейтральность союзов отстаивается немецкими ревизионистами. Плеханов отвечает на это указание: «Ревизионисты говорят: союзы должны быть нейтральными, а разумеют под этим: союзы надо использовать для борьбы с ортодоксальным марксизмом». И Плеханов заключает: «Устранение нейтральности профессиональных союзов ничему тут не поможет. Если мы поставим союзы даже в тесную формальную зависимость от партии, а в партии восторжествует «идеология» ревизионистов, то устранение нейтральности союзов будет лишь новой победой «критиков Маркса».

Это рассуждение представляет из себя образчик столь обычного у Плеханова приема увернуться от вопроса и замять существо спора. Если в партии действительно восторжествует идеология ревизионистов, то это не будет социалистическая партия рабочего класса. Речь идет вовсе не о том, как складывается такая партия, какая борьба и какие расколы при этом бывают. Речь идет о том, что в каждой капиталистической стране существует социалистическая партия и союзы, и наше дело определить основные отношения между ними. Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений. Ревизионисты внутри с.-д. партий всегда проложат себе дорогу так или иначе в капиталистическом обществе.

Конечно, в начале политического и профессионального рабочего движения в Европе можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы. В настоящее время с точки зрения международной социал-демократии отстаивать нейтральность союзов совсем уже неуместно. Можно только улыбнуться, читая уверения Плеханова, что «Маркс и теперь стоял бы в Германии за нейтральность союзов», особенно когда такой аргумент строится на одностороннем толковании одной «цитаты» из Маркса, при игнорировании всей совокупности заявлений Маркса и всего духа его учения.

«Я стсю за нейтральность, понимаемую в Бебелевском ²¹⁾, а не в ревизионистском смысле»,—пишет Плеханов. Говорить так—значит креститься Бебелем и при этом все же лезть в болото. Слов нет, Бебель такой крупный авторитет в международном движении пролетариата, такой опытный практический вождь, такой чуткий к запросам революционной борьбы социалист, что он в девяти случаях из ста вылезал сам из болота, когда ему случалось оступаться, и вытаскивал тех, кто хотел итти за ним. Бебель ошибался и тогда, когда в Бреславле (в 1895 г.) отстаивал вместе с Фольмаром аграрную программу ревизионистов, и тогда, когда настаивал (в Эссене) на принципиальном развитии оборонительной и наступательной войны, и тогда, когда готов был возвести в принцип «нейтральность» союзов. Мы охотно верим, что если Плеханов будет залезать в болото только вместе с Бебелем, то это будет случаться с ним не часто и не надолго. Но мы все же думаем, что подражать Бебелю следует не тогда, когда Бебель ошибается.

Говорят—и Плеханов особенно напирает на это,—что нейтральность нужна для объединения всех рабочих, приходящих к мысли о необходимости улучшить свое материальное положение. Но говорящие это забывают, что современная ступень развития классовых противоречий неизбежно и неминуемо вносит «политические разногласия» даже в вопрос о том, каким образом следует добиваться этого улучшения в пределах современного общества. Теория нейтральности союзов в отличие от теории о необходимости тесной связи их с революционной социал-демократией ведет неминуемо к предпочтению таких средств этого улучшения, которые означают притупление классовой борьбы пролетариата. Наглядный пример тому (связанный кстати с оценкой одного из интереснейших эпизодов новейшего рабочего движения) дает нам т а с а м а я книжка «Современного Мира», в которой Плеханов защищает нейтральность. Рядом с Плехановым мы видим здесь г-на Э. П. ²²⁾, восхваляющего известного вождя английских железнодорожных рабочих Ричарда Белла, который покончил компромиссом конфликт рабочих с директорами компаний. Белл объявляется «душой всего железнодорожного рабочего движения». «Нет никакого сомнения,—пишет г. Э. П.,—что благодаря своей спокойной, обдуманной и выдержанной тактике Белл завоевал безусловное доверие ассоциации железнодорожных служащих, члены которой готовы, без колебания, всюду после-

довать за ним» (75 стр. № 12 «Современного Мира»). Такая точка зрения не случайна, а по существу дела связана с нейтрализмом, который на первый план выдвигает объединение рабочих для улучшения их положения, а не объединение для борьбы, способной принести пользу делу освобождения пролетариата.

Но эта точка зрения совсем не соответствует взглядам английских социалистов, которые, наверное, очень удивились бы, узнав, что хвалители Белла пишут, не встречая возражений, в одном журнале с видными меньшевиками вроде Плеханова, Иорданского и К-о.

Английская соц.-дем. газета «Justice» в передовице 16-го ноября писала по поводу соглашения Белла с железнодорожными компаниями: «Мы вполне согласны с почти всеобщим трэд-юнионистским осуждением этого так называемого мирного договора»... «он совершенно разрушает самый смысл существования трэд-юниона»... «Это нелепое соглашение... не может связывать рабочих, и они хорошо сделают, если отвергнут его». А в следующем номере, от 23 ноября, Бернет писал об этом соглашении в статье, озаглавленной: «Опять продали!» «Три недели тому назад Соединенное общество железнодорожных служащих было одним из самых могущественных трэд-юнионов в Англии; теперь оно сведено на уровень общества взаимопомощи». «И перемена эта произошла не потому, что железнодорожники боролись и потерпели поражение, а потому, что их вожди умышленно или по туfoумию своему продали их капиталистам до борьбы». И редакция газеты добавляет, что аналогичное письмо прислал ей один «наемный раб железнодорожной компании Мидланд».

Но, может быть, это «увлечение» «слишком революционных» эс-деков? Нет. Орган умеренной партии, «независимой рабочей партии» (J. L. P.), которая не хочет даже назвать себя социалистической, «Labour Leader» от 15 ноября поместил письмо железнодорожника трэд-юниониста, заявляющего в ответ на похвалы, расточаемые всей капиталистической прессой (начиная от радикальной «Reynolds Newspaper» и кончая консервативной «Times») Беллу, что проведенное им соглашение есть «самое презренное, какое только было в истории трэд-юнионизма», и называющего Ричарда Белла «маршальом Базэном трэд-юнионистского движения». Рядом другой железнодорожник требует «призвать к ответу Белла» за это злосчастное соглашение, «осудившее рабочих на семилетнюю каторгу». И редакция умеренного органа в передовице того же номера называет

соглашение «Седаном»²³) британского трэд-юнионистского движения». «Никогда не было такого удобного случая, чтобы показать в национальном масштабе силу организованного труда»,—среди рабочих царил «невидалный энтузиазм» и желание борьбы. Статья заканчивается едким сопоставлением рабочей нужды и торжества «господина Ллойд-Джорджа»²⁴) (министр, сыгравший роль лакея капиталистов) и господина Белла, готовящих банкету».

Только самые крайние оппортунисты, фабианцы²⁵), что интеллигентская организация, одобрили это соглашение, вызвав краску стыда даже в сочувствующем фабианцам журнале этим «The New Age», который вынужден был признать, что если буржуазно-консервативная «Times» целиком перепечатала соответственное заявление Ц. К. фабианцев, то зато, кроме этих господ, «ни одна социалистическая организация, ни один трэд-юнион, ни один выдающийся вожак рабочих» (стр. 101, номер от 7 декабря) не высказался за соглашение.

Вот вам образчик применения нейтральности плехановским сотрудником, г-ном Э. П. Вопрос касался не «политических разногласий», а улучшения положения рабочих в данном обществе. За «улучшение» ценой отказа от борьбы и сдачи на милость капиталу высказались вся буржуазия Англии, фабианцы и г. Э. П., за коллективную борьбу рабочих—все социалисты и трэд-юнионисты рабочие. И Плеханов будет продолжать теперь проповедывать «нейтральность», а не тесное сближение союзов с социалистической партией?

«Пролетарий» № 22

от 19 февраля (4 марта) 1908 г.

*Перепечатано с некот. сокращениями
в легальном большевистском сборнике.*

«О великих времени».

О происшествии с королем португальским.

Буржуазная пресса, даже самого либерального и «демократического» направления, не может обойтись без черносотенной морали, обсуждая умерщвление португальского авантюриста.

Вот, например, специальный корреспондент одной из самых лучших буржуазно-демократических газет Европы, «Франкфуртской Газеты». Он начинает свой рассказ с полупутливого сообщения о том, как стая корреспондентов броси-

лась—точно на добычу—в Лиссабон тотчас после получения сенсационного известия. Я оказался,—пишет сей господин,—в одном спальном отделении с одним известным лондонским журналистом, который стал хвастаться своей опытностью. По такому же поводу он, видите ли, ездил уже в Белград ²⁶⁾ и может считать себя «специальным корреспондентом на случай царевубийств».

...Да, приключение с королем португальским является поистине «профессиональным несчастным случаем» королей.

Неудивительно, что могут явиться профессиональные корреспонденты, описывающие профессиональные «неудачи» их величеств...

Но, как ни силен у подобных корреспондентов элемент дешевой и вульгарной сенсации, а правда все же иногда пробивает себе дорогу. «Один купец, живущий в самом оживленном торговом квартале», рассказал корреспонденту «Франкфуртской Газеты» следующее: «Тотчас, как я узнал о событии, я вывесил траурный флаг. Очень скоро, однако, ко мне стали приходить покупатели и знакомые, спрашивая, не сошел ли я с ума, не задался ли я целью испортить свои дружеские связи. Я спросил их, неужели никто не испытывает чувства сострадания. Вы не поверите, м. г., какие ответы получил я на это! И вот я убрал прочь траурный флаг».

Приводя этот рассказ, либеральный корреспондент рассуждает:

«Народ, по природе своей столь добродушный и любезный, как португальский, прошел, видимо, дурную школу, прежде чем он научился ненавидеть так безжалостно, даже в могиле. И если это правда,—а это, несомненно, правда и, умолчав о ней, я бы извратил историческую истину,—если не только подобные немые демонстрации изрекают свой суд над коронованной жертвой, если на каждом шагу вы можете слышать, и притом от «людей порядка», бранные слова по адресу убитого, то естественным является стремление изучить то редкое сцепление обстоятельств, которое до такой степени делает ненормальной психологию народа. Ибо народ, который не признает за смертью даже старого священного права искупать все земные прегрешения, такой народ либо должен быть уже морально выродившимся,—либо должны быть условия, порождающие необъятное чувство ненависти, которое затемняет ясный взгляд справедливой оценки».

О, г.г. либеральные лицемеры! Отчего это не провозглашаете вы моральными вырожденками тех французских ученых и писателей, которые до сих пор ненавидят и бешено бранят не только деяте-

лей Коммуны 1871 года, но даже деятелей 1793 года ²⁷)? не только борцов пролетарской революции, но даже борцов буржуазной революции? Оттого, что «нормальным» и «моральным» для «демократических» лакеев современной буржуазии является «добродушное» перенесение народом каких-угодно бесчинств, гнусностей и зверств со стороны коронованных авантюристов.

Иначе,—продолжает корреспондент (т.-е. иначе как посредством исключительных условий) «нельзя было бы понять такого явления, что уже сегодня одна монархическая газета говорит чуть не с большим чувством печали о невинных жертвах из народа, чем о короле, и мы видим уже теперь с полной ясностью, как начинают образовываться легенды, которые окружают ореолом славы убийц. В то время, как при всех почти покушениях политические партии торопятся отряхнуть от себя убийц,—португальские республиканцы прямо гордятся тем, что из их рядов вышли «мученики и герои 1-го февраля»...

Буржуазный демократ переусердствовал до того, что готов объявить «революционной легендой»—уважение португальских граждан к людям, которые пожертвовали собой для устранения издевавшегося над конституцией короля!

Корреспондент другой буржуазной газеты Миланской «*Corriere della sera*» рассказывает о свирепстве португальской цензуры после цареубийства. Телеграмм не пропускают. Министры и короли не отличаются «добродушием», которое так нравится честным буржуа у народных масс! Коль война—так по-военному, справедливо рассуждают португальские авантюристы, занявшие место убитого короля. Трудности сообщения сказываются не меньше, чем на войне. Приходится посылать сообщения обходным путем, сначала почтой на Париж (может быть, на какой-нибудь частный адрес) и уже оттуда передавать в Милан. «Даже в России,—пишет корреспондент 7 февраля,—во время самых горячих революционных периодов цензура никогда так не свирепствовала, как теперь в Португалии».

«Некоторые республиканские газеты,—сообщает этот корреспондент от 9 февраля н. ст.,—пишут сегодня (в день похорон короля) таким языком, который я абсолютно не решаюсь повторить в телеграмме». В сообщении от 8-го февраля, появившемся позже, чем предыдущее по месту назначения, приводится отзыв газеты «*Pais*» о процедуре похорон:

«Пронесят тленные останки двух монархов—ненужный прах разваливающейся монархии, которая держалась изменой и привилегиями,—которая своими преступлениями запятнала два столетия нашей истории».

«Конечно, это газета республиканская,—прибавляет корреспондент,—но разве не красноречиво появление статьи с такими фразами в день похорон короля?»

Мы, с своей стороны, добавим только, что можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т.-е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская Революция. Возможно, что республиканское движение в Португалии поднимется еще выше. Сочувствие социалистического пролетариата всегда будет на стороне республиканцев против монархии. Но до сих пор в Португалии удалось только **напугать** монархию убийством двух монархов, а не **уничтожить** монархию.

Социалисты во всех европейских парламентах выразили, кто как умел и кто как мог, свое сочувствие португальскому народу и португальским республиканцам, свое отвращение к правящим классам, представители которых осуждали убийство авантюриста и выражали сочувствие его преемникам. Одни социалисты прямо заявили в парламентах свои взгляды, другие—вышли из залы во время заявлений симпатии к «пострадавшей» монархии. Вандервельде ²⁸⁾ в бельгийском парламенте выбрал «средний»—самый плохой—путь, вымучив из себя фразу, что он чтит «всех мертвых», т.-е. значит и короля, и убийц его. Надеемся, что Вандервельде останется одинок среди социалистов всего мира.

Республиканская традиция сильно ослабела у социалистов Европы. Это понятно и отчасти может быть оправдано,—именно постольку, поскольку близость **с о ц и а л и с т и ч е с к о й** революции отнимает практическое значение у борьбы за **б у р ж у а з н у ю** республику. Но не редко ослабление республиканской пропаганды означает не живость стремления к полной победе пролетариата, а слабость сознания революционных задач пролетариата вообще. Недаром Энгельс в 1891 году, критикуя

проект Эрфуртской программы, со всей энергией указывал немецким рабочим на значение борьбы за республику, на возможность того, что и в Германии такая борьба станет очередью дня.

У нас в России борьба за республику имеет непосредственное практическое значение. Только самые жалкие мещанские оппортунисты вроде эн-эсов или «с.-д-ка» Малишевского ²⁹⁾ (см. о нем «Пролетарий» № 19) могли сделать из опыта русской революции вывод о том, что борьба за республику отодвигается в России на второй план. Напротив, именно опыт нашей революции доказал, что борьба за уничтожение монархии неразрывно связана в России с борьбой за землю для крестьян, за свободу для всего народа. Именно опыт нашей контр-революции доказал, что борьба за свободу, не задевающая монархию, это—не борьба, а мещанская трусость и дряблость или прямой обман народа карьеристами буржуазного парламентаризма.

«Пролетарий» № 22

от 19 февраля (4 марта) 1908 г.

Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация.

«Большой парламентский день» в Думе 27 февраля вызывает трогательно-единодушную оценку наших буржуазных партий. Все довольны, все радуются и умиляются, от черносотенцев и «Нового Времени» до кадетов и «Столичной Почты», которая «перед смертью» успела еще написать (номер от 28 февраля):

«Общее впечатление (от думского заседания 27 февраля) весьма хорошее»... «Впервые в русской общественно-государственной жизни правительство открыто ознакомляет страну со своими взглядами по вопросам внешней политики»...

Мы тоже готовы признать, что большой парламентский день если не «впервые», то особенно наглядно обнаружил глубокое единство черносотенцев, правительства, либералов и «демократов» типа «Столичной Почты», единство по коренным вопросам «общественно-государственной жизни». И поэтому внимательное ознакомление с позицией, занятой в этот день и по поводу этого дня всеми партиями, кажется нам безусловно необходимым.

Лидер правительственной партии октябристов г. Гучков³⁰⁾. Он обращается «с просьбой к представителям правительства» разъяснить истинное положение дел на Дальнем Востоке. Он разъясняет с высоты думской трибуны важность экономии в расходах,—ну, например, вместо 60.000 руб. в год послу в Токио—50.000 рублей. Мы реформируем, не шутите! Он говорит, что «в прессе нашли себе место» тревожные вести о дальне-восточной политике, о грозящей войне с Японией. Разумеется, о том, что пресса российская обуздана намордником, вождь капиталистов не говорит: к чему это? В программе свобода печати может стоять. Это необходимо для «европейской» партии. Но чтобы на деле бороться против зажимания рта прессе, чтобы открыто разоблачать заведомую продажность влиятельных российских органов прессы,—этого смешно ждать от г. Гучкова, как и от г. Милюкова. Зато о связи внутренней и внешней политики г. Гучков сказал правду, то-есть выболтал истинную подкладку того комедийного действия, которым занималась Дума 27 февраля.

«То обстоятельство,—возглашал он, что мы быстро идем по пути к успокоению и умиротворению, должно указать нашим противникам, что попытка отстоять свои интересы (Россией) на этот раз будет безусловно успешной». Черносотенцы и октябристы аплодируют. Еще бы! Ведь они-то прекрасно понимали с самого начала, что г в о з д ь обсуждаемого вопроса и всего торжественного выступления правительства в лице г. Извольского³¹⁾ состоит в провозглашении контр-революционной политики наших Муравьевых-вешателей³²⁾ делом умиротворения и успокоения. Надо показать Европе и всему миру, что перед «внешним врагом» стоит «единая Россия», умиротворяющая и успокаивающая горстку бунтовщиков (всего там каких-нибудь сотню миллионов крестьян и рабочих!) для обеспечения успеха «попыткам отстоять свои интересы».

Да, г. Гучков сумел сказать то, что ему требовалось, что требовалось объединенным помещикам и капиталистам.

Профессор Капустин, «левый» октябрист, надежда кадетов, упование сторонников мира общества с властью, поспешил по стопам Гучкова, сдабривая его политику отвратительно-елейным либеральным лицемерием. «Дай бог, чтобы распространилась слава (про Думу),—что мы бережем народные деньги». Пятьдесят тысяч в год послу—разве это не сбережение целых десяти тысяч? Разве это не «прекрасный пример», который будут показывать

высшие наши сановники, сознавая важный и тяжелый момент, переживаемый Россией)... «Нам предстоят коренные реформы в различнейших областях жизни страны и на это необходимы широкие средства».

...Далеко Иудушке Головлеву³³⁾ до этого парламентария! Профессор на думской трибуне, восторгающийся прекрасным примером высших сановников... Но что же говорить об октябристе, когда либералы и буржуазные демократы не далеко ушли от этого низкопоклонничества.

Перейдем к речи министра иностранных дел г. Извольского. Ему только и нужно было, конечно, получить зацепку в духе той, которую поднес на блюде Капустин. И министр распространился о необходимости уменьшить расходы,—или пересмотреть штаты, чтобы помочь «неимеющим своих средств» послам. Извольский подчеркивает, что говорит с разрешения Николая Второго и воспекает «силу, разум и патриотизм русского народа», который приложит все свои силы, и материальные и духовные, к упрочению за Россией ее теперешних азиатских владений и к всестороннему их развитию.

Министр сказал, что ему поручила сказать камарилья⁴³⁾. Слово за лидером оппозиции, г. Милюковым. И он заявляет сразу же: «Партия народной свободы, в лице присутствующей здесь фракции, с глубоким удовлетворением выслушала слова министра иностранных дел и считает долгом приветствовать его первое выступление перед представительством страны с разъяснением вопросов, касающихся русской внешней политики. Несомненно, что в настоящий момент... русскому правительству нужно... в своих видах опираться на русское общественное мнение».

Действительно, это совершенно несомненно. В своих видах правительству контр-революции необходимо опереться на то, что можно было бы за границей принять (или выдать) за русское общественное мнение. Это необходимо в особенности для получения займа, без которого грозит банкротство и крах всей столыпинской политике царизма, рассчитанной на долгие годы систематических и массовых насильственных мер против народа.

Г. Милюков вплотную подошел к настоящему значению торжественного выхода г.г. Извольского, Гучкова и К-о. Выход этот был заказан черносотенной шайкой Николая Второго. Каждая

мелочь этой полицейски-патриотической демонстрации была наперед обдумана. Думские марионетки разыгрывали комедию под дудку самодержавной камарилы: без поддержки западно-европейской буржуазии Николаю Второму не удержаться. Надо заставить в с ю буржуазию всероссийскую, и правую и левую, торжественно выразить свое доверие правительству, его «мирной политике», его прочности, его намерениям и способностям умиротворить и успокоить». «Это нужно было как бланковая надпись на векселе. Для этого пустили в ход наиболее «любезного» кадетам г-на Извольского, для этого заказали все это беспардонное лицемерие о бережении народных денег, о реформах, об «открытом» выступлении правительства с «разъяснением» внешней политики, хотя всем и каждому ясно, что разъяснить ровно ничего не хотели и не разъяснили.

И либеральная оппозиция послушно выполнила роль марионетки в руках черносотенно-полицейской монархии! В то время, как решительное заявление правды со стороны думского буржуазного меньшинства сыграло бы, несомненно, крупную роль и помешало (или затруднило) правительству занять миллиарды на новые карательные экспедиции, виселицы, тюрьмы и усиленные охраны,—партия кадетов «припала к стопам» обожаемого монарха и старалась выслужиться. Г. Милюков выслуживался, доказывая свой патриотизм. Он корчил из себя знатока высшей политики, на том основании, что собрал в каких-нибудь передних сведения об Извольском, как либерале. Г. Милюков сознательно подписывал вексель, торжественно «приветствуя» царского министра от имени всей партии к.-д. и прекрасно зная, что на другой день все европейские газеты скажут, как по команде: Дума единогласно (кроме социал-демократов) выразила доверие правительству, одобрила его внешнюю политику...

Русский либерализм за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции—даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма. Специфическое оружие, которым располагает буржуазия в борьбе,—возможность давить на кошель, затруднять получение денег, расстраивать «тонкие» подходы к новым займам,—этим оружием много раз могли воспользоваться кадеты в русской революции. И каждый раз, как весной 1906-го, так и весной 1908 года, они

сами выдавали свое оружие в руки врага, лизали руку погромщиков и клялись в лояльности.

Господин Струве ³⁵⁾ во-время позаботился о том, чтобы под эту практику подвести прочную теоретическую опору. В журнале «Русская Мысль», который на самом деле должен бы называться «Черносотенная Мысль», г. Струве уже проповедует идею «Великой России», идею буржуазного национализма, разносит «враждебность интеллигенции к государству», сражает в тысячу первый раз «российский революционизм», «марксизм», «отщепенство», «классовую борьбу», «банальный радикализм».

Мы можем только радоваться этой идейной эволюции русского либерализма. Ибо на деле этот либерализм у ж е о к а з а л с я в русской революции как раз таким, каким хочет его сделать систематически, целостно, продуманно, «философски» г. Струве. Выработка последовательной контр-революционной и д е о л о г и и есть ключ, когда есть на-лицо уже вполне сложившийся и в важнейшие периоды жизни страны контр-революционно действовавший класс. Соответствующая классовому положению и классовой политике буржуазии идеология поможет всем и каждому изжить остатки веры в «демократизм» кадетов. А эти остатки полезно изжить. Их необходимо изжить для того, чтобы можно было идти вперед в деле действительно массовой борьбы за демократизацию России. Г. Струве хочет откровенно контр-революционного либерализма. Мы тоже хотим его, ибо «откровенность» либерализма лучше всего просветит и демократическое крестьянство, и социалистический пролетариат.

Возвращаясь к думскому заседанию 27 февраля, надо сказать, что единственное честное и гордое слово демократа было сказано с о ц и а л - д е м о к р а т о м. Депутат Чхеидзе ³⁶⁾ вошел на трибуну, заявил, что с.-д. фракция будет голосовать п р о т и в законопроекта, и начал излагать мотивы голосования. Но после первых же слов его: «Наша демократия на Западе всегда служила оплотом реакции и интересов»... председатель зажал рот рабочему депутату.— «Наказ разрешает приводить мотивы голосования»,—бормотали кадеты. «Кроме мотивов имеет значение и форма»,—ответил бандит, называющийся председателем III Думы.

Он был прав с своей точки зрения: до наказа ли тут, когда на карту было поставлено дружное проведение полицейски-заказанной патриотической демонстрации?

Рабочий депутат стоял изолированно по этому вопросу. Тем выше его заслуга. Пролетариат должен показать и покажет, что умеет отстоять заветы демократической революции—вопреки всем изменам либерализма и шатаниям мещанства.

*«Пролетарий» № 25
от 12 (25) марта 1908 г.*

Об обмане народа либералами.

На последнем, Лондонском, съезде³⁷⁾ Российской Социал-Демократической Рабочей Партии обсуждался вопрос об отношении к буржуазным партиям и была принята соответствующая резолюция. Особенности споров вызвало при этом и то место этой резолюции, где говорится об **о б м а н е** либералами народа *). Социал-демократам правого крыла нашей партии это место казалось в высшей степени неправильным. Они заявили даже, что это не по-марксистски—говорить в резолюции об «обмане» либералами народа, т.-е. объяснять присоединение известных слоев населения к данной (в нашем случае кадетской) партии не классовыми интересами этих слоев, а «безнравственными» приемами политики той или иной группы парламентариев, адвокатов, журналистов и пр.

На самом деле за этими благовидными, в благовидный якобы марксистский костюм наряженными доводами пряталась политика ослабления классовой самостоятельности пролетариата и подчинения его (на деле) либеральной буржуазии. Ибо интересы демократической мелкой буржуазии, идущей за кадетами, эти господа не отстаивают сколько-нибудь серьезно, а п р е д а ю т своей политикой заигрыванья и сделок с правительством, с октябристами, с «исторической властью» царского самодержавия.

Чрезвычайно интересный материал к освещению новыми фактами этого вопроса—одного из основных вопросов социал-демократической тактики во всех капиталистических странах—дает теперешняя борьба за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг (Сейм). Германская социал-демократия подняла знамя этой борьбы. Пролетариат Берлина, а за Берлином и всех крупных городов Германии, вышел на улицу, организовал вели-

*) См. 531 стр. VIII тома Собр. соч. Н. Ленина. Р е д.

чественные демонстрации десятков тысяч народа, положил начало широкому массовому движению, которое уже теперь, уже в самом начале своем привело к насильственным действиям конституционных властей, к употреблению военной силы, к избияниям безоружных масс. Борьба родит борьбу! Гордо и смело отвечали на эти насилия вожак революционного пролетариата. Но тут всплыл вопрос об отношении к демократической (и либеральной) буржуазии в борьбе за избирательное право. И дебаты между немецкими революционными социал-демократами и оппортунистами (ревизионистами, как их зовут в Германии) по этому вопросу замечательно близко подходят к нашим спорам на тему об обмане либералами народа.

Центральный орган германской с.-д. рабочей партии, «Vorwärts» поместил, передовую статью, содержание и основная мысль которой ясно выражены в ее заглавии: «Борьба за избирательное право—классовая борьба!». Как и следовало ожидать, статья эта, несмотря на то, что она излагала в положительной форме только общезвестные социал-демократические истины, была принята оппортунистами за вызов. Перчатка была поднята. Товарищ Зюдекум, известный работник в области муниципального социализма, пошел решительно в поход против этой «тактики сектантов», против «изоляции пролетариата», против «поддержки социал-демократами черносотенцев» (реакционеров—говорят более мягко немцы). Ибо и для немецкого оппортуниста внесение классовой борьбы в дело общее пролетариату и либералам означает поддержку черносотенцев! «Введение всеобщего избирательного права в Пруссии вместо теперешнего трехклассного не есть дело какого-либо одного класса»,—писал Зюдекум. И он указывал, что это дело «городского населения против аграриев, демократии против бюрократии, крестьянства против помещиков, западной Пруссии против восточной» (т.-е. промышленно и капиталистически вообще передовой части страны против экономически отсталой). «Дело теперь в том, чтобы соединить на этом пункте всех друзей реформы, каковы бы ни были прочие разделяющие их вопросы».

Читатель видит, что это все—самые знакомые доводы, что костюм тут тоже строго, ортодоксально «марксистский», вплоть до указания на экономическое положение и интересы определенных элементов буржуазной демократии («городская демократия», крестьянство и т. д.). И едва ли есть надобность прибавлять,

что немецкая либерально буржуазная пресса систематически, в течение уже десятилетий, тянет эту ноту, обвиняя социал-демократию в сектантстве, в поддержке черносотенцев, в неумении изолировать реакцию.

Какими же доводами опровергали немецкие революционные социал-демократы эти рассуждения? Мы перечислим их основные доводы, чтобы читатели—судя о немецких делах «со стороны», «без гнева и пристрастия»—могли видеть, преобладают ли здесь указания на особые условия места и времени, или на общие принципы марксизма.

Да, наши свободомыслящие «требуют» в своих программах всеобщего избирательного права,—говорил «Vorwärts». Да, они особенно усердно стали говорить об этом пышные речи теперь. Но борются ли они за реформу? Не видим ли мы, наоборот, что действительно народное движение, уличные демонстрации, широкая агитация в массах, возбуждение масс вызывает в них худо скрытый страх, отвращение, в лучших и редких случаях равнодушие?

Надо отличать программы буржуазных партий, банкетные и парламентские речи либеральных карьеристов от их действительного участия в действительной народной борьбе. На словах все и всякие буржуазные политики, во всех парламентских странах, всегда распинались за демократию, в то же время предавая демократию.

Да, «внутри либеральной партии (свободомыслящих) и центра, несомненно, есть элементы, заинтересованные в всеобщем и равном избирательном праве»,—говорил «Vorwärts». Но не эти элементы ведут буржуазные партии, не мелкие ремесленники, не полупролетарии, не полуразоренные крестьяне. Они идут за либеральными буржуа, которые стараются отвлечь их от борьбы, заключая за их спиной свои компромиссы с реакцией, развращая их классовое сознание не отстаивая на деле их интересов.

Чтобы привлечь такие элементы к борьбе за всеобщее избирательное право, надо наблюдать в них классовое сознание, отвлечь их от неустойчивых буржуазных партий. «Внутри либеральной (свободомыслящей) партии они, эти заинтересованные во всеобщем избирательном праве элементы, образуют бессильное меньшинство, которое всегда пичкают обещаниями и всегда снова и снова обманывают. Политическая энергия этих

элементов совершенно парализована. И если свободомыслящих или центр действительно можно принудить к уступкам демократии посредством угрозы отнять у них голоса таких избирателей, то именно классовая борьба, ослабляющая буржуазные партии, есть единственное средство толкнуть колеблющуюся буржуазию влево».

Ибо политические факты давно доказали, что свободомыслящим реакция менее ненавистна, чем социал-демократия. «Мы должны поэтому не только с беспощадной резкостью бичевать все грехи всех буржуазных партий, но и выяснять, кроме того, что все их измены в вопросе об избирательном праве являются необходимым результатом классового характера этих партий».

Не сегодня-завтра вопрос о том, способны ли наши кадеты «бороться» за выставленные в их программе демократические требования, или они только для того выставляют их, чтобы предавать октябристам идущих за либералами мещан и крестьян, встанет паки и паки перед русскими с.-д., как вставал этот вопрос не раз в ходе революции. И вдуматься в доводы «Vorwärts» не мешает поэтому кое-кому из нашей партии.

Р. С. Настоящая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли в № 52 газеты «Речь» (от 1-го марта) статью г. К. Д., берлинского корреспондента этой газеты: «Кризис немецкого либерализма». Автор касается полемики «Vorwärts'a» с Зюдекумом в обычном тоне и с обычными приемами наших либеральных фальсификаторов. Изложения доводов той и другой стороны, точных цитат автор и не помышляет приводить. Он просто заявляет: «Официальный «Vorwärts» немедленно обливает еретика помоями и в крайне неаппетитной по развязному, вызывающему тону передовице обвиняет его в невежестве, в неоправданном забвении партийных догматов». Предоставляем читателю судить, покажется ли самому Зюдекуму «аппетитной» подобная защита его кадетами. Но это уже судьба ревизионистов любой страны: встречать усиленную поддержку и прочувствованное «признание» своих усилий со стороны буржуазии. Союз Зюдекумов с господами Струве,—для подтверждения верности нашей позиции вряд ли можно бы было придумать что-либо более «аппетитное».

«Пролетарий» № 25

от 12 (25) марта 1908 года.

Оценка Маркса международным либерализмом.

Один тургеневский герой ³⁸⁾ переделал следующим образом стихи великого немецкого поэта:

Wer den Feind will versteh'n
Muss im Feindes' Lande geh'n'

то-есть: «кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага», знакомиться непосредственно с обычаями, нравами, методами рассуждения и действия врага.

И марксистам не мешает бросить взгляд на то, как отозвались на чествование 25-летней годовщины смерти Маркса влиятельные политические органы разных стран, особенно либеральные и «демократические» буржуазные газеты, соединяющие возможность влиять на массы читателей с правом говорить от имени официальной, казенной, титулованной, профессорской науки.

Начнем наш обзор с «Русских Ведомостей». Это—самая спокойная (и самая скучная), самая научная (и самая далекая от живой жизни) профессорская газета. В ее статейке по поводу 25-летия смерти Карла Маркса (№ 51 от 1 марта) преобладает сухой, деревянный тон—«объективность», как это называется на языке «ординарных» и «экстраординарных»... Факты и фактики—вот чем старается ограничиться автор статьи. И, как беспристрастный историк, он готов воздать Марксу должное—по крайней мере, за прошлое, которое уже умерло, о котором можно говорить по-мертвому. «Русские Ведомости» признают в Марксе и «исключительную фигуру», и «великого в науке» человека, и «выдающегося руководителя пролетариата», организатора масс. Но это признание сводится к прошлому: теперь,—говорит газета,—«новые пути действительно необходимы», т.-е. новые пути рабочего движения и социализма, непохожие на «старый марксизм». Каковы именно эти новые пути, об этом газета не говорит прямо—это слишком живая тема для профессоров и слишком «неосторожный» сюжет для виртуозов в искусстве «с тактом молчать». Но намеки делаются явные: «Многие из его (Маркса) построений разрушены научным анализом и беспощадной критикой событий. Среди ученых почти отсутствуют последователи, верные всей его системе; духовное детище Маркса—германская социал-демократия—довольно сильно уклонилась от того революционного пути, который был намечен основателями немецкого социализма». Вы видите: автор не договаривает очень немногого, своего желания исправить Маркса по-ревизионистски.

Другая влиятельная газета, «Речь», орган политической партии, играющей первую скрипку в концерте российского либерализма, выступает с гораздо более живой оценкой Маркса.

Направление, разумеется, то же, что у «Р у с с к и х В е д о м о с т е й», но там мы видели предисловие к толстой книжке, здесь—политические лозунги, направляющие непосредственно целый ряд выступлений с парламентской трибуны, при оценке всех событий дня, всех вопросов современности. Статью «Карл Маркс и Россия» (№ 53 от 2 марта) пишет известный перебежчик г. Изгоев,—образчик тех российских интеллигентов, которые лет в 25—30 «марксиствуют», в 35—40 либеральничают, а после черносотенствуют.

Г. Изгоев переметнулся от социал-демократов к либералам (как заявлял он сам и как заявлял о нем великий мастер ренегатства, г. Струве), как раз тогда, когда после первых ошеломляющих успехов революции начиналась трудная пора долгой и упорной борьбы с укрепляющейся контр-революцией. И г. Изгоев высоко типичен в этом отношении. Он превосходно разъясняет и показывает на чью пользу идут профессорские жеманства при оценке Маркса, чью работу работает эта титулованная «наука». «Этот политиканствующий тактик,—гремит Изгоев про Маркса,—сильно мешал великому ученому и заставил его надевать не мало ошибок». Основная ошибка, конечно, та, что кроме правильного, разумного, «большинством» (большинством филистеров?) разделяемого «э в о л ю ц и о н н о г о марксизма» произошел на свет божий зловердный, ненаучный, фантастический и «фальсифицированный народнической брагой» революционный марксизм. Особенно возмущает нашего либерала роль э т о г о марксизма в русской революции. Подумайте только: договорились до диктатуры пролетариата для производства этой самой «буржуазной революции», или еще: до «совершенно фантастической в устах марксистов диктатуры пролетариата и крестьянства». «Немудрено, что революционный марксизм в той его форме, в какой в России он был усвоен большевиками разных мастей, потерпел крах»... «Приходится думать об утверждении обычной «буржуазной» (иронические ковычки г-на Изгоева) конституции».

Вот вам совсем готовый идейно и зрелый политически октябрист, вполне уверенный в том, что крах потерпели марксизм и революционная тактика, а не кадетская тактика компромиссов, измен и предательств!

Пойдем дальше. От русской прессы перейдем к немецкой, которая действует в свободной атмосфере, лицом к лицу с открытой социалистической партией, в десятках ежедневных орга-

нов выражающей свои взгляды. Одна из самых богатых, самых распространенных, самых «демократических» буржуазных газет Германии, «Frankfurter Zeitung», посвящает большую передовицу 25-летней годовщине смерти Маркса (№ 76 от 16 марта нов. ст. «Abendblatt»). Немецкие «демократы» сразу берут быка за рога. «Само собою понятно,—говорят нам,—что социал-демократическая пресса в этот день в многочисленных статьях чествовала своего учителя. Но даже в одной влиятельной национал-либеральной газете Маркс был признан, хотя и с обычными оговорками, великим человеком. Да, конечно, он был велик, но он был великим развратителем.

Газета, в которой представлен цвет той разновидности идеологического черносотенства, которая называется европейским либерализмом, поясняет, что нисколько не заподозривает личной честности Маркса. Но его теории принесли неисчислимый вред. Внося понятие необходимости и закономерности в область общественных явлений, отрицая значение морали и относительный, условный характер наших знаний, Маркс основал антинаучную утопию и настоящую «церковь» своих сектантских последователей. А главная вредная идея его—к л а с с о в а я борьба. В этом все зло! Маркс взял всерьез старинное изречение о two nations, о двух нациях внутри каждой из цивилизованных наций, нации «эксплуататоров» и нации «эксплуатируемых» (эти ненаучные выражения газета заключает в убийственно-иронические кавычки). Маркс забыл самоочевидную, ясную, всем здоровым людям понятную истину, что в общественной жизни «целью является не борьба, а соглашение». Маркс «разорвал народ на части, ибо он молотком вбил в голову своим людям, что нет ничего общего между ними и остальными людьми, что они враги не на живот, а на смерть».

«Что может быть естественнее того,—вопрошает газета,—чтобы социал-демократия, во многих практических требованиях согласная со многими из буржуазии, постаралась сблизиться с ними? Но этого-то и не выходит благодаря как раз марксистской теории. Социал-демократия сама себя осудила на изолированность. В течение некоторого времени можно было думать, что наступает принципиальная перемена в этом отношении. Это было тогда, когда ревизионисты начали свою кампанию. Но это оказалось ошибкой, и различие между ревизионистами и нами состоит в том, между прочим, что мы поняли эту ошибку, а они нет.

Ревизионисты думали, и думают еще до сих пор, что можно некоторым образом удержаться за Маркса и все же стать другой партией. Напрасная надежда. Маркса надо либо проглотить целиком, либо выбросить вовсе, а с половинчатостью тут ничего не поделаешь»...

Верно, господа либералы! И случается же вам иногда нечаянно правду сказать!

«...Пока социал-демократия чтит Маркса, до тех пор она не отделяется от идеи классовой борьбы, и от всех прочих вещей, которые столь тяжелой делают задачу жить вместе с ней... Ученый мир согласен относительно того, что из политико-экономических теорий марксизма ни одна единственная не оказалась правильной»...

Так. Так. Вы превосходно выразили, господа, сущность буржуазной науки, буржуазного либерализма и всей его политики. Вы поняли, что Маркса нельзя глотать по частям. Господа Изгосвы и российские либералы еще не поняли этого. Скоро поймут и они.

А вот, в заключение, консервативный орган буржуазной республики «Journal de Débats». В номере от 15-го марта газета пишет по поводу юбилея, что социалисты, эти «дикие равняльщики», проповедуют культ своих великих людей, что главное зло учений Маркса, который «ненавидел буржуазию», это—теория борьбы к л а с с о в. «Он проповедывал рабочим классам не временные конфликты, сопровождаемые перемириями, а священную войну, войну истребления, экспроприации, войну за обетованную землю коллективизма... чудовищная утопия»...

Хорошо пишут буржуазные газеты, когда что-нибудь их настоящим образом заденет за живое. И веселее становится жить, когда видишь, как складывается и упрочивается идейное единство либеральных врагов пролетариата во всем мире—ибо это единство есть один из залогов объединения миллионов международного пролетариата, который завоюет себе, во что бы то ни стало, свою обетованную землю.

*«Пролетарий» № 25
от 12 (25) марта 1908 года.*

На прямую дорогу.

Разгон Второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 г.³⁹⁾ явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии.

Мы говорили уже не раз о значении этого зигзага с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции. Мы хотим остановиться теперь на состоянии нашей партийной работы в связи с этим поворотом революции.

Больше полугода прошло со времени реакционного переворота 3-го июня, и несомненно, что первое полугодие после него характеризуется значительным упадком и ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Шатания, разброд и распад—такова общая характеристика этого полугодия. Иначе и не могло быть, конечно, ибо крайнее усиление реакции и временное торжество ее при заминке непосредственной классовой борьбы не может не сопровождаться кризисом революционных партий.

Теперь замечается совершенно уже явственно целый ряд признаков, свидетельствующих о прекращении этого кризиса, о том, что худшее уже пережито, что правильный путь уже намечен, что партия вступит снова на прямую дорогу—последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но, пожалуй, из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это—бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года первый номер Центрального Органа нашей партии, дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатываемый нами, характеризует это бегство чрезвычайно рельефно. «В последнее время за отсущем интеллигентных работников окружная организация умерла»,—пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация центрального промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег,—пишут с Урала.—Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центр. Органа: «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим непечатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к новой жи-з-

и накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, чисто пролетарские силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда,—читаем мы в ней,—рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («Соц.-Дем.» № 1, стр. 28) ввиду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Эта перестройка партийных организаций на ином, так сказать, классовом фундаменте, конечно, трудное дело и не без колебаний суждено ему развиваться. Но—труден только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила.

Работа в профессиональных союзах и кооперативах, за которую брались сначала ошупью, вполне оформливается и отливается в устойчивые формы. Две резолюции Ц. К-та, о проф. союзах и о кооперативах, принятые обе единогласно, уже подсказаны растущей местной работой. Партийные ячейки во всех беспартийных организациях; руководство ими в духе боевых задач пролетариата, в духе революционной классовой борьбы; «от беспартийности к партийности» («Соц.-Дем.» № 1, стр. 28),—вот тот путь, на который и здесь вступило уже рабочее движение. Корреспондент одной партийной организации в глухом провинциальном городке, Минске, сообщает: «более революционно настроенные рабочие от них (от коверкаемых администрацией легальных союзов) отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов».

В том же направлении, «от беспартийности к партийности», развивается работа в совершенно иной области, работа думской с.-д. фракции. Это звучит, конечно, странно, но это факт: сразу поставить на партийную высоту работу наших парламентских представителей мы не можем,—как не сразу заработали мы «по-партийному» и в кооперативах. Выбранные по избирательному закону,

фальсифицирующему волю народа,—выбранные из круга сохранивших легальность социал-демократов, поредевшего необыкновенно сильно после преследований за обе первые Думы,—наши думские с.-д. на деле неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партии.

Это печально, но это факт, и едва ли может быть иначе в капиталистической стране, опутанной тысячами крепостнических нитей, при существовании открытой рабочей партии всего каких-нибудь два года. И на этом факте хотели построить свою тактику создания нереволюционной социал-демократии те не только беспартийные, но и «безголовые» социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили думскую фракцию, как мухи тарелку с медом. Но как будто бы усилия этих почтенных бернштейнцев проваливаются! Как будто бы начинает выпрямляться работа с.-д. и здесь. Не станем пророчествовать, не будем закрывать глаза на то, каких еще громадных трудов стоит сколько-нибудь сносная постановка парламентской с.-д. работы в наших условиях,—но отметим то, что в первом номере Ц. О. имеется партийная критика фракции и прямая резолюция Ц. К. о более правильном направлении ее работ. Мы ни в каком случае не считаем данной в Ц. О. критики исчерпывающей все пробелы, мы думаем, например, что с.-д. не следовало голосовать ни за передачу в первую очередь земствам поступающих поземельных сборов, ни за **в ы к у п** по невысокой цене городской земли, арендуемой беднотой (см. № 1 Ц. О., стр. 36.). Но это уже все вопросы, сравнительно говоря, второго порядка. Основное и самое главное—то, что превращение фракции в действительно партийную организацию вполне намечилось уже во всей нашей работе и что, следовательно, партия этого достигнет, каких бы трудов это ни стоило, какими бы испытаниями, колебаниями, частными кризисами, личными столкновениями и т. п. путь этот ни оказался еще усеянным.

В ряду тех же признаков выпрямления настоящей социал-демократической, действительно-партийной работы стоит явственно выступающий факт усиления нелегального издательства. «Урал издает восемь газет,—читаем в Ц. О.—Крым—2, Одесса—одну газету, в Екатеринославе скоро выходит газета; значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций». Помимо двух заграничных с.-д. органов, выпущен

в России, несмотря на выходящие из ряду вон полицейские препятствия, Центральный Орган. Готовится областной орган «Рабочее Знамя» в центр.-промыш. районе.

Тот путь, на который твердою ногой вступает с.-д. партия, вырисовывается из всего сказанного выше вполне определенно. Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовиками из самих рабочих, живущими в непосредственной связи с массой,—такова основа, на которой мы строим и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прежние времена, простирает свои цупальцы, распространяет свое влияние и через посредство Думы, и в проф. союзах, и в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах.

На первый взгляд, есть замечательное сходство в этой системе партийной работы и той, которая установилась у немцев во времена исключительного закона (1878—1890)⁴⁰). Тот путь, который германское рабочее движение прошло в тридцать лет после буржуазной революции (1848—1878),—русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905-го г.—1908 г.). Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее развитие. Тридцатилетие, протекшее после буржуазно-демократической революции в Германии, вполне выполнило объективно-необходимые задачи э т о й революции. Она изжила себя и в конституционном парламенте начала 60-х годов, и в династических войнах, объединивших большую часть немецких стран, и в создании империи при помощи всеобщего избирательного права. В России не истекшие еще три года после первой великой победы и первого великого поражения буржуазно-демократической революции не только не выполнили ее задач, а, напротив, впервые внесли сознание этих задач в ш и р о к и е массы пролетариата и крестьянства. Изжили себя за эти два с небольшим года конституционные иллюзии и вера в демократичность либеральных лакеев черносотенного царизма.

Кризис на основе неосуществленных объективных задач буржуазной революции в России неминуем. Чисто-экономические, специально-финансовые, внутренние политические и внешние события, обстоятельства и перипетии могут сделать его острым.

И партия пролетариата, вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полупереального влияния, чем прежде,—сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года.

*«Пролетарий» № 26
от 19 марта (1 апреля) 1908 года.*

Пост-скриптум к статье: «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы» *).

В настоящее время Дума приступила к обсуждению самой росписи. Блок реакционеров с лже-оппозиционными предателями народной свободы успел показать себя в первый день прений. В легальной прессе та же картина: нововременцы приветствуют объединение в с е х, кроме «левых фанатиков», читай с.-д. и трудовиков... «Наша Газета» безголовой компании захлебывается от восторга. «Деловой» день, который «примиряет» с «недостатком рассмотрения бюджета по отдельным сметам»...

«Оппозиция» тянется в обозе откровенной реакции. Здесь как раз на депутатов рабочего класса и демократии падает ответственная и почетная роль подлинных представителей ограбляемого народа. К несчастью, первые бюджетные выступления наших думских товарищей крайне неудачны, глубоко ошибочны. В ближайшем № «Пролетария» мы подробно рассмотрим эти ошибки и наметим необходимую с нашей точки зрения линию поведения соц.-дем. в бюджетных прениях и голосованиях.

*«Пролетарий» № 27
от 26 марта (8 апреля) 1908 года.*

О «природе» русской революции.

Гони природу в дверь, она влетит в окно,—воскликает кадетская «Р е ч ь» в одной своей недавней передовице. Это ценное признание официального органа наших контр-революционных либералов необходимо особенно подчеркнуть, ибо дело идет о

*) См. выше 10—15 стр. этого тома. Ред.

п р и р о д е русской революции. И нельзя достаточно настаивать на том, с какой силой подтверждают события основной взгляд большевизма на эту «природу» к р е с т ь я н с к о й буржуазной революции, которая может победить лишь п р о т и в колеблющегося, шаткого, контр-революционного буржуазного либерализма.

Перед Первой Думой, в начале 1906 года, г. Струве писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Это было тогда с м е л ы м утверждением либерала, е щ е д у м а в ш е г о о перевоспитании мужика из наивного монархиста в сторонника оппозиции. Это было тогда, когда орган бюрократии, газета лакеев г-на Витте, «Русское Государство» уверяло, что «серячек выручит», т.-е. что широкое представительство от крестьян окажется благоприятным для самодержавия. Мнения подобного рода были в те времена (далекие времена! целых два года отделяют их от нас!) настолько распространены, что даже в меньшевистских речах на Стокгольмском съезде явственно звучат родственные ноты.

Но уже Первая Дума развеяла эти иллюзии монархистов и и л л ю з и и л и б е р а л о в бесповоротно. Самый темный, неразвитый, политически-девственный, партийно-неорганизованный мужик оказался не и з м е р и м о л е в е е кадетов. Борьба кадетов с «трудовицким духом» и трудовицкой политикой составляет основное содержание либеральной «деятельности» в течение обеих первых Дум. И когда, после разгона Второй Думы, г. Струве—передовой человек среди либеральных контр-революционеров—бросал свои гневные отзывы о трудовиках, провозглашал крестовый поход против «радикальничающих интеллигентских» вождей крестьянства, он выражал этим п о л н ы й к р а х либерализма.

Либерализм после опыта двух Дум потерпел полное фиаско: ему не удалось «приручить мужика». Ему не удалось сделать его скромным, уступчивым, согласным на компромисс с помещичьим самодержавием. Либерализм буржуазных адвокатов, профессоров и прочей интеллигентской дребедени не смог «приспособиться» к «трудовицкому» мужицью. Он оказался политически и экономически п о з а д и его. И все историческое значение первого периода русской революции можно резюмировать словами: либерализм у ж е окончательно доказал свою контр-революционность, свою неспособность руководить кре-

стьянской революцией; крестьянство еще не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата может быть завоевана настоящая победа.

Крах либерализма означал торжество помещичьей реакции. Теперь, запуганный этой реакцией, униженный и оплеванный ею, превращенный в крепостного пособника столыпинской конституционной комедии, либерализм нет-нет, да и всплакнет о прошлом. Конечно, тяжела, невыносимо тяжела была борьба с трудовицким духом. Но... все же... не выиграем ли мы второй раз, если опять усилится этот дух? Не сыграем ли мы тогда удачнее роль маклеров? Не писал ли наш маститый, наш знаменитый И. Струве еще до революции, что средние партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними?

И вот изнемогшие в борьбе с трудовиками либералы козыряют против реакции возрождением трудовицкого духа! «Только что поданные в Гос. Думу земельные проекты правых крестьян и священников обнаруживают, — пишет та же передовица «Речи», — старый трудовицкий дух. Именно трудовицкий, а не кадетский». «Один проект принадлежит крестьянам и подписан 41 членом Гос. Думы. Другой принадлежит священникам. Первый радикальнее второго, но и второй в некоторых отношениях (слушайте кадетскую «Речь»!) далеко оставляет за собой кадетский проект аграрной реформы». Либералы вынуждены признать, что после всех просевок избирателя, предпринятых и осуществленных по знаменитому закону 3-го июня, этот факт свидетельствует (как мы уже отмечали раньше: см. № 22 «Пролетария») не о случайности, а о природе русской революции.

«У крестьян есть, — пишет «Речь», — земельный фонд не в смысле передаточной инстанции, — а в смысле постоянного учреждения». Признавая это, кадеты скромно умалчивают о том, как они сами, подделываясь к реакции и подслуживаясь ей, выкидывали при переходе от Первой к Второй Думе земельный фонд (т.-е. так или иначе, в той или иной степени, признание национализации земли) из своей программы, становились на гурковскую ⁴¹⁾ точку зрения полной частной собственности на землю.

У крестьян, — пишет «Речь», — земля приобретается по справедливой оценке (значит, по-кадетски), но — знаменательное «но»! — оценка производится местными земельными учреждениями, выбираемыми всем населением данной местности».

И опять приходится кое о чем умалчивать господам кадетам. Приходится умалчивать о том, что этот выбор всем населением явно напоминает известный «трудоувицкий» проект и Первой и Второй Думы, проект местных земельных комитетов, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Приходится умалчивать о том, какую подлую борьбу вели с этим, единственно возможным с демократической точки зрения, проектом либералы обеих первых Дум, как они жалко виляли и вертелись, желая на думской трибуне не сказать полностью того, что они сказали в своей печати, в передовице «Речи», перепечатанной потом у Милюкова («Год борьбы»), в проекте Кутлера и в статье Чупрова ⁴²⁾ (кадетский «Аграрный вопрос», том второй). Именно: они признали в своей печати, что по их замыслу местные земельные комитеты должны состоять поровну из представителей от крестьян и от помещиков с представителем от правительства в качестве третьего лица. Другими словами: кадеты головой выдавали мужика помещику, обеспечивая повсюду большинство за последним (помещики плюс представитель помещичьего самодержавия всегда в большинстве против крестьян).

Мы вполне понимаем, почему жуликам парламентского буржуазного либерализма приходится умалчивать об этом. Напрасно только думают они, что рабочие и крестьяне способны забыть эти крупнейшие вехи на дороге русской революции.

Даже священники, эти ультра-реакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы, пошли дальше кадетов в своем аграрном проекте. Даже они заговорили о понижении «искусственно-повышенных цен» на землю, о прогрессивном налоге на землю с освобождением от всякого налога участков, не превышающих потребительной нормы. Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался больше на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому, что деревенскому священнику приходится жить бок-о-бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда—при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле—бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постой Столыпина, не лезя вернуться тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труд-

нее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику.

Да, да! Гони природу в дверь,—она влетит в окно. Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немислимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контр-революционности буржуазного либерализма.

Либералам остается только либо не верить в силу трудовицкого духа—это невозможно, когда факты на-лицо,—либо надеяться на новое политическое жульничество. Вот программа этого жульничества в заключительных словах «Речи»: «Только серьезная практическая постановка этого рода реформы (именно: аграрной реформы «на самом широком демократическом базисе») может излечить население от утопических попыток». Читай: ваше превосходительство, г. Столыпин, даже со всеми своими виселицами и третьиоюльскими законами вы не «излечили» население от «утопического трудовицкого духа». Дозвольте нам еще разок попробовать: мы пообещаем народу самую широкую демократическую реформу, а на деле «излечим» его посредством помещичьего выкупа и помещичьего преобладания в местных земельных учреждениях!

Мы, с своей стороны, от глубины сердца поблагодарим г.г. Милюкова, Струве и К-о за то усердие, с которым они «излечивают» население от «утопической» веры в мирные конституционные пути. Излечивают и, по всей вероятности, излечат.

«Пролетарий» № 27

от 26 марта (8 апреля) 1908 года.

Марксизм и ревизионизм.

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную—в силу экономического развития—замену

современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по казенному преподаваемым казенными профессорами для оглупления подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленное и жизненное.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений—против прудонизма ⁴³). Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848 год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала ⁴⁴). В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; в конце 70-х годов—позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего больше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения—в виде периодических интернациональных съездов—

сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения,—те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вот уже полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн ⁴⁵⁾ дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно,—в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества,—держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,—и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху *), что материализм давно «провергнут»; профессора третировали Гегеля ⁴⁶⁾, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господ-

*) «Учебнику». Ред.

ствовавшей средневековой «философии» (т.-е. к теологии),—и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить—дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова *).

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку ⁴⁸⁾.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство. Факт техниче-

*) См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре ⁴⁷⁾, что все сказанное в тексте про нео-кантианских ревизионистов, относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и нео-берклеанским ревизионистам.

ского и коммерческого превосходства крупного производства над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в обмен мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономики—исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах,—доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма,—в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т.-е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху—и в смысле отдель-

ных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и воздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического Манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-ой половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и полити-

ческих революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием,—тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм ⁴⁹⁾—самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно-национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель—ничто, движение—все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты,—такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий

срок изменял основную линию развития,—неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гэдистов и жоресистов ⁵⁰⁾ (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукера и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии ⁵¹⁾, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по о д н о й линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись не однородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», тоже приспосабливается к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания э т о г о ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие матерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, напри-

мер, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелко-буржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу,—то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,—это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

*Сборник «Карл Маркс (1818—1883)»,
Спб. 1908 год.*

По торной дорожке!

Оценка русской революции, т.-е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня. Без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата. На одной из попыток такого учета мы и намерены в данной статье остановить внимание наших читателей.

В № 3 «Голоса Социал-Демократа» Ф. Дан и Г. Плеханов выступают — один с систематической оценкой итогов революции, другой—с итоговыми выводами о тактике рабочей партии. Оценка Дана сводится к тому, что надежды на диктатуру проле-

тариата и крестьянства не могли не оказаться иллюзией. «Возможность нового широкого революционного выступления пролетариата... обусловлена в значительной степени позицией буржуазии». На первых этапах его (нового подъема),—пока подъем революционного рабочего движения не всколыхнет городское мещанство, а развитие городской революции не зажжет пожара в деревне—в качестве главных политических сил очутятся лицом к лицу пролетариат и буржуазия».

Тактические выводы из такого рода «истин» явно недоговорены Ф. Даном. Он посовестился, очевидно, дописать то, что из его слов само собой вытекает: рекомендовать рабочему классу знаменитую тактику меньшевиков—поддерживать буржуазию (припомните блоки с кадетами; поддержку лозунга кадетское министерство; полновластную Думу Плеханова ⁵²) и т. д.). Но зато Плеханов дополнил Дана, закончив свой фельетон в № 3 «Г. С.-Д.» словами: «Хорошо было бы для России, если бы этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад» (именно: недооценки способности тогдашнего капитализма к развитию и переоценки способности пролетариата к революционному действию), «сумели избежать русские марксисты в 1905—1906 годах!».

Это яснее ясного. Дан и Плеханов пытаются остороженько, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую политику зависимости пролетариата от кадетов. Присмотримся же к их «теоретическому обоснованию» этого предприятия.

Дан рассуждает так, что «крестьянское движение» зависит от «роста и развития городской революции в ее буржуазном и пролетарском русле». Поэтому за подъемом «городской революции» следовал подъем «крестьянского движения», за упадком же ее «придавленные подъемом революции внутренние антагонизмы деревни стали снова обостряться» и «правительственная аграрная политика, политика разбедения крестьянства и т. д. стала пользоваться относительным успехом». Отсюда приведенное нами заключение, что на первых этапах нового подъема главными политическими силами будут пролетариат и буржуазия. «Положение это—по мнению Ф. Дана—должно и может быть использовано пролетариатом для такого развития революции, которое оставит далеко за собой и с х о д н у ю т о ч к у нового подъема ее и приведет к полной демократизации общества под знаком (sic!) радикального (!) решения аграрного вопроса».

Нетрудно видеть, что построено это рассуждение целиком на радикальном непонимании аграрного вопроса в нашей революции и что непонимание это прикрыто совсем плохо дешёвенькими и пустыми фразами о «полной демократизации» «под знаком» «решения» вопроса.

Ф. Дан думает, что «надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства» зависят и зависели от народнических предрассудков, от забвения внутренних антагонизмов деревни и индивидуалистического характера крестьянского движения. Это—обычные и давно всем известные меньшевистские взгляды. Но едва ли кто так рельефно выставлял до сих пор напоказ всю их нелепость, как Ф. Дан в разбираемой нами статье. Почтеннейший публицист ухитрился не заметить, что оба противопоставляемые им «решения» аграрного вопроса соответствуют «индивидуалистическому характеру крестьянского движения»! В самом деле, Столыпинское решение, пользующееся, по мнению Дана, «относительным успехом», покоится на индивидуализме крестьян. Это несомненно. Ну, а другое решение, которое Ф. Дан назвал «радикальным» и связанным с «полной демократизацией общества»? Не думает ли почтеннейший Дан, что оно не покоится на индивидуализме крестьян?

В том-то и беда, что пустой фразой о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса» прикрыто у Дана радикальное недомыслие. Он бессознательно, как слепой, натыкается на два, объективно возможных и не выбранных еще окончательно историей «решения» аграрного вопроса, не умея ясно и точно представить себе характера обоих решений и условий того и другого решения.

Почему Столыпинская аграрная политика может пользоваться «относительным успехом»? Потому, что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата. Возможен ли полный успех Столыпинской аграрной политики и что таковой означает? Он возможен, если обстоятельства сложатся исключительно благоприятно для Столыпина, а означает он «решение» аграрного вопроса в буржуазной России в смысле окончательного (до пролетарской революции) укрепления частной собственности на всю землю, и помещичью и крестьянскую. Это будет «решение» прусского типа, действительно обеспечивающее капиталистическое развитие России,

но неимоверно медленное, надолго отдающее власть юнкеру, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства, чем другое возможное объективно, тоже капиталистическое «решение аграрного вопроса».

Это другое решение Дан, не вдумавшись в дело, назвал «радикальным». Словечко дешевое и мысли в нем ни капли нет. Столыпинское решение тоже очень радикально, ибо оно радикально ломает старую общину и старый аграрный строй России. Действительное отличие крестьянского решения аграрного вопроса в русской буржуазной революции от Столыпински-кадетского его решения состоит в том, что первое уничтожает помещичью частную собственность на землю безусловно, а крестьянскую—весьма вероятно (этого частного вопроса о крестьянской наделной земле мы пока не будем касаться, ибо все рассуждение Дана неверно даже с точки зрения теперешней нашей, «муниципализаторской», аграрной программы).

Спрашивается теперь, действительно ли это второе решение объективно возможно? Несомненно. На этот счет согласны все думающие марксисты, ибо и н а ч е поддержка пролетариатом стремления мелких собственников конфисковать крупную собственность была бы реакционным шарлатанством. Ни в одной другой капиталистической стране ни один марксист не напишет программы с поддержкой к р е с т ь я н с к о г о стремления конфисковать крупную земельную собственность. В России и большевики и меньшевики согласны насчет необходимости такой поддержки. Почему? Потому, что о б ь е к т и в н о возможен для России и н о й путь капиталистического аграрного развития, не «прусский», а «американский», не помещичьи-буржуазный (или юнкерский), а крестьянски-буржуазный.

Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай Второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить.

Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники (трудовики, н.-с., с.-р-ы в том числе) сходятся в том, что надо к а п и т а л и с т и ч е с к и «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности. Они расходятся в том, что социал-демократы понижают капиталистический характер в современном обществе вся-

кой, хотя бы наирадикальнейшей аграрной революции, и муниципализации, и национализации, и социализации, и раздела, а народники не понимают этого, облекая мещански-утопическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюции.

Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана зависит от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции. За разногласиями марксистского и мещанского социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он «не заметил» борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции. И это свое полное непонимание он прикрыл фразами об «относительном успехе» Столыпина и о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса».

На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха Столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело—ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития через крестьянскую революцию. Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие меньшевистские «подходцы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих.

Далее. Что, если, несмотря на борьбу масс, Столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? Тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни перадикальное, «решение» аграрного вопроса при капитализме станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты

сты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу» и скажут массам: рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо после «решения» аграрного вопроса в Столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может.

Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России, вопрос, особенно запутанный Даном в его немецком пересказе его русской статьи («Neue Zeit», № 27).

Буржуазные революции возможны, даже неизбежны, в России и на почве Столыпински-кадетского аграрного пути. Но в таких революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 годов ⁵³⁾, нельзя будет и говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса». Или вернее: в таких революциях только мешанские quasi-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса.

Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки. Это ясно не только для нас, и меньшевиков и большевиков, не только для людей, сочувствующих революции и желающих ее нового подъема,—это ясно даже для таких последовательных, сознательных и откровенно-смелых врагов революции и друзей черносотенного самодержавия, как г. Петр Струве. Если он «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве не видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху. Струве видит, что на одной Столыпинской реакции и тысяче виселиц не создашь в помещичьи-буржуазной, прочной России кнехта. Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права. А Столыпину объединять приходится только Думбадзе ⁵⁴⁾ с героями римского музея! Отменять приходится даже Виттеское избирательное право по закону 11 декабря 1905 года ⁵⁵⁾! Вместо крестьян, довольных Дановским «относительным успехом» аграрной политики, Столыпину приходится даже от третьедумских крестьян выслушивать «трудовицкие» требования!

Как же не «голосить», не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что не выходит, все еще не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, кудой и прочной «конституции»?

Струве хорошо знает, куда он идет. А Ф. Дан ничему не научился и ничего не забыл за три года революции. Он все еще, как слепой, тащит пролетариат под крылышко господ Струве. Он все еще бормочет те же реакционные меньшевистские речи, будто могут у нас пролетариат и буржуазия оказаться в качестве «главных политических сил»... против кого, почтеннейший? против Гучкова? против монархии?

До какого невероятного подкрашивания либералов доходит при этом Ф. Дан, показывает его немецкая статья. Немецкой публике он не стыдится даже рассказывать, что в III Думу мешанство городов выбирало «прогрессивных выборщиков» (сиречь кадетов), а крестьяне-де дали 40% реакционных выборщиков! Да здравствуют «прогрессивны» Милюковы и Струве, аплодирующие Столыпину! Да здравствует союз Данов с Милюковыми против «реакционных» крестьян, проявляющих трудовицкий дух в Третьей Думе!

И Плеханов фальсифицирует Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 году была верна, что она и только она действительно дала верные прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась, несмотря на то, что она была единственно верная, не удалась в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейнов и Стрельцовых,—толкует Энгельса так, будто он «кался» в тактике Маркса! будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов!

Не скажет ли нам завтра Г. Плеханов, что Энгельс по поводу восстаний в 1849 г. находил, что «не следовало братья за оружие»?

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не прслетариат за либеральными предателями.

«Пролетарий» № 29

от 16 (29) апреля 1908 года.

Блок кадетов с октябристами?

Частная телеграмма из Петербурга в газету «Frankfurter Zeitung» от 1 (14) апреля сообщает: «С конца марта ведутся тайные переговоры между октябристами, умеренными правыми, кадетами и партией мирного обновления о том, нельзя ли им образовать блок. План исходит от октябристов, которые не могут уже рассчитывать на поддержку крайних правых. Эти последние, особенно недовольные октябристами из-за запроса насчет Думбадзе, намереваются голосовать вместе с оппозицией против центра. Такой прием затруднил бы работы Думы, ибо соединение крайней правой с оппозицией дает 217 голосов против 223 голосов центра и умеренных правых. Первое совещание (о блоке) состоялось 12-го апреля (30 марта ст. ст.). На нем присутствовало 30 избранных на основе пропорциональности доверенных людей. Ни к каким результатам это совещание не пришло, и постановлено было в течение ближайшей недели собрать новое совещание».

Насколько достоверно это известие, мы не знаем. Во всяком случае молчание русских газет не является доказательством против, и мы считаем необходимым осведомить наших читателей об информации заграничной прессы.

Принципиально нет ничего невероятного в том, что тайные переговоры ведутся. Кадеты всей своей политической историей, начиная с визита Струве к Витте в ноябре 1905 года, продолжая закулисными переговорами с Треновым и К-о летом 1906 года ⁵⁶⁾ и так далее и так далее, доказали, что суть их тактики—забегание с заднего крыльца ко власти имущим. Но, если бы даже это известие о переговорах оказалось неверным,—остается несомненным, что и а деле в III Думе с у щ е с т в у е т молчаливый блок кадетов с октябристами на основе поворота кадетов вправо. Целый ряд кадетских голосований в III Думе доказывает это неопровержимо, не говоря уже о содержании кадетских речей и характере их политических выступлений.

В III Думе—д в а большинства, говорили мы еще до ее созыва (см. «Пролетарий» и резолюцию июньской Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. II. 1907 года) ⁵⁷⁾. И мы доказывали уже тогда, что уклоняться от признания этого факта (как делали меньшевики), а главное—от классовой характеристики кадетско-

октябристского большинства значит давать тащить себя на поводу буржуазного либерализма.

Классовая природа кадетов обнаруживает себя все яснее: кто не хотел видеть этого в 1906 году, того заставят факты п р и з н а т ь это теперь, или скатиться целиком к оппортунизму.

«Пролетарий» № 29

от 16 (29) апреля 1908 года.

Кадеты второго призыва.

Корреспонденция из России, помещаемая в этом номере под заглавием «Научная хроника» ⁵⁸⁾, заслуживает особого внимания читателей. Мы получили—перед самым выходом нашей газеты—подтверждения тех фактов, о которых говорит корреспондент, и должны остановиться на них подробнее.

Зарождается новая политическая организация: наблюдается некоторый новый поворот общественного движения. Группируются элементы буржуазной демократии, желающие быть «левее кадетов» и привлекающие к себе меньшевиков и соц.-рев. Пробивается как будто некоторое смутное сознание того, что кадетская оппозиция в Третьей Думе есть разлагающийся труп и что необходимо «что-то делать» помимо ее.

Таковы факты. Они далеко, далеко не отличаются еще определенностью, но они уже намечают явления понятные и неизбежные с точки зрения тех уроков, которые дали первые три года революции.

Кадеты первого призыва появились на открытой сцене революции летом 1905 года. Они успели за три неполных года отцвести,—не успевши расцвести. На их смену появляются кадеты второго призыва. В чем смысл этой смены и какие задачи ставит она перед рабочей партией?

Кадеты первого призыва шумели на банкетах 1904 года, вели земскую кампанию, выражали начало общественного подъема при совершенно неопределившихся еще отношениях классов к самодержавию и между собою, т.-е. до того времени, когда открытая борьба масс и политика классов, а не группок, определила эти отношения. Кадеты группировали тогда все и всяческие элементы буржуазного, как называемого образованного общества, начиная с помещика, добивавшегося не столько конституции,

сколько севрюжины с хреном, и кончая служащей, наемной интеллигенцией. Кадеты готовились посредничать между «исторической властью», т.-е. царским самодержавием и борющимися массами рабочего класса и крестьянства. Депутация к царю летом 1905 года ⁵⁹⁾ была началом этого низкопоклонства, — ибо иного посредничества, кроме низкопоклонства, не понимают русские либералы. И с тех пор не было буквально ни одного сколько-нибудь крупного этапа русской революции, когда бы буржуазный либерализм не «посредничал» тем же методом поклонов самодержавию и слугам черносотенной помещичьей шайки. В августе 1905 года он боролся с революционной тактикой бойкота Булыгинской Думы ⁶⁰⁾. В октябре 1905 года он выделил открыто контр-революционную партию октябристов, посылая в то же время П. тра Струве в переднюю к Витте и проповедуя умеренность и аккуратность. В ноябре 1905-го он осуждал почтово-телеграфную стачку ⁶¹⁾ и соболезновал по поводу «ужасов» солдатских восстаний. В декабре 1905 года он пугливо жался к Дубасову ⁶²⁾, с тем, чтобы на другой день громить (лягать — надо бы, пожалуй, сказать) «стихию безумия». В начале 1906 года он горячо защищался от «позорного» подозрения, будто либералы способны агитировать за границей против миллиардного займа для укрепления самодержавия. В Первой Думе либерализм фразерствовал о народной свободе, под сурдинку забегая с заднего крыльца к Трепову и борясь с трудовиками и рабочими депутатами. Выборгским манифестом ⁶³⁾ он старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение — смотря по надобности — и в духе поддержки революции, и в духе борьбы с революцией. Нечего и говорить о Второй и Третьей Думах, где либерализм кадетов показал во всем блеске свою октябристскую природу.

За три года кадеты «отхозяйничали» настолько, что попытки нового оживления с самого начала связываются с лозунгом «левее кадетов»! Кадеты первого призыва сделали себя невозможными. Они похоронили себя своим сплошным предательством народной свободы.

Но не заражены ли тем же трупным ядом кадеты второго призыва, идущие на смену старых? Не намереваются ли «социал-кадеты», г.г. народные социалисты, которые особенно шумят около новой организации, повторить старую, знакомую уже нам по опыту трех лет, эволюцию?

На этот вопрос надо ответить не гаданиями о будущем, а анализом прошлого. И этот анализ неопровержимо показывает, что «эс-эровские меньшевики», г.г. народные социалисты, действительно играли роль кадетов в той среде трудовицкой, крестьянской политической организации или, вернее, политического движения, в которой они действовали в свои «лучшие дни», например, в эпоху Первой Думы. Припомните главные факты из истории «партии» (группка?) народных социалистов в русской революции. В «Союзе Освобождения» ⁶⁴⁾ они получили свое крещение. На съезде партии эс-эров в декабре 1905 года они—вечно колеблющиеся между кадетами и эс-эрами—защищали нелепую межеумочную позицию, желая быть и вместе и врозь с социалистами-революционерами. В период октябрьских свобод они вели политические газеты в блоке с с.-р. То же в эпоху Первой Думы: «высшая» дипломатия, «хитрое» прикрывание разногласий от глаз света! После разгона Первой Думы, после неудачи второй полосы восстаний, после подавления Свеаборга ⁶⁵⁾ сии джентльмены решают с я—повернуть вправо. Они «легализируют» свою партию ни для чего иного, разумеется, как для того, чтобы в печати легально разносить идею восстания и доказывать несвоевременность активной республиканской пропаганды. Перед крестьянскими депутатами в Первой Думе они одерживают победу над эс-эрами, собирая 104 подписи под своим аграрным проектом против 33 эс-эровских ⁶⁶⁾. «Трезвые» буржуазные стремления крестьянского хозяйчика к национализации земли берут верх над туманом «социализации». Вместо стремления к политически-революционной организации крестьян, организации для восстания, мы видим у социал-кадетов стремление к игре в легальность и в парламентаризм, к узкой интеллигентской кружковщине. Колебание русского крестьянина от кадета и от интеллигентского оппортуниста эн-эса к интеллигентски невыдержанному революционеру эс-эру знаменует собой двойственное положение мелкого земледельца, его неспособность без руководства со стороны пролетариата вести выдержанную классовую борьбу.

И если теперь господа эн-эсы снова начинают «путаться» с левыми кадетами, таща за собой несмышленишей—меньшевиков и эс-эров, то это значит, что вся компания ничему не научилась в три года революции. Они толкуют, что экономические требования разъединяют. Они хотят объединиться на более близких—политических. Они ровно ничего не поняли в ходе революции, пока-

завшей в России, как и в других странах, что только массовая борьба сильна и что только во имя серьезных экономических преобразований может развернуться такая борьба.

Что меньшевики и эс-эры паки и паки тянутся за левыми кадетами, это не новость. Так было на выборах в II Думу в Петербурге ⁶⁷⁾. Так было в вопросе о кадетском министерстве и с полномочной Думе у одних, в тайном блоке с эн-эсами у других. Есть, очевидно, глубокие причины, которые создают у мещанской интеллигенции «влечение род недуга», влечение под крылышко либеральной буржуазии.

Это влечение прикрывают, конечно, как водится, речами об использовании нового подъема или новой группировки сил и т. п.

О да, господа, мы тоже стоим за использование... трупа— только не для «оживления» его, а для удобрения им почвы, не для потакательства гнилым теориям и филистерским настроениям, а для роли «адвоката дьявола». Мы будем учить народ на этом новом, хорошем, превосходном примере эн-эсов и левых кадетов учить тому, чего не делать, также избегать кадетского предательства и мещанской дряблости. Мы будем следить внимательно за ростом и развитием этого нового уродлика (если он не мертворожденный),—напоминая ежечасно, что всякий такой зародыш, если он не мертворожденный, неминуемо и неизбежно означает в современной России преддверие массовой борьбы рабочего класса и крестьянства. «Союз Освобождения» возродится. Если так, это значит, что верхи начинают что-то чувствовать. А если так, это значит, что за началом грядет продолжение, за интеллигентской суетней пролетарская борьба.

И урокам борьбы, урокам революционного сближения только на борьбе и только с революционно-борющимися крестьянскими массами, будем мы учить народ по поводу выхода на сцену кадетов второго призыва.

*«Пролетарий» № 30
от 10 (23) мая 1908 г.*

К оценке русской революции.

Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революцию по Марксу. Так, или приблизительно так, провозгласила недавно одна либеральная,—даже почти демократи-

ческая, — даже почти социал-демократическая, — (меньшевистская) газета, «Столичная Почта». И надо отдать справедливость авторам этого изречения, что им удалось верно схватить суть того настроения в современной политике и того отношения к урокам нашей революции, которое безусловно господствует в самых широких кругах интеллигенции, полуобразованного мещанства, а пожалуй, и во многих слоях совсем необразованной мелкой буржуазии.

В этом изречении выражена ненависть не только к марксизму вообще с его непреклонным убеждением в революционной миссии пролетариата, с его беззаветной готовностью поддерживать всякое революционное движение широких масс, обострять борьбу и доводить ее до конца. Нет. Кроме того в этом изречении выражена ненависть к тем приемам борьбы, к тем методам действий, к той практике, которые на деле испытаны совсем недавно в русской революции. Все те победы, — или полу-победы, четверть-победы, вернее сказать, — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска, связаны с тактикой, сторонящейся от него, рассчитанной на его отсутствие, а иногда (у кадетов) даже прямо на его устранение.

И теперь, в период разгула контр-революционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает уже теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» и т а к д а л е е.

В других революциях буржуазии физическая победа старой власти над восставшим народом тоже вызывала всегда уныние и распад среди широких кругов «образованного» общества. Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях, всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворившей мир на земле и в человеке благоволение. То были иллю-

зии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно.

Поэтому в контр-революционные периоды представителям пролетариата, доработавшимся до точки зрения научного социализма, приходилось бороться (как, например, Марксу и Энгельсу в 1850 году) против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций революции и ее сущности, против поверхностных фраз, заменявших выдержанную и серьезную работу в среде определенного класса. У нас наоборот. Мы не видим иллюзий примитивного республиканизма, которые бы тормозили насущное дело продолжения революционной работы при новых, изменившихся условиях. Мы не видим преувеличения значения республики, превращения этого необходимого лозунга борьбы с феодализмом и монархией в лозунг всей и всяческой освободительной борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых вообще. Социалисты-революционеры и родственные им группы, которые вскармливали подобные этим идеи, остались горстками, и период трехлетней революционной бури (1905—1907) принес им вместо широкого увлечения республиканизмом новую партию оппортунистического мещанства, эн-эсов, новое усиление антиполитического бунтарства и анархизма.

В мещанской Германии на другой день после первого натиска революции в 1848 году ярко сказались иллюзии мелко-буржуазной республиканской демократии. В мещанской России на другой день после натиска революции в 1905 году ярко сказались и все сказываются иллюзии мелко-буржуазного оппортунизма, который надеялся добиться компромисса без борьбы, боялся борьбы и после первого поражения торопился отречься от своего прошлого, заражал общественную атмосферу унынием, малодушием и ренегатством.

Очевидно, что это различие происходит от различия в социальном строе и в исторической обстановке обеих революций. Но дело не в том, чтобы масса мелко-буржуазного населения России находилась в менее остром противоречии со старым по-

рядком. Как раз наоборот. Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе,—цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия,—в России должны были повернуть к контр-революционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе,—крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискаций помещичьих земель,—вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контр-революции. На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Сами рабочие стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения только в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой проф орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять по-прежнему издеваются над нами, погодите, придет опять 1905 год.

Погодите, придет опять 1905 год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, что делать. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это—«сумасшедший год», это образец того, чего не делать. Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять тогдашние методы борьбы более успешно, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контр-революционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усво-

ние опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикой» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» конституционной работой на почве Столыпинского «конституционализма».

Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы. Но не все понимают, что именно между двумя указанными противоположностями колеблются все многообразные рецепты усвоения революционного опыта. Не все ясно ставят вопрос, — опыт революционной ли борьбы должны мы усвоить и помочь массам усвоить для более выдержанной, упорной и более решительной борьбы, — или «опыт» кадетского предательства революции должны мы усваивать и передавать массам?

Карл Каутский подошел к этому вопросу в его основной теоретической постановке. Во втором издании своей известной, переведенной на все главные европейские языки, работы «Социальная революция» он сделал ряд дополнений и изменений, касающихся опыта русской революции. Предисловие ко второму изданию помечено октябрем 1906 года, значит, перед автором был уже материал для суждения не только о «буре и натиске» 1905 года, но и о главных событиях «кадетского периода» нашей революции, об эпохе всеобщего (почти всеобщего) увлечения избирательными победами кадетов и Первой Думой.

Какие же вопросы из опыта русской революции считал Каутский достаточно крупными и основными, — или настолько важными, по крайней мере, чтобы дать и новый материал марксисту, изучающему вообще «формы и оружия социальной революции» (как гласит заголовок параграфа седьмого в работах Каутского, т.-е. именно дополненного по указаниям опыта 1905—1906 годов параграфа)?

Автор взял два вопроса.

Во-первых, вопрос о классовом составе тех сил, которые способны одержать победу в русской революции, сделать ее действительно победоносной революцией.

Во-вторых, вопрос о значении тех высших по направлению революционной энергии и по их наступательному характеру форм борьбы масс, которые выдвинула русская революция, именно: декабрьской борьбы, т.-е. вооруженного восстания.

Всякий, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к событию русской революции социалист (в особенности же марксист) должен будет признать, что это действительно коренные, краеугольные вопросы в оценке русской революции, а также в оценке той тактической линии, которая предписывается рабочей партии теперешним положением вещей. Если мы не дадим себе полного, ясного отчета в том, какие классы способны, в силу объективно-экономических условий, сделать победоносной русскую буржуазную революцию, то наши слова о стремлении сделать эту революцию победоносной будут пустыми фразами, одной только демократической декламацией, наша тактика в буржуазной революции будет неизбежно беспринципной и колеблющейся.

С другой стороны, для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны действовать в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что формы борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают гораздо разнообразнее с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением линии действия разных классов, не анализируя форм их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в мертвое резонерство (каким, в скобках сказать, и пробавляется на девять десятых тов. Плеханов в своих писаниях о тактике с.-д. в русской революции).

Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка тактической стороны борьбы, технических вопросов ее. Признавать определенную форму борьбы и не признавать необхо-

димось учиться ее тактике,—это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в данных выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику этих выборов.

Перейдем теперь к ответу Каутского на оба поставленные выше вопроса, возбуждавшие, как известно, очень длинные и горячие споры среди русских с.-д. в течение всего периода революции, начиная с весны 1905 года, когда большевистский третий съезд Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне и одновременная меньшевистская конференция в Женеве ⁶⁸⁾ установили в точных резолюциях принципиальные основы своей тактики, и кончая Лондонским съездом объединенной Р. С.-Д. Р. П. весной 1907 года.

На первый вопрос Каутский дает следующий ответ. В Западной Европе, говорит он, пролетариат уже покрывает собой массу населения. Поэтому победа демократии в теперешней Европе означает политическое господство пролетариата. «В России, при ее преобладающем крестьянском населении, этого нельзя ожидать. Конечно, победа социал-демократии в близком (по-немецки: *absehbar*, т.-е. таком, которое можно обозреть, охватить взором) будущем не исключена и в России, но эта победа могла бы быть лишь делом союза (*Koalition*) пролетариата и крестьянства». И Каутский высказывает даже, что такая победа неизбежно дала бы могучий толчок пролетарской революции в Западной Европе.

Таким образом мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торговопромышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов

и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контр-революционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции. Только приняв его во внимание, можно понять все частные споры (по вопросу о поддержке кадетов вообще, о левом блоке и его характере и т. д.) и столкновения по отдельным случаям. Только в этом основном тактическом разногласии, отнюдь не в «боевизме» или «бойкотизме», как думают иногда несведущие люди, заключается источник расхождения большевиков и меньшевиков в первый период революции (1905—1907 годы).

И нельзя достаточно настаивать на необходимости исследовать этот источник разногласия со всем вниманием, разобравшись с указанной точки зрения спыт обеих Дум и непосредственной крестьянской борьбы. Если мы не сделаем такой работы теперь, — мы не в состоянии будем ни одного шага сделать в области тактики при следующем подъеме движения, без того, чтобы возбуждать старые споры или плодить частные конфликты и рознь внутри партии. Отношение социал-демократии к либерализму и к крестьянской буржуазной демократии должно быть установлено на основании опыта русской революции. Иначе принципиально-выдержанной тактики пролетариата у нас не будет. «Союз пролетариата и крестьянства», заметим кстати, ни в каком случае нельзя понимать в смысле слияния различных классов или партий пролетариата и крестьянства. Не только слияние, но и всякое длительное соглашение было бы губительно для социалистической партии рабочего класса и ослабило бы революционно-демократическую борьбу. Что крестьянство неизбежно колеблется между либеральной буржуазией и пролетариатом, это вытекает из его классового положения, а наша революция дала массу примеров тому в самых различных областях борьбы (бойкот Виттевской Думы; выборы; трудовики в I-й и II-й Думах и т. д.). Только ведя безусловно самостоятельную политику авангарда революции, пролетариат в состоянии будет откалывать

крестьянство от либералов, высвободить его из-под их влияния, вести за собой в ходе борьбы и осуществлять таким образом «союз» на деле, союз тогда и постольку, когда и поскольку крестьянство революционно борется. Не заигрывая с трудниками, а беспощадная критика их слабостей и шатаний, пропаганда идеи республиканской и революционной крестьянской партии могут осуществить «союз» пролетариата и крестьянства для победы над общими врагами, а не для игры в блоки и в соглашения.

Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье: «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма из утопии в науку», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit», 1892—1893, год XI, том I). «Оригинальное явление,—говорит Энгельс:—во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «босвой армией являются крестьяне. Именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля ⁶⁹⁾ английское йоманри (yeomanry—крестьянство) почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их,—для этого было необходимо довести революцию значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 г. в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первой революцией, в которой борьба была доведена до полного уничтожения одного из комбатантов (одной воюющей стороны), именно аристократии, и до полной победы другого, именно буржуазии»

Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания. Можно судить по этому, с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее выдвинуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узко-буржуазные рамки, «чтобы не отшатнулась буржуазия», как говорили кавказские меньшевики в своей резолюции 1905 года, или чтобы была «гарантия от реставрации», как говорил в Стокгольме Плеханов ⁷⁰)!

Другой вопрос, об оценке декабрьского восстания 1905 года, Каутский разбирает в предисловии ко второму изданию своей брошюры. «Я не могу уже теперь,—пишет он,—с той определенностью, как в 1902 году, утверждать, что вооруженные восстания и баррикадные битвы не будут играть в грядущих революциях решающей роли. Против этого свидетельствует слишком явно опыт московской уличной борьбы, когда горстка людей в течение недели держалась против целой армии в баррикадной борьбе и почти одержала бы победу, если бы неудача революционного движения в других городах не дала возможности послать такие подкрепления армии, что, в конце концов, против инсургентов сосредоточена была чудовищно перевешивавшая их сила. Конечно, этот относительный успех баррикадной борьбы был возможен лишь потому, что городское население энергично поддерживало революционеров, а войска были совершенно деморализованы. Но кто может с определенностью утверждать, что нечто подобное невозможно в Западной Европе?

Итак, почти год спустя после восстания, когда нельзя было уже увлекаться целью непосредственной поддержки бодрости духа борцов, такой осторожный исследователь, как Каутский,

решительно признает московское восстание «относительным успехом» баррикадной борьбы и считает необходимым исправить свой общий вывод о том, что роль уличных сражений в революциях будущего не может быть велика.

Декабрьская борьба 1905 года доказала, что вооруженное восстание может победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции,—вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами. Как далеки эти выводы и эти уроки от той линии рассуждений, которую дал Плеханов своим Геростратовски ⁷¹⁾ знаменитым отзывом о декабрьском восстании: «не надо было браться за оружие». Какое море ренегатских комментариев вызвано было подобной оценкой! какое бесконечное количество грязных либеральных рук хваталось за него, чтобы нести разврат и дух меншванского компромисса в рабочие массы!

В оценке Плеханова нет ни грана исторической правды. Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого «безумия» как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с большим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны. Рабочий класс России будет воспитываться именно в таких взглядах,—что бы ни говорили, как бы ни плакались те или иные интеллигенты в социал-демократии.

Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением (в духе резолюции X съезда «левицы» П. П. С.) ⁷²⁾, что дальнейшее позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед

нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим социалистическим духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы вести теперь работу переработки опыта трех лет революции? Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов.

Ведя в таком направлении нашу повседневную работу и памятуя, что лишь многие годы серьезной и выдержанной подготовительной деятельности партии обеспечили ей полное влияние на пролетариат в 1905 году,—мы сумеем достигнуть того, что при любом развитии событий и темпе разложения самодержавия рабочий класс будет неуклонно крепнуть и вырастать в сознательную революционную социал-демократическую силу.

*Первоначально напечатано
в журнале:*

«Przegląd Soc.-Dem.» № 2.

Перепечатано в газете

«Пролетарий» № 30

от 10 (23) мая 1908 года.

Очередные задачи.

Все сведения с мест о текущей жизни наших организаций обширного Центрального промышленного района отмечают 3 основных пункта, к которым приковано в настоящее время внимание передовых пролетариев: борьба с натиском капитала; отношение к думской фракции; постановка систематической пропаганды.

Из докладов на Иваново-Вознесенской конференции выяснилось, что почти на всех фабриках хозяева начали наступательную кампанию против рабочих; всюду штрафы, ухудшение обращения, замена выгодных для рабочих товаров—невыгодными, увольнение и т. д. И притеснения обнаглесших под крылышком контрреволюции фабрикантов уже вызывают отпор. В Иваново-Вознесенске был уже ряд стихийных забастовок: у Бурыгина, Зубкова, на «Кампанейской» фабрике и др. «Буквально всюду,—констатирует отчет,—рабочие возбуждены и ж д у т л е т а». Похищение расцепков, удлинение рабочего дня, крайнее ухудшение условий «внутреннего распорядка», все это—наиболее общие факты фабрично-заводской жизни. Эта реакция на фабриках следует шаг за шагом за реакцией политической; беспощадность и наглость первой возрастает параллельно растущей свирепости и самоуверенности второй.

Вместе с тем, давно уже выяснилось для всех, не сотворивших себе кумира из «легальных возможностей», что о г р а н и ч и т ь с я легальными союзами—значит строить организацию сопротивления натиску капитала при данных условиях на зыбучем песке. Над вопросами нелегальной профессиональной организации революционное крыло партии упорно работает с того момента, когда начался разгром легальных союзов. Августовская, 1907 г., областная конференция Центральной промышленной области поручает «партийным ячейкам, сохранившимся среди рассыпавшихся организаций, выполнять функции профессиональных союзов». Осеннее того же года собрание «группы большевиков, работающих в различных местностях России», разрабатывает подробно план систематического соединения нелегальной и легальной профессионально-экономической организации. Этот план кладется в основу резолюции Ц. К. о профессиональных союзах и без существенных изменений принимается Центральным Комитетом, а затем и местными организациями крупнейших центров рабочего движения. Кроме Петербургской и Московской организаций, обсуждали резолюцию Ц. К. и согласились с принципами ее организации в Иваново-Вознесенском округе, Ярославле, Нижнем-Новгороде и др.

В этой области, таким образом, партийные организации наши подвигаются вперед наиболее твердо, последовательно и единодушно. В том же твердо намеченном уже направлении разрешает Московский Комитет вопросы организационной деятельности

соц.-дем. ввиду той оборонительной экономической борьбы, которая обусловлена на ближайшее время «наступлением капитала на рабочий класс и на сделанные им за последние годы завоевания» (см. «Хронику» — резолюция Московского Комитета о постановке работы в профессиональных союзах)⁷³).

Разумеется, детали организационного плана могут быть взвешены только на месте и меняются вместе с местными обстоятельствами. Однако основные черты московского плана: организация боевых профессиональных центров для руководства экономической борьбой по профессиям; организация руководящего общепрофессионального центра; энергичное и инициативное отношение к организации легальных союзов и их суррогатов (кассы взаимопомощи и др.) на-ряду с нелегальными более узкими центрами и в помощь им; тесная связь партийной организации со всеми легальными и нелегальными профессиональными организациями—эти основные положения несомненно должны составить фундамент всей нашей деятельности в предстоящей экономической борьбе.

Именно из живой, конкретной потребности в партийном руководстве экономической борьбой в значительной мере вырастает та обратная тяга к партии и в партию, которую в различных рабочих центрах констатируют вполне надежные наблюдатели. Любопытен пример Нижегородской организации. Здесь прошлым летом вовсе забросили партийную работу, «ушли в союзы». Союзы, разумеется, вскоре были разбиты. В феврале настоящего года собралась конференция для восстановления партийного комитета. И тут нашлись мудрецы, вчера бывшие только профессионалистами, теперь ставшие только просветителями. Они предложили «упразднить партийную работу за ненужностью и заменить ее культурно-просветительной деятельностью». Наученные опытом с профессиональными союзами, товарищи отвергли предложение упразднителей. И вот как раз в Нижнем Новгороде партийная организация количественно возросла с 112 чл. в феврале до 150—170 в конце марта.

Разумеется, для того, чтобы новая тяга к партии могла выразиться в росте числа организованных, надо искать и найти (дело возможное!) новые—гибкие, широкие и в то же время конспиративные—формы партийной организации.

Нам приходилось уже указывать на страницах «Пролетария» путь к тому: сужение состава каждой из автономных организаций и умножение их числа.

* * *

В сфере строительства экономической организации найдена и последовательно проводится определенная линия. В другом крупном текущем вопросе—отношение к думской фракции.—преобладают, наоборот, неясности, колебания, разногласия.

Несколько фактов. В Иваново-Вознесенском отчете читаем: «Третьей Думой массы почти не интересуются. Отношение организации неблагоприятное. Рассмотрев деятельность фракции по газетным отчетам, Иваново-Вознесенский Комитет вынес резолюцию, требуя отзыва фракции». В поспешном решении Иваново-Вознесенского Комитета повинна оказалась однако прямая неосведомленность—результат нынешнего состояния в с е й н а ш е й о р г а н и з а ц и и. Когда на конференции был сделан, наконец, доклад, Комитет взял обратно свою резолюцию, и конференция «приняла резолюцию, хотя и не одобряющую фракцию, но все же высказывающую надежды на возможность плодотворной работы фракции с Ц. К. и партией»... И как легко преодолевается пресловутый индифферентизм рабочих в Думе и фракции, раз только фракция удачно выбирает повод для крупного выступления, а партия действительно поддерживает ее, тому пример—запрос о гонениях на профессиональные союзы. «Конференция Иваново-Вознесенской организации обсуждала вопрос о поддержке выступлением запроса.. и единогласно решила начать соответствующую подготовительную работу». И партийная конференция не осталась одинока: «то же решение приняло и Центральное Бюро Ивановских союзов, считая необходимым поддержать соц.-демократическую партию в борьбе за свободу союзов».

В Тейкове «к мысли о поддержке запроса о гонениях на союзы местные организации отнеслись сочувственно и вынесли резолюцию о начале подготовительной работы».

В Костроме «за последнее время замечается подъем интереса к Думе; с.-д. фракцией недовольны... Очень часто около фабрик собираются рабочие человек по 150... на таких собраниях обсуждают вопросы о Д у м е и местных».

Готовность поддержать запрос о союзах, если не обязательно в выступлении, то активным участием в его составлении и распространении, проявлена рабочими, как известно, очень интенсивно и в провинции, и в обеих столицах. И весьма характерно для переживаемого момента, что именно выступление по поводу преследования союзов, т.-е. по вопросу, лежащему на рубеже политической и экономической борьбы рабочего класса, нашло такой живой отклик в широких массах, тогда как несомненно столь же революционное и удачное выступление по поводу, например, закона «о жертвах революционного террора», когда социал-демократические депутаты беспощадно бичевали все формы преследования и угнетения, недостаточно оценено и использовано даже в передовых кругах *). Нельзя правильно судить о характере и значении работы думского представительства изолированно, вне связи с общим состоянием рабочего движения в данный момент.

Когда сдавленная тисками неслыханного политического и экономического гнета активная деятельность масс односторонне вгоняется в русло оборонительной экономической борьбы; когда регулярная партийная пресса отсутствует, организационные нити серьезно нарушены, во всех отраслях партийная деятельность придушена репрессиями и не успела выправиться еще; когда депутат не видит и не слышит вокруг готовой к решительной борьбе массы,—в такое время требовать от думской фракции деятельности непосредственно революционного типа, значит, веровать в парламентские чудеса. А отказаться от фракции на том основании, что ее и сильные, и слабые стороны не видишь, тогда как наши общие недочеты и слабости скрыты в подпольи, значило бы просто-напросто играть в прятки.

Неприкровенная и решительная критика каждого шага и всего направления деятельности депутатов—такая же безусловная обязанность партии, как и бесстрашная самокритика. В

*) Вслушиваясь в отзывы и суждения о думской работе, мы опасаемся, что новое доказательство бесполезности этой работы будет найдено и в том обстоятельстве, что черносотенная Дума не дала ходу запросу о гонениях на союзы. В широких, менее сознательных кругах с таким выводом придется встретиться несомненно. И именно здесь перед нами трудная и плодотворная работа: добить последние остатки конституционных иллюзий; научить массу одновременно презирать и ненавидеть представительное собрание реакции и ценить свое в нем представительство, как орган только критики и агитации.

свете последовательной критики в с е х о р у д и й в с е й нашей деятельности станет ясней относительное значение каждого из этих, притупленных в настоящий момент, орудий—думской фракции в том числе.

При явной несостоятельности лозунга «отозвания» со всех точек зрения (см. ст. тов. Богданова в этом же номере)⁷⁴), совершенно обеспеченным представляется нам соединение всех сил революционных социал-демократов на очередной практической задаче: путем систематического влияния на фракцию и активного ей содействия повысить революционный и социал-демократический уровень ее агитации и выправить ее политическое поведение согласно партийным директивам.

Солидарные с критикой, данной в резолюции Московской общегородской конференции, приветствуя признание конференцией «острой необходимости в настоящее время для партии широкого использования думской трибуны для агитационных и организационных целей», мы обращаем особенное внимание товарищей на следующее:

Если бы часть думской фракции, будь то ее меньшинство или большинство, оказалась бы действительно глуха к голосу партии, долгом партии станет выделить п а р т и й н ы е э л е м е н т ы фракции и т о л ь к о их признать своими представителями. Мы не думаем, чтобы достаточным основанием к такому решению могли быть несовершенство, слабость, даже путанность тех или иных выступлений,—всякие этого типа невольные ошибки могут быть поправлены и исправлены.

Иное дело—самомалейший шагок в сторону сознательного нарушения партийной воли, в сторону разрыва с партией. Здесь не может быть места выжидательной тактике. И речь при этом, конечно, может идти опять же не об отозвании, а только о прямом исключении из партии и всей сознательной пролетарской семьи тех, кто упал до измены пославшей их партии.

При доброй воле служить делу социал - демократии и при активном содействии партии каждый рабочий депутат, как бы скромны ни были его силы, и самая малочисленная фракция—сослужат рабочему классу огромную службу в настоящие трудные, переходные времена.

Но было бы роковой ошибкой думской работе (даже самого высокого уровня) и профессиональной борьбе отдать в с е внимание партии.

На-ряду с несомненным оживлением организационной работы на местах наблюдается изумительное пренебрежение насущнейшим делом восстановления и развития центральной, всероссийской партийной организации. На местах, решительно всюду, где есть борющийся и мыслящий пролетариат, чисто рабочие с.-д. организации собирают свои силы, перестраивают экономическую организацию; стремятся восстановить связи с центром; обращаются к серьезнейшему изучению научного социализма *). В то же время менее, чем когда-либо раньше, прилагается усилий к тому, чтобы поднять общепартийную работу—прессу, агитацию, весь конспиративный аппарат,—хотя бы до того уровня, какой был достигнут уже до р е в о л ю ц и и.

Между тем, пока не будет выполнена эта работа, фактически в пренебрежении останется как раз та сфера соц.-дем. деятельности, которая лежит вне экономической борьбы и не по плечу в полном объеме своем думской фракции даже наилучшего состава и самым сильным местным организациям.

Это—всероссийская планомерная пропаганда обще-демократических целей и лозунгов партии; сохранение и уяснение революционной традиции, опыта революции; наконец, сохранение идейной и организационной преемственности в радикально. почти целиком, обновляющейся ныне в личном своем составе партии.

Выполнение этой работы и создание организационных условий ее успеха не могут быть ни на день выключены из круга насущнейших очередных задач революционных социал-демократов.

«Пролетарий» № 31

от 4 (17) июня 1908 года.

О некоторых чертах современного распада.

Нам неоднократно приходилось отмечать идейный и организационный распад с п р а в а, в лагере буржуазных демократов и социалистических оппортунистов, распад, неизбежный—в период разгула контр-революции—среди партий и течений с преобладанием мелко-буржуазной интеллигенции. Но картина распада

*) Обсуждение вопросов соц.-демокр. пропаганды, этой важнейшей из очередных наших задач, оставляем до ближайшего номера.

была бы неполна, если бы мы не остановились и на распаде «с л е в а», в лагере мелко-буржуазных «социалистов-революционеров».

Конечно, выражение «слева» можно употребить здесь только в очень и очень условном смысле для характеристики тех, кто склонен и г р а т ь в левизну. Мы уже не раз указывали в «Пролетарии», что именно период русской революции в ее наибольшем подъеме обнаружил особенно наглядно в открытой, массовой, политике всю неустойчивость, непрочность, всю беспринципность эс-эровского «революционаризма». Достаточно напомнить только крупнейшие события. Осенний подъем 1905 года: эс-эры в тайном блоке с эн-эсами, которые тянут к легальной «народно-социалистической партии». Съезд партии с.-р. в декабре 1905 года отвергает «план» образования подобного двойника эс-эровской партии, но в весенний и летний подъем 1906 года мы видим о п я т ь эс-эров в ежедневных газетах, т.-е. на главной трибуне всенародной агитации, идущими в блоке с эн-эсами. Эти последние открыто отказываются от революции осенью 1906 года, после поражения Свеаборга и Кропштадта, открыто выступают, как оппортунисты, и, тем не менее, выборы во II-ую Думу в Петербурге (зима 1907 года) опять возрождают «народнический блок» эс-эров, эн-эсов и трудовиков. Одним словом, революция вполне и окончательно вскрыла отсутствие сколько-нибудь определенной классовой опоры у партии с.-р., свела ее на деле к роли придатка, крыла мелко-буржуазной крестьянской демократии, з а с т а в и л а ее колебаться постоянно между словесным революционным порывом и эн-эсовско-трудоуической дипломатией. Выделение максималистов ⁷⁵⁾, которые все время в течение революции выделялись и не могли выделиться из эс-эров окончательно, только подтверждало классовую неустойчивость народнической революционности. Эс-эровскому центру, «чистым» эс-эрам,—писали мы еще в № 4 «Пролетария», в статье «Эс-эровские меньшевики»,—ничего не остается, как защищаться заимствуемыми у марксистов доводами от обоих «новых» направлений в эс-эртстве *). Если социал-демократы вышли из революции, окончательно сплотив с собой один определенный класс, именно пролетариат, и отчеканив два течения, свойственные всей международной социал-демократии, оппортунистическое и революционное, то социалисты-револю-

*) См. 66 стр. 2 части VII тома Собр. соч. Н. Ленина. Р е д.

ционеры вышли из революции без всякой прямой базы, без всякой определенной межи, способной отделить их, с одной стороны, от трудовиков и эн-эсов, связанных с массой мелких хозяйчиков, с другой стороны, от максималистов, как интеллигентской террористической группы.

И теперь, после исчезновения—может быть, временного—максимализма, мы видим возобновление родственного ему течения в новом костюме. Газетка «Революционная Мысль» (№ 1—апрель 1908 г., № 2—июнь), орган «группы социалистов-революционеров», отгораживает себя от «официального органа партии с.-р.», т.-е. от центрального органа, «Знамени Труда», и провозглашает «п е р е с м о т р нашего (т.-е. эс-эровского) теоретического мирозерцания, наших эс-эровских методов борьбы и организации». Конечно, весь этот «пересмотр», вся эта «критическая творческая работа», обещанная новой газетой, есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического мирозерцания, а есть только перепев на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение, на значение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого «теоретического» багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики и творчества. Полная спутанность теоретических взглядов и у «нового», и у «старого» направления в эс-эрстве выступает тем более ярко, что «Революционная Мысль» сама подчеркивает «эволюцию, происходящую во взглядах руководителей официального органа партии с.-р.»,—эволюцию, состоящую в усиленном подчеркивании «систематического центрального политического террора» для «ускорения событий». Это—цитата из № 8 «Знамени Труда». А в № 10—11 (февраль—март 1908 г.) мы встречаем совершенно такие же речи о «напряжении усилий всей партии» на «центральном политическом терроре», о необходимости найти на это «крупные денежные средства», при чем тут же рядом делается «тонкий намек» на возможный источник этих средств: «все партии,—пишет «Знамя Труда», стр. 7—8,—вплоть до кадетов и мирнообновленцев, воспользуются ближайшими плодами этой деятельности. И потому партия вправе рассчитывать на самую широкую общественную помощь в этой своей борьбе».

Читатель видит, что нового в речах новой газеты нет ничего. Она характерна только с той стороны, что дает поучительный материал для оценки р а с п а д а, прикрытого «левыми» и якобы-революционными фразами. Большевики в «Голосе Социал-Демократа» (№ 1) оправдывают сборы денежных средств с либералов известной политической солидарностью целей. Эс-эры в «Знамени Труда» говорят кадетам и мирнообновленцам: вы же воспользуетесь плодами. Крайности сходятся. Мелко-буржуазный оппортунизм и мелко-буржуазная революционность одинаково «поглядывают» — хотя с разных сторон — на кадетов и мирнообновленцев.

И не только в этом сходятся указанные крайности. Разочарованность вынесена из революции и меньшевиками, и «революционными» народниками. Махнуть рукой на партийность, на старые партийные традиции, на революционную массовую борьбу готовы те и другие. «Ошибка, общая почти всем революционным партиям, — пишет «Революционное Недомыслие», — ошибка, сыгравшая пагубную роль в переживаемом ныне кризисе, заключается в преувеличенной вере в возможность и необходимость массового народного восстания»... «Жизнь не оправдала ожидания партии». Напрасно, видите ли, строили социалисты-революционеры «социалистическую программу по марксистскому шаблону», строили «представление о революции в отождествлении ее с массовым движением и массовым восстанием, вызываемым экономическими потребностями, правда, делая поправку на инициативное меньшинство». Надо, вместо поправок, развить «теорию и практику активного действия инициативного меньшинства» (№ 1, стр. 6—7). Надо превозносить значение «непосредственного чувства, которое охватывает революционера, и идеалов, которые его одухотворяют» (№ 2, стр. 1), а теоретические вопросы, философия, научный социализм — это все пустяки, по мнению «новых» социально-революционных обскурантов. «Есть ли надежда на вооруженное восстание в более или менее ближайшем (так и сказано: «в более или менее ближайшем») будущем? — спрашивает «Революционное Недомыслие» и отвечает: «В этом все согласны: нет такой надежды» (№ 2, стр. 2). Вывод: в России «политический переворот не может быть произведен иначе, как революционным меньшинством» (стр. 7). «Причины неудачи революционных партий за последние три года не были случайными и зависели, на наш взгляд, не только от объективных условий и

не только от тактических ошибок, а лежали также в самой концепции их организации» (стр. 10): «революционеры ставили себе, видите ли, «невыполнимые задачи» действительно руководить массами; социал-демократы с м у щ а л и эс-эров и побуждали их, в ущерб настоящему делу—теоретической борьбе,—думать об организации крестьянства и подготовке его к всеобщему вооруженному восстанию» (стр. 11). Крайняя централизация партий—«генеральство»—«дух авторитарности» (стр. 12)—вот зло. «В большой сильной партии революционеры видели единственное средство и залог достижения поставленной цели, не замечая ни практической невозможности, при наших русских условиях,—создать такую партию, ни всех ее темных сторон» стр.(12).

Кажется, довольно! Какой хаос мысли царит в «Революционной Мысли», какой обскурантизм она проповедует, на каком пошлом обывательском отчаянии, малодушии и разочарованности после первых трудностей дела строится якобы-революционная программа,—об этом не стоит тратить слов. Приведенные цитаты говорят сами за себя.

Но пусть не думает читатель, что подобные рассуждения—просто вздор, случайно выболтанный неведомой и незначительной группкой. Нет, такой взгляд был бы ошибочен. Тут есть своя логика, логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности м а с с к непосредственной революционной борьбе. Это—логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неумения применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам. неумения вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно. Вместо того, чтобы направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, проникающим не только в высшие, но и низшие классы, вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивании испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т.-е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности группок. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей п а р т и и, есть проявление р а с п а д а. И

чрезвычайно важно усвоить себе ту истину,—подтверждаемую опытом всех стран, переживших поражения революции,—что одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, например, мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста, и в отчаянии террориста.

«Все согласны, что нет надежды на вооруженное восстание в более или менее ближайшем будущем». Подумайте над этой хлесткой и шаблонной фразой. Люди, очевидно, никогда не задумывались над объективными условиями, порождающими сначала широкий политический кризис, а потом, при обострении этого кризиса, гражданскую войну. Люди з а у ч и л и наизусть «л о з у н г» вооруженного восстания, не п о н я в значения и условий применимости этого лозунга. Поэтому так легко и бросают они непродуманные, на веру взятые, лозунги после первых же поражений революции. А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов. Социал-демократы не ставили «лозунга» восстания ни в 1901 году, когда демонстрации заставили Кричевского и Мартынова закричать о «штурме», ни в 1902 и 1903 г.г., когда покойный Надеждин обвинял план старой «Искры» «литературщиной». Лозунг восстания поставили только после 9-го января 1905 г., когда ни единому человеку нельзя уже было сомневаться в том, что общенациональный политический кризис р а з р а з и л с я, что он обостряется в непосредственном движении масс не по дням, а по часам. И в несколько месяцев этот кризис д о в е л до восстания.

Какой урок вытекает из этого? Тот, что мы должны теперь внимательно следить за подготовляющимся новым политическим кризисом, учить массы урокам 1905 г., неизбежности перехода всякого острого кризиса в восстание и укреплять организацию, которая бросит этот лозунг в момент наступления кризиса. Ставить же вопрос так: «есть ли надежда в ближайшем будущем?»—бесплодно. Положение дел в России таково, что ни один сколько-нибудь вдумчивый социалист не отважится на предсказания. Все, что мы з н а е м и что можем сказать, сводится к тому, что без пересоздания аграрных отношений, без полной ломки старого земельного строя Россия жить не может, а жить она будет. Борьба идет из-за того, уластся ли Столыпину по-помещичьи совер-

шить эту ломку, или крестьяне под руководством рабочих с а м и произведут ее так, как им это выгодно. Дело социал-демократов—внедрить в массы ясное понимание этой э к о н о м и ч е с к о й основы нарастающего кризиса и воспитывать серьезную партийную организацию, которая бы помогла народу усвоить богатые уроки революции и способна была р у к о в о д и т ь им в борьбе, когда созреют зреющие силы для новой революционной «кампании».

Но этот ответ, конечно, покажется «неопределенным» для людей, которые смотрят на «мозунги» не как на практический вывод из классового анализа и учета определенного исторического момента, а как на талисман, раз-на-всегда данный партии или направлению. Таким людям непонятно, что неумение сообразовать свою тактику с различиями определившихся вполне и неопределенных моментов есть результат политической невоспитанности и узости кругозора. Укреплять организацию! Наши герои революционного «визга» презрительно морщат нос по поводу такой скромной, невинной задачи, не обещающей «сейчас», немедленно, завтра же, никакого шума и треска. «Жизнь не оправдала ожидания партии». И это говорится после 3-х лет революции, давшей невиданное в мире п о д т в е р ж д е н и е роли и значения сильных партий! Именно русская революция в первом же своем периоде показала, что м о ж н о даже при Плевенских ⁷⁶⁾ порядках создать п а р т и ю, действительно способную руководить к л а с с а м и. Весной 1905 года наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией м и л л и о н о в пролетариата. «Сразу» это стало так, господа, или десятилетие медленной, упорной, невидной и нешумной работы п о д г о т о в и л и и обеспечили такой результат? И если в такой момент, как переживаемый нами, г.г. официальные и неофициальные эс-эры ставят на п е р в ы й план царубийство, а не создание в крестьянской массе п а р т и й н о й организации, способной вы-товать нечто более прочное, идейное, твердое и выдержанное из класелеобразной революционности трудовичества, как течения, — то мы скажем, что народнический социализм в России умирает, что он уже умер давно, что его вожди чувствуют смутно свой «крах», как народников, за первую же кампанию народной р е в о л ю ц и и.

Мы не ждали от крестьян способности к руководящей или даже самостоятельной роли в революции, и мы не падем духом

от неудачи первой кампании, показавшей громадную распространенность революционно-демократических, хотя крайне смуглых и хлюпких идей в крестьянстве. И мы сумеем работать опять так же выдержанно и упорно, как работали до революции, чтобы не порвалась партийная традиция, чтобы укрепилась партия и могла руководить во вторую кампанию не 2—3 миллионами пролетариев, а вдесятеро, вдесятеро большим числом. Вы не верите в эту задачу? вам скучна она? Скатертью дорога, почтеннейшие: вы не революционеры, вы просто крикуны!

И так же по-кликушески ставит ваш официальный орган вопрос об участии в III-й Думе *). В номере 10—11 «Знамени Грудя» один кликуша издевается над ошибками наших с.-д. депутатов III-й Думы и восклицает по поводу их заявлений: «Кто знает об этих заявлениях, об этих голосованиях и воздержаниях?» (стр. 11).

Мы скажем на это: да, наши с.-д. депутаты в III-й Думе делали много ошибок. И именно этот пример, который угодно было взять эс-эрам, показывает различие в отношении к делу рабочей партии и интеллигентской группы. Рабочая партия понимает, что в период политического затишья и распада неизбежно проявление этого распада и на думской фракции, которая у нас в III-й Думе еще меньше, чем во Второй, могла сосредоточить наиболее крупные партийные силы. Поэтому рабочая партия критикует и исправляет ошибки своих депутатов; каждая организация, обсудив каждую речь и придя к выводу, что такое-то и такое заявление или выступление есть ошибка, дает материал для политического выступления масс. Не беспокойтесь, г.г. эс-эры: в момент обострения политического кризиса наша фракция и уже во всяком случае члены нашей

*) Подробный разбор эс-эровского бойкотизма см. в № 18 «Пролетария» — ст. о «Парламент. кретинизме наизнанку». Уже осенью 1907 г. эс-эры, вызывая как будто к действительно революционной бойкотистской традиции, на деле опошляли эту традицию, сводили ее на-нет, подменяя революционный бойкот — нападение жалким и бессильным «отказом участвовать»... Уже тогда они заверяли доверчивую публику, что «повернуться спиной» к реакционной Думе значит — нанести «крупное моральное» поражение правительству и сделать «первый серьезный шаг к перемене общей политической картины».

И тогда же был уже вскрыт нами истинный характер этой «революционной» реторики... господ, не стесняющихся ради наивной партийной рекламы вносить путаницу в головы масс».

думской фракции сумеют выполнить свой долг. А наша критика их ошибок делается гласно, открыто перед массами. Из этой критики учатся депутаты, учатся классы, учится партия, которая видывала трудные времена и знает, что не кликушеством, а только упорной и стойкой работой всех организаций можно выйти с честью из тяжелого положения. «Пролетарий», как заграничная газета, сознавал свою обязанность осторожно давать советы издали, но и он предлагал открыто меры к улучшению работы фракции. Наша открытая партийная критика в дополнении к работе фракции достигает того, что массы знают и думские заявления, и характер партийных поправок к ним. А не уметь ценить думского слова в такие моменты, когда партийные организации и партийная печать переживают большой распад, — значит проявлять безмерное интеллигентское легкомыслие.

Г.г. эс-эры не понимают значения открытых социалистических выступлений при прямой критике и исправлении их в партийных органах их. Г.г. эс-эры предпочитают замалчивать ошибки своих деятелей: об этом напомнил еще раз номер 10—11 «Знамени Труда», обругав нас за «пошлые» заявления о кадетолюбии Гершуни. Мы давно уже сказали свое мнение по этому вопросу и не стали бы повторять его непременно теперь, вскоре после смерти истерзанного царскими палачами человека, который своей преданностью революционной организации заслужил себе глубокое уважение. Но если г.г. эс-эрам угодно было поднять вопрос, — мы дадим ответ. Кроме брани, вы не можете ничем ответить нам, господа, не можете сказать прямо и открыто, кто из вас одобряет и не одобряет позиции Гершуни на февральском (1907 г.) съезде партии с.-р. Вы не можете ответить по существу и вскрыть ошибки своих вождей, число их сторонников и т. д., потому что вы не имеете п а р т и и, не цените воспитания масс на открытой критике лиц, заявлений, направлений и оттенков.

Рабочий класс сумеет воспитать и закалить свои организации, открыто критикуя своих представителей. Не сразу, не без трений, не без борьбы и не без труда, но мы р е ш и м поставленную перед нами трудным поворотом событий трудную задачу: соединить открытые думские выступления с партийной нелегальной деятельностью. В решении этой задачи скажется зрелость партии, пережившей первую кампанию революции, — в решении этой задачи будет дана одна из гарантий того, что во вторую кам-

панию пролетариат сумеет под руководством социал-демократии более умело и более сплоченно бороться и более решительно побеждать.

*«Пролетарий» № 32
от 2 (15) июля 1908 года.*

Горячий материал в мировой политике.

Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата.

В Персии произошла контр-революция, своеобразно соединившая российский разгон Первой Думы с российским восстанием конца 1905 года. Войска русского царя, позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контр-революции. За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России, следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии. Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, это понятно, и роль международных палачей на первый раз выпадает на дело христолюбивых российских воинов. Что Англия, фарисейски умывая руки, держит явный дружественный нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма,—это явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими зверями становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т.-е. системы порабощения, грабежа и насилия. Трудно положение персидских революционеров в стране, которую почти собрались уже делить между собой хозяева Индии, с одной стороны, и контр-революционное русское правительство—с другой. Но упорная борьба в Тавризе, неоднократный

переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже, казалось разбитых на-голову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноплеменникам,—не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений.

В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа—полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию. Но такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны. А школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это—тяжелая школа, и полный курс ее не и з б е ж и о содержит в себе победы контр-революции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы, забитые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства.

В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете—за исключением, конечно, России—такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley)—авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле—лакксивующей перед капиталом) публицистики—превращаются в качестве пра-

вителей Индии в настоящих Чингисханов⁷⁷⁾, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до с е ч е н и я политических протестантов! Маленькая еженедельная газетка английских социал-демократов «Justice» («Справедливость») за п р е щ е н а в Индии этими либеральными и «радикальными» негодьями вроде Морли. А когда член английского парламента, вождь «независимой рабочей партии» (Independent Labour Party) Кейр-Гарди посмел дерзостным образом приехать в Индию и говорить туземцам об элементарнейших требованиях демократии, то вся английская буржуазная печать подняла вой против «мятежника». И теперь, влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубовным говорят об «агитаторах», нарушающих покой Индии, и приветствуют чисто-русские, Плевенские, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов. Но за с в о и х писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тайлаку (Tilak),—он осужден на долголетнюю ссылку, при чем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено г о л о с а м и п р и с я ж н ы х а н г л и ч а н!—эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы,—а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета! Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж Индии англичанами, что современная борьба этих «передовых» европейцев против демократии персидской и индийской з а к а л и т миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей. У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам.

В Китае революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения,—так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая,—но сильный

рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение. Что на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индо-Китае: они помогали китайской «исторической власти» расправляться с революционерами! Они боялись равным образом за целостность «своих», по соседству находящихся, азиатских владений.

Но французской буржуазии не одни только азиатские владения причиняют беспокойство. Баррикады в Вельнев-Сан-Жорж, под Парижем, расстрел стачечников, построивших эти баррикады (четверг, 30/17 июля),—эти события еще и еще раз показали обострение классовой борьбы в Европе. Клемансо, радикал, правящий Францией от имени капиталистов, с необыкновенным усердием работает над разрушением последних остатков республикански-буржуазных иллюзий в пролетариате. Расстрел рабочих войсками, действующими по приказу «радикального» правительства,—при Клемансо стал едва ли не более частым явлением, чем прежде. Клемансо получил уже за это от французских социалистов прозвище «Красного», и теперь, когда снова пролита рабочая кровь его агентами, жандармами и генералами, социалисты вспоминают крылатое слово, сказанное однажды этим наиболее прогрессивным буржуазным республиканцем рабочим делегатам: «мы с вами на разных сторонах баррикады». Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные республиканцы окончательно размещаются теперь по разным сторонам баррикады. Рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывающая и защищая республику, и в настоящее время, на почве вполне упрочившихся республиканских порядков, решительная борьба собственников и трудящихся продвигается все быстрее. «Это было не простое избиение,—пишет «l'Humanité»⁷⁸⁾ про день 30 июля,—это был кусочек сражения». Генералы и полицейские во что бы то ни стало хотели провоцировать рабочих и превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище. Но, окружив со всех сторон стачечников и манифестантов, нападая на безоружных, войска встретили отпор, вызвали немедленную постройку баррикад и довели дело до событий, волнующих всю Францию. Эти баррикады из досочек были до смешного плохи, пишет та же газета. Но важно не это. Важно то, что третья рес-

публика вывела из обычая баррикады. Теперь «Клемансо снова вводит их в обычай»,—и он рассуждает при этом с той же откровенностью, с какой говорили о гражданской войне «палачи июня 1848 года, Галлифе в 1871 году».

И не одна социалистическая печать по поводу событий 30-го июля вспоминает эти великие исторические даты. Буржуазные газеты с бешеной злобой накидываются на рабочих, обвиняя их в том, что они вели себя так, как будто бы собирались начать социалистическую революцию. Одна из этих газет рассказывает при этом один мелкий, но характерный эпизод, рисующий построение обеих сторон на месте происшествия. Когда рабочие несли одного своего раненого товарища мимо генерала Вирвэра, командовавшего атакой на стачечников, из толпы манифестантов раздались крики: «Saluez» («отлайте честь»). И генерал буржуазной республики отдал честь раненому неприятелю.

Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах, при чем различие исторических условий, политических порядков и форм рабочего движения обуславливает различное проявление одной и той же тенденции. В Америке и Англии, при полной политической свободе, при отсутствии всякой или, по крайней мере, сколько-нибудь живой революционной и социалистической традиции в пролетариате, это обострение сказывается в усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов, в переходе рабочих, иногда чисто-экономических, организаций к планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбе. В Австрии и Германии, отчасти также в скандинавских странах, обострение классовой борьбы сказывается на избирательной борьбе, на отношении партий, на сближении всех и всяческих буржуа разных цветов между собою против общего врага—пролетариата, на усилении судебных и полицейских репрессий. Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам. В романских странах,—Италия, особенно Франция,—обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается

вается с внезапной силой и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны.

Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более подготовленной со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев.

И этот шаг вперед всего международного социализма, наряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные и особенно трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе, и в Азии, но вместе с тем и именно вследствие этого у нее есть не только национальный, не только российский, но и международный враг. Реакция против усиливающейся борьбы пролетариата неизбежна во всех капиталистических странах, и эта реакция спланирует буржуазные правительства всего мира против всякого народного движения, против всякой революции и в Азии, и особенно в Европе. Оппортунисты в нашей партии, подобно большинству российской либеральной интеллигенции, до сих пор мечтают о такой буржуазной революции в России, которая бы «не отталкивала» буржуазию, не запугивала ее, не порождала «чрезмерной» реакции, не вела к захвату власти революционными классами. Тщетные надежды! Филистерская утопия! Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны.

Контр-революция в России не выполняет и не может выполнить исторических задач нашей революции. Русская буржуазия неизбежно тяготеет все больше и больше в сторону международного антипролетарского и антидемократического течения. Не на либеральных союзников следует рассчитывать русскому пролетариату. Он должен самостоятельно идти своим путем к полной победе революции, опираясь на необходимость насильственного разрешения аграрного вопроса в России самими крестьянскими массами, помогая им свергнуть господство черносотенных помещиков и черносотенного самодержавия, ставя своей задачей демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в России и памятуя, что его борьба и его победы неразрывно связаны с международным революционным движением. Поменьше иллюзий насчет либерализма контр-революционной (и в России, и во всем мире) буржуазии. Побольше внимания к росту международного революционного пролетариата!

«Пролетарий» № 33

от 23 июля (5 августа) 1908 года.

Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.

1.

Дипломаты в агитации. Градом сыплются «ноты», «донесения», «заявления»; министры шепчутся за плечами коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир». Но «подданные» отлично знают, что, если вороны слетаются, значит пахнет мертвым телом. И консервативный лорд Кромер заявил английской палате, что «мы живем в такое время, когда на карту поставлены национальные (?) интересы, разгораются страсти и появляется опасность и возможность столкновения, как бы ни были мирны (!) намерения правителей».

Горячего материала за последнее время накопилось достаточно, и он все растет. Революция в Персии грозит перемешать все перегородки—«сферы влияния», расставленные там европейскими державами. Конституционное движение в Турции угрожает вырвать эту вотчину из лап европейских капиталистических хищников; а дальше угрожающе встали старинные, обострившиеся

теперь «вопросы»—македонский, среднеазиатский, дальневосточный и т. д., и т. д.

Между тем при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя».

И чем грознее бряцают оружием правительства друг против друга, тем беспощаднее давят они антимилитаристское движение у себя в стране. Преследования антимилитаристов растут экстенсивно и интенсивно. «Радикально-социалистическое» министерство Клемансо-Бриана насильничает не хуже юнкерски-консервативного министерства Бюлова ⁷⁹⁾. Распускание «организаций молодежи» всей Германии, последовавшее в результате введения нового закона о союзах и собраниях, воспрещающего присутствие на политических собраниях лиц моложе 20 лет, крайне затруднило антимилитаристскую агитацию в Германии.

В результате спор об антимилитаристской тактике социалистов, замолкнувший было со времени Штуттгартского Конгресса, оживляется вновь в партийной печати.

На первый взгляд—странное явление: при такой очевидной важности этого вопроса, при таком явном, бьющем в лицо вреде милитаризма для пролетариата трудно найти другой вопрос, по которому существовали бы такие шатания, такая разноголосица в среде западных социалистов, как в спорах об антимилитаристской тактике.

Принципиальные предпосылки для правильного решения этого вопроса установлены давно, вполне прочно и разногласий не вызывают. Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он—«жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»). Ряд Интернациональных Конгрессов (Парижский 1889 г., Брюссельский 1891, Цюрихский 1894 и, наконец, Штуттгартский 1907 г.) в своих резолюциях дал законченное выражение этому взгляду. Наиболее обстоятельно устанавливает эту связь между милитаризмом и капитализмом Штуттгартская резолюция, хотя в соответствии с порядком дня («О международных конфликтах») Штуттгартский Конгресс больше занимался

тою стороною милитаризма, которую немцы называют («Militarismus nach aussen» («внешней»). Вот относящееся сюда место этой резолюции: «Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем непрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных, классовых, задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же, когда громадность человеческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который главным образом составляет солдат и на который главным образом падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войны, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов» ..

II.

Итак, принципиальная связь между милитаризмом и капитализмом установлена среди социалистов прочно и в этом пункте разногласий нет. Но признание этой связи еще не определяет конкретно антимилитаристской тактики социалистов, не решает практического вопроса, как бороться против бремени милитаризма и как воспрепятствовать войнам. И вот, в ответах на эти вопросы замечается значительное расхождение во взглядах среди социалистов. На конгрессе в Штуттгарте можно было с особенной осязательностью констатировать эти разногласия.

На одном полюсе стоят немецкие соц.-демократы типа Фольмара. Раз милитаризм—детище капитализма, рассуждают они; раз войны суть необходимый спутник капиталистического развития, то никакой специальной антимилитаристской деятельности не нужно. Так именно Фольмар и заявил на партсъезде в Эссене. В вопросе же о том, как вести себя с.-д. в случае объявления войны, большинство немецких с.-д., с Бебелем и Фольмаром во главе, упорно стоят на той позиции, что с.-д. должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в «оборонительной» войне. Это положение привело Фольмара в Штуттгарте к заявлению, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами», а с.-д. депутата Носке⁸⁰) — провозгласить в рейхстаге, что в случае войны против Германии «с.-д. не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи»; а отсюда Носке осталось сделать лишь один шаг, чтобы заявить: «мы желаем, чтобы Германия была настолько возможно вооружена».

На другом полюсе стоит немногочисленная группа сторонников Эрве⁸¹). Пролетариат не имеет отечества, рассуждают эрвеисты. Значит, все и всякие войны—в интересах капиталистов; значит, пролетариат должен бороться против каждой войны. На всякое объявление войны пролетариат должен ответить военной забастовкой и восстанием. К этому главным образом и должна сводиться антимилитаристская пропаганда. В Штуттгарте Эрве предложил поэтому следующий проект резолюции: «...Конгресс приглашает ответить на всякое объявление войны, откуда бы оно ни исходило, военной забастовкой и восстанием».

Таковы две «крайние» позиции в этом вопросе в рядах западных социалистов. «Как солнце в малой капле вод» в них отражаются те две болезни, которые все еще вредят деятельности социалистического пролетариата на Западе: оппортунистические тенденции, с одной стороны, и анархистское фразерство—с другой.

Прежде всего, несколько замечаний о патриотизме. Что «пролетарии не имеют отечества», это действительно сказано в Коммунистическом Манифесте; что позиция Фольмара, Носке и К⁸⁰ «бьет в лицо» этому основному положению интернационального социализма, это также верно. Но отсюда еще не следует правильность утверждения Эрве и эрвеистов, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспо-

тической Турции. Отечество, т.-е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата; и если неправ Фольмар, устанавливающий какое-то «истинно-немецкое» отношение пролетариата к «отечеству», то не более прав и Эрве, непростительно некритически относящийся к такому важному фактору освободительной борьбы пролетариата. Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма».

Сложнее другой вопрос—об отношении к милитаризму и войне. Уже с первого взгляда очевидно, что Эрве непростительно смешивает оба эти вопроса, забывает о причинной связи между войной и капитализмом; приняв эрвеистскую тактику, пролетариат обрек бы себя на бесплодную работу: всю свою боевую готовность (ведь говорится о восстании) он употребил бы на борьбу с следствием (войной), оставляя существовать причину (капитализм).

Анархический метод мышления обнаруживается здесь в полной мере. Слепая вера в чудодейственную силу всякого *action directe*; выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа,—словом, «произвольно-механическое понимание общественных явлений» (по выражению К. Либкнехта)⁸²⁾ очевидно.

План Эрве «очень прост»: в день объявления войны социалисты-солдаты дезертируют, а резервисты объявляют забастовку и остаются по домам. Однако «стачка резервистов не есть пассивное сопротивление: рабочий класс скоро перешел бы к открытому сопротивлению, к восстанию, и это последнее имело бы тем больше шансов окончиться триумфом, что действующая армия находилась бы на границе страны» (G. Nerve, «*Leur patrie*»).

Таков этот «действительный, прямой и практический план», и уверенный в его успехе Эрве предлагает отвечать военной забастовкой и восстанием на каждое объявление войны.

Как ясно отсюда, вопрос здесь не в том, может ли пролетариат, когда он найдет это целесообразным, отвечать забастовкой и восстанием на объявление войны. Спор идет о том, связывать

ли пролетариат обязательством на к а ж д у ю войну отвечать восстанием. Решать вопрос в последнем смысле, значит отнимать выбор момента решительного боя у пролетариата и передать его врагам; не пролетариат выбирает момент борьбы, сосбразуясь с своими интересами, когда высоко его обще-социалистическое сознание, крепка его организованность, благоприятен повод и т. д.; нет, буржуазные правительства смогли бы провоцировать его на восстание даже тогда, когда условия для него были бы неблагоприятны, например, объявлением такой войны, которая особенно способна вызвать патриотические и шовинистические чувства в широких слоях населения, которая таким образом изолирует восставший пролетариат. Надо еще не упускать из виду, что буржуазия, которая от монархической Германии до республиканской Франции и демократической Швейцарии с такою жестокостью преследует антимилитаристскую деятельность в мирное время,—с какою яростью обрушилась бы она на всякую попытку к военной забастовке в случае войны, в момент деятельности военных законов, военных положений, военно-полевых судов и т. д.

Прав Каутский, говоря об идее Эрве: «идея военной стачки зародилась под влиянием «хороших» мотивов, она благородна и полна героизма, но она—героическая глупость».

Пролетариат, если найдет это целесообразным и подходящим, может ответить на объявление войны военной забастовкой; он может, в числе других средств для достижения социальной революции, прибегнуть и к военной стачке. Связывать же себя этим «тактическим рецептом» не в интересах пролетариата

Так именно и ответил на этот спорный вопрос Штуттгартский Международный Конгресс.

III.

Но если взгляды эрвеистов—«героическая глупость», то позиция Фольмара, Носке и их единомышленников из «правого крыла»—оппортунистическая трусость. Раз милитаризм—детище капитала и падет с ним,—рассуждали они в Штуттгарте и особенно в Эссене,—то не нужно и специально антимилитаристской агитации: ее не должно быть. Но ведь и радикальное разрешение рабочего и женского вопроса, например,—возражали им в Штуттгарте,—также невозможно при существовании капиталистического строя; однако мы боремся за рабочее законодательство, за расширение гражданских прав женщин и т. д. Особая антимилитаристская про-

паганда должна вестись тем энергичнее, что все учащаются случаи вмешательства военной силы в борьбу труда с капиталом и все очевиднее важность милитаризма не только в нынешней борьбе пролетариата, но и в будущем—в момент социальной революции.

Специально-антимилитаристская пропаганда имеет за собой не только принципиальные доказательства, но и важный исторический опыт. Впереди других стран в этом отношении идет Бельгия. Бельгийская рабочая партия, помимо общей пропаганды идей антимилитаризма, организовала группы социал. молодежи под названием «Молодой Гвардии» («Jeunes Gardes»). Группы одного и того же округа входят в состав Окружной Федерации; все Окружные Федерации, в свою очередь, объединяются в Национальную Федерацию с «Главным Советом» во главе. Органы «молодых гвардейцев» («La jeunesse—c'est l'avenir»; «De Gasperne», «De Lotelirg» и т. д.) расходятся в десятках тысяч экземпляров! Из федераций наиболее сильная—Валлонская, включающая 62 местных группы с 10 тысяч. членов; всего «Молодая Гвардия» состоит в данное время из 121 местной группы.

Рядом с письменной агитацией интенсивно ведется и устная: в январе и сентябре (месяцы призыва) в главных городах Бельгии устраиваются народные собрания и процессии; у дверей мэрий, на открытом воздухе, социалистические ораторы разъясняют рекрутам значение милитаризма. При «Главном Совете» «молодых гвардейцев» учрежден «Комитет Жалоб», на обязанности которого лежит соби́рание сведений о всех несправедливостях, совершаемых в казармах. Эти сведения, под рубрикой «Из Армии», ежедневно оглашаются в Центральном Органе Партии «Le Peuple». Антимилитаристская пропаганда не останавливается на пороге казармы, и солдаты-социалисты образуют группы для целей пропаганды внутри армии. В настоящее время таких групп («солдатских союзов») насчитывается около 15.

По бельгийскому образцу, варьируя в интенсивности и в организационном отношении, ведется антимилитаристская пропаганда во Франции *), Швейцарии, Австрии и др. странах.

*) Интересной особенностью французов является организация так называемой «солдатской копейки»: каждую неделю рабочий отдает одну су секретарю своего союза; составляющиеся таким образом суммы посылаются солдатам в напоминание того, что даже в солдатской одежде они принадлежат к эксплуатируемому классу и что ни при каких обстоятельствах они не должны забывать этого.

Итак, специально-антимилитаристская деятельность не только специально необходима, но и практически целесообразна и плодотворна. Поэтому, поскольку Фольмар восставал против нее, указывая на невозможные полицейские условия для этого в Германии, на опасность разгрома благодаря этому партийных организаций,—вопрос сводился к конкретному анализу условий данной страны; это—вопрос факта, а не принципа. Хотя и здесь справедливо замечание Жореса, что германская с.-д., выдержавшая в своей молодости, в тяжелую годину исключительных законов против социалистов, железную руку графа Бисмарка, теперь, несравненно выросши и окрепнув, могла бы не бояться преследований со стороны нынешних правителей. Но Фольмар сугубо неправ, когда старается опереться на аргументы принципиальной нецелесообразности специально-антимилитаристской пропаганды.

Не меньшим оппортунизмом проникнуто убеждение Фольмара и его единомышленников, что с.-д. обязаны принять участие в оборонительной войне. Блестящая критика Каутского не оставила камня на камне от этих взглядов. Каутский указал на полную невозможность подчас разбраться, особенно в моменты патриотического угара, вызвана ли данная война оборонительными или наступательными целями (пример, который приводил Каутский: нападала или оборонялась Япония в начале русско-японской войны?). С.-д. запутались бы в сетях дипломатических переговоров, если бы вздумали в зависимости от этого признака устанавливать свое отношение к войне. С.-д. могут очутиться даже в таком положении, чтобы потребовать наступательных войн. В 1848 г. (это не мешает помнить и эрвистам) Маркс и Энгельс считали необходимой войну Германии против России. Позднее они пытались воздействовать на общественное мнение Англии, чтобы побудить ее к войне с Россией. Каутский строит, между прочим, следующий гипотетический пример: «предположим,—говорит он,—что революционное движение одержит в России победу, и влияние этой победы приведет во Франции к переходу власти в руки пролетариата; с другой стороны, предположим, что против новой России образуется коалиция европейских монархов. Станет ли протестовать интернациональная с.-д., если французская республика придет тогда на помощь России?» (К. Каутский, «Наш взгляд на патриотизм и войну»).

Очевидно, что в этом вопросе (как и во взгляде на «патриотизм») не оборонительный или наступательный характер войны,

а интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях.

До каких геркулесовых столбов способен доходить оппортунизм и в этих вопросах, показывает недавнее выступление Жореса. В одной немецкой либерально-буржуазной газетке, высказывая свои взгляды о международном положении, он защищает союз Франции и Англии с Россией от обвинений в противомирных намерениях и смотрит на этот союз, как на «гарантию мира», он приветствует тот факт, что «мы теперь дожили до союза Англии с Россией, двух давнишних врагов».

Великолепную оценку такого взгляда и горячую отповедь дает Жоресу Р. Люксембург⁸³⁾ в «Открытом письме» ему в последней книжке «Neue Zeit»

Прежде всего Р. Люксембург констатирует, что говорить о «юзе «России» и «Англии» значит «говорить языком буржуазных политиков», ибо интересы капиталистических государств и интересы пролетариата в иностранной политике противоположны и нельзя говорить о гармонии интересов в области внешних сношений. Если милитаризм—дитя капитализма, то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических «мирных шагов».

Но центральным пунктом «письма» является оценка союза Англии и Франции с Россией, который так прославляет Жорес. Европейская буржуазия дала возможность царизму отразить революционный натиск. «Теперь, пытаясь превратить временную победу над революцией в окончательную, абсолютизм прибегает прежде всего к испытанному средству всех поколебленных деспотий к успехам внешней политики». Все союзы России теперь означают «священный союз буржуазии Западной Европы с русской контр-революцией, с душителями и палачами русских и польских борцов за свободу; они означают укрепление самой кровавой реакции не только внутри России, но и в международных отношениях». «Поэтому элементарнейшая задача социалистов и пролетариев всех стран состоит в том, чтобы из всех сил препятствовать союзу с контр-революционной Россией».

«Как объяснить себе,—обращается Р. Люксембург к Жоресу,— что Вы «самым энергичным образом» будете стараться сделать правительство кровавых палачей русской революции и персидского восстания влиятельным фактором европейской политики, русские виселицы колоннами интернационального мира, Вы, который в свое время произнесли во Французском парламенте блестящую речь против русского займа. Вы, который несколько недель тому назад поместили в Вашей газете «Humanité» горячий призыв к общественному мнению против кровавой работы военных судов в русской Польше? Как можно согласовать ваши мирные планы, покоящиеся на франко-русском и англо-русском союзе, с недавним протестом французской социально-парламентской фракции и административной комиссии Нац. Совета социалистической партии против поездки Фальера ⁸⁴⁾ в Россию, с тем протестом, под которым стоит Ваша подпись и который в горячих выражениях защищает интересы русской революции. Если президент Французской республики захочет сослаться на Ваши представления об интернациональном положении, то он на Ваш протест заявит: кто одобряет цель, должен одобрить и средства, кто рассматривает союз с царской Россией, как гармонию интернационального мира, тот должен принимать все, что укрепляет этот союз и ведет к дружбе.

«Что бы Вы сказали, если бы некогда в Германии, в России, в Англии нашлись социалисты и революционеры, которые в «интересах мира» рекомендовали союз с правительством реставрации или правительством Тьера и Жюля Фавра ⁸⁵⁾ и прикрывали бы такой союз своим моральным авторитетом?!...»

Письмо это говорит само за себя, и русские с.-д. могут только приветствовать т. Р. Люксембург за этот ее протест и за защиту русской революции перед лицом интернационального пролетариата.

«Пролетарий» № 33

от 23 июля (5 августа) 1908 года.

Лев Толстой как зеркало русской революции.

Сопоставление имени великого художника с революцией, которую он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления пра-

вильно? Но наша революция—явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед нами ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера велено травить Л. Толстого, а сегодня—отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из «Речи»—сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе»—одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в Толстовского бога не верит, ни Толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз заглушить потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого—действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны—помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны—замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши,—с другой стороны, «толстолец», т.-е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь,

говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны,—юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок;—с другой стороны—проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религия,—стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собой очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,—и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились

у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,—действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,—это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции и буржуазия, и буржуазная интеллигенция. почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»,—совсем в духе Льва Николаевича Толстого! И как всегда бывает в таких случаях, Толстовское воздержание от политики, Толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и

революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали в собрания трудовиков, в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить,—пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи—это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции—промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве, поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной Воли сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу: его глаза разгорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,—но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо—совсем в духе Льва Николаевича Толстого!

Толстой отразил наблевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого,—и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс, и неподготовленность их к борьбе, Толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень

ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную философскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это—смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом Столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впасть в наш исторический грех толстовщины!

«Пролетарий» № 35

от 11 (24) сентября 1908 года.

Студенческое движение и современное политическое положение.

Забастовка студентов провозглашена в Петербургском университете. К ней присоединился целый ряд других высших учебных заведений. Движение перекинулось уже в Москву и Харьков. Судя по всем данным, которые имеются в заграничных и русских газетах, а также в частных письмах из России, мы стоим перед фактом довольно широкого академического движения.

Назад к старине! Назад к дореволюционной России,—вот о чем прежде всего свидетельствуют эти события. По-прежнему правительственная реакция подтягивает университеты. Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла форму похода черносотенного министра Шварца—действующего в полном согласии с «премьером» Столыпиным,—против автономии, которую обещали студентам осенью 1905 года (чего только не «обещало» тогда российским гражданам самодержавие под натиском революционного рабочего класса!),—против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию

было «не до студентов», и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием.

По-прежнему скорбит и ноет либеральная печать,—на этот раз вместе с некоторыми октябристами,—скорбят и хныкают г.г. профессора, умоляя правительство не вступать на путь реакции, использовать прекрасный случай «обеспечить реформами мир и порядок» в «измученной потрясениями стране»,—умоляя студенчество не прибегать к незаконным способам действия, способным только сыграть на руку реакции и т. д., и т. д., и т. д. Какие все это старые-престарые, затасканные мотивы и как живо воскрешают они перед нами то, что было лет этак 20 тому назад, в конце 80-х годов прошлого века! Сходство той поры с теперешней покажется особенно поразительным, если взять современный момент отдельно, вне связи с пережитыми тремя годами революции. Ибо Дума (на первый взгляд) только чуть-чуть иначе выражает совершенно то же самое дореволюционное соотношение сил: господство дикого помещика, предпочитающего придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам;—поддержку того же чиновника купечеством (октябристы), которое не смеет разойтись с отцами-благодетелями;—«оппозицию» буржуазной интеллигенции, больше всего заботящейся о доказательстве своей лояльности и называющей увещание власть имущих политической деятельностью либерализма. Рабочие депутаты Думы слишком, слишком слабо напоминают о том, какую роль сыграл недавно пролетариат своей открытой массовой борьбой.

Спрашивается, можем ли мы при таких условиях придавать значение старым формам примитивно-академической борьбы студенчества? Если либералы опустили до «политики» (только в насмешку, конечно, можно тут говорить о политике) 80-х годов, то не будет ли со стороны социал-демократии принижением ее задач, если она сочтет нужным поддержать так или иначе академическую борьбу?

Такой вопрос, повидимому, ставится кое-где студентами-социал-демократами. По крайней мере, в редакцию нашей газеты доставлено одно письмо от группы студентов-социал-демократов, в котором, между прочим, говорится:

«13-го сентября сходка студентов Петербургского университета постановила призвать студентов к всероссийской студенческой забастовке, мотивируя свой призыв агрессивной тактикой,

Шварца ⁸⁶⁾; платформа забастовки—академическая, сходка даже приветствует «первые шаги» Московских и Петербургских советов профессоров в деле борьбы за автономию. Мы недоумеваем перед академической платформой, выставленной Петербургской сходкой, и считаем ее недопустимой при данных условиях и не могущей объединить студенчество для активной, широкой борьбы. Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением и ни в коем случае отдельно. Нет тех элементов в наличности, которые были бы в состоянии объединить студенчество. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Ошибка, которую делают авторы письма, имеет гораздо большее политическое значение, чем можно было бы подумать с первого взгляда, ибо рассуждение авторов затрагивает в сущности тему несравненно более широкую и важную, чем вопрос об участии в данной забастовке.

«Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Такое рассуждение в корне—не правильно. Революционный лозунг—надо стремиться к координированному политическому выступлению студентов с пролетариатом и т. д.—превращается здесь из живого руководства для все более широкой, всесторонней, боевой агитации в мертвую догму, которая механически при-
меривается к различным этапам различных форм движения. Политическое координированное выступление недостаточно только провозглашать, повторяя «последнее слово» уроков революции. За политическое выступление надо у м е т ь агитировать, и с п о л ь з у я для этой агитации все возможности, все условия и прежде всего, больше всего, всякие массовые конфликты тех или иных передовых элементов с самодержавием. Не в том дело, конечно, чтобы мы заранее разделили всякое студенческое движение на обязательные «стадии» и непременно следили за аккуратным прохождением каждой стадии, боясь «несвоевременных» переходов к политике и т. п. Подобный взгляд был бы самым вредным педантизмом и вел бы только к оппортунистической политике. Но так же вредна обратная ошибка, когда с создавшимся фактически положением и условиями данного массового движения не хотят считаться ради ложно понятого в неподвижном смысле лозунга: такое применение лозунга неизбежно вырождается в революционную фразу.

Возможны условия, когда академическое движение принижает политическое или раздробляет его или отвлекает от него, и— тогда социал-демократические группы студентов, конечно, обязаны были бы сосредоточить свою агитацию против такого движения. Всякий видит однако, что объективные политические условия данного момента иные: академическое движение выражает н а ч а л о движения новой «смены» учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии, при чем начинается это движение в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы в данный момент, в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают п е р е в а р и в а т ь опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно.

При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась «против академического выступления». Нет, группы студентов, принадлежащих к нашей партии, должны направить все усилия на поддержку, использование и расширение данного движения. Как и всякая поддержка примитивных форм движения социал-демократией, и данная поддержка должна состоять больше всего и главным образом в идейном и организационном воздействии на более широкие слои, возбужденные конфликтом и переживающие сплошь да рядом в этой форме конфликта п е р в ы й политический конфликт. Ибо учащаяся молодежь, вошедшая в университеты в течение последних двух лет, жила почти всецело жизнью, оторванной от политики и воспитывалась в духе узкого академического автономизма, воспитывалась не только казенными профессорами и правительственной печатью, но и либеральными профессорами и всей партией к.-д. Для такой молодежи широкая забастовка (если сумеет эта молодежь создать широкую забастовку! мы должны все сделать, чтобы помочь ей в этом, но, конечно, не нам, социалистам, ручаться за успех того или иного буржуазного движения)—является началом политического конфликта, все равно, сознают ли это борющиеся или нет. Наша задача—разъяснить массе «академических» зротестантов объективное значение этого конфликта, постараться сделать его с о з н а т е л ь н о политическим, удесятерить агитационную деятельность соц.-демократических групп студенчества и в с ю эту деятельность н а п р а в и т ь к тому, чтобы усвоены были революционные выводы из истории 3-х лет, чтобы понята была неизбежность новой революционной борьбы, чтобы наши старые— и оставшиеся вполне современными—лозунги низвержения само-

державия и созыва Учредительного Собрания снова стали предметом обсуждения и оселком политической концентрации свежих поколений демократии.

От такой работы с.-д. студенты не вправе отказаться ни при каких условиях,—и, как бы трудна ни была эта работа в данный момент, какие бы неудачи ни постигли тех или иных агитаторов в том или ином университете, землячестве, собрании и т. д., мы скажем: толците и отверзется! Работа политической агитации никогда не пропадает даром. Успех ее измеряется не только тем, удалось ли нам сейчас же и сразу добиться большинства или согласия на координированное политическое выступление. Возможно, что мы этого не добьемся сразу: на то мы и организованная пролетарская партия, чтобы не смущаться временными неудачами, а упорно, неуклонно, выдержанно вести свою работу хотя бы при самых трудных условиях.

Печатаемое нами ниже воззвание Спб. коалиционного студенческого совета⁸⁷⁾ показывает, что даже самые активные элементы студенчества упорно держатся за чистый академизм и тянут пока еще кадетско-октябристскую песенку. И это в то время, как кадетско-октябристская печать держится по отношению к забастовке самым гнусным образом, доказывая в самом разгаре борьбы, что она вредна, преступна и т. д. Отпор, который счел нужным дать Петербургский Комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать (см. «Из партии»⁸⁸⁾).

Очевидно, современному студенчеству недостаточно еще, для превращения его из «академиков» в «политиков», бичей Шварца, ему нужны еще скорпионы новых и новых черносотенных фельдфебелей для полного революционного обучения новых кадров. Над этими кадрами, обучаемыми всей Столыпинской политикой, обучаемой каждым шагом контр-революции, должны неустанно работать и мы, с.-д., видящие ясно объективную неизбежность новых буржуазно-демократических конфликтов в национальном масштабе с самодержавием, которое сплотилось с черносотенно-октябристской Думой.

Да, в национальном масштабе, ибо черносотенная контр-революция, поворачивая Россию вспять, не только закаляет новых борцов в рядах революционного пролетариата, но и вызовет неизбежно новое движение непролетарской, т.-е. буржуазной демократии (понимая под этим, конечно, не участие в борьбе

всей оппозиции, а широкое участие действительно демократических, т.-е. способных на борьбу элементов буржуазии и мелкой буржуазии). Начало массовой студенческой борьбы в России 1908 года есть политический симптом, симптом всего современного положения, созданного контр-революцией. Тысячи и миллионы нитей связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д. Если весной 1908 г. делались попытки возродить «Союз Освобождения»⁸⁹⁾ полее, чем старый кадетский, полупомещичий, Петром Струве представляемый Союз,—если осенью начинает волноваться масса молодежи, наиболее близкой к демократической буржуазии в России,—если завыли снова с удесятенной злобой продажные писаки против революции в школах,—если стонут и плачут подлые либеральные профессора и кадетские вожди по поводу несвоевременных, опасных, гибельных стачек, неугодных милым октябристам, способных «оттолкнуть» октябристов, господствующих октябристов,—значит, прибывает новый порох в пороховницах! значит, не только в студенчестве начинается реакция — против реакции.

И как бы слабо и зачаточно ни было это начало, партия рабочего класса должна использовать и использует его. Мы умели работать годы и десятилетия перед революцией, внося свои революционные лозунги сначала в кружки, потом в массы рабочих, потом на улицу, потом на баррикады. Мы должны суметь и теперь наладить прежде всего то, что является задачей дня, без чего пустыми словами будут разговоры о координированном политическом выступлении,—именно: крепкую пролетарскую организацию, ведущую всюду и везде политическую агитацию в массах во имя своих революционных лозунгов. За эту организацию в своей студенческой среде, за эту агитацию на почве данного движения должны приняться и наши университетские группы.

Пролетариат не заставит себя ждать. Он часто уступает буржуазной демократии первенство выступлений на банкетах, в легальных союзах, в стенах университетов, с трибуны представительных учреждений. Он никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс. Не так скоро и не так легко созревают все условия для взрыва этой борьбы, как хотелось бы тому или иному из нас,—но эти

условия зреют и назревают неизменно. И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним—не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра—последуют большие продолжения.

*«Пролетарий» № 36
от 3 (16) октября 1908 года.*

Заседание Международного Социалистического Бюро.

В воскресенье 11 октября нов. ст. состоялось в Брюсселе первое заседание Международного Социалистического Бюро после Штуттгартского Конгресса. Съезд представителей различных социалистических партий был выбран при этом как удобный момент для конференций социалистических журналистов и парламентариев. Первая конференция состоялась накануне собрания Бюро, вторая на другой день после собрания, при чем необходимо отметить, что состав обеих конференций почти не отличался от состава Бюро: большинство членов Бюро были и журналистами и парламентариями. Только несколько бельгийских социалистов-депутатов пополнили состав конференции в понедельник 12 октября.

Конференция журналистов состоялась в субботу в 3 часа дня. Обсуждался вопрос об урегулировании и развитии сношений между периодическими органами различных социалистических партий. Бельгийцы составили список корреспондентов из числа членов их партии, готовых давать сведения в органы других партий по тем или иным (преимущественно) вопросам. Было высказано пожелание, чтобы такие же списки составлены были и другими партиями, при чем указано на необходимость отмечать, каким языком владеет корреспондент. Заграничные бюллетени партии с.-р. («Русская Трибуна» на французском языке) и с.-д. (на немецком языке) были отмечены, как особенно полезные для наших иностранных товарищей издания. Было указано также, что для тех стран, где существуют различные социалистические партии или различные направления в одной партии, необходимо отмечать в списках корреспондентов принадлежность к той или иной партии и т. д. Русским социал-демократам, живущим за границей, следовало бы воспользоваться этой международной кон-

ференцией для более правильной постановки корреспонденций в иностранные социалистические органы.

Конференция приняла решение, что Международное Социалистическое Бюро снесется с теми нациями, у которых нет ежедневных социалистических газет, по вопросу об издании регулярных бюллетеней (на одном из трех официальных языков Интернационала, или на всех этих трех языках, французском, немецком, английском). Затем бюро запросит редакции социалистических ежедневных газет разных стран, какую сумму согласны бы были они платить за правильное получение таких бюллетеней.

На это решение Заграничному Бюро Центрального Комитета нашей партии следует обратить особенное внимание. Дело осведомления наших иностранных товарищей о российской социал-демократии поставлено далеко не удовлетворительно, и вопрос об урегулировании этого дела, об издании партийного бюллетеня на трех языках за границей следовало бы немедленно серьезно обсудить и сделать все возможное для практического осуществления такого плана.

Далее обсуждалось предложение секретаря Бюро. К Гюисманса ⁹⁰⁾ о том, чтобы германские с.-д., имеющие 70 ежедневных партийных органов, взяли на себя почин создать Международное Бюро телеграфных и телефонных сношений между редакциями социалистических газет в Берлине, Вене, Париже, Брюсселе и т. д. Немецкие делегаты признали немедленное осуществление этого плана невозможным, но указали, что в Германии создано недавно центральное информационное бюро германской с.-д. рабочей партии и что со временем, когда это дело прочно встанет на ноги, можно будет подумать о превращении этого бюро в международное. Конференция удовлетворилась этим обещанием, и заседание было закрыто после решения совмещать и впредь заседания Международного Социалистического Бюро с конференциями социалистических журналистов разных стран.

Вечером в «Maison du Peuple» состоялся международный митинг, на котором говорили делегаты австрийские, немецкие, английские, турецкий и болгарский—главным образом на тему о международных конфликтах и о борьбе социалистического пролетариата всех стран за сохранение мира. Закончился митинг единогласным принятием резолюции такого содержания: «Международный митинг, собравшийся 10 октября (н. ст.) в «Maison du Peuple», подтверждает еще раз энергичное решение

всемирного пролетариата отстаивать мир между нациями и бороться изо всех сил против капиталистического милитаризма, разоряющего и угнетающего все народы. Митинг выражает уверенность, что различные национальные отделы рабочего Интернационала будут применять полностью решение, принятое по этому вопросу Международным Социалистическим Конгрессом в Штуттгарте». Собрание разошлось под пение «Интернационала».

Следующий день был посвящен весь заседанию Международного Социалистического Бюро. Первый вопрос порядка дня,— о допущении английской «Рабочей Партии» («Labour Party») — занял все предобеденное заседание. Дело в том, что по уставу Интернационала членами его могут быть, во-первых, социалистические партии, признающие классовую борьбу, и, во-вторых, рабочие организации, стоящие на точке зрения классовой борьбы (т.-е. профессиональные союзы). Образовавшаяся недавно в английской палате общин «Рабочая Партия» не называет себя открыто социалистической и не признает решительно и определенно принципа классовой борьбы (чего, в скобках будь сказано, требуют от этой партии английские социал-демократы). Но само собою разумеется, что в Интернационал вообще и на Штуттгартский Социалистический Конгресс в частности эта «Рабочая Партия» была допущена, ибо по существу дела эта партия есть организация смешанного типа, стоящая между теми двумя типами, которые определены в 1-м и во 2-м пункте устава Интернационала,—представляющая из себя политическое представительство английских трэд-юнионов. Там не менее, вопрос о допущении этой партии был поднят и поднят ею самой в лице так называемой «Независимой Рабочей Партии» («Independent Labour Party», Ай-Эл-Пи, как говорят англичане), составляющий одну из двух подсекций британской секции Интернационала. Другую подсекцию составляет «С.-Д. Федерация».

«Независимая Рабочая Партия» требовала прямого признания того, что «Рабочая Партия» входит в Интернационал. Делегат ее, Брус Глейзийер (Bruce Glazier), настаивал на громадном значении этого представительства в парламенте сотен тысяч организованных рабочих, все определеннее и определеннее идущих к социализму. О принципах, формулах, катехизисе он отозвался очень пренебрежительно. Каутский отвечал ему, отгораживая себя от этой пренебрежительной оценки принципов и конечной цели социализма, но всецело высказываясь за допущение «Рабо-

чей Партии», как ведущей классовую борьбу на деле. Каутский предложил резолюцию такого содержания:

«Принимая во внимание прежние решения Международных Конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное Бюро объявляет, что английская «Рабочая Партия» допускается на Международные Социалистические Конгрессы, так как она, не признавая прямо (ausdrücklich) пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий». На стороне Каутского стояли австрийцы, из французов—Вальян ⁹¹⁾ и, как показало голосование, большинство мелких наций. Возражали прежде всего Гайндман ⁹²⁾, представитель английской «С.-Д. Федерации», требовавший, чтобы дело осталось в старом положении, пока Рабочая Партия не признает прямо принципа классовой борьбы и социализма,—затем Руссель (гэdistка, бывшая второй французской делегаткой), Рубанович ⁹³⁾ от партии с.-р. и Аврамов, делегат от революционной фракции болгарских социалистов.

Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского. Невозможно отказать в допущении «Рабочей Партии», т.-е. парламентского представительства трэд-юнионов, раз Конгрессы допустили уже раньше все трэд-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильно—сказал я—вторая часть резолюции Каутского, ибо на деле «Рабочая Партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку: сказать в конце резолюции, начиная со слова «так как»,—

«так как она (Рабочая Партия) представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к с о ц и а л и с т и ч е с к о й рабочей партии».

Эта поправка была мной внесена в Бюро. Каутский не принял моей поправки, заявивши в следующей своей речи, что на основании «ожиданий» Международное Бюро не может принимать решений. Но главная борьба шла между сторонниками и противниками всей резолюции Каутского в целом. При голосовании Аллер предложил разделить ее на две части, и обе были приняты Международным Бюро, первая против 3-х голосов при 1 воздержавшемся, вторая против 4-х голосов при 1 воздержавшемся. Резо-

люция Каутского стала таким образом решением Бюро. Воздерживался в обоих голосованиях Рубанович. Отмечу еще, что Виктор Адлер⁹⁴⁾, говоря после меня и до второй речи Каутского, возражал мне таким образом:—цитирую по отчету бельгийского социалистического органа «Le Peuple», дававшего наиболее подробные и точные отчеты о заседаниях,—«предложение Ленина соблазнительно (*séduisante*, Адлер сказал: *verlockend*, заманчиво), но оно не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая Партия» встала вне буржуазных партий. Не наше дело судить, как она это сделала. Признаем факт прогресса».

Таковы были прения в Международном Бюро по разбираемому вопросу. Я позволю себе теперь остановиться подробнее на этих прениях, чтобы объяснить занятую мной позицию читателям «Пролетария» Доводы В. Адлера и К. Каутского меня не убедили, и я продолжаю считать их неправильными. Говоря в своей резолюции, что Рабочая Партия «не признает прямо пролетарской классовой борьбы», Каутский, несомненно, высказал некоторое «ожидание», некоторое «суждение» насчет того, какова политика Рабочей Партии теперь и какова она должна бы была быть. Но Каутский выразил это косвенно, и притом так, что получилось утверждение, во-первых, неправильное по существу и, во-вторых, дающее повод к кривотолкованию мысли Каутского. Что «Рабочая Партия» в Англии, отделяясь в парламенте (не на выборах! не во всей своей политике! не в своей пропаганде и агитации!) от буржуазных партий, делает первый шаг к социализму и классовой политике пролетарских массовых организаций,—это бесспорно. Это—не «ожидание», а факт, который заставляет нас принять в Интернационал «Рабочую Партию», раз мы приняли в нее трэд-юнионы. Наконец, именно такая формулировка заставила бы сотни тысяч английских рабочих, безусловно уважающих решения Интернационала, но не ставших еще вполне социалистами, задуматься лишний раз над тем, почему их признают сделавшими только первый шаг, и каковы должны быть дальнейшие шаги по этому пути. В моей формулировке нет и тени претензии на то, чтобы Интернационал брался решать конкретные и детальные вопросы национального рабочего движения, брался определять, когда именно и какие именно дальнейшие шаги сделать необходимо. А что вообще нужны дальнейшие шаги, этого нельзя не признать по отношению к партии, не принимающей прямо и ясно принципа классовой борьбы. Это признал

Каутский в своей резолюции косвенно вместо того, чтобы признать это прямо. Вышло так, будто Интернационал ручается за то, что Рабочая Партия на деле ведет последовательную классовую борьбу, будто достаточно организации рабочих отделиться в парламенте в отдельную рабочую группу для того, чтобы стать во всем своем поведении независимой от буржуазии!

Несомненно, что Гайндман, Руссель, Рубанович и Аврамов заняли по этому вопросу еще более неправильную позицию (которую не исправил, а запутал Рубанович своим воздержанием от голосования по обеим частям резолюции). Когда Аврамов сказал, что допустить Рабочую Партию значит поощрить оппортунизм, это было вопиюще неправильное мнение. Стоит припомнить хотя бы письма Энгельса к Зорге. В течение целого ряда лет Энгельс упорно настаивает на том, что английские с.-д. с Гайндманом во главе делают ошибку, поступая по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту трэд-юнионов, превращая марксизм в «догму», тогда как он должен быть «руководством для действия». Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности в гуще пролетарских масс. Эти уроки Энгельса подтверждены дальнейшим развитием событий, когда английские трэд-юнионы, замкнутые, аристократические, мещански-эгоистические, враждебные социализму, выдвинувшие ряд прямых предателей рабочего класса, продавшихся буржуазии за министерское местечко (вроде негодяя Джона Бернса),—стали, тем не менее, п о д х о д и т ь к социализму, неловко, непоследовательно, криво, но все же подходить к социализму. Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе, что социализм становится в этой стране о п я т ь массовым движением, что социальная революция надвигается в Великобритании,—этого могут не видеть только слепые люди.

Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому повороту. Но из этого вовсе не следует, чтобы «Рабочую Партию» можно было теперь уже признать на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалисти-

ческой и т. д. Надо было исправить одну несомненную ошибку английской «С.-Д. Федерации», но не надо было создавать хотя бы тени поощрения другим, несомненным, не менее важным ошибкам английских оппортунистов, руководящих так наз. «Независимой Рабочей Партией». Что эти руководители—оппортунисты, это бесспорно. Р. Макдональд⁹⁵), вождь I. L. P. (Ай-Эл-Пи), предлагал даже в Штуттгарте изменить второй пункт устава Интернационала таким образом, чтобы вместо признания классовой борьбы требовалась только добросовестность (*bona fides*) рабочих союзов для вступления в Интернационал. Каутский сам сразу же поймал оппортунистические нотки в словах Бруса Глейзиера и отгородился от них—в своей речи в Бюро, но, к сожалению, не в своей резолюции. Речь в Бюро сказана для дюжины лиц, а резолюция написана для миллионов. Предо мной лежат газеты обоих направлений английского социализма с отзывами о заседании Международного Бюро. Орган «Независимой (гм! гм!) Рабочей Партии», «Labour Leader» ликует и прямо говорит десяткам тысяч английских рабочих, что М. С. Бюро не только признало «Рабочую Партию» (это правда и это необходимо было сделать), но «признало также политику I. L. P.» («Labour Leader», oct. 16, 1908, p. 665). Это—неправда. Этого Бюро не признало. Это есть незаконное оппортунистическое истолкование маленькой неловкости в резолюции Каутского. Маленькая неловкость начинает приносить довольно большие плоды. А тут еще на помощь приходят плохие переводы: недаром итальянцы говорят, что переводчики—изменники (*traduttori—traditori*). Официального перевода резолюций Бюро на три официальных языках еще не вышло, и, когда они выйдут, неизвестно. У Каутского сказано, что «Рабочая Партия» становится на почву классовой борьбы» (конец резолюции; в оригинале: *sich... auf seinen, d. h. des Klassenkampfes, Boden stellt*), а в переводе английских с.-д. вышло: «становится на почву международного социализма»;—в переводе английских оппортунистов (I. L. P.) вышло: «принимает позицию международного социализма» (там же). Подите-ка теперь, поправьте такие ошибочки в агитации перед английскими рабочими!

Я далек от мысли обвинять Бруса Глейзиера в искажении резолюции. Я уверен, что он не мог иметь этого в виду. Да это и не так важно. Важно использование духа именно второй части резолюции Каутского в практической массовой работе. На той же

странице «Labour Leader» другой член «Независимой Рабочей Партии», описывая свои впечатления по поводу заседания Бюро и митинга в Брюсселе, жалуется на то, что на митинге «почти не заметно было подчеркивание идеальной и этической стороны социализма»,—каковая сторона всегда-де подчеркивается у нас, на митингах I. L. P.,—и было преобладание «вместо этого» (in its stead) «бездушной и чуждой вдохновения» (barren and uninspiring) «догмы о классовой войне».

Когда Каутский писал свою резолюцию об англичанах, ему предносился не английский «независимец», а немецкий социал-демократ...

Орган английских с.-д. «Justice» гомещает горькие слова Гайндмана против большинства Бюро, «выкидывающего вон принципы ради удобства переметных сум». «Я нисколько не сомневаюсь,—пишет Гайндман,—что если бы «Рабочей Партии» был поставлен прямой ультиматум со стороны Бюро, то она немедленно подчинилась бы и решила бы сообразоваться с направлением международного социализма». А в другой статье того же номера приводятся факты, доказывающие, что на деле «Независимая Рабочая Партия» провела часть своих членов под спутанным флагом и «либерализма и Независимой Рабочей Партии» (liberal-labour alliance) и что некоторых «независимцев» поддерживал либеральный министр Джон Бернс («Justice», 17 octobre, 1908, p. 4 et 7).

Нет, если Гайндман осуществит тот план, о котором он сообщает, именно: поднимет этот вопрос вновь на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене (в 1910 г.), то Р. С.-Д. Р. П. должна добиваться исправления резолюции Каутского.

Вторым пунктом в порядке дня был вопрос об общем выступлении пролетариата и социалистов разных стран против международных и колониальных столкновений, которыми грозит политика буржуазных правительств. Вальян внес резолюцию, которая была принята с очень небольшими изменениями. В прениях австрийские делегаты есылались на то, что их партия в делегациях официально выступает против политики Франца-Иосифа и подтверждает признание социалистами права всех национальностей на самоопределение. Но, выступая против политики Франца-Иосифа, мы также против,—говорили австрийцы,—политики

Абдул-Амида или Эдуарда VII. Наше дело возложить на правительства ответственность за последствия его деяний. Англичане выражали пожелание более определенных заявлений со стороны австрийских с.-д. против их правительства, но австрийцы не пошли дальше вышеуказанного. Аврамов, делегат от болгарских социалистов («узких», т.-е. революционных с.-д.; в Болгарии есть еще «широкие», т.-е. оппортунистические с.-д.), настаивал на упоминании об империалистской буржуазии самих балканских государств, но соответствующая поправка была отклонена. По вопросу о провозглашении болгарской независимости,—заявил Аврамов,—болгарские социалисты решительно выступили против буржуазных партий, считая это провозглашение вредной авантюрой с точки зрения рабочего класса. Брус Глейзиер предлагал вставить в резолюцию указание на необходимость организаций международных демонстраций, но это пожелание решено было через Бюро сообщить отдельным национальным партиям. Ван-Коль (делегат от голландских с.-д.) предлагал вставить протест против нарушения державами берлинского трактата, но перед голосованием взял это предложение назад: было указано, что не дело социалистов защищать специально трактаты буржуазных государств. Текст принятой Международным Бюро резолюции следующий:

«Констатируя прежде всего, что английские и немецкие социалисты своими манифестациями в пользу мира, французские социалисты своей агитацией против мароккской экспедиции, датские социалисты своим предложением в пользу разоружения действовали сообразно решениям Интернационала.

«Принимая далее во внимание, что опасность войны остается, что капиталистический империализм продолжает интриговать в Англии и в Германии, что мароккская экспедиция и авантюра продолжается, что царизм, ища прежде всего новых займов, старается запутать положение, чтобы укрепиться в своей борьбе против русской революции, что на Балканском полуострове вмешательство иностранных держав и их корыстные стремления разжигают более, чем когда-нибудь, национальные и религиозные страсти, что в самое последнее время провозглашение независимости Болгарии и в особенности присоединение к Австрии Боснии и Герцеговины ⁹⁶⁾ увеличили опасность войны и сделали эту опасность более близкой; что, наконец, повсюду заговоры правительств, их усиленные вооружения, военщина и капитали-

стическая конкуренция и грабеж колоний составляют угрозу миру,—

«Международное Социалистическое Бюро подтверждает еще раз, что социалистическая партия и организованный пролетариат есть единственная сила, способная сохранить международный мир, и что они считают своим долгом сохранять его.

«Бюро призывает социалистические партии всех стран, согласно резолюции Штуттгартского Международного Конгресса, усилить свою бдительность, свою деятельность, напрягая все силы в указанном направлении, и предлагает центральным комитетам и правлениям партий, их парламентским фракциям, их делегатам в Бюро изыскивать вместе с секретариатом Международного Социалистического Бюро средства и практические мероприятия как национальные, так и интернациональные, которые, сообразно с теми или иными конкретными обстоятельствами, всего больше могли бы помочь предупреждению войны и сохранению мира.

Третьим пунктом порядка дня было предложение британской секции регулярно созывать Межд. Соц. Бюро дважды в год. Обязательной резолюции по этому вопросу не принято. Выражено только пожелание в этом смысле. Видимо, громадное большинство не считает необходимым собрания чаще раза в год, как было до сих пор,—конечно, за исключением экстренных случаев.

Четвертый пункт порядка дня состоял в предложении Бюро изменить размеры взносов каждой партии на содержание Бюро. До сих пор номинальные доходы Бюро составлялись из 14.950 франков в год (около 6.000 руб.); предполагено повысить эту сумму до 26.800 фр. или, за вычетом обычных недоимок, до 20.000 фр. (8.000 р.) круглым счетом. Для этого каждая партия должна бы была вносить в год по 100 фр. за каждый голос, предоставленный ей на международных социалистических съездах. Россия имеет 20 голосов и должна будет платить, следовательно, 2.000 фр. в том числе 700 франков с.-р., 1.000 франков—с.-д. и 300 фр.—профессиональные союзы. До сих пор Россия платила 1.500 франков в год, в том числе мы—900 франков (по соглашению с партией с.-р.). Обязательного постановления по данному вопросу тоже не принято. Поручено Бюро снестись с национальными партиями и выражено пожелание, чтобы взносы составляли по 100 фр. в год за каждый голос.

Пятый пункт касался изменения числа голосов для Швеции—повышено до 12 голосов—и для Венгрии—общее повышение отложено, прибавлено 2 голоса для Кroatии. Допущена также армянская подсекция турецкой секции раньше, чем эта турецкая секция еще образовалась—армянские социалисты в Турции отказываются де «ждать» турок,—при чем этой подсекции дано 4 голоса. Было бы желательно, чтобы наши товарищи—армянские с.-д., знающие положение армянского социализма в Турции, высказали свое мнение по этому вопросу.

Шестой пункт порядка дня касался принятия социал-демократической партии в Чили. Партия эта образовалась после раскола демократической партии в Чили. Чилийских с.-д. приняли тоже без прений.

Седьмой пункт порядка дня касался вопроса о сионистах-социалистах в России. Как известно, они обратились перед Штуттгартским Съездом в Ц. К. нашей партии с предложением принять их в с.-д. подсекцию русской секции Интернационала. Наш Ц. К. отказал, принявши мотивированную резолюцию против включения в число с.-д. сионистов, хотя бы они и называли себя «сионистами-социалистами». Представитель с.-с. явился в Штуттгарт, и в Штуттгарте наша подсекция отказалась принять его, а с.-р. воздержались. Так как, по уставу, новые члены Интернационала могут быть принимаемы лишь с согласия национальных секций (при чем при разногласии двух национальных подсекций вопрос окончательно решается Международным Бюро), то с.-с. нормальным путем попасть на съезд не могли. Они пожаловались в Бюро, которое тогда же приняло компромиссное решение: допустить на съезд с совещательным голосом представителя с.-с. Теперь пришлось разбираться в созданной путанице: члены ли Интернационала с.-с. или нет? В. Адлер высказался, как и в Штуттгарте, решительно против с.-с., отказавшись отложить дело, как просили с.-с., приславшие телеграмму, что они не могут явиться. Неявка,—сказал В. Адлер,—бывает иногда лучшим способом защиты. Я взял слово, чтобы напомнить еще раз решение нашего Ц. К. и указать на то, что допущение с.-с. против воли обеих русских подсекций было бы невозможным нарушением устава Интернационала. Рубанович и представитель «Серпа» (Серп=Социалистическая Еврейская Рабочая Партия, принятая в Штуттгарте с.-р. в свою подсекцию) Житловский держали горячие речи против недопущения с.-с., при чем Руба-

нович не мог, однако, сообщить об ином решении партии с.-р., кроме воздержания по этому вопросу, а Житловский явным образом при виде неминуемого исключения с.-с-ов защищал самого себя, доказывая с забавной горячностью, что, если сионисты-социалисты—территориалисты, то и они, «Серп», тоже территориалисты. Разумеется, отсюда вытекало не то, что следует принять с.-с-ов, а только то, что едва ли кто-нибудь другой в Интернационале, кроме с.-р-ов, согласился бы принять и «Серп». Взявши второй раз слово, я категорически протестовал против приема Рубановича: навязывать сионистов чужой подсекции, в то же время не давая решения своей подсекции в пользу сионистов. Бюро приняло единогласно (при двух воздержавшихся: Рубанович и Вальян) резолюцию Адлера, которая гласит:

«Бюро констатирует, что допущение сионистов (с совещательным голосом) было сделано по отношению к заседаниям Штуттгартского Конгресса, что сионисты в настоящее время не присоединены к Международному Бюро, и переходит к очередным делам».

Восьмым и последним пунктом порядка дня было утверждение, почти без прений, особого состава делегации французских социалистов в Международном Бюро. Одним делегатом от Франции назначен Гэд, второй же голос Франции в Бюро передан двум делегатам, Вальяну и Жоресу вместе.

Заседание Бюро закончилось единогласным принятием предложенной бельгийским делегатом де-Брукэром резолюции сочувствия турецкой революции:

«Международное Социалистическое Бюро с радостью приветствует падение того гнусного режима, который Абдул-Гамид так долго поддерживал в Турции при помощи держав,—приветствует открывшуюся для народов Турецкой империи возможность самим распорядиться своей судьбой и введение режима политической свободы, который позволит рождающемуся пролетариату вести свою классовую борьбу в тесном единении с пролетариатом всего мира».

В понедельник 12 октября состоялось заседание междупарламентской конференции. В порядке дня стояли три пункта: 1) последняя парламентская сессия, 2) колониальные реформы (доклад Ван-Коля) и 3) о деятельности социалистов в пользу мира внутри междупарламентского союза (доклад Ляфонтэна, бельгийского депутата),—затем четыре вопроса: а) условия платы

строительным рабочим в случае банкротства предпринимателей, б) голосование посредством писем, в) новые списки членов парламентских групп и их секретарей и г) посылка документов.

По первому пункту порядка дня ограничились подтверждением, по предложению Пернерсторфера, решения Штуттгартского Конгресса: секретари парламентских фракций приглашаются доставлять в Международное Социалистическое Бюро п и с ь м е н н ы е о т ч е т ы фракции. К такому же напоминанию привел краткий обмен мнений по двум последним из указанных «вопросов». По двум первым «вопросам» вкратце были указаны материалы и предположения, имеющиеся на этот счет у некоторых социалистических депутатов. Доклад Ляфонтэна был, по предложению докладчика, отложен. Австрийцы и немцы указали по этому поводу, что они против участия социалистов в буржуазных парламентских конференциях в пользу мира. Шведский делегат Брантинг ⁹⁷⁾ сослался на особые условия, объясняющие, будто бы, участие в этих конференциях шведских с.-д. По его же предложению, в порядок дня следующей междупарламентской конференции, которая состоится одновременно с следующим заседанием Бюро, внесен вопрос о государственном страховании рабочих.

Единственным пунктом порядка дня, по которому был прочтен краткий доклад и были не лишены интереса прения, оказался вопрос о колониальных реформах. Голландский делегат Ван-Коль, прославивший себя своей оппортунистической резолюцией по колониальному вопросу в Штуттгарте, в своем докладе пытался несколько с иной стороны протащить свою излюбленную идейку о «положительной» колониальной программе социал-демократии. Совершенно оставив в стороне борьбу с.-д. против колониальной политики, агитацию в массах против колониального грабежа, пробуждение духа отпора и сопротивления у угнетенных масс в колониях, Ван-Коль все внимание сосредоточил на перечне возможных «реформ» колониального быта при данных порядках. Как благонамеренный чиновник, перечислял он самые различные вопросы, начиная от собственности на землю, кончая школами, поощрением промышленности, тюрьмами и т. д., подчеркивая при этом необходимость быть попрактичнее, считаться, например, с тем, что всеобщее избирательное право не всегда применимо к дикарям, что нельзя иногда не согласиться с необходимостью учреждения в колониях вместо тюрем обязательных работ и т. д., и т. д. Весь доклад был пропитан не духом пролетар-

ской классовой борьбы, а духом самого мелкого буржуазного, даже хуже, чиновничьего, реформаторства. В заключение предлагался выбор комиссии от пяти главнейших, владеющих колониями, стран для выработки колониальной программы социал-демократии.

Молькенбур от немцев и некоторые бельгийцы попробовали было пойти по дорожке Ван-Коля, споря с ним о частностях, о том, нужна ли единая общая программа, не будет ли это шаблонизированием и т. д. Ван-Колю такая постановка вопроса была только на руку, ибо ему именно хотелось свести все к «практике» и доказать, что «на практике» разногласия меньше, чем казалось в Штуттгарте. Но Каутский и Ледебур⁹⁸⁾ дали принципиальную постановку вопроса и напали на основную фальшь всей позиции Ван-Коля. Ван-Коль допускает непримиримость хотя бы в единичных случаях всеобщего избирательного права,—говорил Каутский,—значит, он так или иначе мирится с деспотизмом в колониях, ибо никакой иной избирательной системы он не предлагает и предложить не может. Ван-Коль допускает обязательные работы,—говорил Ледебур,—значит, он открывает двери буржуазной политике, пользующейся тысячами различных предлогов для сохранения рабства в колониях. Ван-Коль защищался чрезвычайно упорно и чрезвычайно плохо, доказывая, например, что без натуральных повинностей иногда не обойтись, что «он сам видел это на Яве», что папуасы не знают, что значит голосовать, что на выборах иногда решает у них прямое суеверие или просто спаивание ромом и т. д. Каутский и Ледебур высмеяли такие доводы, отстаивая безусловную применимость нашей общей демократической программы и к колониям, необходимость выдвинуть на первый план борьбу с капитализмом и в самих колониях. Лучше ли суеверия наших «образованных» католиков, чем суеверия дикарей?—спрашивал Ледебур. Если не всегда применимы парламентские и представительные учреждения—говорил Каутский,—то всегда применим демократизм, всегда обязательна борьба против всякого отступления от демократизма. Линия революционной и оппортунистической социал-демократии с полной ясностью выступила в результате этих прений, и Ван-Коль, увидевши, что его предложение, несомненно, будет «похоронено по первому разряду», сам взял его обратно.

События на Балканах и в Персии.

За последнее время балканские события заполнили политическую прессу не только России, но и всей Европы. Некоторое время опасность европейской войны казалась придвинувшейся совсем близко, да и сейчас еще—хотя гораздо больше вероятности, что дело ограничится шумом и криком, а до войны не дойдет,—опасность ее все же далеко не устранена.

Бросим общий взгляд на характер кризиса и на те задачи, которые он возлагает на русскую рабочую партию.

Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной стороны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контр-революция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контр-революционную коалицию держав с Россией во главе. Правда, это последнее утверждение, на первый взгляд, противоречит общему тону европейской прессы и заявлений дипломатии: послушать эти заявления, поверить статьям официозов—все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью» буржуазных младотурков.

Но все эти речи—образец подлого буржуазного лицемерия современных реакционных правительств Европы и современной реакционной европейской буржуазии. На деле ни одна европейская страна, называющая себя демократией, ни одна европейская буржуазная партия, именующаяся демократической, прогрессивной, либеральной, радикальной и т. п., не доказала ничем своего действительного желания помочь турецкой революции, ее победе, ее упрочению. Напротив, все боится успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны,—победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии, усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику

черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России, и так далее.

Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контр-революционной коалиции европейских держав прот и в растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами контр-революционную коалицию так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии.

Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия,—чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача,—задача международной социал-демократии—разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего.

Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии,—затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов,—вот два двигателя всей европейской политики. Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т.-е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов,—и в то же самое время Турцию продолжают грабить по-прежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младотурков и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику раздела Турции. Чрезвычайно верно и метко сказала по

этому поводу «Лейпцигская Народная Газета», орган местных соц.-дем.:

«В мае 1791 года дальновидные государственные люди, действительно заботящиеся о благе родины, провели политическую реформу в Польше. Король прусский и император австрийский хвалили конституцию 3 мая⁹⁹), приветствовали ее, как дело, «несущее благо соседнему государству». Весь свет расхваливал польских реформаторов за ту «умеренность», с которой они принялись за свое дело в отличие от страшных якобинцев в Париже... 23 января 1793 года. Пруссия, Австрия и Россия подписали договор о разделе Польши!

«В августе 1908 года младотурки провели политическую реформу, прошедшую необыкновенно гладко. Весь свет хвалил их за благопристойную «умеренность», с которой они принялись за дело в отличие от страшных социалистов в России... В октябре 1908 года разыгрывается ряд событий, которые все ведут к де-лежу Турции».

В самом деле, было бы прямо ребячеством, если бы кто-нибудь вздумал верить словам дипломатов, не считаясь с делами их, с коллективным выступлением держав против революционной Турции. Достаточно сопоставить факт свидания и переговоров министров иностранных дел, глав некоторых государств—с последующими событиями, чтобы наивная вера в заявления дипломатов рассеялась, как дым. В августе и сентябре, как раз после младотурецкой революции и перед самыми декларациями Австрии и Болгарии мы наблюдаем свидание г. Извольского в Карлсбаде и Мариенбаде с королем Эдуардом, с премьером французской республики Клемансо, свидание министра иностранных дел Австрии, фон-Эренталя, с итальянским министром иностранных дел Титтони, в Зальцбурге, затем свидание Извольского с Эренталем 15 сентября в Бухлое, свидание Фердинанда, князя Болгарского, с Францом-Иосифом в Будапеште, свидание Извольского с фон-Шеном, германским министром иностранных дел, потом с Титтони и с королем итальянским.

Эти факты говорят сами за себя. Перед выступлением Австрии и Болгарии все существенное было уже переговорено самым конспиративным и непосредственным образом, при личном свидании королей и министров, между шестью державами: Россией, Австрией, Германией, Италией, Францией и Англией. Начавшаяся потом газетная перебранка из-за того, правду ли

сказал Эренталь, что Италия, Германия и Россия дали свое согласие на аннексию (присоединение) Боснии и Герцеговины Австрией или нет,—это все сплошная комедия, сплошной отвод глаз, на который поддаются только либеральные филистеры. Воротилы внешней политики европейских государств, Извольские, Эрентали и вся эта банда коронованных разбойников со своими министрами нарочно бросила кость печати: грызитесь, господа, пожалуйста, из-за того, кто кого надул и кто кого обидел, Австрия ли Россию, Болгария ли Австрию и т. д., кто «первый» начал рвать Берлинский трактат, кто и как относится к плану конференции держав и прочее и тому подобное. Пожалуйста, занимайте этими интересными и важными—о! чрезвычайно важными!—вопросами общественное мнение. Нам именно это и нужно, чтобы прикрыть г л а в н о е и о с н о в н о е: состоявшееся уже предварительное соглашение в коренном, т.-е. в выступлении против младотурецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах, в разрешении русскому черносотенному царю душисть персидскую революцию. Вот в чем вся суть, вот что нам, вождям реакционной буржуазии всей Европы, действительно нужно и что мы делаем. А либеральные дурачки в печати и в парламентах пусть займутся болтовней о том, с чего началось и как кто сказал и под каким соусом должна быть окончательно оформлена, подписана и показана всему свету политика колониального грабежа и подавления демократических движений.

Либеральная печать всех крупных европейских держав—кроме наиболее в данный момент «сытой» Австрии—занимается теперь тем, что обвиняет свое правительство в недостаточном соблюдении своих национальных интересов. Либералы каждой страны изображают свою страну и свое правительство наиболее неумелыми, наименее «использовавшими» положение, обманутыми и т. п. Именно эту политику ведут и наши кадеты, давно уже договорившиеся до того, что успехи Австрии внушают им «зависть» (буквальное выражение г. Милюкова). Вся эта политика либеральных буржуа вообще и политика наших кадетов в особенности есть самое отвратительное лицемерие, самое гнусное предательство действительных интересов прогресса и свободы. Ибо такая политика, во-первых, затемняет демократическое сознание народных масс, замалчивая заговор реакционных правительств;

во-вторых, она толкает каждую страну на путь так называемой активной внешней политики, т.-е. одобряет систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела балканского полуострова, вмешательства, всегда реакционного; в-третьих, эта политика прямо играет на руку реакции, заинтересовывая народы в том, сколько «мы» получим, сколько «нам» достанется при дележе, сколько «мы» выторгуем. Реакционным правительствам как раз в данный момент нужнее всего именно то, чтобы они могли сослаться на «общественное мнение» в подкрепление своих захватов или требований «компенсации» и т. п. Смотрите, дескать, печать моей страны обвиняет меня в чрезмерном бескорыстии, в недостаточном отстаивании национальных интересов, в податливости, она грозит войной, следовательно, мои требования, как самые «скромные и справедливые», всецело подлежат удовлетворению!

Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа, есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела. Политика кадетов особенно вредна потому, что она ведется под флагом «оппозиции», и вследствие этого сбивает с толку очень и очень многих, внушает доверие тем, кто не верит русскому правительству, развращает сознание масс. Поэтому и наши депутаты в Думе и все наши партийные организации должны иметь в виду, что нельзя сделать ни одного серьезного шага в деле социал-демократической пропаганды и агитации по поводу балканских событий, не разъясняя, и с думской трибуны, и в листках, и на собраниях, связи между реакционной политикой самодержавия и лицемерной оппозицией кадетов. Нельзя разъяснить народу всего вреда, всей реакционности царской политики, не разъясняя той же сущности кадетской внешней политики. Нельзя бороться с шовинизмом и черносотенством во внешней политике, не борясь с фразами, ужимками, недомолвками и подходами кадетов.

Вот пример того, до чего доводит социалистов податливость к точке зрения либеральной буржуазии. В известном органе оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический—???—Ежемесячник») Макс Шилнелъ пишет по поводу балканского кризиса: «Почти все мыслящие члены партии сочли бы это ошибкой, если бы мнение, еще раз высказанное недавно в нашем бер-

линском центральном органе (т.-е. в «Vorwärts'e»), получило преобладание, именно то мнение, что Германии нечего искать ни в теперешних, ни в будущих переворотах на Балканах. Понятно, нам не надо стремиться к территориальным приобретениям... Но несомненно, что крупные перегруппировки держав в этой области, служащей важным соединительным звеном между Европой, всей Азией и частью Африки, самым непосредственным образом затрагивают наше международное положение... Всякое сколько-нибудь решающее значение русской реакционной махины пока совершенно отпадает... В России... мы не имеем основания видеть врага во всяком случае и во что бы то ни стало, как считала ее врагом демократия 50-х г.г.» (S. 1319).

Этот глупенький либерал, прикрывающий себя маской социалиста, не заметил реакционных интриг России за ее «заботами» о «славянских братьях»! Говоря: «мы» (от имени немецкой буржуазии), «наше» положение и т. п., он не заметил ни удара младотурецкой революции, ни шагов России против персидской революции!

Приведенные слова напечатаны в журнале, помеченном 22 октября, 18-го (5) октября «Новое Время» поместило громовую статью по поводу того, что «анархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского официоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой статье «адербейджанским Пугачевым» (Азербейджан или Азербейджан есть северная провинция Персии; главный город этой провинции—Тавриз, население этой провинции, по Реклю, доходит почти до $\frac{1}{5}$ всего населения Персии). «Спрашивается,—писало «Новое Время»,—может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллионную торговлю на персидской границе?.. Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Азербейджан в этнографическом отношении представляют одно целое. ...Татарские полу-интеллигенты в Закавказьи, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посылают туда своих добровольцев... ..для нас гораздо важнее, чтобы смежный с нами Азербейджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию,

при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя».

20-го октября в немецкую «Франкфуртскую Газету» телеграфировали из Петербурга, что «компенсацией» для России предполагается оккупация Азербейджана. 24-го (11) октября та же газета поместила телеграмму из Тавриза: «Третьего дня шесть батальонов русской пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии перешли персидскую границу и ожидают сегодня в Тавризе».

Русские войска переходили персидскую границу в тот самый день, когда М. Шиппель, повторяя, как раб, уверения, в ой либеральной и полицейской печати, говорил немецким рабочим, что значение России, как реакционной глыбы, отошло в прошлое и что видеть в России врага во что бы то ни стало—ошибочно!

Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого. За неофициальным Ляховым следует официальная оккупация Азербейджана и повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 г., когда Николай I посылал войска против венгерской революции. Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, и не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни. Тогда России приходилось играть роль европейского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран. Теперь все крупнейшие державы Европы, не исключая «демократической» республики «красного» Клемансо, смертельно боясь всякого расширения демократии у себя дома, как идущего на пользу пролетариату, помогают России играть роль азиатского жандарма.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в с е н т я б р ь с к и й р е а к ц и о н н ы й з а г о в о р России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии в х о д и л а «свобода действий» России против персидской революции. Совершенно не важно, было ли это написано в каком-нибудь тайном документе, который будет напечатан много лет спустя в собрании исторических материалов, или это было только сказано Извольским его любезнейшим собеседникам, или сами эти собеседники «намекнули» на то, что мы вот переходим от «оккупации» к «аннексии», а вы, может быть, от Ляхова к «оккупации», или еще как-нибудь иначе,—все это имеет

ничтожное значение. Существенно то, что, как бы ни был мало оформлен сентябрьский контр-революционный заговор держав, но этот заговор есть факт и с каждым днем значение его выясняется все больше и больше. Это — заговор против пролетариата и против демократии. Это — заговор во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции. Это — заговор во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д., и т. д.

Свергнуть эту объединенную силу коронованных разбойников и международного капитала в состоянии только одна всемирная революция пролетариата. Злободневная задача всех социалистических партий — усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию, все факты, свидетельствующие о подлой роли всех союзных держав, всех одинаково, как непосредственных исполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма.

На русских с.-д. депутатов в Думе, — в которой ожидается и сообщение Извольского и кадетско-октябристский запрос, — ложится теперь чрезвычайно тяжелая, но и чрезвычайно высокая, великая обязанность. Они состоят членами учреждения, которое прикрывает политику главной реакционной державы, главного заговорщика контр-революции, и они должны найти в себе уменье и мужество сказать всю правду. В такой момент, как теперь, социал-демократическим депутатам черносотенной Думы многое дано, но многое с них и спросится. Ибо кроме них никому в Думе поднять голос против царизма не с октябристско-кадетской точки зрения. А кадетский «протест» в подобные времена и при подобных обстоятельствах хуже, чем ничто, ибо это может быть лишь протест из среды той же капиталистической волчьей стаи во имя той же волчьей политики.

Пусть же берется за работу и наша думская и все остальные наши партийные организации. Агитация в массах приобретает теперь значение во сто крат большее, чем в обыденные времена. Три обстоятельства должны быть выдвинуты при этом на первый план во всей нашей партийной агитации. Во-первых, в противоположность всей реакционной и либеральной печати, начиная от черносотенцев и до кадетов включительно, социал-демократия

срывает маску с дипломатической игры в конференции, в соглашение держав, в союзы с Англией против Австрии или с Австрией против Германии или какие бы то ни было иные. Наше дело—показать факт реакционного заговора держав, который уже состоялся, который правительства из всех сил стараются прикрыть комедией более открытых переговоров. Против дипломатических комедий за выяснение народу правды, за разоблачение международной анти-пролетарской реакции! Во-вторых, мы должны выяснить реальные, а не словесные плоды и результаты этого заговора: удар турецкой революции—содействие России в деле душения персидской революции—вмешательство в чужие дела и нарушение основного принципа демократии, права наций на самоопределение. Наша программа, как и программа всех с.-д. мира, отстаивает это право. И нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославила себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на действительный демократизм в тех или иных балканских странах. Единственная искренняя «забота» держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под колеса турецкой революции. Но, конечно, не от буржуазии может ждать рабочий класс такой политики!

Все буржуазные партии—вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов—стоят на точке зрения капиталистической внешней политики. Это—третье обстоятельство, на которое социал-демократия должна особенно энергично указывать. Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добиваясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство. И эта либеральная борьба против одного вида буржуазной внешней политики за другой вид такой же политики, эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстает от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы. Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки,

проливы и т. п.! Социал-демократия не разделяет нелепой мещанской утопии «мирного и справедливого» капиталистического прогресса. Социал-демократия борется против всего капиталистического общества, зная, что нет на свете другого защитника мира и свободы, кроме международного революционного пролетариата.

Р. С. После того, как эта статья была сдана в печать, в газетах появилась телеграмма Петербургского Телеграфного Агентства, опровергающая известие о переходе персидской границы русскими войсками. Телеграмма эта помещена в «Frankfurter Zeitung» 24/X, второе утреннее издание. В 3-м издании есть телеграмма из Константинополя, от 24/X 10 час. 50 мин. вечера. В этой телеграмме говорится, что вечером 24/X в Константинополе узнали о переходе персидской границы русскими войсками. Заграничная печать, кроме социалистической, пока молчит о вторжении русских войск в Персию.

Итог: Окончательно узнать всей правды мы пока не можем. Во всяком случае «опровержения», исходящие от царского правительства и из Спб. Телеграфного Агентства, конечно, никакого доверия не заслуживают. Что Россия с ведома держав ведет борьбу с персидской революцией всеми средствами, от интриг до посылки войск, это факт. Что она ведет политику, направленную к оккупации Азербейджана, это тоже несомненно. Если войска не перешли еще границу, то, наверное, все меры к тому приняты: без огня дыма не бывает.

*«Пролетарий» № 37
от 16 (29) октября 1908 года.*

П. Маслов в истерике.

В № 8—9 «Голоса С.-Д.» П. Маслов поместил «Письмо в редакцию», которое нельзя иначе назвать, как истеричным. В самом деле, разве это не истерика, когда автор не только посрамляет меня сравнением моего стиля со стилем иеромонаха Илиодора¹⁰⁰⁾, но и вытаскивает какие-то разговоры, бывшие 14 лет тому назад? Это покажется читателю шуткой, но это факт. «Когда до выхода III тома «Капитала»,—пишет П. Маслов,—Ленин ознакомился с моей рукописью, в которой было одинаковое решение вопроса о распределении прибыли, как и в III т., Ленин заявил, что он считает правильным чрезвычайно недепое решение этого вопроса проф. Свирцовым»¹⁰¹⁾. Подумайте только: до выхода III тома, т.-е. до 1894 года! Надо иметь либо детскую наивность, чуждую моему почтеннейшему оппоненту, либо находиться в истерике, чтобы претендовать на точность в воспоминании о каких-то разгово-

рах, бывших будто бы четырнадцать лет тому назад, и о своих не напечатанных рукописях. Напечатайте-ка лучше эту рукопись, а, тов. Маслов? Как выгодно-то будет: доказать, что Маслов, один Маслов решил предложенную Энгельсом всему миру задачу до III тома! Правда, немножко, как будто бы поздно было... Но лучше поздно, чем никогда. Нельзя же думать в самом деле, чтобы Маслов просто задался целью сам себя похвалить ссылкой на свое собственное воспоминание.

Выходит так, что редакция той газеты, где пишет Маслов, пока еще не хвалит Масловской поправки к Марксу и Маслов решил сам себя похвалить за то, что он сделал (про себя) четырнадцать лет тому назад... Выходит так, что я (если поверить в чудовищную силу памяти тов. Маслова) делал ошибки 14 лет тому назад, до выхода III тома «Капитала», и не печатал этих ошибок; а Маслов стал делать ошибки 7 лет и 14 лет спустя после выхода III тома «Капитала» и печатает эти ошибки. Впрочем, возможно, что истерика Маслова не совсем непредумышленная. Ровно 5 лет тому назад Мартов устроил истерику перед Плехановым, побудив этим его перебежать из большевиков в меньшевики. Не надеется ли П. Маслов, что Плеханов, прочтя его вопли в редактируемой Плехановым и К-о газете, перебежит из числа сторонников теории ренты Маркса в число сторонников теории ренты Маслова? Это было бы очень интересно. А пока этого не случилось, посмотрим, как обстоит дело с Масловским обвинением, что моя статья «состоит сплошь из передержек и явной неправды».

Так-таки «сплошь», тов. Маслов?

Ну, давайте рассмотрим все ваши доводы.

«Ленин пишет: «Неправда, что по Марксу абсолютная рента получается, благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается, благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создает особую монополию».

Здесь Маслов обрывает мое предложение, не заканчивающееся на слове «монополию» и дающее в конце фразы ссылку на определенную страницу IV тома («Теорий прибавочной стоимости»). Это не передержка со стороны Маслова, о нет! Это только «исправление» чужого изложения...

«Это пишет Ленин»,—продолжает П. Маслов. А вот что пишет Маркс: «Если бы среднее строение земледельческого капитала

было одинаково со строением среднего общественного капитала, или если бы оно было выше последнего, то абсолютная рента именно в ее исследованном значении исчезла бы, т.-е. та рента, которая отличается и от дифференциальной ренты, и от ренты, основывающейся на настоящей монопольной цене» («Капитал», III том, стр. 631 русск.перев.). Предоставляю судить читателю, кто правильное излагает Маркса» (следует примечание о той ошибке насчет закона прибыли, которую 14 лет тому назад я сделал, как твердо помнит П. Маслов, в частном разговоре с ним).

Я тоже предоставляю судить читателю, на чьей стороне тут «передержки и явная неправда». Почтеннейший Маслов оборвал мою фразу перед моей ссылкой на Маркса и приводит мне другую ссылку! Что же это за довод? Не изобличил ли Маслов паки и паки в противоречивости «черновики» Маркса (я напому читателю, что Маслов в 1906 году, т.-е. даже после «Теорий прибавочной стоимости», имел смелость объяснять открытые им ошибки Маркса тем, что III том—«черновые наброски»)? Не доказывает ли это, что Маркс не свел концов с концами в выведении абсолютной ренты то из частной собственности на землю, то из низкого строения капитала в земледелии?

Нет, это доказывает только, что Маслов опять безбожно путает. У Маркса можно найти десятки фраз, где абсолютная рента выводится из частной собственности на землю, и десятки фраз, где она выводится из низкого строения земледельческого капитала. И это по той простой причине, что оба эти условия в соответствующих местах своего изложения выдвигает Маркс, — совершенно так же, как оба эти условия, излагая Маркса, выдвинул и я: в том самом абзаце моей статьи, из которого взята цитата Маслова, я говорю и о низком строении и земледельческого капитала! (См. «Пролетарий» № 33, стр. 3, столб. 2—3.) Маслов цитирует против меня 45-ю главу III тома, главу об абсолютной ренте. Маслов берет цитату со стр. 298-й оригинала. А на стр. 287-й, т.-е. раньше, Маркс говорит, что дифференциальную ренту не «создает» собственность на землю (дифф. рента неизбежна при капитализме и без собственности на землю), а абсолютную ренту создает собственность на землю. Собственность на землю—пишет Маркс курсивом—создала сама ренту» (III, 2, 287).

Спрашивается, противоречит ли цитата со стр. 287-й цитате со стр. 298-й? Нисколько. Выяснив, что частная собственность

на землю создает ренту (именно абсолютную), Маркс переходит к выяснению того, что эта рента будет либо просто монополией, только монополией, чистой монополией, либо результатом того, что монополия мешает выравниванию прибыли капиталов низких по строению (земледелие) и более высоких (промышленность).

Маслов повторил, следовательно, в газете, редактируемой Плехановым и К-о, свое вопиющее искажение марксизма. Маслов настаивает, следовательно, и здесь—не говоря только этого прямо—на том, что абсолютной ренты быть не может, что теория Маркса есть ошибка, а теория буржуазной политической экономии, отрицающей абсолютную ренту, истина.

Почему же не сказать прямо того, что сказано в «Аграрном вопросе» и приведено в моей цитате? Это не «передержка и явная неправда»? Что же это такое? В «Аграрном вопросе» говорится, что Маркс неправ, что абсолютной ренты быть не может, а в газете, редактируемой Плехановым и К-о, умалчивается об этом и говорится только о том, кто правильнее излагает Маркса!!! Выходит, что мы с Масловым спорили только о том, «кто правильнее излагает Маркса», и что я сказал неправду, будто Маслов «поправил» «черновые наброски» Маркса, выкинув вон абсолютную ренту!? Стыдитесь, тов. Маслов!

«Далее. «Петр Маслов—пишет Ленин—не понял и дифференциальной ренты Маркса... Когда новая затрата капитала арендатором на его участке дает ему и новую прибыль, и новую ренту (курсив Ленина), то эту ренту получает не земледелец, а арендатор». По этому случаю Ленину, разумеется, делает соответствующие поучения «невежественному» Маслову. Берем I том «Аграрного вопроса» и на стр. 112-й находим: «Если интенсификация хозяйства, ввиду новой затраты 500 р., дает такое же количество продукта, то арендатор получит прибыли не 25%, а 100%, т. к. при первой затрате капитала он уплачивает 333 р. ренты... Если при затрате первых капиталов он довольствовался средней прибылью..., то ему выгоднее, сокративши площадь аренды, затрачивать новые капиталы на ту же землю, т. к. они дадут избыток над прибылью, дадут ренту и арендатору». Но Ленину нужно было сказать неправду, чтобы обругать меня».

Посмотрим, кто сказал неправду. Чтобы разобраться в этом, надо обратить внимание на много то ч и я в выписанной мной выдержке, приводимой Масловым. Ибо я выписал полностью все

сказанное по этому поводу Масловым. Многоточия означают сокращения. И вот Маслов сократил со 112-й стр. своего первого тома, как раз то, что сказано у него там против Маркса и что напечатано на 112 стр. курсивом! Это невероятно, но это факт. В моей статье в «Пролетарии», как 2-й довод Маслова против Маркса, приведена со стр. 112 тома I следующая фраза: «Рента с последнего» затрачиваемого капитала, рента Рсдбертуса и абсолютная рента Маркса исчезнет, потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал предпоследним, если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли» (курсив Маслова).

Этс—довод Маслова против Маркса. На этот довод я напал и продолжаю утверждать, что этот довод—сплошь фальшь и путаница. Маслов же отвечает мне тем, что цитирует эту самую 112-ю страницу с опущением своего выпада против Маркса! Вместо этого выпада стоит многоточие: до многоточия цитируется начало страницы, после многоточия конец, а выпад против Маркса исчез. Это не посредержка и не явная неправда?

Я не утверждал и не утверждаю, что на 400 страницах «Аграрного вопроса» нельзя найти верные места. Я утверждал только, что доводы Маслова против Маркса есть вздор несказанный и путаница неслыханная. Если Маслов в общанном им 4-м издании выкинет эти доводы, если, например, на стр. 112-й он оставит то, что приведено им в «Голосе С.-Д.», то я скажу и всякий скажет: начиная с 4-го издания Маслов перестал поправлять Маркса. А пока этого не сделано, всякий, кто прочтет том I, увидит на стр. 112-й довод Маслова против Маркса, довод, опущенный в «Голосе». И всякий увидит, что я прав в своей критике этого довода, т.-е. что этот довод против абсолютной ренты нелеп, ибо арендатор получает во время арендного договора новую ренту с новых затрат капитала целиком, т.-е. и абсолютную, и дифференциальную.

На следующем «примере» Маслова я не останавливаюсь, ибо этот пример относится к тому же доводу, опущенному Масловым в «Голосе». Понятно, что моя критика довода отпадает, если Маслов берет назад довод. Если же он не делает этого, а только сокращает свои цитаты, то я спрашиваю читателя: на чьей стороне «сплошь передержки и явная неправда»?

Наконец, последняя цитата Маслова из моей статьи следующая:

«Что такое интенсификация?» спрашивает Ленин и отвечает: «дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, не (курсив Ленина) есть затрата капитала. Рядовая сеялка не есть затрата капитала». Благодаря незнакомству с элементарнейшими понятиями в аграрном вопросе Ленин дал неправильное определение интенсификации и не только написал явный вздор, но еще и утверждает явную неправду. В «Аграрном вопросе» (стр. 62) написано: «Молотилка уменьшает затрату труда на единицу площади земли, в экстенсивном и в интенсивном хозяйстве». (Такой затратой, а не вообще затратой, безотносительно к площади земли, определяется интенсивность культуры. П. М.) Жнейка имеет такое же значение».

Послушайте, почтеннейший, скажу я на это Маслову: надо же знать меру!.. Неужели спор шел о том, определяется ли интенсивность затратой капитала на единицу площади или безотносительно к площади? Ведь это именно передержка и явная неправда! Спор шел вовсе не об этом. Спор шел у меня во второй части моей статьи, цитируемой теперь Масловым, вовсе не против «Аграрного вопроса», а против статьи Маслова в «Образовании» 1907 г. № 2.

Извольте спорить с субъектом, который то выкидывает из своих сочинений как раз те доводы против Маркса, каковые оспаривались критиком, то выкидывает целые свои статьи, подсовывая читателю не то, о чем шла речь!

Вторая часть моей статьи носит заголовок: «Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?». В этой части критикуется только статья Маслова в «Образовании» 1907 г. № 2.

Маслов умалчивает в «Голосе» об этой своей статье и ссылается на свой «Аграрный вопрос»! Но это же смешная игра в прятки! Я никогда не говорил, что в «Аграрном вопросе» Маслов договорился до того, что для опровержения народничества надо опровергнуть Маркса.

А в «Образовании» у Маслова это сказано. И против этого я возражал, а вовсе не против того, какой затратой капитала определяется интенсификация. Поддерживает Маслов, да или нет, свое утверждение, что «если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться та идиллия, которую рисуют с.-р-ы»?

Вы прячетесь, почтеннейший? Но это значит признать себя побежденным.

Поддерживаете ли вы утверждение, что вам «первому пришлось особенно резко подчеркнуть разницу значения культуры земли и технического прогресса для развития хозяйства и в частности для борьбы крупного и мелкого производства»? Так сказано у вас в «Образовании». Так процитировано у меня в «Пролетарии». К этому и только к этому вопросу относится ваше рассуждение о жнейке, рассуждение в «Образовании», а не в «Аграрном вопросе». Не защищая сказанного им в «Образовании», Маслов сдает позицию!

Итак, по существу вопроса Маслов только и делает, что увертывается в «Голосе». Он повторяет путаницу, будто Маркс не выводил абсолютной ренты из частной собственности на землю, но прямо своих поправок к Марксу он не защищает; доводы свои против Маркса он выкидывает из своих цитат; сказанное в «Образовании» он совсем обходит. И мы повторим: уничтожение абсолютной ренты Маркса Масловым в «Аграрном вопросе» и рассуждения Маслова в «Образовании» остаются непревзойденными перлами путаницы, внесения буржуазной точки зрения в теорию.

Относительно немецкого издания книги Маслова я посмеялся над тем, что там все поправки к Марксу спрятаны. Маслов защищается: издателем не издана вся первая часть моей книги! Итак, к чему же сводится эта поправка Маслова? Я говорил: Маслов выкинул. Маслов говорит: издатель выкинул—а издатель немецкий социал-демократ Дитц.

Если Дитц выкинул «теорию» Маслова, его «поправки» к Марксу с согласия Маслова, то мой вывод ни в чем не изменится. Если Дитц сделал это без согласия Маслова, то мой вывод изменится только по форме: Дитц, выкинув глупости из книги Маслова, поступил умно.

Этой ли поправки добивался почтеннейший Маслов?

Маслов говорит, что я «начинаю искать ересей у противников», «скелая прикрыть» ереси моих друзей. Это неправда. Против того, что я считаю ересью у своих друзей, я выступаю так же решительно, как против вас. Это показывает мое примечание в только что вышедшем сборнике «Памяти Маркса»¹⁰²). Ереси же Маслова я «начал искать» в 1901 году в «Заре»¹⁰³), т.-е. за два года до раскола на большевиков и меньшевиков, за два года

до первой муниципализаторской программы Маслова¹⁰⁴). В 1901 году Маслов был в партии моим «противником» только по вопросу о его поправках к теории Маркса.

Р. С. Настоящая заметка была уже написана, когда я получил особый листок администрации «Голоса С.-Д.». В этом листке говорится: «Вследствие типографской ошибки в №№ 8—9 «Голоса С.-Д.» пропущено примечание редакции к письму тов. Маслова. Ошибка эта будет немедленно исправлена, и примечание представлено в распоряжение подписчиков и покупателей».

Исправление это еще не получено нами. Считаю своим долгом довести до сведения читателей о типографской ошибке. Но нет ли еще типографской ошибки в перепечатанном мной особом листке? Не следует ли вместо тов. Маслова читать г-на Маслова? Ведь Плеханов объявил печатно, что люди, отступающие от Маркса, для него не товарищи, а господа! Или к меньшевикам, проповедующим отступление от марксизма, это не относится?

«Пролетарий» № 37

от 16 (29) октября 1908 года.

Об оценке текущего момента.

В порядке дня предстоящей Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П.¹⁰⁵) поставлен вопрос: «Современное положение и задачи партии». Организации нашей партии уже начали—Москва и Петербург стоят в этом отношении впереди всех остальных центров—систематически обсуждать этот вопрос, несомненно имеющий чрезвычайно важное значение.

Переживаемый нами период затишья освободительного движения, разгула реакции, измен и уныния в лагере демократии, кризиса и частичного развала с.-д. организаций выдвигает особенно остро необходимость учесть прежде всего основные уроки первой кампании нашей революции. Мы говорим не о тактических уроках в тесном смысле слова, а сначала об общих уроках революции, и сообразно этому наш первый вопрос будет таков: каковы те объективные перемены, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 год? Основные перемены можно свести, на наш взгляд, к следующим пяти: 1) Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась; поддержка и укрепление старой общины сменилась политикой ускоренного полицейского разрушения и ограбления ее. 2) Пред-

ставительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов, вместо разрозненных и случайных попыток всероссийского их представительства имеется единый представительный орган—Государственная Дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее преобладание. Представительство либеральных профессий—не говоря уже о крестьянстве и пролетариате—сведено на роль придатка и привеска в этом якобы-«конституционном» учреждении, долженствующем укрепить самодержавие. 3) Классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии, открыто и тайно (вернее: наполовину тайно, ибо совершенно «тайных» партий после революции нет в России) существующие теперь, выражают с невиданной прежде точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предыдущие полвека. Черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелко-буржуазная демократия (трудовики с их левым небольшим крылом эс-эров) и пролетарская социал-демократия за это время все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определили—не словами, а фактами и действиями масс—свою натуру. 4) То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим «обществом» или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пропитывающим змества, университеты, всю «порядочную» печать и т. д., и т. д.,—все это проявило себя в революции, как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех к о н т р - р е в о л ю ц и о н н у ю позицию по отношению к м а с с о в о й борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Контр-революционная либеральная буржуазия родилась и растет. Этот факт не перестает быть фактом от того, что его отрицает «прогрессивная» легальная печать, или от того, что его замалчивают и не понимают наши оппортунисты, меньшевики. 5) Миллионы населения приобрели практический о п ы т в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже

революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном значении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта *м а с с а м* и—невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень «изрядного» возраста. Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая (в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом.

Таковы объективные перемены, вырывшие пропасть между дооктябрьской и современной Россией. Таковы и *т о г* и трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории,—разумеется, итоги, так сказать, суммарные, поскольку можно в нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное. Посмотрим же теперь на те выводы в области тактики, к которым обязывают эти итоги.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону *а г р а р н о г о б о н а п а р т и з м а*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т.-е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору,—монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,—заигрывать, чтобы управлять,—подкупать, чтобы нравиться,—брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослуженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией,—

не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому безусловной ошибкой была бы всякая оценка Столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (=либеральной) сущности.

Например, наши либералы выражают свое смутное сознание того, что Столыпинская аграрная политика есть бонапартизм, нападками на полицейский характер ее, идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь и т. д., и т. п. Но когда к.-д. плачутся по поводу насильственной ломки «исконных» устоев нашего деревенского быта, они становятся реакционными и нытиками. Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет,—хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников,—т о л ь к о из-за того, будет ли это насилие насилием помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях не из бе ж на буржуазная, а не иная какая-либо, аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором—быстрая, широкая и свободная. Борьба рабочей партии за этот второй путь выражена и признана в нашей аграрной программе—не в той ее части, где выдвигается несуразная «муниципализация», а в той, где говорится о к о н ф и с к а ц и и всех помещичьих земель ¹⁰⁶). После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут еще найтись люди, не видящие связи борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику. Столыпинская аграрная политика, если бы она продержалась очень и очень долгие времена, если бы она пересоздала окончательно на чисто буржуазный лад все деревенские поземельные отношения, могла бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы в буржуазном обществе (до сих пор даже меньшевики и даже Череванины среди меньшевиков не дошли до отречения от нашей аграрной программы). Но Столыпинская политика никоим образом не может побудить нас теперь изменить нашу тактику. Раз в программе стоит «конфискация всех помещичьих земель», то только младенцы могут не замечать вытекающей отсюда революционной (в непосредствен-

ном и узком смысле слова) тактики. И неправильно было бы ставить вопрос так: если Столыпинская политика терпит «крах», то значит близок подъем, и обратно. Крах бонапартистских приемов не есть еще крах политики кулацкого разорения общины. И, наоборот, «успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы по с у т и д е л а будет больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее, ибо иначе как долгим и очень долгим путем нельзя достигнуть «цели», т.-е. окончательного и полного упрочения ч и с т о буржуазного крестьянского хозяйства. «Успех» Столыпина в ближайшие годы мог бы привести в лучшем случае к выделению слоя сознательно контр-революционных, октябристских крестьян, но именно такое превращение зажиточного меньшинства в политически сознательную объединенную силу неминуемо означало бы гигантский толчок к развитию политического сознания и объединения против такого меньшинства демократической массы. Лучшего мы, социал-демократы, не могли бы и желать, как превращения стихийной, разрозненной, слепой борьбы «мироедов» и «общества» в сознательную и открытую борьбу октябристов и трудовиков.

Перейдем к вопросу о Думе. Несомненно, что это черносотенно-«конституционное» учреждение представляет из себя точно так же развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма. Все те черты бонапартизма, которые мы отметили выше, совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе, и на подделанном большинстве черносотенцев плюс октябристов, и на игре в подражание Европе, и на погоне за займами, расход которых якобы контролируется «представителями народа», и на полном игнорировании самодержавием в его деловой политике всех прений и решений Думы. Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции» выступает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса. Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм. Нельзя не вспомнить по этому поводу замечательно глубокого указания Энгельса (в письме к Бернштейну от 31 августа 1883 года) на значение п е р е х о д а от монархии аб-

солютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей решительную борьбу феодалов и буржуазии. «Точно так же,—писал Энгельс,—как борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов)¹⁰⁷), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике». Энгельс называет здесь конституционной монархией, между прочим, и Францию 1816 года, когда знаменитая *Chambre introuvable*, черносотенная, контр-революционная палата неистовствовала и бешенствовала в поддержке белого террора против революции, наверное, не меньше нашей Третьей Думы. Что это значит? Признает ли Энгельс действительно конституционными учреждениями реакционные собрания представителей помещиков и капиталистов, поддерживающие абсолютизм в борьбе с революцией? Нет. Это значит, что бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых революционных кризисов. В первую кампанию нашей революции большинство населения верило еще в возможность примирения действительной конституции с самодержавием; кадеты всю свою политику строили на систематической поддержке в народе этой веры, трудовики по меньшей мере наполовину шли в этом пункте за кадетами. Теперь самодержавие своей Третьей Думой показывает народу на опыте, с какой «конституцией» может оно «примириться», приближая этим более широкую и более решительную борьбу против самодержавия.

Отсюда вытекает, между прочим, что замена нашего старого лозунга «долой самодержавие»—лозунгом «долой Третью Думу»—была бы совершенно неправильна. При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой

Думу», т.-е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архи-реакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие остро-революционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому ни другому случаю мы не видим у нас. III-я Дума—не соглашательская, а прямо контр-революционная, не прикрывающая самодержавие, а разоблачающая его, не играющая самостоятельной роли ни в каком отношении: никто и нигде не ждет от нее прогрессивных реформ; никто не думает, что источник действительной власти и силы царизма лежит в этом собрании зубров. Все согласны, что царизм не опирается на него, а пользуется им,—что царизм может вести всю свою теперешнюю политику, и при отсрочке созыва такой Думы (подобно «отсрочке» созыва парламента Турцией в 1878 г.) и при замене ее «Земским собором» или чем-нибудь подобным и т. д. Лозунг «долой Думу» означал бы сосредоточение главной борьбы как раз на учреждении не самостоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли. Такой лозунг—неверен. Мы должны сохранить старый лозунг «долой самодержавие» и «да здравствует Учредительное Собрание», ибо именно самодержавие продолжает оставаться действительной властью, действительной опорой и оплотом реакции. Падение самодержавия неизбежно означает устранение (и притом революционное) III-й Думы, как одного из учреждений царизма; падение III-й Думы, взятое само по себе, означало бы либо новую авантюру того же самодержавия, либо попытку реформы, обманчивой и видимой только реформы, принимаемой тем же самодержавием *).

Пойдем дальше. Мы видели, что классовая природа политических партий определилась за три года первой революционной кампании с замечательной силой и вышуклостью. Отсюда следует, что во всех рассуждениях о современном соотношении политических сил, о направлении в изменении этого соотношения и т. д. необходимо считаться с этими конкретными данными исторического опыта, а не с абстрактными «общими рассуждениями»

) В следующем № мы рассмотрим другую сторону вопроса о «думской» тактике и разберем «письмо» товарища Огзовиста в № 5 «Рабочего Знамени». (См. дальше статью: «По поводу двух писем». Ред.)

Вся история европейских государств свидетельствует, что именно в периоды непосредственной революционной борьбы закладываются такие глубокие и прочные устои классовых группировок и деления на крупные политические партии, которые держатся потом в течение даже самых долгих периодов застоя. Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные политические силы неизбежно вновь проявят себя, может быть, в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции. Поэтому было бы, например, величайшей близорукостью полагать, что так как трудовических организаций нет на местах, а трудовая группа в III Думе отличается особенной растерянностью и беспомощностью, то поэтому массы демократического крестьянства уже рассыпались совсем и не играют существенной роли в процессе нарастания нового революционного кризиса. Такой взгляд достоин только меньшевиков, все болсе и более скатывающихся к самому низменному «парламентскому кретинизму» (возьмите хоть их, поистине, позорные, ренегатские выходы против нелегальной партийной организации). Марксисты должны знать, что условия представительства не только в нашей черносотенной Думе, но даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и ее отражением в представительном учреждении. Например, либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде кажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности (и в нашей революции оппортунисты с.-д. принимали кадетов за то, чем они кажутся), и, наоборот, очень широкие демократические слои мелкой буржуазии (городской—в эпоху буржуазных революций 1848 года, деревенской—у нас) проявляют себя нередко как чрезвычайно важный фактор в открытой борьбе масс, будучи совершенно ничтожны с точки зрения их представительства в парламентах.

Наше крестьянство вступило в революцию неизмеримо менее сознательным, чем либеральный буржуа, с одной стороны, и социалистический пролетариат,—с другой. Поэтому оно всего более вынесло из революции тяжелых, но полезных разочарований, всего больше горьких, но спасительных уроков. Совершенно естественно, что оно переваривает эти уроки особенно

трудно и особенно медленно. Совершенно естественно, что при этом будут терять терпение многие «радикалы» из интеллигенции, махая на все рукой, и некоторые мещане из соц.-дем., у которых появляется презрительная гримаса на лице при упоминании какой-то там крестьянской демократии, но зато текут слюнки при одном взгляде на «просвещенных» либералов. Но сознательный пролетариат не вычеркнет из своей памяти так легко того, что он видел и в чем он участвовал осенью и зимой 1905 г. И, учитывая соотношение сил в нашей революции, мы должны знать, что обязательным признаком действительно широкого общественного подъема, действительно приближающегося революционного кризиса неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве.

Либеральная буржуазия вступила у нас на контр-революционный путь. Отрицать это могут только храбрые Череванины¹⁰⁸⁾ и трусливо отрекающиеся от своего единомышленника и соратника редакторы «Голоса С.-Д.». Но если бы из этой контр-революционности буржуазных либералов, кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть на-лицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, что земская кампания и петиции либералов 1904 года¹⁰⁹⁾ были предтечей такой своеобразной и чисто-пролетарской «петиции», как 9 января¹¹⁰⁾. Не против того спорили большевики по поводу земской кампании, что ее нужно использовать для пролетарских демонстраций, а против того, что эти демонстрации хотели (наши меньшевики) ограничить залами земских собраний, против того, что демонстрации перед земцами объявлялись высшим видом демонстраций, против того, что планы демонстраций составлялись под углом стремления не запугать либералов. Другой пример: студенческие движения. В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической ре-

волюции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления. Разумеется, социал-демократия, ведя самостоятельную классовую политику пролетариата, никогда не будет приспосабливаться ни к студенческой борьбе, ни к новым земским съездам, ни к постановке вопроса поссорившимися фракциями буржуазии, никогда не будет придавать этой семейной ссоре самодовлеющего значения и т. п. Но именно партия соц.-демократ. есть партия руководящего во всей освободительной борьбе класса, она безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям со своими собственными требованиями и т. д. Во Франции после 1793 года родилась и стала неуклонно расти контрреволюционная либеральная буржуазия, но, тем не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он довел до завоевания республики.

Рассмотрим теперь вопрос об условиях наступательной борьбы этого руководящего и передового в нашей буржуазно-демократической революции класса, пролетариата. Московские товарищи, обсуждая этот вопрос, совершенно правильно подчеркнули при этом коренное значение промышленного кризиса. Они собрали чрезвычайно интересный материал относительно этого кризиса, учли значение борьбы Москвы с Лодзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления. Остается только пожелать, чтобы материал этот не завял в комиссиях М. К. или М. О. К., а был обработан и вынесен в печать для обсуждения его всей партией. Мы, с своей стороны, ограничимся несколькими замечаниями о постановке вопроса. Спорным является, между прочим, направление, в котором действует кризис (по общему признанию, в нашей промышленности после очень краткого и небольшого оживления опять царит тяжелая депрессия, граничащая с кризисом). Одни говорят: по-прежнему невозможна экономически-наступательная борь-

ба рабочих, следовательно, невозможен близкий революционный подъем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической, и потому неизбежен близкий революционный подъем.

Мы думаем, что в основе рассуждения тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса. Несомненно, что детальное изучение промышленного кризиса имеет самое важное значение. Но несомненно также, что никакие данные о кризисе, даже идеально-точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного подъема, ибо подъем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы, это бесспорно. Но, раз общая почва есть на-лицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу рабочих вообще или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и в особенности за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс. В последнее время, например, ряд сообщений партийных работников из различных концов России, из промышленных и земледельческих местностей, свидетельствует о несомненном оживлении настроения, о притоке новых сил, об усилении интереса к агитации и т. д. Сопоставляя с этим начало массовых студенческих волнений, с одной стороны, попытки воскресить земские съезды,—с другой, мы можем констатировать известный поворот, нечто разрушающее полный застой последних полутора лет. Насколько силен этот поворот, служит ли он преддверием новой эпохи открытой борьбы и т. д.,—это покажут факты. Все, что мы можем сделать сейчас, все, что мы должны сделать во всяком случае, это напрячь силы для укрепления нелегальной партийной организации и удешевления агитации в массах пролетариата. Только агитация в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих клас-

сов или той или иной фракции этих классов с самодержавием, и каждого выступления с.-д. в Думе, и каждого нового проявления контр-революционной политики правительства и т. д.,—только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных битв.

Резюмируем. Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены. Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны—с другой. Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отстаивание революционно-демократических требований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябристская Дума, показывая наглядно и на опыте, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу *п р о т и в с а м о д е р ж а в и я*; частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собой и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее сознание безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса. Наша задача теперь не в том, чтобы искусственно сочинять какие-то новые лозунги (вроде лозунга: «долгой Думу!» вместо: «долгой самодержавие!»), а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

Как Плеханов и К-о защищают ревизионизм.

Примечание редакции «Голоса Соц.-Дем.»*), т.-е. Плеханова и К-о, к разобранному нами в № 37 «Пролетария» письму тов. Маслова**) вышло в свет отдельным листком, как «Прибавление» к № 8—9 «Голоса С.-Д.».

Это «Примечание», размером около полустолбца «Пролетария», заслуживает внимания русских с.-д., ибо оно показывает, как из мелких фракционных интересов Плеханов и К-о дошли до з а щ и т ы теоретического ревизионизма при помощи самых недостойных софизмов. Вот факты.

«Мы—самые решительные и совершенно непримиримые противники того п е р е с м о т р а (ревизии) марксизма, который совершается под реакционным влиянием идеологов западно-европейской буржуазии и стремится подорвать основы философского, социологического и экономического учения Маркса и Энгельса». Так гласит первая фраза примечания. «Самые решительные и совершенно непримиримые противники»—неправда ли, трудно выразиться резче? трудно подыскать более велеречивую формулировку о б е щ а н и й Плеханова и К-о.

Но... в том-то и гвоздь, что п о о т н о ш е н и ю к М а с л о в у (а Плеханов и К-о пишут примечание именно к статье Маслова, именно по вопросу о ревизионизме Маслова) является у наших «непримиримых» врагов ревизионизма замечательное «но».

«Но мы никогда не были сектантами марксизма,—заявляют Плеханов и К-о,—и мы хорошо понимаем, что можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, не только не изменяя их точке зрения и не отвергая их метода, но оставаясь вполне верным и той, и другому». Следует пример: Кунов: с.-д.¹¹¹⁾, в вопросе «о происхождении матриархата», «отчасти разошелся с Энгельсом»; но «только больному человеку придет в голову объявить его на этом основании ревизионистом».

«Сказанным определяется и наше отношение к взглядам тов. Маслова на учение Маркса о ренте. Мы не разделяем этого взгляда (прим. «Голоса С.-Д.»: «т. Мартынов в № 1 «Голоса» оговорил специально свое несогласие с поправкой тов. Маслова к учению об абсолютной ренте»), но мы не видим в нем ревизионизма»...

*) См. выше 154 стр. этого тома. Р е д.

**) См. выше 147—154 стр. этого тома. Р е д.

Перед читателем теперь на-лицо ход рассуждения Плеханова и К-о. Мы—«сове́шенно непримиримые противники ревизионизма», но—«мы не видим в нем (во взгляде Маслова на теорию абсолютной ренты) ревизионизма» Ревизионизм подрывает основы учения Маркса, Маслов же расходится с Марксом по частному вопросу, такова защита Плеханова и К-о, поясняемая окончательно примером Г. Кунова.

Мы спрашиваем читателя, хоть сколько-нибудь думающего и сколько-нибудь беспристрастного: неужели это не софизм? Теория абсолютной ренты Маркса объявляется «частным вопросом»! С расхождением относительно теории ренты с о п о с т а в л я е т с я тот факт, что Кунов «отчасти разошелся» с Энгельсом относительно происхождения матриархата!! Плеханов и К-о, очевидно, считают своих меньшевиков, которых они кормят такими объяснениями, за малых ребят. Только при полнейшем неуважении к себе самому и к своей публике можно позволять себе по важнейшим принципиальным вопросам такие приемы клоуна. Ведь сам же Плеханов (и К-о) начинает свое объяснение торжественной фразой, в которой ревизионизм назван подрывом о с н о в учения Маркса и Энгельса. Что же? Отказываются ли от э т о г о положения Плеханов и К-о по отношению к Маслову? Да или нет? Или Плеханов и К-о стал писать свое примечание, чтобы с к р ы т ь свои мысли?

Маслов заявил в ряде статей и в ряде изданий своего «Аграрного вопроса», что 1) теория абсолютной ренты Маркса—неверна; 2) что объяснимо появление такой теории «черновым» характером III-го тома; 3) что «убывающее плодородие почвы» есть ф а к т; 4) что, если бы была верна теория абсолютной ренты и был неверен «закон убывающего плодородия», то могли бы оказаться правы народники в России и ревизионисты во всем мире.

Именно эти четыре пункта были указаны против Маслова в той статье «Пролетария», с которой началась полемика по данному вопросу. Посмотрите же, как поступили Плеханов и К-о: во-первых, они скромненько ограничились вопросом о ренте, то есть вовсе умолчали об остальных вопросах. Это не защита ревизионизма? Не вздумает ли отрицать Плеханов и К-о, что пересмотр Марксова учения о нелепости и закона и «факта» убывающего плодородия «совершается под реакционным влиянием идеологов западно-европейской буржуазии»? Во-вторых, учение об абсолютной ренте приравняется к частному во-

просу, и расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата!

Это акробатство, господа! И этим акробатством вы прикрываете свою публичную защиту ревизионизма. Ибо прямо сказать, что признание абсолютной ренты и отрицание «закона (или «факта») убывающего плодородия» не есть «о с н о в а» экономического учения Маркса в области аграрного вопроса, в ы н е р е ш а е т с я. Вы защищаете «своего человечка», подделявая Маркса под Маслова, объявляя для Маслова «частным расхождением» именно о с н о в у учения Маркса. Вы подтверждаете этим сказанное в № 33 «Пролетария» о меньшевистских теоретиках-Фамусовых, которые домочадцев своих награждают тем, что экономическую т е о р и ю Маркса соглашаются отнести к «частности», сопоставить с вопросом о происхождении матриархата.

Плеханов и К-о—«непримиримые враги ревизионизма»,—но если вы меньшевик, то не бойтесь этих страшных слов! Идите к «редакции «Голоса» и знайте, что для меньшевиков непримиримость очень примирима, до того примирима, что «подрыв теории» она согласится сравнить с «расхождением о происхождении матриархата». Индальгенция продается недорого, распродажа объявлена, пожалуйста, почтеннейшая публика!

Но пойдем дальше. Мы не разделяем взгляда Маслова о ренте,—заявляют Плеханов и К-о. Мартынов оговаривал уже это,—пишут они. «То лицо», которое редакция «Пролетария» назвала «ангелом-хранителем Маслова» (т.-е. Плеханов) «не раз (слушайте!) п е ч а т н о с п о р и л о (курсив «Голоса») с тов. Масловым по предметам, имеющим тесное отношение к нашей аграрной программе»...

Так, буквально так напечатано в «примечании» Плеханова и К-о!

Учитесь писать опровержения у своей редакции, товарищи меньшевики. Вам дают классический в своем роде образчик. Речь идет о ревизионизме, спор загорелся из-за того, теоретическая ли непримиримость или т о л ь к о мелкая фракционная злоба заставили Плеханова назвать ряд его оппонентов господами в органе партии, а в «опровержении» говорится: Плеханов «не раз печатно спорил» с Масловым н е о р е н т е и н е об отступлениях Маслова от теории Маркса.

Можно ли подыскать парламентское выражение для характеристики таких приемов? Н и р а з у Плеханов, любящий теоретические споры и умеющий кое-когда превращать эти споры в кампа-

нии, ни разу он не спорил с Масловым о том, что составляет его ревизионизм, т.-е. об отрицании абсолютной ренты, о признании этой «теории черновым наброском», о защите «факта» убывающего плодородия, о том, могли ли бы народники и ревизионисты оказаться правы, если бы Маслов не опроверг Маркса. Ни разу не спорил об этом Плеханов, а спорил совсем о другом, спорил именно о частностях, которые спрятаны теперь Тартюфами меньшевизма под изысканно-темное, нарочито сбивающее читателя с толку, дипломатически запутанное выражение: «предметы, имеющие тесное отношение к нашей аграрной программе»!!

Великолепно, неправда ли? Как не поздравить Плеханова и К-о с таким началом защиты ревизионизма. Как не вспомнить тут политиканов вроде Клемансо. Клемансо—«непримиримый» враг реакции, он «не раз спорил» с ней, но теперь реакция делает, а Клемансо оговаривается и... прислужничает. Плеханов—«непримиримый» враг ревизионизма. Плеханов «не раз спорил» с Масловым (о чем угодно, к р о м е Масловского ревизионизма). И теперь Маслов пишет против Маркса, Маслов повторяет свои доводы против теории Маркса на страницах «Голоса», а Плеханов и К-о только о г о в а р и в а ю т с я!

Покупайте же индульгенцию, господа литераторы, записывайтесь в меньшевики. Вам дадут завтра опровергать и теорию стоимости Маркса на страницах «Голоса»,—с оговоркой в примечании, что редакция «не согласна»...

«Не попытается ли «Пролетарий»,—спрашивают нас в том же примечании Плеханов и К-о,—«обосновать свою мысль» о связи рассуждений Маслова об абсолютной ренте и программой, отвергающей национализацию?» С удовольствием, любезнейшие «непримиримые». Вот вам для начала короткое первое о б о с н о в а н и е:

«Можно ли при непонимании теории абсолютной ренты Маркса понять значение частной собственности на землю, как помехи развитию производительных сил капиталистического общества?»

Посоветуйтесь-ка с Масловым, о «непримиримые» Плеханов и К-о, и ответьте нам на э т о т вопрос, дающий вам желанное обоснование!

По поводу двух писем.

Мы печатаем в настоящем номере «Пролетария», во-первых, письмо рабочего-Отзовиста ¹¹²⁾, помещенное в № 5 «Рабочего Знамени» с примечанием, что редакция не разделяет таких взглядов и рассматривает письмо как дискуссионную статью; во-вторых, письмо петербургского рабочего, тов. Михаила Томского ¹¹³⁾, только что присланное в нашу газету. Оба эти письма мы приводим полностью. Мы хорошо знаем, что могут найтись злостные критики, которые способны вырвать отдельные места или фразы из того или другого письма и перетолковать их вкривь и вкось, сделать из них выводы, далекие от намерений обоих авторов, писавших наскоро, при самых неблагоприятных конспиративных условиях. Но на таких критиков не стоит обращать внимания. А кто серьезно интересуется состоянием рабочего движения и положением социал-демократии в России в настоящее время, тот, наверное, согласится с ними, что оба письма замечательно характерны для обрисовки д в у х т е ч е н и й среди наших сознательных рабочих. Эти два течения проявляют себя на каждом шагу в жизни всех петербургских и московских с.-д. организаций. И так как третье течение, течение меньшевизма, прямо и открыто или тайком и с ужимками хоронящее партию, почти совсем не представлено внутри местных организаций, то мы можем сказать, что столкновение двух указанных тенденций есть з л о б а д н я нашей партии. Вот почему на «двух письмах» необходимо остановиться со всей подробностью.

Оба автора признают, что наша партия переживает не только организационный, но и идейно-политический кризис. Это факт, который нелепо было бы утаивать. Надо дать себе ясный отчет в его причинах и в средствах борьбы с ним.

Начнем с петербуржца. Из всего его письма ясно видно, что причины кризиса, по его мнению, двойные. С одной стороны, недостаток с.-д. руководителей из самих рабочих вызвал то, что почти повальное бегство интеллигенции из партии означало во многих местах распадение организации, неумение собрать и сплотить ряды, поредевшие от тяжелых репрессий, от апатии и усталости масс. С другой стороны, пропаганда и агитация велись у нас, по мнению автора, с громадным преувеличением «текущего момента», т.-е. сосредоточивались на вопросах

злободневной революционной тактики, а не на проповеди социализма, не на углублении социал-демократического сознания пролетариата. «Рабочие становились революционерами, демократами, но только не социалистами» и, при упадке волны общедемократического, т.-е. буржуазно-демократического, движения, они в очень и очень большом количестве покинули ряды с.-д. партии. Такой взгляд петербуржец связывает с резкой критикой «беспочвенного» «изобретения» лозунгов и с требованием более серьезной пропагандистской работы.

Мы полагаем, что, споря против одной крайности, автор впадает иногда в другую, но в общем и целом он безусловно стоит на совершенно правильной точке зрения. Нельзя сказать, что было «погрешностью» «делать целые кампании» из вопросов о текущем моменте. Это преувеличено. Это значит забывать с точки зрения данных условий вчерашние условия, и автор, в сущности, поправляется сам, признавая, что «момент непосредственных выступлений пролетариата есть, конечно, вопрос исключительный». Возьмем два такие выступления, по возможности более разнородные и отделенные наибольшим промежутком времени: бойкот Булыгинской Думы осенью 1905 года и выборы во II-ю Думу в начале 1907 года. Могла ли сколько-нибудь живая и жизненная пролетарская партия *не* сосредоточить в такое время главного внимания и главной агитации на лозунгах дня? Могла ли с.-д. партия, которая вела за собой в оба эти момента массы пролетариата, *не* сосредоточить внутренней борьбы на лозунгах, определяющих немедленное поведение масс? Ити в Булыгинскую Думу или срывать ее? выбирать ли во II-ю Думу в блоке с кадетами или против кадетов? Достаточно ясно поставить вопрос и вспомнить условия этого недавнего прошлого, чтобы не сомневаться в ответе. Ожесточенная борьба за этот или иной лозунг вызывалась тогда не «погрешностью» партии, нет, она вызывалась объективной необходимостью быстрого и единого решения, при отсутствии заранее спевшейся партии, при наличии двух тактик, двух идейных течений в партии, мелкобуржуазно-оппортунистического и пролетарски-революционного.

И не следует равным образом изображать дело так, будто для пропаганды социализма, для распространения в массах знакомства с марксизмом недостаточно делалось в то время. Это была бы неправда. Именно в этот период, с 1905 по 1907 год, в

России распространена такая масса серьезной, теоретической с.-д. литературы,—главным образом переводной,—которая еще принесет плоды. Не будем маловеерами, не будем своего личного нетерпения навязывать массам. Такие количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она растет. И она даст плоды—может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже, мы не в силах изменить объективных условий нарастания нового кризиса,—но она даст плоды.

Тем не менее в основной мысли автора есть глубокая правда. Эта правда состоит в том, что в буржуазно-демократической революции неизбежно известное сплетение пролетарски-социалистических и мелко-буржуазно-демократических (и оппортунистически-демократических и революционно-демократических) элементов и тенденций. Не могла произойти первая кампания буржуазной революции в капиталистически-развивающейся «крестьянской» стране без того, чтобы объективная слитость известных пролетарских слоев с известными мелко-буржуазными слоями дала себя знать. И мы переживаем теперь процесс необходимой разборки, размежевки, нового выделения действительных пролетарски-социалистических элементов, очистки их от «приставших к движению» (*Mitläufer*, говорится это по-немецки) только ради «яркого» лозунга, с одной стороны, или ради общей с кадетами борьбы за «полновластную Думу»—с другой.

В различной степени эта разборка происходит в обеих фракциях с.-д. Ведь это же факт, что и у меньшевиков и у большевиков поределели ряды! Не будем бояться признать его. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что такого развала и такой деморализации, какая наблюдается в рядах правого крыла партии, левое ее крыло избегло. И не случайно: принципиальная невыдержанность не могла не способствовать развалу. События окончательно покажут на деле, где и как осталось больше организационной сплоченности, пролетарской преданности, марксистской выдержанности. Такие споры решат жизнь, а не слова, не обещания, не зароки. Факт разброда и шатания на-лицо, и этот факт требует объяснения. И объяснения не может быть иного, как необходимость новой разборки.

Иллюстрируем свою мысль маленькими примерами: составом «тюремного населения» (как говорят стряпчие), т.-е. составом публики, находящейся в тюрьме, ссылке, каторге и эмиграции по политическим делам. Ведь этот состав правильно отражает действительность вчерашнего дня. А разве может быть сомнение в том, что состав «политиков», населяющих места столь и не столь отдаленные, отличается теперь громадной пестротой политических взглядов и настроений, нерасчлененностью и неразберихой? Революция подняла к политической жизни такие глубокие слои народа, она вынесла сплошь да рядом на поверхность столько случайных людей, столько «рыцарей на час», столько новичков, что совершенно неизбежно отсутствие у многих и многих из них всякого цельного мирозерцания. Его нельзя выработать в несколько месяцев горячки,—а средняя «продолжительность жизни» большинства революционных деятелей первого периода нашей революции, наверное, не превышает нескольких месяцев. Поэтому новая разборка среди всколыхнутых революцией новых слоев, новых групп, новых революционеров совершенно неизбежна. И эта разборка происходит. Например, похороны с.-д. партии, производимые целым рядом меньшевиков, означает в сущности, что эти почтенные господа х о р о н я т с я, как социал-демократов. Нам ни в каком случае не приходится бояться этой разборки. Мы должны приветствовать ее, мы должны помочь ей. Пусть хныкают мягкотелые люди, которые здесь и там будут кричать: опять борьба! опять внутренние трения! опять полемика! Мы отвечаем: без новой и новой борьбы никогда и нигде не складывалась действительно пролетарская, революционная социал-демократия. А у нас в России она складывается даже в теперешний тяжелый момент, и о н а с л о ж и т с я. За это ручается и все капиталистическое развитие России, и влияние международного социализма на нас, и революционная тенденция первой кампании 1905—1907 годов.

В интересах этой новой разборки усиленная теоретическая работа необходима. «Текущий момент» в России именно таков, что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не гастроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики»,— а всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-

революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное мировоззрение, т.-е. за революционный марксизм становится лозунгом дня. Поэтому петербуржец тысячу раз прав, когда он подчеркивает необходимость углубления социалистической пропаганды, необходимость разработки новых вопросов, необходимость всяческого поощрения и развития кружков, вырабатывающих из самих рабочих настоящих социал-демократов, социал-демократических руководителей массы. Тут роль партийных ячеек,—при одном упоминании о которых бьются в эпилепсии Дан и К-о,—особенно велика, и ненавистные интеллигентским оппортунистам «профессиональные революционеры» призваны сыграть новую благодарную роль.

Но тов. Михаил Томский и здесь, отстаивая совершенно правильную мысль, отчасти впадает в другую крайность. Так, например, он неправ, когда исключает из списка «серьезных вопросов» учет опыта революции за три года, учет практических уроков непосредственной борьбы масс, подведение итогов революционно-политической агитации и пр. Тут, вероятнее, мы имеем даже дело с простым пробелом изложения у автора, или с частными ошибками, происшедшими от условий работы наспех. Этот учет, это подведение итогов перед лицом возможно более широких кругов рабочих—гораздо важнее вопроса о «местных судах», «местном самоуправлении» и т. п. «реформах» в Столыпинской России, о которых любят болтать чиновники и либералы. Такие «реформы» при черносотенной Думе и черносотенном самодержавии неизбежно осуждены на комедию.

Зато всецело прав тов. Михаил Томский, когда он решительно восстает против «изобретения лозунгов» вообще и против таких лозунгов, как «долой Думу» или «долой фракцию», в частности. Он тысячу раз прав, когда противопоставляет этой «растерянности» выдержанную социал-демократическую работу организации, пропаганды и агитации для укрепления партии с.-д., для укрепления ее традиций, ненавистных оппортунистам, для поддержки преемственности в работе, для расширения и упрочения влияния этой партии, прежней партии (негодуйте, редакторы «Голоса» оппортунистов!) на пролетарские массы.

Здесь мы подходим к письму москвича и к критике центрального пункта этого письма, т.-е. пресловутого «отзовизма». Мы уже неоднократно высказывались в «Пролетарии» против отзовизма, начиная с того времени, когда меньшинство большевиков

на Московской Конференции внесло свою известную резолюцию по этому вопросу (см. № 31 «Пролетария») ¹¹⁴). Теперь мы имеем перед собой, тоже от имени меньшей части московских большевиков, первый опыт систематической обосновки отзовизма. Присмотримся же к этой обосновке.

Товарищ Отзовист исходит из правильной посылки, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России не разрешены, что «революция не ликвидирована». Но он делает из этой правильной посылки неправильные выводы. «К чему приспособляться нашей партии,—спрашивает он,—к годам застоя, или к новому общественному подъему?» Тут уже начинается ошибка. Из того, что революция не ликвидирована, вытекает неизбежность нового буржуазно-демократического подъема, и только. Из этого не вытекает ни того, что этот подъем будет в с е щ е л о повторять старую группировку элементов буржуазной демократии (на перегруппировку может потребоваться время более продолжительное, чем нам с нашим оппонентом было бы приятно),—ни того, что невозможен «общественный подъем» (надо было сказать: революционный подъем) после, допустим, г о д а застоя. Мы пережили не менее года застоя, мы переживаем застой сейчас. Товарищ Отзовист сам признает, что «трудно и даже невозможно признать, каков б у д е т тот внешний повод, который п р и в е д е т в д в и ж е н и е... массы». Мало того. Приглашая партию «приспособить нашу тактику и организацию именно к ней (революции, т.-е. революционному подъему), а не к переживаемой нами гнилой политической минуте», автор сам предлагает перестроить организацию применительно к гнилому моменту, к отчаянным полицейским репрессиям, к невозможности прямых и непосредственных общений комитетов с рабочими массами. Нет сомнения, что в условиях подъема автор не предлагал бы такого организационного плана, не выдвигал бы его на первую очередь. Значит, н а д е л е он сам опровергает свою постановку вопроса, своей п р а к т и к о й вносит исправление в свою т е о р и ю. Это получилось у него оттого, что он теоретическую посылку изложил неверно. Из неизбежности нового подъема вытекает необходимость сохранить и старую программу и старые революционные лозунги всей нашей работы в массах, необходимость систематически подготовить партию и массы к новым революционным битвам. Но отсюда не вытекает, наступил ли уже подъем или еще нет, к началу его или к разгару надо «приспособляться».

И в 1897, и в 1901, и в начале 1905 года было абсолютно верно положение, что неизбежен новый революционный подъем (после слабых подъемов начала 60-х и конца 70-х годов), но в эти три момента революционные с.-д. умели применять свою тактику к различным условиям нарастания кризиса ¹¹⁵). В 1897 году мы отклоняли «план» всеобщей стачки, как фразу, и мы были правы. В 1901 году мы не ставили лозунга восстание на очередь дня. После 9 января 1905 года и этот лозунг и массовая стачка были правильно поставлены революционной социал-демократией на очередь дня. Мы вовсе не хотим сказать этим, что новый подъем обязательно (или даже: «вероятно») будет столь же медленен. Напротив, все данные и весь опыт революций Европы заставляет ожидать темпа несравненно более быстрого, чем в 1897—1905 годы. Но тот факт, что в разные моменты подъема революционные соц.-дем. всегда выдвигали на первую очередь разные лозунги дня, остается фактом. Ошибка тов. Отзовиста состоит в том, что он забывает этот опыт революционной социал-демократии.

Далее, переходя к нашей думской фракции, тов. Отзовист начинает с посылки: «Естественным завершением партии, ее так сказать дипломатическим представителем является думская фракция». Это неверно. Автор преувеличивает значение и роль фракции. Автор по-меньшевистски превозносит эту роль безмерно,—недаром, должно быть, говорят, что крайности сходятся! Меньшевики из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят необходимость приспособить партию к фракции. Отзовисты из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят гибельность для партии такого плохого «завершения». Посылка неверна ни у тех, ни у других. Никогда и ни при каких условиях, даже при самой «идеальной» буржуазно-демократической республике не согласится революционная социал-демократия признать в своей парламентской фракции ни «естественного завершения» партии, ни ее «дипломатического представителя». Это взгляд ошибочный в корне. Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные и буржуазно-черносотенные представительные учреждения, а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны. Даже при «идеальном» демократическом избирательном праве парламентская фракция рабочей партии всегда будет носить на себе известные следы влияния общей буржуазной обстановки выборов, например,

всегда будет более «интеллигентской», чем партия в целом, и поэтому «завершением» партии никогда мы фракцию не признаем. Фракция—не генеральный штаб (если позволительно на-ряду с «дипломатическим» сравнением автора употребить сравнение «военное»), а скорее отряд трубачей в одном случае и разведчиков—в другом или одна из организаций некоторого подсобного «рода оружия».

Тов. Отзовист превратил фракцию из подсобной партийной организации в «завершение» партии для того, чтобы, преувеличив значение фракции, придать в корне неверный характер деятельности того нашего отряда, который послан в буржуазно-черносотенную Думу.

Но возможно, что автор не стал бы настаивать на этом «завершении». В другом месте своей статьи он сам говорит правильно: «Одним из главных мотивов, побуждавшим партию принять участие в выборах, было упование на пропагандистско-агитационную роль думской трибуны». Это справедливо, и возражение автора против этого справедливого положения особенно наглядно показывает его неправоту: «Действительность, однако, показала,—пишет он,—что агитация в III-й Думе сводится к нулю, во-первых, благодаря составу самой группы, во-вторых, благодаря полному равнодушию масс ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца».

Начнем с конца разбор этого, необыкновенно богатого ошибками, положения. Агитация сводится к нулю благодаря полному равнодушию масс ко всему, происходящему в Думе. Что это? Как это? Выходит ведь, что «отозвать» придется, по этой чудовищной логике, не фракцию, а «массы» за их «равнодушие»! Ибо в Думе ведется, заведомо для всех нас, политика самодержавия, политика поддержки царизма черносотенным помещиком и крупным капиталистом-октябристом, политика лакейства перед царизмом либерального краснобая-кадета. Быть равнодушным «ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца», значит быть равнодушным к самодержавию, ко всей внутренней и внешней политике самодержавия! У автора опять получилось рассуждение в духе меньшевизма наизнанку. «Если массы равнодушны, то и с.-д. должны быть равнодушны». Но мы—партия, ведущая массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс. Все с.-д. партии переживали временами апатию масс или увле-

чение их какой-нибудь ошибкой, какой-нибудь модой (шовинизмом, антисемитизмом, анархизмом, буланжизмом ¹¹⁶) и т. п.), но никогда выдержанные революционные с.-д. не поддаются любому повороту настроения масс. Можно и должно критиковать дурную политику с.-д. в III-й Думе, когда они ведут там дурную политику, но говорить, что агитация сводится к нулю благодаря полному равнодушию масс, значит рассуждать не социал-демократически.

Или «полное равнодушие масс» не означает равнодушия к политике царства вообще? То-есть массы, равнодушные ко всему, происходящему в стенах Думы, н е р а в н о д у ш н ы, скажем, к обсуждению вопроса об уличных демонстрациях, о новых стачках, о восстании, о внутренней жизни революционных партий вообще и с.-д. партии в особенности? В том-то и беда автора, что он именно так, видимо, думает, но в ы н у ж д е н не говорить прямо столь явной бессмыслицы! Если бы он действительно мог сказать и доказать, что в массах нет в данную минуту ни малейшего равнодушия к политике вообще, а напротив гораздо более живой интерес к более активным формам политики,—тогда бы вопрос стоял, разумеется, иначе. Если бы вместо года затишья, упадка и развала всех с.-д. и всех рабочих организаций мы пережили год явного интереса масс именно к непосредственно-революционным формам борьбы, тогда мы первые признали бы, что мы ошиблись. Ибо без отношения к условиям революционного момента стоять вообще и всегда за участие во всяком представительном учреждении могут только «парламентские кретины» меньшевизма, лицемерно закрывающие глаза на опыт деятельности Маркса, Лассалля, Либкнехта в революционные периоды. Вопрос об участии в III-й Думе или бойкоте ее, как и всякий политический вопрос, марксисты обязаны ставить к о н к р е т н о, а не абстрактно, учитывая в с ю революционную обстановку в целом, а не одно только до убожества голое соображение: «если есть представительство, то надо представлять». Живой интерес масс к политике означал бы наличность объективных условий растущего кризиса, т.-е. означал бы, что известный подъем уже на-лицо и, при известной силе такого подъема, настроение масс неминуемо выразилось бы в м а с с о в о м д е й с т в и и.

Насчет этого последнего вопроса тов. Отзовист сам делает следующее признание: «каждое изменение ее (фракции) деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на-

который мы сейчас не в силах...». Почему тов. Отзовист считает, что мы не в силах не только изменить сейчас режима, но даже **в о з д е й с т в о в а т ь** на него? Очевидно, потому, что, как социал-демократ, он имеет в виду исключительно действие масс пролетариата, а такое действие считает с е й ч а с невозможным и разговоры о нем праздными. Но посмотрите, как он при этом «сваливает с больной головы на здоровую», т.-е. довод, говорящий против отзовизма, обращает против нас:

«П р о р в и т е—пишет тов. Отзовист—полицейские рогатки, отделяющие депутатов от масс, заставьте фракцию выступать более резко и ярко, словом, слейте органически ее работу с жизнью пролетариата,—тогда рабочие, быть может, признают за ней положительные стороны; но т. к. всякое изменение ее деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах, то всякие мечты о расширении и углублении фракционной работы приходится оставить!..»

Если расширение и углубление фракционной работы обусловливается «прорывом полицейских рогаток», то почему же вывод гласит: «оставьте мечты об улучшении фракции», а не оставьте мечты о прорыве полицейских рогаток?? Автор явно нелогичен и исправить его рассуждение надо так: необходима неустанная работа над улучшением всей партийной деятельности и всей связи партии с массой, результатом чего неизбежно будет и прорыв полицейских рогаток вообще и в частности усиления партийного общения с фракцией, партийного воздействия на фракцию. Автор точно от нас, антиотзовистов, требует, чтобы мы «прорвали полицейские рогатки», и тогда, может быть, де, он согласится бросить отзовизм. Но не ясно ли, что он ставит таким образом вверх ногами действительную связь и взаимозависимость политических явлений? Быть может,—скажем мы—вы были бы правы, товарищ Отзовист, если бы масса могла «сейчас» не только «воздействовать на режим» (всякая удачная политическая демонстрация воздействует на режим), но и прорвать рогатки,—т.-е. если бы масса могла с е й ч а с прорвать «рогатки» III-й Думы, то бесполезно было бы, быть может, революционной социал-демократии посылать свой отряд в эту Думу. Быть может. Но вы сами говорите, что этого нет; вы сами согласны, что при данных обстоятельствах нужна еще серьезная и упорная подготовительная работа для превращения этой возможности в действительность.

«Состав фракции»,—говорите вы. Если бы отзыв предлагался для и з м е н е н и я состава фракции, то этот довод заслуживал бы рассмотрения с точки зрения того, улучшится ли состав при новых выборах после отставки теперешней фракции. Но автор ничего подобного не имеет в виду. Он хочет отозвать не думскую только фракцию, а вообще уничтожить всякое представительство с.-д. в III-й Думе, объявляя ошибкой участие в ней. И с этой точки зрения мотивирование отзыва «составом фракции» есть самое непростительное для социал-демократа малодушие и маловерие. Наша партия добилась того, что из рабочих выборщиков мы заставили черносотенцев выбрать наших партийных кандидатов, социал-демократов. Что же, мы должны признать безнадежным, чтобы эти партийные рабочие сумели с думской трибуны просто и ясно изложить свой социализм? Мы должны спастись после нескольких месяцев борьбы против буржуазных «сведущих людей» (смотри прекрасное описание приносимого ими зла в письме о фракции, печатаемом в настоящем номере) ¹¹⁷? Мы должны признать свою партию неспособной в период временного затишья и застоя выставить рабочих социал-демократов, умеющих публично изложить свой социализм? Это не политика, а нервность. Конечно, больше всех сама наша думская фракция виновата в этом, ибо именно своими серьезными ошибками и только этими ошибками доводит она недовольство ею до отзыва. Но мы не дадим законному недовольству увлечь нас в неправильную политику. Нет. Мы должны и мы будем упорно и настойчиво работать над сближением партии с фракцией, над улучшением фракции. Мы не забудем, что в опыте международной социал-демократии имеются примеры гораздо более долгой и более острой борьбы фракции с партией, чем у нас во время III-й Думы. Вспомните немцев. При исключительном законе у них дошло дело до того, что фракция сделала ряд самых вопиющих противопартийных, оппортунистических шагов (голозование за субсидию пароходству и т. д.). Партия имела свой еженедельный Ц. О. за границей и регулярно ввозила его в Германию. Организация тогдашних немецких с.-д., несмотря на отчаянные полицейские преследования, несмотря на менее революционный в силу объективных причин момент, чем в современной России, была несравненно шире и крепче теперешней организации нашей партии. И партия германских с.-д. повела долгую войну против своей фракции и довела эту войну до победы. Не-

лестные сторонники «молодых», занимавшиеся кликушеством вместе работы над улучшением фракции, кончили, как известно, очень плохо. А победа партии выразилась в подчинении фракции.

У нас борьба партии с фракцией за исправление ошибок этой последней только-только еще начинается. У нас не было еще ни одной партийной конференции, твердо и ясно заявляющей фракции о необходимости исправить свою тактику в таких-то, определенно указанных, отношениях. У нас нет еще регулярно выходящего Ц. О., который бы от имени всей партии следил за каждым шагом фракции и направлял ее. Наши местные организации в области той же самой работы—агитации в массах по поводу каждого выступления с.-д. в Думе при разъяснении всякой ошибки в том или ином выступлении—сделали еще совсем и совсем мало. И нас приглашают махнуть рукой, признать борьбу безнадежной, отказаться от использования думской трибуны в моменты, подобные 1908 году. Еще раз: это не политика, а нервничанье.

Нет ярких выступлений,—говорите вы. По поводу этих «ярких выступлений» надо различать две вещи: во-первых, плохую осведомленность партии и, во-вторых, серьезнейшую принципиальную ошибку в самой постановке вопроса об ярких выступлениях вообще.

По первому вопросу надо сказать, что до сих пор все, кто хотел деловым образом критиковать фракцию, указали ряд ошибок безусловно серьезных (декларация; голосование миллионов Шварцу; совещание с н.-д.¹¹⁸); признание религии частным делом для партии; отсутствие выступления по запросу 15 октября 1908 г.; отсутствие ясной критики к.-д., и т. д.). Замалчивать эти ошибки, как делают меньшевики, которые находят все самым наилучшим, кроме одного выступления Чиликина, есть величайшая пошлость. Не замалчивать эти ошибки должны мы, а выяснить их публично, в наших местных и неместных органах, на каждом собрании, в агитационных листках, бросаемых в массу по поводу каждого выступления. Для деловой критики фракции и для ознакомления пролетарских масс с такой критикой мы сделали еще непомерно мало. Мы должны все и повсюду приняться за работу в этом отношении. И, когда мы примемся за эту работу, мы увидим, что имеется ряд таких выступлений фракции и в особенности таких формул перехода к очередным делам, составленных по указаниям представителей Ц. К. и в согласии с этими представителями, которые содержат

правильное изложение программы Р. С.-Д. Р. П., которые напечатаны в протоколах Думы и в приложении к «России» и которые на одну сотую долю не использованы еще нами в массовой агитации. Надо критиковать фракцию, слов нет, нечестно замалчивать ее ошибки. Но надо всем нам укреплять также организации на местах и развивать агитацию для использования каждого выступления фракции. Только соединение той или другой работы есть действительно достойная выдержанных революционных с.-д. деятельность, только это соединение поможет нам побороть «гнилую минуту» и ускорить наступление нового подъема.

Далее. Подчеркивая «отсутствие ярких выступлений», автор говорит, что «создалось представление (у кого? у нескольких непонимающих азбуки марксизма *Mitläufer'o* в?), что социал-демократия примирлась с создавшимся положением вещей и думает о мирной культурной работе; существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена если не на словах, то... на деле. Пусть это мнение неверно; но опровергнуть его мы можем не доводами, а фактами». И единственный «факт», который автор предлагает при этом в качестве «перестройки» всей тактики «подчеркивания» в глазах масс отношения с.-д. к Думе есть отзыв фракции! Выходит, что отзыв фракции рассматривается как «факт», опровергающий «похороны революции», как «яркое выступление», подчеркивающее новую тактику!

Мы скажем на это, что автор неправильно понимает общее значение «ярких выступлений» и «ярких» лозунгов. Когда мы, большевики, проводили в 1905 г. бойкот Булыгинской Думы, этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он верно выражал объективное положение: наличность растущего подъема, который царизм пытался отвести в сторону посредством посула законосовещательной Думы. Когда мы проводили летом 1906 года лозунг: «исполнительный комитет левых для поддержки восстания, а не поддержка требования кадетского министерства», этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он верно выражал объективное положение; события доказали, что кадеты тормозили борьбу, что их тайные переговоры с Треповым в июне 1906 года выражали игру правительства, что действительно а схватка произошла и должна была произойти на иной почве, после разгона Думы, именно: на почве вооруженной борьбы (Свеаборг и Кронштадт, как завершение солдатских и крестьянских бунтов). Когда мы

в 1907 году проводили лозунг: не в блоке с кадетами, а против к.-д., этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он верно выражал о б ъ е к т и в н ы е условия момента. И выборы в Петербурге и вся сумма голосований (и прений) во II-й Думе доказали, что «черносотенная опасность» была фикцией и что на деле борьба шла против кадетов и реакции вместе, а не вместе с кадетами против реакции¹¹⁹).

Несомненно, что во время революции к нам примкнула часть людей не потому, что они понимали м а р к с и с т с к и й критерий правильности лозунгов и тактики с.-д., а только ради их «яркости». Что у нас теперь, при упадке волны, остаются и останутся только настоящие марксисты, это не пугает, а радует нас. И мы приглашаем товарища Отзовиста внимательно вдуматься в его рассуждение: опровергать похороны революции надо не словами, а фактами,—п о э т о м у отзывем фракцию! Это в корне неправильное рассуждение. Отзыв фракции, как п о д ч е р к и в а н ь е того, что революция не похоронена, есть п о х о р о н ы тех «революционеров», которые способны проводить такую политику. Ибо «революционность» такого рода есть выражение растерянности и бессилия в той тяжелой, трудной, медленной работе, которая объективными условиями «сейчас» предписывается и от которой отмахнуться или отговориться нельзя.

В заключение укажем, что товарищ Отзовист сам предлагает в конце своего письма в п я т и пунктах такой план ближайшей работы, который правильно выражает задачи дня и опровергает его неверную тактику. Еще раз: п р а к т и к а тов. Отзовиста лучше его теории. Он безусловно прав, что необходима крепкая нелегальная организация. Он не будет настаивать, вероятно, на непрактичном до последней степени «назначении» комитетчиков Центральным Комитетом. Не забудем, что на смену профессиональному революционеру из интеллигентов или вернее в подмогу ему идет профессиональный революционер с.-д. рабочий (как бы меньшевики ни злобствовали против этого, но это—факт), и, следовательно, новая нелегальная организация не будет вполне походить и не должна в п о л н е походить на старую. Мы думаем также, что выражение «отрывать партийные ячейки друг от друга» в последней фразе первого пункта есть случайная неловкость, придирается к которой недопустимо. Действительно, социал-демократическая нелегальная организация не оторвет, а сблизит разорванные теперь ячейки. Товарищ Отзовист совершенно прав,

подчеркивая особую важность социалистической пропаганды и «анкетной системы» агитации. «Живая связь массы с партией», «привлечение масс к обсуждению агитационных лозунгов», это действительно злоба дня. Признание такой злобы дня показывает лучше всяких рассуждений и вопреки всяким «изобретенным» (по меткому выражению М. Томского) лозунгам, что ход вещей ставит всем нам, и антиотзовистам, и отзовистам, о д н у насущную практическую задачу, один «лозунг» революционной социал-демократии: идейное укрепление социализма, организационное укрепление нелегальной рабочей партии с руководителями из самих рабочих, развитие всесторонней с.-д. агитации в массах. Э т а работа, когда мы дружнее и дружнее возьмемся за нее, сплотит всех нас; она подтянет, дисциплинирует, исправит нашу думскую фракцию лучше, чем десятки голых ультиматумов; она даст живое дело; воскресит атмосферу бодрой революционной обстановки; научит измерять точно рост подъема и определять его признаки; развеет, как прах, все мертвые, выдуманные, «изобретенные» лозунги отзовизма!

*«Пролетарий» № 39
от 13 (26) ноября 1908 года.*

Аграрные прения в III-й Думе.

Почти месяц аграрных прений в III-й Думе дал чрезвычайно богатый материал для изучения современного положения аграрного вопроса, итогов революции и задач пролетариата. Попытаемся подвести основные выводы из этого материала. Четыре группы ораторов выделяются сами собой: правые, кадеты, крестьяне и с.-д. Различия между «правыми» в тесном смысле и октябристами совершенно сглаживаются. Крестьяне выступают безусловно, как одно политическое направление в аграрном вопросе, при чем различие правых крестьян и трудовиков является лишь различием оттенков внутри единого направления. Проанализируем ту позицию, которую заняла каждая из этих групп. (Цифры в скобках означают страницы стенографических отчетов в приложении к «России».)

Как и следовало ожидать от черносотенных «парламентариев», правые и октябристы постарались засорить сущность своей аграрной политики юридической казуистикой и архивным

хламом, разглагольствуя о соотношении закона 9 ноября 1906 г. и статьи 12-й общего положения о крестьянах (дающей крестьянам после выкупа право требовать выдела участка в частную собственность), затем статьи 165 Положения о выкупе и т. д. Желая выставить себя «либералом», Шидловский доказывал, что законодательство графа Д. Толстого¹²⁰) о неотчуждаемости наделов и проч. противоречило «духу» 1861 года, а закон 9 ноября 1906 г. этому духу соответствует. Все это—одно сплошное кривлянье, имеющее целью отвести глаза крестьянству, затемнить суть дела. Кадеты, как увидим дальше, в значительной степени поддались на удочку черносотенцев, нам же, социалистам, достаточно в двух словах указать на то, какой толстый слой канцелярской пыли надо сбросить с речей г.г. Шидловских, Лыкошинных и прочих лакеев черносотенной царской шайки, чтобы увидеть действительное содержание их аграрной политики. Г. Львов 1-й, который, кажется, зовет себя мирнообновленцем, а на деле представляет из себя настоящего черносотенца с аллюрами в духе г-на Струве, выразил это содержание яснее других: «В крестьянской среде—говорил это? слуга помещиков—сложилось два начала: бесправная личность и самоуправная толпа (Рукоплескания справа и в центре)... Состояние масс в таком виде есть угроза для правового» (читай: помещичьего) «государства (Рукоплескания справа и в центре)... «Земля должна принадлежать всем трудящимся, земля как воздух и вода; мы пришли сюда добывать землю и волю». Вот был доминирующий голос. И этот голос, прямо выхваченный из тех суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе, этот голос показывал нам на то суеверное представление о власти, которая может отнять у одних и дать другим... «Вспомним, что здесь говорилось,—продолжает г. Львов, вспоминая прежние Думы,—мне тяжело об этом вспоминать, но я скажу, я не могу не сказать, что говорилось в комиссии аграрной. Ведь позвольте, когда даже вопрос о том, чтобы оставить неприкосновенным хотя бы огороды, хотя бы сады, встречал сильнейшее возражение, встречал сильнейший отпор и проходил самым небольшим числом голосов; когда поднимался вопрос о том, чтобы всякие сделки на землю были прекращены, не только залог в дворянском банке, не только продажа крестьянскому банку, но и купля-продажа, даже дарение, наследование, то, очевидно, становилось страшно, страшно, господа, не за помещичьи интересы, а страшно за состояние и судьбу государства

(Рукоплескания центра и справа. Возглас: браво). На таком фундаменте построить капиталистическое, современное государство—невозможно» (293).

Помещицкому государству стало «страшно» за свое существование, «страшно» перед «голосом» (и движением) крестьянских масс. Иного капитализма, как на основе сохранения помещицкого, т.-е. крепостнического землевладения, эти господа не могут себе и представить! что капитализм всего шире, свободнее и быстрее развивается при полной отмене всякой частной собственности на землю, об этом «образованные» г.г. Львовы и не слыхивали!

Для агитации в массах ознакомление с выдержками из речей Шидловского, Бобринского, Львова, Голицына, Капустина и К-о положительно необходимо: до сих пор мы видели самоперержавие почти исключительно приказывающим, изредка публикующим заявления в духе Угрюм-Бурчеева ¹²¹). Теперь мы имеем открытую защиту помещицкой монархии и черносотенной «конституции» организованным представительством господствующих классов, и для пробуждения тех слоев народа, которые политически бессознательны или равнодушны, эта защита дает очень ценный материал. Отметим вкратце два особенно важных обстоятельства. Во-первых, излагая свою политическую программу, правые все время выдвигают перед аудиторией живого врага, с которым они борются. Этот враг—революция. «Страх» перед революцией, так ясно выраженный глупым Львовым, сквозит не менее ясно у всех, которые с ненавистью, со злобой, со скрежетом зубов вспоминают на каждом шагу недавнее прошлое. Эта прямая постановка всех вопросов на почву к о н т р - р е в о л ю ц и и, это подчинение всех соображений одному главному и коренному соображению, борьбе с революцией, содержит в себе глубокую правду и делает речи правых несравненно более ценным материалом (как для научного анализа современного положения, так и для агитации), чем речи половинчатых и трусливых либералов. Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 года, на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой ж и в о г о врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно, как самая реальная и непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят. Простоватый г. Балаклеев наивно

выразил этот общий дух всех правых речей. Сказавши, что, конечно, указ 9 ноября нельзя отвергнуть, ибо он выражает высочайшую волю, он вместе с тем заявил: «Г.г. члены Государственной Думы! Мы живем во время революции, которая, по моему глубокому убеждению, далеко еще не закончилась» (364). Г. Балаклеев боится «революционного происхождения» закона 9 ноября, боится, как бы он не разжег новой борьбы. «Мы переживаем тяжкий кризис,—говорил он,—и чем он окончится, неизвестно. Воображение рисует самые мрачные картины, но наш долг заключается в том, чтобы не поддерживать в народе смуту и раздор».

Второе, особенно важное, обстоятельство относится к экономической и специально аграрной программе правых. Это—защита ими частной собственности крестьян на землю, защита, красной нитью проходящая через все их речи вплоть до обер-попа Митрофанушки (епископа Митрофана), который говорил сейчас же после докладчика, видимо желая припугнуть демократических, но забытых деревенских «батюшек», и, с забавными усилиями стараясь побороть в себе привычку к юродству и к семинарскому языку («община есть изначальное явление»), «выговаривал» такие фразы: «жизнь развивается в направлении все большей и большей индивидуальности личности», «полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западно-европейских фермеров» (69).

Спрашивается, почему класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думах частную собственность крестьян на землю? Только потому, что таково «последнее правительственное распоряжение»? Конечно, нет! Это распоряжение подсказано и внушено советом объединенного дворянства. Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым приходится им бороться, превосходно чувствуют, что революция связала победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской. Сочетание частной собственности на надельные земли с общественной собственностью на экспроприированные помещичьи земли есть плохая выдумка кадетов и меньшевиков. На деле борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической

стране без разрушения частной собственности и на помещичьи и на надельные земли).

Переходим к кадетам. Их речи отличаются и от правых и от левых речей стремлением примирить непримиримое, усесться между двух стульев. Только в той части речи г. Милюкова, где он выступил, как и с т о р и к, а не как к а д е т, мы имеем превосходно подобранные данные по истории совета объединенных дворян,—данные, сводка которых делает честь всякому демократу. В общем же и целом Шингарев, Березовский, Милюков, Бобянский и Родичев поддались на удочку черносотенного г. Шидловского и с превеликим усердием засоряли головы слушателей юридической казуистикой, фразерствовали о «справедливости» по римскому праву («для ради важности» Родичев даже вставил латинское слово: acquitas! Учились же «мы» чему-нибудь в университете!), унижались до гаденького лизоблюдства (г. Шингарев расписывался в своем «уважении» к Столыпинскому лакею Лыкошину и доказывал, что принудительное отчуждение бывает в странах, где «институт частной собственности блюдетя очень свято»). Красной нитью через все кадетские речи проходит спор против закона 9 ноября с точки зрения «осторожности». Нас, большевиков, обвиняли в том, что мы черним кадетов, называя их либеральными помещиками. Они хуже на самом деле. Они—либеральные ч и н о в н и к и. Нельзя себе представить большего развращения демократического сознания масс, как это выступление в Гос. Думе партии так называемых «демократов» с речами, п р и т у п л я ю щ и м и борьбу, с проповедью чиновнической «осторожности», с подлым расхваливанием того ограбления и закабаления крестьян крепостниками, которое зовется «великой реформой» 1861 года!

Нападать на Столыпина за «неосторожность» его аграрной политики значит prostituiроваться, предлагаться на должность т а к и х исполнителей этой самой политики, которые сумели бы «осторожно» выполнить то же самое дело, т.-е. провести ту же помещичью сущность под ложным флагом «конституционного демократизма», провести не путем одного насилия, а также и путем обмана крестьян. Вот одно из многочисленных кадетских заявлений, раскрывающих именно указанный сейчас смысл их речей. Г. Березовский, речь которого особенно одобрил и назвал «прекрасной» лидер партии к.-д., г. Милюков, сказал следующее:

«По моему глубокому убеждению, этот проект» (земельный проект к.-д.) «гораздо более выгоден и для владельцев земли» (не только для крестьян) «и я это говорю, г.г., зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей. Для культурного земледельческого хозяйства проект партии народной свободы был бы, несомненно, более полезен, чем теперешний порядок. Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им и говорить, что это насилие, а надо посмотреть и оценить, во что выливается то, что предлагается в нашем проекте и как проводится это принудительное отчуждение» (золотые слова! г. Березовский, не стали ли вы большевиком?). «Возьмите проект 42-х членов I Гос. Думы — в нем заключалось только» (именно!) «признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами. Затем партия н. св. поддерживала образование комиссий на местах, которые в известное время должны были выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались так, что в них была бы половина членов крестьян и половина некрестьян». (Договаривайте, г. Березовский! Не стыдитесь! Ведь скрыть правды нельзя: помещики благодаря обязательному назначению «нейтрального» председателя комиссий помещичьим правительством всегда имели в комиссиях обеспеченное большинство над крестьянами: см. проект Кутлера в томе II кадетского «Аграрного вопроса».) «Ввиду этого, этой общей конкретной работой на местах, конечно, выяснилось бы и количество возможной для отчуждения земли и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования. Затем все это прошло бы через Гос. Думу и Государственный Совет» (именно!) «и после их переработки» (т.-е. после повторной урезки «реформы» новым помещичьи-чиновничьим большинством!) «дошло бы до высочайшей санкции». (Вспомните последовательное сокращение размеров надела подобными же высшими инстанциями в 1861 году). «Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы истинное удовлетворение настоящих нужд населения и связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которые партия народной свободы никогда без крайней необходимости не желала разрушать» (143).

Г. Березовский признал в октябре 1908 г. все, что говорили большевики летом 1906 года о земельном проекте к.-д. В I-й Думе кадеты публично выдвигали вперед демократическую внешность своей реформы, доказывая ее помещичий характер на тайных совещаниях с Треповым и его прихвостнями. В III-й Думе к.-д. публично выдвигают вперед помещичий характер своей реформы, доказывая демократизм ее на тайных от полиции беседах с теми немногими чудаками, которые способны еще слушать бабушкины сказки. Двудликий Янус по ветру поворачивает свои «лики» то в одну, то в другую сторону. «Демократы» падают до того низко, что перед черносотенными зубрами стараются доказать безобидность своих действий и программ во время революции!

Сопоставьте с этим речи крестьян. Вот вам типичный правый крестьянин Сторчак. Он начинает свою речь воспроизведением полностью слов Николая II о «священных правах собственности», недопустимости их «нарушения» и т. д. Он продолжает: «дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа»... (295). Он кончает: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30.000 десятин, то это не есть порядок и правда» (296)!! Сравните этого монархиста с монархистом Березовским. Первый—темный мужик. Второй—образованный, почти европеец. Первый наивен до святости и политически неразвит до невероятия. Связь монархии с «порядком», т.-е. беспорядком и неправдой, охраняющими владельцев 30.000 десятин, для него неясна. Второй—знаток политики, знающий все ходы и выходы к Вятке, Трепову, Столыпину и К-о, изучавший тонкости европейских конституций. Первый—один из миллионов, которые маются всю жизнь на 3 десятинах и которых экономическая действительность толкает на массовую революционную борьбу против 30.000-чников. Второй — один из десятков — самое большее: из сотни тысяч помещиков, желающий «по-мирному» сохранить свое «культурное хозяйство», помазав по губам мужичка. Неужели не ясно, что первый может сделать буржуазную революцию в России, уничтожить помещичье землевладение, создать крестьянскую республику (как бы ни страшило его теперь это слово)? Неужели не ясно, что второй не может не тормозить борьбы масс, без которой невозможна победа революции?

Пусть пораздумают об этом люди, которые до сих пор никак не могут понять, что это значит: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»!

Аграрная программа Сторчака—тот самый земельный законопроект 42 крестьянских депутатов III Думы, о котором мы писали в № 22 «Пролетария» *). Будучи очень скромным по внешности, этот проект л е в е е кадетского проекта, как признают и сами к.-д. Требуя обсуждения реформы, наделяющей крестьян землей, местными комиссиями, выбранными всеобщей подачей голосов, этот проект н а д е л е есть революционный проект, ибо обсуждение земельной реформы на местах действительно демократическими выборными учреждениями абсолютно несовместимо с сохранением в современной России власти царя и землевладения помещиков. И то обстоятельство, что в черносотенной Думе, выбранной на основе избирательного закона, специально сделанного в пользу помещиков по указаниям объединенного дворянства, при господстве самой отчаянной реакции и бесшабашного белого террора,—что в такой Думе 42 крестьян и н а подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России. Пусть оппортунисты доказывают необходимость союза с кадетами, необходимость сближения пролетариата с буржуазией в буржуазной революции,—сознательные рабочие только подкрепят, знакомясь с прениями в III Думе, свое убеждение в том, что невозможна буржуазная победоносная революция в России без общего натиска рабочих и крестьянских масс, вопреки шатаниям и изменам буржуазии.

Если Сторчак (а также стоящие в главном и основном на той же позиции депутаты свящ. Титов, Андрейчук, Попов 4-й и Никитюк) выражают революционность крестьянской массы бессознательно, стихийно, сами боясь не только догосорить до конца, но даже и додумать до конца то, что из их слов и предложений следует, то трудовики в III-й Думе выражают дух массовой борьбы крестьян прямо и открыто. Самые ценные при этом речи крестьян-трудовиков, которые излагают свои взгляды непосредственно, передавая с поразительной точностью и живостью настроения и стремления масс, путаясь в программах (некоторые заявляют о сочувствии проекту 42-х крестьян, другие—кадетам),

*) См. выше 19 стр. этого тома. Ред.

но тем сильнее выражая то, что лежит глубже всяческих программ.

Вот Кропотов, депутат от Вятской губ. «Мои избиратели мне говорили, о том, что закон 9 ноября—помещичий закон... Мои избиратели задавали такие вопросы: отчего это делается насильственно?... зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников?... Наказывали мне избиратели: скажи ты в Гос. Думе, что так жить больше нельзя... И только начинают его (закон 9 ноября) применять в нашей местности, как у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома» (71)... «Все дело в том, чтобы вознаградить помещиков... Почему же государственная важность требует отнять у бедного последний кусок и отдать тем, которые, как я выразился, сумели по закону, писанному правительством, случайно удержать за собой землю? Не требует ли государственная важность заставить обрабатывать земли, праздно лежащие: помещичьи, казенные, удельные, монастырские?... С крестьянина идет 11 руб. 50 коп. с десятины, и если, г.г., быть справедливым и обложить этим налогом в равной мере всех, то земля окажется действительно у крестьян, и не нужно будет принудительного отчуждения. Чтобы быть справедливыми, нужно обложить единственным налогом землю, и тогда она окажется у трудящихся масс, и тогда будет незavidно: кто не хочет работать, тот не будет платить» (73)...

Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избежать «принудительного отчуждения», Кропотов н а д е л е предлагает меру, которая равняется к о н ф и с к а ц и и помещичьих земель и национализации в с е й земли! Что «единственный налог» этого сторонника учений Джорджа равносителен национализации всей земли, этого Кропотов не понимает, но что он передает действительные стремления м и л л и о н о в,—в этом не может быть и тени сомнения.

Вот депутат Рожков, начинающий заявлением: «трудно, г.г., мне, деревенскому мужику, говорить с этой трибуны» (77)... «Крестьянство ждало от Гос. Думы не закона 9 ноября, не того закона, который делит между нами землю, которой у нас нет, а закона, на основании которого увеличился бы сначала загон, а потом уже стали делить. Основные положения такого закона поданы за подписью 47 крестьян 20 февраля, но до сих пор еще не получили никакого движения... Хозяевами земли являются земские начальники... а настоящие хозяева этой земли связаны усилен-

ной охраной... Для покупки земли с целью эксплуатации ее у нас в государстве нет определенного закона... который бы сказал: ты ее не покупай для эксплуатации... И вот 16 сентября 1907 года ставропольская землеустроительная комиссия постановила, что землю может купить только тот, кто имеет рабочий скот и инвентарь. И вот, г.г., здесь, в этом здании почти половина помещиков, которые держат этих людей, которым землеустроительная комиссия отказывает в праве купить землю. Г.г., мы знаем, что эти люди служат за 60—70 руб. в год... Этот несчастный труженик вечно обречен быть помещичьим рабочим, он вечно будет ломать спину на людей, а хозяин за его спиной будет считать себя культурным человеком».

Томилов: «Единственный выход... по нашему мнению, таков: необходимо ныне же во всех общинах России, по примеру бывших ревизий, произвести передел земли; ревизии эти должны установить количество лиц мужского населения по 3 ноября 1905 года.

Наша крестьянская заветная мечта добыть земли и воли, но мы слышали, что пока настоящее правительство находится у власти, до тех пор земельная собственность неприкосновенна. (Голоса в центре: «частная»). Частная, дворянская. (Голоса в центре: «и ваша тоже»). Если это нас касается, то мы согласны отдать наделы»; (вот она, крестьянская В а н д е я, которой пугал нас в Стокгольме премудрый Плеханов и К-о в случае национализации всей земли!) «скажем, крестьяне одного села согласны отдать свои наделы единицу на единицу, поравняться. Заявление представителя министерства сводится к тому, что пока власть не перейдет в руки крестьянства и вообще народа, крестьянам не видать ни земли, ни политических свобод. Спасибо за открытость, хотя мы это уже знали» (149)...

«И вот, в 1905 году, когда под руководством сознательных элементов крестьяне объединились воедино (Шум и смех справа) и сказали грозное слово... тогда дворяне начали говорить: «Ведь у вас есть, вам даны наделы. Вы и разделите эту косточку»...

Петров 3-й: «Вспомните, г.г., время царствования Алексея Михайловича и то возмущение крестьянского народа, которое выразилось в движении под предводительством Разина (Голоса справа: «Ого!»)... Требования свой народ особенно сильно выразил в 1905 г. Ведь тогда точно так же нужда заставила народ выйти на улицу и сказать свое властное слово о том, что ему нужно» (187)... Все земли должны перейти в уравнительное пользование

всего народа... Я, конечно, противник частной собственности на землю» (положительно, Вандея, предсказанная Плехановым, начинает разрастаться!) «и говорю, что только тогда трудовой народ получит облегчение, когда вся земля перейдет в его руки» (204)... «Я вполне убежден, вы вновь увидите глубины взбаломученного житейского моря. И тогда сбудется евангельское изречение: поднявший меч от меча да погибнет (Смех справа). Фракция трудовой группы своих идеалов не изменила, как не изменила и своих стремлений... Мы... говорим: вся земля трудящимся на ней, и вся власть да прилжится трудовому населению!» (206).

Мерзляков: «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает... только чтобы отнюдь земельной лавочки у нас в России не было, а чтобы земля принадлежала тому, кто личным трудом обрабатывает ее» (207). И т. д.

Недостаток места заставляет нас прекратить цитаты. Отметим только имена ораторов, выражавших менее ясно и сильно те же мысли: Кондратьев, свящ. Попов 2-й, Булат, Волков 2-й, Дзюбинский, Ляхницкий (последние два с официальными заявлениями от имени Трудовой Группы).

Спрашивается, какие выводы по отношению к аграрной программе с.-д. вытекают из этой позиции крестьянских депутатов? Что крестьяне облачают борьбу с крепостническими латифундиями и со всеми остатками крепостничества, утопиями мелкобуржуазного социализма, в этом все согласны. Это выражено в той последней части нашей аграрной программы, которая проектирована большевиками и принята в Стокгольме меньшевиками («Протоколы Стокгольмск. съезда»).¹²²⁾

Но этим вопрос не исчерпывается. И раздел, и муниципализация, и национализация есть преобразование буржуазно-демократическое, но за какую же систему должны высказаться с.-д.? За муниципализацию,—отвечают меньшевики с Плехановым во главе, проводившие эту программу в Стокгольме. Национализация крестьянских земель вызвала бы Вандею,—прямо заявили меньшевики в Стокгольме.

С тех пор в трех Думах высказались крестьяне—депутаты самых различных мест России. Ни одной группы крестьянских депутатов не соблазнила «муниципализация», выдуманная как раз для того, чтобы «не трогать» крестьянских земель. Все трудовики-крестьяне во всех трех Думах высказались за национализацию всей земли, выражая это требование то прямым повторением

программы трудовиков, то своеобразной переделкой «единственного налога», то бесчисленными заявлениями: «земля тому, кто ее обрабатывает», «мы согласны отдать наделы» и т. д.

Жизнь насмеялась над «муниципализацией», над криками о «Вандее».

Какова экономическая основа отстаивания всеми сознательными крестьянами национализации? Для ответа на этот вопрос припомним одно статистическое сопоставление, сделанное в Думе тов. Белоусовым:

«76 милл. дес. принадлежит 30.000 помещикам (в Европейской России), а 73 милл. дес. принадлежит 10-ти миллионам крестьянских дворов с наделом от 1 до 15 дес... Вывод один: четыре пятых общего числа дворов могли бы удвоить размеры своего владения» (209). Пусть даже оспорят те или иные из этих цифр (мы думаем, что они неоспоримы), но никакое изменение их не изменит сути дела, состоящей в следующем. Стремясь удвоить свое землевладение, крестьяне не могут не стремиться к полному слиянию и смешению наделных и вненаделных земель. Сохранение наделных земель в частной собственности, в теперешней собственности дворов и общин, и общественная («муниципальная») собственность на экспроприруемые вненаделные земли есть хозяйственный абсурд. Это — неслепший аграрный биметаллизм, который годен только для заполнения места в программах, выдуманных интеллигентами. Хозяйство требует слияния и смешения всех земель. Хозяйство теперь уже соединяет кусочки наделной земли с кусочками помещичьей (аренда), и разрушение крепостничества невозможно без уничтожения тех различий землевладения, тех граней и меж, которые искусственно закрепляет «муниципализация». Хозяйство требует нового землевладения, свободного землевладения, приспособленного к капитализму, а не к старым «наделам», распределенным и размешеванным бурмистрами и казенными агентами. Это требование экономического развития и выражают (не сознавая капиталистического характера этого развития) крестьяне, высказываясь за национализацию. Старое различие наделного и ненаделного землевладения противоречит требованиям капитализма и оно будет сломано неизбежно, как бы ни тщились меньшевики-муниципализаторы закрепить его. А ломка этой грани, соединение, смешение, слияние земель всех разрядов для нового хозяйства фермеров (крестьяне думают ошибочно, что землю будет обрабатывать всякий гражданин: еэ

будет обрабатывать всякий хозяин, т.-е. имеющий средства на это!) требует уничтожения не только помещичьей, но всей частной собственности на землю.

Столыпин хочет стереть все прежние грани всех прежних видов землевладения. Это стремление экономически правильное. Капитализм осуществит его неизбежно. Вопрос только в том, сделается ли это насчет миллионов крестьянских дворов (грабеж по закону 9 ноября), или насчет 30.000 крупнейших помещиков. Последний путь невозможен без национализации земли в буржуазно-демократической революции. Вот почему во всех трех Думах все сознательные крестьяне высказались за национализацию.

Нам осталось рассмотреть речи с.-д. в III-й Думе. Только два оратора нашей фракции успели высказаться (Гегечкори и Белоусов) до ограничения времени ораторов. Остальные стали отказываться, протестуя против «насилия», выразившегося в этом ограничении. Оба названные товарища исполнили свое дело правильно. Они указали на «дворянско-бюрократический дух» правительственной политики, на то, что «положение 1861 г. было насквозь крепостническим», что «ненависть к правительству» глубоко запала в душу крестьянства, требующего «земли и воли», доказавшего в 1905 г. свою «солидарность» и способность к «революционному выступлению». Нашу, с.-д., борьбу за «конфискацию латифундий и передачу их народу» ораторы нашей партии правильно истолковали не в духе мещанских утопий об «уравнительности», «социализации» и т. п., а как меру освобождения страны от кабально-крепостнического гнета. Постановка вопроса у Гегечкори и у Белоусова была революционно-социал-демократическая. «Сила создает право—закончил тов. Белоусов—и, чтобы завоевать право, надо накопить силы и организовать их». Обе речи с.-д. ораторов III-й Думы должны стать настольным материалом для всякого члена партии, ведущего работу пропаганды и агитации. В формуле перехода, предложенной с.-д. фракцией, пропущено только требование безвозмездного перехода земель. Это было бы важным нарушением нашей программы, если бы это было умышленно. Но тов. Гегечкори, прочитавший формулу, дважды упомянул в своей речи о необходимости «безвозмездного отчуждения», так что едва ли можно считать указанный пропуск умышленным.

«Пролетарий» № 40

от 1 (14) декабря 1908 года.

1909 год.

Как с.-р-ы подводят итоги революции и как революция подвела итоги с.-р-ам.

Нам не раз уже случалось в истекшем (1908 г.) говорить о современном положении и течениях в буржуазной демократии в России. Мы отмечали покушение на восстановление «Союза Освобождения» при участии трудовиков («Пролетарий» № 32)^{122а}), мы характеризовали демократизм крестьянства и крестьянских представителей в аграрном и других вопросах («Пролетарий» №№ 21 и 40)*), мы обрисовывали по газете «Революционная Мысль» поразительное недомыслие мнящей себя особенно революционную фракции с.-р. («Пролетарий» № 32)**). Для полноты картины необходимо остановиться теперь на официальной литературе партии с.-р. За 1908 год вышло 4 номера «Знамени Труда» (номера 9—13; номер 10—11 двойной***); и особое «Извещение» Ц. К. п. с.-р. о 1-ой партийной конференции и 4-м совете партии, состоявшихся за границей в августе. Остановимся на этом материале.

«Партии предстояло,—говорит Ц. К. п. с.-р. в «Извещении»,—подвести итоги тому периоду великой русской революции, ныне законченному, в течение которого главным, часто почти исключительно, действующим лицом был городской пролетариат». Это сказано очень хорошо. Это сказано необыкновенно, для эс-эров, правдиво. Но читайте пятью строками дальше: «Торжество контрреволюции только наглядным образом подтвердило ту истину, несомненную для нас с самого начала, что успешная русская революция или будет делом мощного союза сил городского пролета-

*) См. выше 10 и 190—196 стр. этого тома. Р е д.

**) См. выше статью: «О некоторых чертах современного распада».

Р е д.

***) Редакции «Пролетария» не удалось, к сожалению, достать № 12.

риата с силами трудового крестьянства, или ее не будет. Этот союз существовал пока в идее, воплощаясь в выдвинутой русской жизнью социально-революционной программе. Он лишь едва начал воплощаться в жизни. Его новое воплощение в будущем...

Посмотрите же, надолго ли хватило эс-эровской правдивости! Всякий, кто хоть краем уха слышал о программах с.-р. и с.-д., знает, что коренное отличие этих программ следующее: 1) С.-д. объявляли русскую революцию буржуазной революцией; с.-р. отрицали это. 2) С.-д. утверждали, что пролетариат и крестьянство суть различные классы капиталистического (или полукрепостнического, полукапиталистического) общества; что крестьянство есть класс мелких хозяев, который может «вместе бить» помещиков и самодержавие, стоя «по одну сторону баррикады» с пролетариатом в буржуазной революции, может в этой революции идти в том или другом случае в «союзе» с пролетариатом, оставаясь совершенно другим классом капиталистического общества. С.-р. отрицали это. Основная идея их программы состояла вовсе не в том, что нужен «союз сил» пролетариата и крестьянства, а в том, что нет классовой пропасти между тем и другим, в том, что не нужно проводить классовой грани между ними, в том, что с.-д. идея о мелко-буржуазности крестьянства, в отличие от пролетариата, в корне ложна.

И теперь эти два коренные различия программы с.-д. и с.-р. смазывают г.г. с.-р. посредством гладких, прилизанных фраз! Итоги революции подводятся господами эс-эрами таким образом, как будто бы ни революции, ни эс-эровской программы не было. Была, почтеннейшие, эс-эровская программа, все отличие которой от эс-дековской в основной, теоретической, части построено на отрицании мелко-буржуазности крестьянства, на отрицании классовой грани между крестьянством и пролетариатом. Была, почтеннейшие, революция, коренной урок которой состоит в том, что крестьянство своими открытыми массовыми выступлениями обнаружило свою, отличную от пролетариата, классовую природу, показало свою мелко-буржуазность.

Вы делаете вид, что не заметили этого? вы видите это, но стараетесь отмахнуться от неприятной действительности, обнаруженной революцией. Вы действовали с трудовиками не в «союзе», а в неразрывной слитости с ними, и притом в такие крупнейшие моменты, когда открытая революция достигла своего апогея, осенью 1905 и летом 1906 г. Открытые органы печати были

тогда эс-эровско-трудовическими. Даже после выделения трудовиков и н.-с-ов вы шли не в союзе, а в блоке, т.-е. почти слитно с ними на выборах во II-ю Думу и в самой II-й Думе. Ваша собственная программа, в отличие от программы трудовиков и н.-с-ов, потерпела поражение во всех открытых и действительно массовых выступлениях представителей от крестьянства. И в I-й и во II-й Думе подавляющее большинство крестьянских депутатов приняло аграрную программу **т р у д о в и к о в**, а не эс-эров. С.-р. сами в своих чисто эс-эровских изданиях, начиная с конца 1906 года, вынуждены были признать **м е л к о б у р ж у а з н о с т ь** трудовиков, как политического направления, признать, что в подоплеке этого направления сказываются «собственнические инстинкты» мелких хозяев (см. статьи, направленные против н.-с-в г. Вихляевым и другими эс-эрами).

Спрашивается, кого же хотят обмануть эс-эры, подводя «итоги» революции с сокрытием основного и главного итога?

Почему крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков? Почему именно трудовики, а не эс-эры, стали за время революции партией крестьянских масс? Если г.г. эс-эры думают, что это была случайность, тогда нечего и разговаривать ни об итогах, ни о какой-либо программе вообще, ибо тогда хаос ставится на место всяких итогов и всякой программы. Если это не случайность, а результат основных экономических отношений в современном обществе, то главный и коренной пункт программы русских с.-д. доказан историей. Революция на деле провела ту классовую грань между крестьянством и пролетариатом, которую мы, с.-д., всегда проводили в теории. Революция окончательно показала, что партия, желающая быть партией масс в России, партией класса, должна быть **и л и эс-дековской, и л и трудовической**, ибо сами массы своими открытыми выступлениями в наиболее важные и острые моменты вполне наметили именно эти два и только эти два направления. Межеумочные группы, как показали события 1905—1907 годов, ни разу и ни в чем с массами не могли слиться. Этим доказан и буржуазный характер нашей революции. Ни один историк, ни один вменяемый политик вообще не в состоянии будет теперь отрицать коренного деления политических сил в России на социалистический пролетариат и мелко-буржуазное демократическое крестьянство.

«Союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее». Это насквозь путаная и лжи-

вая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихийен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции. Фальшь вывода эс-эров состоит здесь в том, что они говорят: т р у д о в о г о вместо того, чтобы сказать: т р у д о в и ч е с к о г о крестьянства. Эта маленькая, эта ничтожная разница, которая кажется совсем незаметной, на деле как раз определяет пропасть между дореволюционными мечтами эс-эров и действительностью, окончательно доказанной революцией.

Эс-эры всегда говорили о трудовом крестьянстве. Революция определила политическую физиономию современного русского крестьянства, как направление т р у д о в и к о в. Повидимому, эс-эры оказались правы? Но в том-то и состоит ирония истории, что история сохранила и увековечила эс-эровский термин, наполнив то, что в действительности соответствует этому термину, как раз таким содержанием, которое предсказывали эс-деки. История революции поделила нас с эс-эрами в спорном вопросе о мелко-буржуазности трудового крестьянства: эс-эрам история дала слово, нам—суть дела. Воспетые эс-эрами до революции трудовые крестьяне оказались в революции такими т р у д о в и к а м и, от которых пришлось отречься эс-эрам! А нам, эс-декам, доказывать мелко-буржуазность крестьянства можно и должно теперь не только анализом, сделанным в «Капитале» Маркса, не только ссылками на «Эрфуртскую программу», не только данными народнических экономических исследований и земской статистики, а поведением крестьянства в русской революции вообще и в частности фактами, относящимися к составу и деятельности т р у д о в и к о в.

Нет. Нам нечего жаловаться на то, как поделила нас с эс-эрами история.

«Если бы отзовистам,—говорит «Знамя Труда» в № 13, стр. 3,—удалось вернуть социал-демократию на ее крайние боевые позиции, то мы лишились бы некоторой части благодарного материала для полемики, но приобрели бы сотрудников в последовательной боевой тактике». И парой строк выше: «Дело борьбы за свободу и социализм только выиграло бы, если бы и среди кадетов и среди с.-д. взяло верх левое течение».

Очень хорошо, г.г. с.-р-ы! Вы хотите поласкать наших «отзовистов» и левых. Позвольте же и нам ответить на ласку лаской. Позвольте и нам воспользоваться «благодарным материалом для полемики».

«Пусть целый ряд партий, вплоть до кадетов, трудовиков и с.-д., поддерживает своим участием в картонной опереточной Думе фикцию конституционного строя» («Знамя Труда», там же).

Итак, III-я Дума есть Дума картонная. Одной этой фразы за глаза достаточно, чтобы обнаружить бездну невежества г.г. с.-р-ов. III-ья Дума, почтеннейшие г.г. руководители эс-эровского центрального органа, гораздо менее есть картонное учреждение, чем I-я и II-я! Не поняв этой простой вещи, вы только лишний раз подтверждаете то, что было нами сказано про вас в номере «Пролетария» в статье «Парламентский кретинизм назнанку». Вы целиком повторяете обычный предрассудок вульгарной буржуазной демократии, убеждающей себя и других, что плохие и реакционные Думы суть картонные учреждения, а хорошие и прогрессивные Думы—не картонные.

На самом деле I-я и II-я Думы были картонными мечами в руках либерально-буржуазной интеллигенции, желавшей погугать революцией самодержавие. III-я Дума есть не картонный, а настоящий меч в руках самодержавия и контр-революции. I и II Думы—картонные Думы, потому что их решения не соответствовали действительному распределению материальной силы в борьбе общественных классов и оставались пустыми словами. Значение обеих этих Дум в том, что за передним рядом кадетских конституционных фигляров ясно видны были настоящие представители того демократического крестьянства и того социалистического пролетариата, которые действительно делали революцию, били врага в открытой массовой борьбе, но не сумели еще добить его. Третья Дума не есть картонная Дума, ибо ее решения соответствуют действительному распределению материальной силы при временной победе контр-революции и по-

тому не остаются словами, а проводятся в жизнь. Значение этой Думы в том, что она дала всем неразвитым политически элементам народа наглядный урок, показывающий соотношение представительных учреждений и действительного обладания государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые «прогрессивные», суждены оставаться картонными, пока классы, представленные в них, не обладают действительной государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые реакционные, не будут картонными, раз в руках тех классов, которые в них представлены, находится действительная государственная власть.

Называть III-ю Думу картонной опереточной Думой есть образец того крайнего недомыслия, того разгула пустой революционной фразы, которые давно уже стали специфической отличительной чертой и основным свойством партии с.-р.

Но пойдем дальше. Верно ли, что III-я Дума есть «фикция конституционного строя»? Нет, это неверно. В руководящем органе говорить такие вещи могут только люди, не знающие азбуки, преподанной почти полвека тому назад Лассалем. В чем сущность конституции, любезнейшие члены пропагандистского кружка низшего типа, кружка, именуемого партией с.-р.? В том ли, что при конституции бывает «свободнее» и «трудовому народу» жить легче, чем без конституции? Нет, так думают только вульгарные демократы. Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся. В России эпохи III-й Думы конституция менее фиктивна, чем в России эпохи I-й и II-й Думы. Если вас возмущает этот вывод, г.г. «социалисты»-«революционеры», так это потому, что вы не понимаете ни сущности конституции, ни разницы между ее фиктивностью и ее классовым характером. Конституция может быть черносотенной, помещичьей, реакционной и в то же время менее фиктивной, чем иная «либеральная» конституция.

Беда с.-р. в том, что они не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей. Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой

борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т. д. и т. п. На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией—не похоже на самодержавие XVIII-го века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской, и быть не могло.

На новом поприще, при учреждениях бонапартистской монархии, на более высокой ступени политического развития борьба начинается опять с устранения прежнего врага, черносотенного самодержавия. Может ли социалистическая партия в этой борьбе отказаться от использования новых представительных учреждений? Эс-эры не сумели даже поставить этого вопроса, они отделяются фразами и только фразами. Слушайте дальше:

«Теперь у нас нет парламентских путей борьбы—есть только внепарламентские. Это убеждение должно быть укоренено везде, и нужна непримиримая борьба со всем, что препятствует такому укоренению. Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы!»

Рассуждение эс-эров построено на знаменитом субъективном методе в социологии. Укореним же убеждение—и дело в шляпе. О том, что убеждения относительно того, есть ли в наличности те или другие пути борьбы, следует проверить объективными

данными, субъективисты не заботятся. Но заглянем в «Извещение» и в резолюции конференции с.-р., читаем: ...«сумрачное загибье переживаемого тяжелого времени или, вернее, безвременья» (стр. 4)... «сплочение реакционных общественных сил»... «факт скованности массовой народной энергии»... «в интеллигенции, как наиболее впечатлительной части населения, заметно переутомление, идейный разброд и отлив сил от революционной борьбы» (стр. 6) и т. д. и т. п. «Ввиду этого партия с.-р. должна... б) относиться отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная трата народной энергии» (стр. 7).

У кого же это «у нас» есть только внепарламентские пути борьбы? Ясно, что у группки террористов, ибо массовой борьбы «у нас» все выписанные тирады не указывают. «Факт скованности массовой народной энергии» и «сосредоточиться на внепарламентских средствах борьбы»,—это простое сопоставление еще и еще раз показывает нам, сколько исторической правды было в наименовании эс-эров революционными авантюристами! *) Разве это не авантюризм, когда для хлесткого словечка говорят о сосредоточении на таких средствах борьбы, к которым сами же признают сейчас неспособную массу? Разве это не старая-престарая психология интеллигентского отчаяния?

«Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы»—этот лозунг был верен в один из самых замечательных периодов русской революции, осенью 1905 года. Повторяя его без критики теперь, эс-эры поступают подобно тому герою народной сказки, который усердно кричал... все невпопад. Вы не поняли, любезные, почему лозунг бойкота был верен осенью 1905 г., и, повторяя его без критики, без смысла, как заученное словечко, теперь, вы обнаруживаете не революционизм, а самый обыкновенный глупизм.

Осенью 1905 года ни один человек не говорил о «факте скованности массовой народной энергии». Напротив, все партии признавали, что массовая энергия бьет ключом. В такой момент старая власть предлагает законосовещательный парламент, явно желая раздробить и хоть на минуту успокоить kloкочущие силы. «Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы»—тогда этот лозунг не был фразой кучки крикунов, а призывом

*) См. 118 стр. IV тома Собр. соч. Ред.

людей, на деле стоявших впереди толпы, впереди миллионов борцов из рабочих и крестьян. Поддержав этот призыв, миллионы показали, что лозунг был объективно-верен, выражал не только «убеждения» горстки революционеров, а действительное положение, настроение и инициативу масс. Повторять этот лозунг на-ряду с признанием «факта скованности массовой народной энергии» могут только смехотворные политики.

И, раз мы уже коснулись смехотворного, нельзя не привести следующего перла из «Знамени Труда»: «Оставим его (правительство) в Думе наедине с «черными» и партией последнего правительственного распоряжения, и поверьте, что если когда-либо эти пауки способны начать есть друг друга, так это именно в таком положении»... Это «поверьте» так бесподобно-мило, что прямо обезоруживает противника. «Поверьте», читатель, что передовые статьи в «Знамени Труда» пишет действительно милая эс-эровская гимназисточка, искренно верующая, что «пауки» начнут «есть друг друга», когда оппозиция уйдет из III-й Думы.

Принятая Лондонским съездом резолюция об отношении к непролетарским партиям *) вызвала со стороны меньшевиков самые резкие нападки в той ее части, которая касается кадетов. Немногим менее резки были их нападки на ту часть, которая касается народнических или трудовых партий. Меньшевики старались доказать, что мы потворствуем эс-эрам или умалчиваем о некоторых, давно установленных марксистами, грехах эс-эров и т. п. Источник всех этих потуг меньшевиков был двойной: с одной стороны, основное принципиальное разногласие в оценке русской революции. Меньшевики упорно хотят, чтобы пролетариат творил ее вместе с кадетами, а не вместе с трудовическим крестьянством против кадетов. С другой стороны, меньшевики не поняли того, как открытое выступление масс и классов в революции изменило прежнее положение и зачастую прежний характер партий. До революции эс-эры были только группой народничаствующих интеллигентов. Верна ли была бы такая характеристика после революции и даже после 1906 года? Очевидно, нет. Защищать прежний взгляд в такой формулировке могли бы только люди, ничему не научившиеся в революции.

*) См. 534—535 стр. VIII тома Собр. соч. Ред.

Революция доказала, что эта группа народничаствующих интеллигентов есть крайнее левое крыло чрезвычайно широкого и безусловно массового народнического или трудовического течения, выразившего интересы и точку зрения крестьянства в русской буржуазной революции. Этот факт доказан и крестьянскими восстаниями, и Крестьянским Союзом, и трудовой группой в трех Думах, и свободной печатью эс-эров и трудовиков. Вот этого факта не сумели понять меньшевики. Они рассматривают эс-эров доктринерски, т.-е. как люди доктрины, учитывающие ошибки чужой доктрины, но не видящие, какие реальные интересы реальных масс,двигающих буржуазно-демократическую революцию, выражает или прикрывает эта доктрина. Эс-эровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелко-буржуазна—кричат меньшевики,—ни шагу дальше, ни слова больше; что сверх сего, то от лукавого.

Вот тут начинается в а ш а ошибка, говорим мы меньшевикам. Справедливо, что эс-эровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелко-буржуазна. Но такие качества не мешают этой quasi-социалистической доктрине быть идейным облачением действительно революционной, а не соглашательской, буржуазии и мелкой буржуазии в России. Ибо доктрина эс-эров есть только ручеек в трудовическом, т.-е. крестьянско-демократическом, потоке. Как только начинается открытая борьба масс и классов, так события сейчас же заставляют всех нас, и большевиков и меньшевиков, признать это, допуская участие эс-эров в Советах Рабочих Депутатов, сближаясь с советами крестьянских, солдатских, почтово-телеграфных, железнодорожных и т. д. депутатов, участвуя на выборах в союзе с ними против либералов, голосуя с ними в Думах против либералов и т. п. Революция не опровергла нашу оценку эс-эров, а подтвердила ее. Но она подтвердила эту оценку, не оставив вопроса в прежнем положении и в прежнем виде, а перенеся его на несравненно более высокую почву: прежде дело шло только о сравнении доктрин и идеологий, о политике групп; теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией. Прежде спрашивали только: верно ли то, что эс-эры говорят, верна ли тактика этой идейной организации? Теперь вопрос встал: каково на деле поведение тех слоев народа, которые мнят себя солидарными с с.-р. или родственными их основным идеям

(«трудовому началу» и т. п.)? Ошибка меньшевиков состоит в непонимании этого изменения, созданного революцией.

А это изменение, кроме указанного его значения, чрезвычайно важно еще потому, что оно наглядно показало соотношение классов и партий. Урок нашей революции состоит в том, что только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и уцелевают при всех и всяких поворотах событий. Открытая политическая борьба заставляет партии связываться теснее с массами, ибо без такой связи партии ничто. Эс-эры формально независимы от трудовиков. На деле в революции они вынуждены были идти вместе под угрозой полного исчезновения с политической сцены. И можно ручаться, что при следующем революционном подъеме эс-эры опять будут вынуждены (как бы они ни кричали теперь о полной своей самостоятельности) идти с трудовиками или с подобными им организациями масс. Объективные условия общественной жизни и борьбы классов сильнее добрых желаний и писанных программ. С этой точки зрения—единственно правильной—теперешнее расхождение трудовиков и эс-эров есть лишь распад мелко-буржуазного движения, есть лишь невыдержанность медких буржуа, не умеющих при трудных обстоятельствах удержать своей сплоченности и «бредущих розно». С одной стороны, перед нами трудовики, неорганизованные, шаткие, колеблющиеся, лишенные всякого прочного политического направления в III-й Думе, но, несомненно, вышедшие из массы, связанные с массой, выражающие запросы масс. С другой стороны, горстка эс-эровских «отзовистов», не имеющих никакой связи с массой и мечущихся от отчаяния, теряющих веру в массовую борьбу (см. «Революционная Мысль»), сосредоточивающихся на терроре. Крайний оппортунизм трудовиков (с точки зрения положения революционного крестьянства) и крайний, чисто словесный и бессмысленный, революционаризм эс-эров, это—две ограниченности одного и того же мелко-буржуазного течения, «два флюса», выражающие одну «болезнь»: неустойчивость мелкой буржуазии, неспособность ее к систематической, упорной, выдержанной и дружной массовой борьбе.

На думскую тактику революционных партий в настоящее время и на вопрос об отзовизме в частности это обстоятельство проливает новый свет. «У нас нет парламентских путей борьбы», кричат хвастливые интеллигенты—эс-эры. У кого «у нас», господа? У интеллигенции без масс никогда не было и никогда

не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы. А какие массы шли с вами или подле вас вчера, во время революции? Трудовическое крестьянство. Правда ли, что у него «нет парламентских средств борьбы»? Неправда. Взгляните на аграрные прения в III-й Думе и вы увидите, что трудовики, несомненно, выразили здесь запросы масс. Значит, хлесткое словечко эс-эров есть пошлое фразерство, не более того. Крестьянские массы в 1908 году на думской трибуне выразили с в о и запросы, а «внепарламентски» не боролись. Это факт, от которого никаким «левым» визгом и выкрикиванием эс-эровски-отзовистских фраз не отвертишься.

В чем причина этого факта? В том ли, что ослабело «убеждение» в предпочтительности внепарламентских путей? Пустяки. В том, что объективные условия не вызвали еще в этот период широкого брожения масс и непосредственного выступления их. Раз это так,—а это несомненно так, то обязанностью всякой серьезной партии было использовать и п о с р е д с т в е н н ы е пути. Что получилось у эс-эров от неумения использовать их? Только то, что трудовики сделали свое дело чрезвычайно плохо, наделали в тысячу раз больше ошибок, чем получилось бы при воздействии на них партии, шатались и падали чрезвычайно часто. А эс-эры, оторвавшись от своего класса, от своих масс, «сосредоточились» на фразерстве, ибо на деле для «внепарламентских средств борьбы» в 1908 году они не совершили н и ч е г о. Эта оторванность от своего социального корня сейчас же ведет у эс-эров к обострению их первородного греха: непомерного, разнузданного хвастовства, похвальбы, прикрывающей бессилие. «Наша партия может поздравить себя»,—читаем на 1-ой странице «Известия»... выбор на конференцию «реально существующими» (вот как мы!) «местными партийными организациями»... «было достигнуто по всем вопросам единство настроения»... «это было именно достижение единогласия» (там же) и т. п.

Это — неправда, господа. Этим шумом слов вы прячете разногласия, вполне выплывшие и в «Революционной Мысли» (весна 1908 г.), и в № 13 «Знамени Труда» (ноябрь 1908 г.). Эта шумиха есть признак слабости. И беспартийный оппортунизм трудовиков, и «партийная» хвастливость, беспочвенность, фраза эс-эров — две стороны одной медали, две крайности распада е д и н о г о мелко-буржуазного слоя. Недаром во время революции, когда борьба раскрыла все оттенки, эс-эры все время

прятали и не могли спрятать своего колебания между эн-эсами и максималистами.

Воз в канаве. Лошади распряглись. Форейтор сидит верхом на тумбе и, заломив шапку набекрень, «поздравляет» себя с «единогласием». Вот картина эс-эровской партии. Вот итоги эс-эровского отзовизма, отозвавшего горстку интеллигентов к пустым выкрикам от тяжелой, упорной, но единственно серьезной и благодарной работы над воспитанием и организацией масс.

*«Пролетарий» № 41
от 7 (20) января 1909 года.*

На дорогу.

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые—именно состоящие наименее из пролетариев—развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада элементов внутри партии, стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать ее дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать,—и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое ликвидаторское течение). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. II. выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контр-революции. Решения Конференции, напечатанные в особом «Извещении», изданном Центральным Комитетом нашей Партии, утверждены Ц. К-том и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии¹²³). В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания в с е м и партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Это основная причина заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелко-буржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению главным образом в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте) и в области тактики («укорачивание лозунгов») и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контр-революции, но и потому, что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма;—указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе по-прежнему наша партия;—оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики;—выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним;—решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации;—признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок,—таково главное содержание решений конференций, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов—в их политической группировке—остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перево-

роту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организации, но, несмотря на весь гнет, несмотря на черносотенную Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудовиков, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в III-ей Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных буржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм, поддержать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба по-прежнему ведется,—говорит резолюция,—за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие по-прежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и Столыпинская аграрная политика знаменует новый этап разложения старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. Плутократическим самодержавием было давным-давно, буржуазным по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места на-ряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя якобы конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами ¹²⁴⁾ и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять на себя решение объективно-необходимых задач буржуазной революции—создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистка средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионных, неискушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьбу за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Вот почему III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризации и разъяснения опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики,—говорит одна из резолюций Конференции,—подтверждена опытом массовой борьбы 1905—1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса,—а над углублением и расширением его Столыпин и К-о работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы

и растерявшиеся интеллигенты после первого действительного массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем,—иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали—революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция Конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе—если искать примеров в истории—к опыту немецких с.-д. при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на Конференции было два «отзовиста», не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на Конференции этого добивались некоторые делегаты). Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки—отступления от п о л и

тической линии партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии,—партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западно-европейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в романских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области,—чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги,—чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д. фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении и резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных Конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в Р. С.-Д. Р. П. констатированы Конференцией по этому вопросу: одно, переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое—более или менее родственное ликвидаторству—переносящее центр тяжести на легальные и полуполигальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции; но частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятель-

ности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелко-буржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны Р. С.-Д. Р. П. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т.-е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собой вытекает и линия организационной политики, принятая Конференцией. Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей соц.-дем. движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полумегальных и по возможности легальных организаций, поддержание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликнулась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и организационной работы среди масс», т.-е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело классового сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, — зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться таким образом в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою партий-

ную линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контр-революции, но никакая сила в мире не устранит массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрито, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения,—везде и всегда будут идти впереди массы сознательные партийные эс-деки, везде и всегда будут они спланиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 г.г., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликут и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустьи, пусть бешенствует реакция,—ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

«Социал-Демократ» № 2

от 28 января (10 февраля) 1909 года.

Цель борьбы пролетариата в нашей революции.

В печатаемой выше статье т. Мартов задевает чрезвычайно важный вопрос или вернее ряд вопросов, относящихся к цели борьбы пролетариата и социал-демократии в нашей революции. Задета история этих вопросов в нашей партии, задето отношение их к основам марксизма и к народничеству, задеты взгляды всех оттенков, высказанные по этому поводу,—задеты все стороны вопроса и не выяснена ни одна. Чтобы ответить по существу, приходится дать систематический очерк всех сторон вопроса.

I.

Начнем с истории обсуждения этого вопроса русской социал-демократией. Поставлен он в начале 1905-го года большевиками и меньшевиками. Первые решили его «формулой»: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (ср. «Вперед» № 14 от 12 апреля 1905 года *). Вторые решительно отвергали такое определение классового содержания победоносной буржуазной революции. Третий съезд (большевиков) в Лондоне в мае 1905 года и одновременная конференция меньшевиков в Женеве дали официальное выражение взглядов обеих частей партии. При этом, сообразно духу той эпохи, в резолюциях обе части партии ставили не теоретический, общий вопрос о цели борьбы и о классовом содержании победоносной революции вообще, а более узкий вопрос о Временном Революционном Правительстве. Резолюция большевиков гласит: «...осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное Революционное Правительство; ...в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса». Резолюция меньшевиков: «...Социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть

*) См. 133—140 стр. VI тома Собр. соч. Ленина. Р е д.

во Временном Правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Отсюда видно, что в свою официальную резолюцию сами большевики на чисто большевистском съезде не включают ничего подобного «формуле»: диктатура пролетариата и крестьянства, а говорят только о допустимости участия во Временном Правительстве и о «призвании» пролетариата «сыграть руководящую роль» (резолюция о вооруженном восстании). «Формула»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», высказанная в большевистской печати до III-го съезда, повторяется в брошюре «Две тактики» после этого съезда, и ни единому человеку не приходило в голову обвинять большевиков за несоответствие их комментариев с их резолюциями. Ни единому человеку не приходило в голову требовать буквального совпадения резолюций политически борющейся массовой партии и формул марксистского определения классового содержания победоносной революции.

Другой важный вывод из нашей исторической справки: весной 1905 года обе части партии сводили центр тяжести спорного вопроса к завоеванию власти пролетариатом и революционными классами вообще, совершенно не входя в вопрос о том, каковы при этом могут или должны быть отношения между этими завоевывающими власть классами. Меньшевики, как мы видели, отвергают одинаково цель захватить и цель разделить власть. Большевики говорят о «руководящей роли пролетариата в революции» (резолюция о вооруженном восстании), о «допустимости» участия с.-д. во Временном Правительстве, о «неуклонном охранении независимости с.-д., стремящейся к полному социалистическому переформату» (резолюция о Временном Революционном Правительстве), о «поддержке» революционного движения крестьян, об «очистке революционного-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», о том, чтобы «развивать революционное самосознание крестьян и доводить до конца их демократические требования» (резолюция об отношении к крестьянскому движению). Никаких других «формул» об отношении пролетариата и крестьянства в резолюциях большевистского съезда 1905 года нет.

Перейдем к проектам резолюций, выработанным обеими фракциями год спустя, перед Стокгольмским съездом. Эти проекты особенно часто забываются или игнорируются в печати вообще

и в нашей партии в частности, и это особенно жаль, ибо значение их в истории тактических идей социал-демократии громадно. Именно эти проекты резолюций показывают, какие уроки вывели из опыта октябрьской и декабрьской борьбы 1905 года обе части партии.

Большевики пишут в проекте резолюции о классовых задачах пролетариата: «...довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства, придавая политическую сознательность его стихийной борьбе против помещичьего государства и крепостнического землевладения» (повторено в проекте резолюции к Лондонскому съезду, см. «Пролетарий» № 14 от 4 марта 1907 г.) *).

Итак, «формула», которую здесь сами большевики избрали для себя, гласит: пролетариат, в е д у щ и й з а с о б о й к р е с т ь я н с т в о. Никакой другой формулы для выражения идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в резолюциях большевиков нет. Этот факт нельзя достаточно сильно подчеркнуть, ибо на забвении его или на умалчивании о нем построена вся попытка т. Мартова представить значение резолюции, принятой на декабрьской конференции 1908 года, в совершенно неверном свете.

Меньшевики в своем проекте резолюции (перепечатано из «Партийных Известий» в «Докладе» Ленина, стр. 68 — 70) называют задачей пролетариата «быть двигателем буржуазной революции» — заметьте: не «вождем», не «руководителем», как сказано в большевистской резолюции, а двигателем! — и указывают в числе задач его «массовым напором поддерживать те оппозиционные шаги буржуазной демократии, которые не противоречат нашим программным требованиям, могут содействовать их достижению и стать исходной точкой для дальнейшего движения революции вперед».

Разногласие сведено, следовательно, самими фракциями большевиков и меньшевиков к противопоставлению: «вождь» и «руководитель» революции, «ведущий за собой» крестьянство, и л и «двигатель революции», «поддерживающий» те или иные шаги буржуазной демократии. Добавим, что эту резолюцию

*) См. 211 стр. VIII тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

победившие на Стокгольмском съезде меньшевики с а м и с н я л и вопреки протестам и настояниям большевиков. Почему это сделали меньшевики,—на этот вопрос читатель может найти ответ, если он узнает следующее место из того же проекта резолюции меньшевиков: «целесообразное выполнение задачи быть двигателем буржуазной революции возможно для пролетариата лишь таким путем, что, организуясь сам, пролетариат своей борьбой втягивает все новые и новые слои городской буржуазии и крестьянства в революционную борьбу, демократизируя их требования, толкая их к организации, и тем самым создает условия для победы революции».

Это—явная половинчатая уступка большевикам, ибо пролетариат рисуется здесь не только как двигатель, но отчасти, по крайней мере, как руководитель, ибо он «втягивает» и «толкает» крестьянство и новые слои городской буржуазии.

Далее. По вопросу о Временном Правительстве проект меньшевистской резолюции гласит: «Социал-демократия, при условиях общереволюционного подъема в стране, должна повсюду содействовать образованию Советов Рабочих Депутатов, побуждать и другие элементы революционной демократии к образованию таких же органов, содействовать объединению всех этих органов в общие беспартийные организации революционной борьбы народа, выдвигая перед ними те общенациональные задачи революции, которые с точки зрения пролетариата могут и должны быть решены в данный момент революцией» (стр. 91 там же).

Этот забытый проект меньшевистской резолюции показывает ясно, что под влиянием опыта октября-декабря 1905 года меньшевики совсем запутались и сдали позицию большевикам. В самом деле, разве совместимо цитированное место с следующими пунктами того же самого проекта: «социал-демократия не должна ставить своей задачей захвата власти и диктатуры в современной буржуазной революции» (стр. 92)? Это последнее положение строго принципиально и вполне повторяет (за исключением указания на «раздел власти») резолюцию 1905 года. Но оно стоит в неприимиримом противоречии с опытом октября-декабря 1905 г., какой опыт сами меньшевики сводят к объединению всех органов пролетариата и «других элементов революционной демократии» в «общие беспартийные организации революционной борьбы народа»! Ибо если Советы Рабочих Депутатов «объединяются» с такими же

органами революционной демократии в беспартийные организации революционной борьбы народа, то ясно, что пролетариат ставит себе задачей «захват власти и диктатуру», участвует в деле такого захвата. Резолюция сама говорит, что «главнейшая задача» революции—«вырвать государственную власть из рук реакционного правительства». Боясь слова, чураясь «захвата власти и диктатуры», отрекаясь от этих страшных вещей самым решительным образом, меньшевики вынуждены были признать после 1905 года, что «объединение» Советов Рабочих Депутатов с другими «такими же» органами революционной демократии неизбежно вытекает из хода вещей и что такое объединение дает «общие беспартийные» (неточно: надо было сказать: беспартийные или междупартийные) «организации революционной борьбы народа». Эта общая организация и есть Временное Революционное Правительство! Меньшевики боялись точного и прямого слова, заменяя его описанием. Дело от этого не меняется. «Орган революционной борьбы народа», «вырывающий государственную власть» у старого правительства, это и называется Временным Революционным Правительством.

И если меньшевики вынуждены были учесть опыт октября-декабря 1905 г., путаясь и сбиваясь, то большевики прямо и ясно сделали свои выводы. Большевистский проект резолюции о Временном Правительстве гласит: «...в этой открытой борьбе» (конца 1905 г.) «элементы местного населения, способные решительно выступить против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти—Советы Рабочих Депутатов в Спб., Москве и др. городах, Советы Солдатских Депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и др. городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае» (стр. 92). Разрозненность и зачаточность этих органов обусловили неуспех,—говорится дальше, и Временное Революционное Правительство определяется как «орган победоносного восстания». «Перед пролетариатом,—продолжает резолюция,—в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объеди-

нящего центра этого восстания в виде Временного Революционного Правительства». Далее повторяется почти буквально резолюция III-го съезда 1905 года.

Приведенные места из проектов резолюций обеих фракций перед Стокгольмским съездом дают возможность поставить вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства на конкретную историческую почву. Всякий, кто желает дать прямой и ясный ответ на этот вопрос, должен считаться с опытом конца 1905 г. Уклониться от прямого рассмотрения этого опыта — значит, не только игнорировать самый ценный материал для русского марксиста,—мало этого: это значит также осудить себя неизбежно на «крючкотворское» толкование формул, на «замазывание» и «заклеивание» (по удачному выражению т. Мартова) сути принципиальных разногласий, осудить себя неизбежно как раз на такое беспринципное ковыляние в вопросах теории и практики «диктатурь», которое лучше всего выражается формулой: движение—все, цель—ничто.

Опыт конца 1905 года бесспорно установил, что «общереволюционный подъем в стране» создает особые «организации революционной борьбы народа» (по меньшевистской формулировке; «зачаточные органы новой революционной власти», по большевистской). Так же бесспорно то, что эти органы в истории русской буржуазной революции созданы были, во-первых, пролетариатом, во-вторых, «другими элементами революционной демократии», при чем простая справка с составом населения России вообще и Восточной России в особенности показывает громадное преобладание крестьянства в числе этих других элементов. Наконец, не менее бесспорна и историческая тенденция к объединению этих местных органов или организаций. А из этих бесспорных фактов неминуем вывод, что победоносная революция в современной России не может быть чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. От этого неминуемого вывода иначе как путем «крючкотворства» и «заклеивания» разногласий, уклониться нельзя! Если не выхватывать обрывков вопроса, если не отрывать искусственно и произвольно города от деревни, одной местности от другой, если не подменять вопроса о диктатуре классов вопросом о составе того или другого правительства, одним словом, если рассматривать вопрос действительно в целом, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы

победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства.

Но закончим сначала вопрос о партийной истории рассматриваемой «формулы» прежде, чем идти дальше. Мы видели, каково было точное изложение взглядов обеих фракций в 1905 и 1906 г.г. В 1907 г. накануне Лондонского съезда меньшевики выдвинули сначала один проект резолюции об отношении к буржуазным партиям («Народная Дума», 1907, № 12 от 24/III 1907 г.), потом на самом съезде внесли другой. В первом проекте говорится о «комбинировании» действий пролетариата с действием других классов, во втором,—об «использовании» движения других классов «для целей» пролетариата и о «поддержке» пролетариатом известных «оппозиционных и революционных шагов» других классов, о «соглашениях» социал-демократии «в отдельных определенных случаях» с либеральными и демократическими классами.

В большевистском проекте, как и в принятой Лондонским съездом резолюции *), говорится о том, чтобы с.-д. «принуждала их (народнические или трудовые партии, «более или менее близко выражающие интересы и точку зрения широких масс крестьянской и городской мелкой буржуазии») становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.» и о «вытекающих отсюда совместных действиях», которые должны «служить лишь целям общего натиска». В резолюции съезда, в отличие от проекта большевиков, вставлены еще по инициативе одного поляка слова: «в борьбе за доведение революции до конца». Получилось и здесь самое ясное подтверждение идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая диктатура и есть «совместное действие» этих классов, «д о в е д ш и х или доводящих революцию до конца»!

II.

Достаточно бросить общий взгляд на историю партийных мнений по вопросу о диктатуре пролетариата и крестьянства, чтобы видеть, до какой степени во вред себе заговорил т. Мартов о крючкотворстве и о движении без цели. В самом деле, первый вывод этой истории—тот, что сами большевики н и о д н о г о

*) См. 530—532 и 534—535 стр. VIII тома Собр. соч. Н. Ленина. Р е д.

разу не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции, выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее ни одному человеку не приходило до сих пор в голову отрицать, что все большевистские проекты и резолюции 1905—1907 годов всецело построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства. Отрицать это смешно. Отрицать это—значит именно крючкотворствовать, заслонять пустыми придирками к словам суть вопроса. Пролетариат, «присоединяющий к себе» массу крестьянства,—говорил Ленин в «Двух тактиках» («За 12 лет», стр. 445 *); пролетариат, «ведущий за собой» массу крестьянства, — говорит проект резолюции большевиков в 1906 г. **); «совместные действия» пролетариата и крестьянства «в борьбе за доведение демократической революции до конца»,—говорит резолюция Лондонского съезда ***) Неужели не очевидно, что мысль всех этих формулировок одна и та же? что эта мысль выражает именно диктатуру пролетариата и крестьянства? что «формула»—пролетариат, опирающийся на крестьянство, остается всецело в пределах той же самой диктатуры пролетариата и крестьянства?

Тов. Мартов из кожи лезет вон, чтобы опровергнуть последнее. Начинается дискуссия—по поводу «и». Нет «и», отклонили формулу с «и»—воскликает т. Мартов—не смейте теперь вставлять этого «и» в неподписанных статьях Ц. О.! Опоздали, опоздали, любезный тов. Мартов: вам надо бы обратиться с такой претензией ко всем большевистским органам всей революционной эпохи, ибо все эти органы говорили всегда о диктатуре пролетариата и крестьянства и говорили на основании резолюций, одного «и» не содержащих. Тов. Мартов проиграл поднятую им принципиальную кампанию по поводу «и», проиграл ее не только потому, что истек срок давности, но и потому, что ее величество логика неуклонно подводит под злосчастное «и»—и «присоединение» и «введение за» и «совместные действия» и «опирающийся на» и «при помощи» (это последнее выражение стоит в резолюции VI польского с.-д. съезда).

Но большевики спорили же против «опирающийся на»—продолжает свою принципиальную дискуссию тов. Мартов.

*) См. 342 стр. VI тома Собр. соч. Ред.

**) См. 173 стр. 2 части VII тома Собр. соч. Ред.

***) См. 535 стр. VIII тома. Собр. соч. Ред.

Да, спорили, но не потому, чтобы здесь отвергалась диктатура пролетариата и крестьянства, а потому, что по-русски эта «формула» не очень удачна. Опирается обыкновенно более слабый на более сильного. Буквальное повторение польской формулы «пролетариат п р и п о м о щ и крестьянства» для большевиков вполне приемлемо, хотя еще лучше было бы, может быть, сказать: «пролетариат, ведущий за собой». Можно спорить по поводу всех этих формул, но делать из т а к о г о спора «принципиальную дискуссию» есть просто курьез. Отрицать, как пробует тов. Мартов, что «опирающийся на» входит в понятие с о в м е с т н о г о действия— значит давать образец крючкотворства. Говорить, что завоевание власти «пролетариатом, опирающимся на крестьянство», есть завоевание власти «о д н и м пролетариатом», как говорят цитируемые тов. Мартовым т.т. Дан, Аксельрод и Семенов, значит смешить читателя. Если мы скажем: Мартов и Потресов, о п и р а ю щ и е с я н а Череванина, Прокоповича и К-о, ликвидировали идею гегемонии пролетариата в революции, поверит ли нам кто-нибудь, что Мартов и Потресов о д н и ликвидировали эту идею, б е з Череванина, Прокоповича и К-о?

Нет, товарищи, дискуссию в Ц. О. не следует сводить к крючкотворству. Нельзя подобными средствами увернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство Р. С.-Д. Р. П., поляки и большевики в том числе, решительно стоят: 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевания власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство. Кто хочет дискуссии по существу вопроса, тот должен попытаться оспорить хоть единое из этих трех положений. Тов. Мартов ни единого из них по существу не разбирал. Т. Мартов забыл сказать читателю, что п о к а ж д о м у из этих трех положений меньшевики стоят на точке зрения, о т в е р г а е м о й партией, что к числу о т в е р г н у т ы х партией з а б л у ж д е н и й относится именно меньшевизм и только меньшевизм! Политика меньшевиков в революции была как раз движением без цели и потому движением з а в и с и м ы м от шатаний партии к.-д.,— была таковой именно потому, что меньшевики не знали, нужно ли пролетариату стремиться к роли вождя? нужно ли ему стремиться к завоеванию власти? нужно ли ему иметь при этом в виду помощь

какого-либо определенного класса? Незнание этого неминуемо и неизбежно осуждает политику социал-демократов на блуждания, на ошибки, на беспринципность, на зависимость от либералов.

Конференция не похоронила «диктатуру пролетариата и крестьянства» и не выдала вексель на ее устранение из партийного обихода, а, наоборот, п о д т в е р д и л а ее, сделала е щ е ш а г к более полному ее признанию. Лондонский съезд признал: 1) роль пролетариата как «вождя в буржуазно-демократической революции», и 2) «совместные действия» пролетариата и крестьянства, «служащие лишь целям общего натиска», действия, между прочим, и по «доведению революции до конца». Оставалось только признать целью борьбы в данной революции завоевание власти пролетариатом и крестьянством. Это сделано конференцией в формуле: «завоевание власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство».

Говоря это, мы вовсе не отрицаем и не затушевываем разногласий между большевиками и поляками. Польские с.-д. имеют полную возможность излагать эти разногласия и в своих отдельных изданиях на русском языке, и на страницах большевистских газет, и в Ц. О. И польские с.-д. начали уже пользоваться этой возможностью. Если тов. Мартов достигнет той цели, которую он преследует, именно чтобы польские с.-д. вмешались в наш спор, то все и каждый увидят нашу солидарность с П. С.-Д. против меньшевиков во всем основном, увидят, что расходимся мы лишь в частности.

III.

Что касается тов. Троцкого, которого тов. Мартов заставил участвовать в устроенной им дискуссии третьих лиц, дискуссии всех кроме дискуссанта, то мы решительно не можем здесь входить в полное рассмотрение его взглядов. Это требовало бы особой большой статьи. Задевая ошибочные взгляды т. Троцкого, приводя обрывки этих взглядов, тов. Мартов поселяет в читателях целый ряд недоразумений, ибо обрывки цитат не разъясняют, а запутывают дело. Основная ошибка т. Троцкого—игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые т. Мартов п о в т о р я е т, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дела в этом запутанном виде, в котором излагает его тов. Мартов, покажем, по

крайней мере, неправильность этих, заслуживших одобрение т. Мартова, рассуждений т. Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создаст самостоятельную могучую партию». Это очевидно неверно ни с обще-теоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. «Коалиция классов в о в с е не предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это—смещение вопроса о классах с вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов в о в с е не предполагает *ни* того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, *ни* того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию! Теоретически это ясно из того, что, во-первых, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во-вторых, создание крестьянских партий—особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что «могучая самостоятельная» партия может явиться, например, лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась десятки и сотни раз в самых различных формах без «всякой могучей самостоятельной партии» крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было «совместное действие», скажем, Совета Рабочих Депутатов и Совета Солдатских Депутатов или железнодорожного Стачечного Комитета или Крестьянских Депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно б е с п а р т и й н ы и тем не менее «коалиция» к л а с с о в безусловно имела место в каждом совместном действии таких организаций. Крестьянская партия при этом намечалась, зарождалась, возникала—в виде «Крестьянского Союза» 1905 года или «Трудовой Группы» 1906 года—и п о м е р е роста, развития, самоопределения такой партии, коалиция к л а с с о в принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями. Например, после разгона I-ой Думы были выпущены следующие т р и призыва к восстанию: 1) К армии и флоту; 2) Ко всему российскому крестьянству; 3) Ко всему народу ¹²⁵). Под первым воззванием подписались с.-д. Думская фракция и комитет Трудовой Группы. Обнаружилась ли в этом «совместном действии» к о а л и ц и я д в у х к л а с с о в? Конечно, да. Отрицать это значит именно крючко-

творствовать или превращать широкое научное понятие «коалиции классов» в узкое юридическое, почти нотариальное, я сказал бы, понятие. Далее, можно ли отрицать, что этот совместный п р и з ы в к восстанию, подписанный думскими депутатами от рабочего класса и крестьянства, сопровождался совместными действиями в частичных местных восстаниях представителей обоих классов? Можно ли отрицать, что совместный призыв к общему восстанию и совместное участие в местных и частичных восстаниях обязывает сделать вывод о совместном образовании Временного Революционного Правительства? Отрицать это значило бы крючкотворствовать, сводить понятие «правительства» исключительно к законченному, оформленному явлению, забывать о том, что законченность и оформленность проистекают из незаконченности и неоформленности.

Далее, второй призыв к восстанию подписан Ц. К о м и т е т о м (меньшевистским!) Р. С.-Д. Р. П., тоже партии С.-Р., Всероссийским Крестьянским Союзом, Всероссийским Железнодорожным и Всероссийским Учительским союзами, кроме комитета Трудовой Группы и с.-д. фракции, а под третьим призывом к восстанию стоит подпись П. П. С. и Бунда, плюс все предыдущие подписи, кроме трех союзов.

Вот вам оформленная политическая коалиция партий и беспартийных организаций! Вот вам «диктатура пролетариата и крестьянства», п р о в о з г л а ш е н н а я в виде угрозы царизму, в виде призыва ко всему народу, но еще неосуществленная! И в настоящее время едва ли много найдется с.-д., которые бы согласились с меньшевистским «Соц.-Дем.» 1906 года, № 6, где говорилось про эти призывы: «В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым» (сравни «Пролетарий» № 1 от 11 августа 1906 года и № 8 от 23 ноября 1906 г.) ¹²⁶). Боевое соглашение нельзя противопоставлять политическому блоку, ибо оно входит в это последнее понятие. Политический блок осуществляется в различные исторические моменты то «боевым соглашением» в деле восстания, то парламентским соглашением насчет «совместных действий против черносотенцев и против к.-д.» и т. п. Идея диктатуры пролетариата и крестьянства нашла свое практическое выражение в течение всего хода революции в тысяче форм, начиная от подписи манифеста о неплатеже налогов и о взятии обратно вкла-

дов (декабрь 1905 г.)¹²⁷) или от подписи призывов к восстанию (июль 1906 г.) и кончая голосованиями во II и в III Думах в 1907 и 1908 годах.

Точно так же неверно второе заявление т. Троцкого, приводимое т. Мартовым. Неверно, что «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство» и т. д. Это особенно неверно, когда т. Мартов приводит это как довод против диктатуры пролетариата и крестьянства. Т. Троцкий в этом рассуждении сам допускает «участие представителей демократического населения» в «рабочем правительстве», т. е. допускает правительство из представителей пролетариата и крестьянства. На каких условиях допускать участие пролетариата в правительстве революции,—вопрос особый и по этому вопросу, очень может быть, большевики не сойдутся не только с Троцким, но и с польскими с.-д. Но вопрос о диктатуре революционных классов никоим образом не сводится к вопросу о «большинстве» в том или ином революционном правительстве, об условиях допустимости участия с.-д. в том или ином правительстве.

Наконец, всего более неверно третье из приводимых т. Мартовым мнений т. Троцкого, которое кажется т. Мартову «справедливым»: «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима,—ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства. Факты из истории русской революции показывают, что первая же волна подъема, в конце 1905 года, сразу толкает крестьянство к такой политической организации (Всероссийский Крестьянский Союз), которая, несомненно, являлась зародышем особой крестьянской партии. В I-ой и во II-ой Думах, несмотря на истребление контр-революцией первой смены передовых крестьян, крестьянство—на этот раз впервые в общенациональном масштабе, в всероссийских выборах—сразу кладет основание «Трудовой Группе», несомненному зачатку особой крестьянской партии. В этих зародышах и зачатках много неустойчивого, неопределенного, шаткого, это несомненно, но если начало революции создало такие политические группировки

то не подлежит ни малейшему сомнению, что революция, доведенная до такого «конца» или, вернее, до такой высокой степени развития, как революционная диктатура, создаст более оформленную и более сильную революционно-крестьянскую партию. Рассуждать иначе—значило бы предполагать, что у взрослого человека некоторые существенные органы могут остаться младенческими по величине, форме, степени развития.

Во всяком случае вывод т. Мартова, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть, есть поразительное несоответствие с фактами, есть попытка, поистине, «высосать» из слова то, что на конференции вовсе не обсуждалось, не приводилось, не имелось в виду.

IV.

Задевая Каутского, т. Мартов опять-таки в немногих словах сосредоточивает такое обилие неверностей, что для ответа ему по существу неминуемо приходится рассказывать читателю чуть ли не все с начала.

Совершенно неверно, что «многие в том числе и Ленин в предисловии к статье Каутского о «Перспективах», решительно отрицали буржуазный характер нашей революции», и точно так же неверно, что Каутский «объявлял русскую революцию не буржуазной». Дело было совсем иначе.

Плеханов обратился с вопросами ко многим представителям международной социал-демократии, при чем в 1-м вопросе спрашивал об «общем характере» русской революции, а во 2-м—о «поведении с.-д. партии по отношению к буржуазной демократии», которая по-своему борется за политическую свободу». В такой формулировке вопросов заключалось уже две ошибки т. Плеханова против марксизма: первая ошибка—смешение «общего характера» революции в смысле ее общественно-экономического содержания с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросов, не могут даже непосредственно выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа. Вторая ошибка—смешение вопроса о роли крестьянства в нашей революции с ролью буржуазной демократии вообще. На самом деле и крестьянство и либералы подходят под научное

понятие «буржуазной демократии», но отношение пролетариата к этим двум разновидностям «буржуазной демократии» неизбежно должно быть существенно различным.

Каутский сразу заметил ошибки тов. Плеханова и и с п р а в и л и х своим ответом. В смысле общественно-экономического содержания революции Каутский не только не думал отрицать ее буржуазный характер, а, напротив, решительно признал таковой. Вот относящиеся сюда заявления Каутского в тех самых «Перспективах», которые так глубоко неправильно излагает т. Мартов:

«Теперешняя революция (в России) может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Западной Европе. Поэтому нельзя себе представить, чтобы теперешняя русская революция повела уже к введению социалистического способа производства, даже если бы она временно и предоставила соц.-демократам кормило правления» (стр. 31 перевода под ред. Н. Ленина). В предисловии Ленина именно это место имеется в виду, когда говорится (стр. 6, там же): «Нечего и говорить, что основные положения всех русских с.-д. о н е с о ц и а л и с т и ч е с к о м характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. ц е л и к о м (курсив Н. Ленина в предисловии) разделяет Каутский» *).

Утверждение т. Мартова, что Ленин решительно отрицал буржуазный характер нашей революции, решительно противоречит истине. Ленин говорит как раз обратное. Каутский решительно признал нашу революцию буржуазной по общему характеру в смысле общественно-экономического содержания революции.

«На первый вопрос» Плеханова,—писал там же Каутский,—«мне кажется, нельзя ответить просто в том или ином смысле. Время буржуазных революций, т.-е. революций, движущей силой которых явилась буржуазия, миновало, миновало и для России... Буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным» (стр. 29). Читатель ви-

*) См. 84 стр. VIII тома Собр. соч. Р е д.

дит, что Каутский с полнейшей ясностью определяет здесь, о чем идет речь,—с полнейшей ясностью говорит о буржуазной революции не в смысле общественно-экономического содержания, а в смысле революции, «движущей силой которой является буржуазия».

Далее. Вторую ошибку Плеханова Каутский поправил тем, что ясно и определенно размежевал «либеральную» и крестьянскую буржуазную демократию. Каутский признал, что «в общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии», что «без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы» (стр. 31). Интересно отметить—по тому неинтересному вопросу об «и», который наполняет принципиальную дискуссию т. Мартова,—что Каутский в этой же статье, т.-е. в 1906 году, употребляет на одной странице и выражение «опереться» («на какой класс может опереться русский пролетариат?») и выражение: «союз пролетариата с другими классами в революционной борьбе должен прежде всего основываться на общности экономических интересов» (стр. 30).

Не обвинит ли т. Мартов К. Каутского в том, что он в 1906 году, предвидя декабрьскую Конференцию Р. С.-Д. Р. П. 1908 года, задался целью «сбить с толку читателей», «замазать и заклеить» разногласия между большевиками и польскими с.-д., «крючковтворствовать» и т. п.?

Заметим, что, защищая идею союза пролетариата и крестьянства в буржуазной русской революции, Каутский в сущности не выдвигает никакой «новой» идеи, а всецело идет по стопам Маркса и Энгельса. Маркс писал в 1848 году в «Новой Рейнской Газете»: «Крупная буржуазия,—речь идет о немецкой буржуазии посл 18 марта 1848 г.,—антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.-е. перед рабочими и демократической буржуазией» (см. третий том изданного Мерингом собрания сочинений Маркса; по-русски вышли пока только два тома). «Немецкая революция 1848 года,—писал Маркс 29 июля 1848 года,—есть лишь пародия французской революции 1789 г... Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян... Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаёт крестьян»...

Маркс ясно противопоставляет здесь по отношению к буржуазной революции контр-революционную буржуазию в союзе с

реакцией рабочему классу плюс демократическая буржуазия, т.-е. главным образом крестьянство. И нельзя думать, что этот взгляд объясняется незаконченностью социалистического мировоззрения Маркса в то время. 44 года спустя, в 1892 году Энгельс писал в своей статье «Об историческом материализме» («Neue Zeit», XI, т. I, по-русски в сборнике «Исторический материализм»): «...Во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация и крестьянская война XVI века в Германии, английская революция XVII века и французская—XVIII) «боевой армией являются крестьяне... Исключительно благодаря вмешательству крестьянства» (йоманри—в английской революции) «и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот».

Следовательно, особенность русской буржуазной революции состоит только в том, что вместо бывшего на втором месте в XVI, XVII и XVIII веках плебейского элемента городов,—в XX веке выступает на первое место пролетариат.

V.

Закключаем. Тов. Мартов задел крайне важный вопрос, который заслуживает обстоятельнейшей дискуссии на страницах Ц. О. партии. Но этот вопрос нельзя «задевать», его надо разбирать по существу, опираясь не только на учение Маркса и Энгельса, но и на опыт русской революции в 1905—1907 годах.

Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение с.-д.-тов, вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi-марксисты должны бы были обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—1907 годов каждым крупным поворотом событий давал практическое подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и «боевые» и парламентские, были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть роль всегда в буржуазно-демократи-

ческой революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы. Отказ от этих истин осуждает социал-демократов неизбежно на шатания, на «движение без цели», на проповедь беспринципных соглашений от случая к случаю, а на деле это и означает кадетское пленение, т.-е. зависимость рабочего класса от либерально-монархической контр-революционной буржуазии.

*«Социал-Демократ» №№ 3 и 4
от 9 (22) марта и 21 марта
(3 апреля) 1909 года.*

Карикатура на большевизм.

В № 42 «Пролетария» мы дали уже общую оценку «отзовизма» и «ультиматизма». По поводу печатаемой выше резолюции петербургских отзовистов ¹²⁸⁾, которая служила платформой их во время выборов на декабрьскую Конференцию Р. С.-Д. Р. П. (и которая, к с о ж а л е н и ю, доставлена была в редакцию «Пролетария» лишь п о с л е Конференции), нам приходится во многом повторить сказанное там.

Неправильные, немарксистские рассуждения кишмя кишат в этой резолюции, которая почти каждым пунктом подтверждает незрелость мысли авторов или забвение ими азбуки социал-демократии. Пункт 1-ый:... «первый этап революции закончен»... Что это значит? То ли, что закончен этап общественно-экономического развития? Вероятно, нет. Авторы имеют в виду окончание этапа непосредственно революционной борьбы масс. Так должны мы думать, чтобы не приписать отзовистам совсем нелепой мысли. А раз так, то, следовательно, они признают, что на-лицо нет условий для непосредственно-революционной борьбы масс. Но, вынужденные признать это, вынужденные положением вещей, отзовисты не умеют п р о д у м а т ь выводов отсюда, не умеют свести концов с концами... «Россия... идет навстречу новому подъему»... Правильно! Только еще и д е т н а в с т р е ч у подъему, т.-е. подъема нет,—так выходит по логике и по грамматике! Оказывается, однако, что этот не наступивший еще подъем есть «характеризую-

щийся резким столкновением» и т. д. Выходит бессмыслица: настоящего отзовисты характеризовать не умеют. Будущее, к которому мы «идем навстречу», «характеризуется» — для прикрытия непонимания этого настоящего. Например, «обнищавшая мелкая городская буржуазия» высказывает бог знает откуда; ссылка на нее не подтверждена даже попыткой анализа; почему будущий подъем «характеризуется» резким столкновением обнищавших мещан, — ниоткуда не видно; почему понадобилось именно теперь добавить обнищавшую мелкую городскую буржуазию — неизвестно; люмпены отличаются ведь иногда резкими столкновениями, иногда поразительной неустойчивостью и неспособностью к борьбе. Неясность мысли у отзовистов полная, и нас не удивляет, что на Конференции Р. С.-Д. Р. П. за добавление вставки об «обнищавшей мелкой городской буржуазии» голосовали вместе с двумя отзовистами только двое бундовцев! Подтверждение нашего взгляда, что отзовизм есть оппортунизм назнанку, получилось блестящее.

С кем же будет резкое столкновение? «С правящим блоком крупной буржуазии и помещиков-крепостников». А не с самодержавием? Отзовисты не умеют отличать абсолютизма, лавирующего между указанными двумя классами, от прямого господства этих классов, и у них выходит абсурд, исчезает куда-то борьба с самодержавием.

...«Совершается скрытая работа организации сил»... Скрытой может быть и бывает работа по учету опыта, по перевариванию новых уроков, по накоплению сил, но организация сил скрытой быть не может даже при абсолютном господстве нелегальщины. В 1901—1903 годах организация сил шла нелегально, но не скрыто. Отзовисты повторяют обрывки заученных слов и искажают их при этом.

Пункт 2-ой: «Разрешение этого столкновения при наличии сильно развитых в России классовых противоречий примет форму революции»... Классовые противоречия в России менее сильно развиты, чем в Европе, не знающей задачи борьбы с самодержавием. Отзовисты не замечают, как, желая углубить свои взгляды, они сближаются со своим антиподом — оппортунистами.

...«революции, которая приведет к вооруженному восстанию»...

О цели борьбы нам еще ничего ясного не сказано, о современном моменте в развитии самодержавия — тоже, но о с р е д с т в е

Горьбы отзовисты спешат сказать, чтобы заявить себя «революционерами». Это ребячество, дорогие товарищи, ибо вы опять показываете, что з а у ч и л и обрывки хороших слов, н е п о н я в их смысла. В 1897, 1901 и 1905 годах революционные с.-д. различно относились к вопросу о восстании: только после 9 января 1905 г. они поставили его на очередь дня, хотя и в 1897 и в 1901 г.г. Россия, несомненно, «шла навстречу революционному подъему», шла к «резкому столкновению» и к «революции». Недостаточно заучить лозунги, надо уметь думать о том, когда их уместно выдвигать. Пока «подъем» не наступил, пока «революция» в самом узком и непосредственном значении слова не стала настоящим (а отзовисты говорят о ней в б у д у щ е м: «п р и м е т форму революции»),—до тех пор выставлять лозунг о д н о г о из средств борьбы значит изображать из себя карикатуру на революционных с.-д. Резолюция Конференции говорит о назревающем революционном кризисе и о цели борьбы (завоевание власти революционными классами), и б о л ь ш е г о с е й ч а с сказать нельзя и говорить не нужно.

Каким образом неведомые «муниципальные реформы» попали сюда, да еще в качестве «радикальных реформ»,—аллах ведает. Что это значит, не понимают, видимо, и сами отзовисты.

Пункт 3-ий: «ввиду этого с.-д-тия, как партия последовательно революционная, должна на первом плане поставить внедумскую борьбу»...

И находятся же люди («ультиматисты»), настолько близорукие, что наши разногласия с отзовистами кажутся им только практическими разногласиями, только разной оценкой средств и приемов проведения общей тактики! В 1907-ом году летом разногласие о бойкоте III Думы могло быть только практическим, ошибка бойкотистов могла быть только ошибкой в выборе средств для проведения общей всем большевикам тактики. В 1909 году смешно и говорить об этом. Ошибка отзовистов и ультиматистов стала принципиальным отступлением от марксизма. Подумайте в самом деле: «в в и д у э т о г о», т.-е. ввиду того, что мы «идем навстречу» подъему, и что столкновение «примет форму революции», «ввиду этого» на первый план внедумскую борьбу! Ведь это же просто набор слов, прикрывающий чудовищный хаос мыслей, товарищи! Ведь вы еще ни звука не сказали о Думе в своей резолюции, а уже состряпали заключение: «ввиду этого»—«внедумская борьба»! Ввиду того, что мы не понимаем

значения Думы и задач партии во времена нарастания подъема, провозглашаем внедумскую борьбу,—зот к какой бессмыслице сводятся рассуждения отзовистов. Они повторили обрывки непонятых ими большевистских рассуждений такой эпохи, когда внедумская борьба не провозглашалась только, а велась **м а с с а м и**,—повторили тогда, когда сами же считают «первый этап революции законченным», т.-е. условия непосредственной массовой борьбы временно отсутствующими.

Они **з а у ч и л и** правильное положение о подчинении думской работы интересам и направлению рабочего движения, идущего вне Думы, и повторяют **о б р ы в к и** заученного некстати и в искаженной до неузнаваемости форме.

Вместо того, чтобы подчеркнуть необходимость, на-ряду с думской работой, отдавать и сейчас максимум сил также выдержанной, длительной и кропотливой внедумской работе организации и агитации среди масс,—отзовисты вместе с с.-р-ами поднимают «революционный» визг о «внедумской борьбе», о **на-тиске** и т. п.

«Непосредственные активные действия невозможны в данное время»—говорят отзовисты в конце резолюции (п. 1),—а в начале **п р о в о з г л а ш а ю т** внедумскую борьбу. Ну, разве это не карикатура на большевизм?

...«И работу для доведения революции до **молной победы**»... Сначала обрывок мысли о средствах борьбы, потом о цели!.. «и для этой цели организацию пролетариата и широких масс крестьянства»... Это—фраза, товарищи, в такой момент, когда речь идет прежде всего и «на первом плане» об укреплении и воссоздании полуразрушенных партийных организаций.

Пункт 4-ый—один из перлов «отзовизма»—«Партия может пользоваться лишь теми формами организационного и агитационного действия, которые не **затушевывают** и не ослабляют революционной борьбы»...

Такова «практическая» постановка вопроса по мнению «практичных» ультиматистов! Отзовисты **в ы н у ж д е н ы** в 1909-м году **в ы и с к и в а т ь** принципиальные оправдания, и это выискивание неизбежно заводит их в болото. «Лишь те формы действия, которые не **затушевывают**»...—эти слова ясно метят на думскую работу с.-д. и на использование ими полуполигальных и легальных организаций. Выходит, что бывают такие «формы действия», которые **затушевывают**, и такие, которые не **затушевывают**. Чтобы изба

вить людей, не умеющих думать, — от работы головой, составим расписание «форм действия» и вычеркнем те, которые «затушевывают», — вот это будет истинно-революционная тактика!!

Например, легальная литература, любезные товарищи? Затушевывает эта «форма организационного и агитационного действия» или не затушевывает? Конечно, «затушевывает» при Столыпинском режиме! Значит, надо ее устранить, — так выходит у отзовистов, не умеющих указать у с л о в и й использования революционной социал-демократией с а м ы х р а з л и ч н ы х ф о р м и потому говорящих бессмыслицу. «Партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и по возможности легальных организаций, которые могли бы служить ей опорными пунктами» — так гласит резолюция конференции, предложенная и проведенная большевиками. Э т а резолюция отличается от отзовизма, как небо от земли. «Лишь т е ф о р м ы, которые не затушевывают», — это пустая фраза, один только «визг» вместо революционности. Создание нелегальных партийных «рабочих комитетов» для и с п о л ь з о в а н и я и «полулегальных и по возможности легальных организаций», это — тактика революционных с.-д., которые считаются с тем, какие «формы организационного и агитационного действия» предписываются современным моментом, которые умеют показать с п о с о б ы действительно социал-демократической работы в самых различных «формах».

Долой легальную литературу с.-д., это пустая фраза, невыполнимая и потому выгодная только оппортунистам, прекрасно сознающим ее невыполнимость. Размежевка партийных социал-демократов, готовых ответить перед партией за свои легальные писания, и беспартийных литераторов-мародеров, это — трудная, но исполнимая задача, дающая действительное направление работы для тех, кто хочет работать с партией. Долой легальную думскую фракцию, долой легальные организации, это — пустая фраза, выгодная только оппортунистам, которые очень рады бы были избавиться от контроля партии. Работать и работать над этим контролем, над «использованием» легальных организаций, над выпрямлением всякой ошибки и ошибочной тактики социал-демократов — это партийное дело, которым будем заниматься мы и все те, кто желает исполнять решения конференции.

...Конец 4-го пункта: «решительно борясь против всяких сделок контр-революционной буржуазии с самодержавием».

Уф! Непременно не к с т а т и повторяют отзовисты обрывки мыслей из большевистской литературы. Надо же, товарищи, разбирать, что к чему. Во время I и II Дум правительство нащупывало еще пути для с д е л о к, а кадеты проповедывали народу сделки, как лозунги «борьбы» (лозунги, сбивавшие с толку даже с.-д. меньшевиков). Тогда решительная борьба против сделок была действительно лозунгом дня, задачей момента, раскрытием обмана. Теперь сделка нащупана и осуществлена у царизма с теми классами, которые отзовистами же названы «блоком», при чем никто насчет осуществленной в III Думе сделки не обманывается. Теперь делать центром агитации «решительную борьбу против в с я к и х с д е л о к» значит изображать из себя карикатуру на большевизм.

Пункт 5-ый: «Наша Государственная Дума не может быть рассматриваема как парламент, работающий в рамках политической свободы и при известной свободе классовой борьбы пролетариата, а является лишь сделкой между царизмом и крупной буржуазией»... Тут две ошибки. Нельзя говорить: не парламент, а сделка, ибо целый ряд парламентов мира есть не что иное, как сделка буржуазии (достигшей той или иной степени развития) с различными остатками средневековья. Мы должны были бороться и мы боролись против того, чтобы первым парламентом в России был черносотенно-октябристский парламент, но раз это оказалось фактом вопреки нашим усилиям, раз история заставила нас пройти через такой этап, то просто-на-просто отмахиваться от неприятной действительности одним восклицанием, одной декламацией есть ребячество. Вторая ошибка: у авторов резолюции выходит, что ежели есть «известная свобода», то это «парламент», а ежели нет, то—«подделка». Это—вульгарно-демократический взгляд, достойный кадета, а не марксиста. При III Думе гораздо меньше свободы, чем при II, но III Дума—м е н е е фиктивный парламент, ибо она п р а в и л ь н е е в ы р а ж а е т действительное соотношение господствующих в данный момент классов и государственной власти. Пока власть в руках царя и крепостников помещиков, — никакого иного парламента в буржуазной России быть не может. Кадетам прилично затушевывать эту неприкрашенную правду, но не социал-демократам.

Пункт 6-й, в виде исключения, правилен. Но это именно такое исключение, которое подтверждает обратное правило, ибо... ибо в этом пункте отзовисты излагают не свои мысли, а мысли антиотзовистов, проводивших резолюции Конференции

Выводы. Пункт а:... «Дума, являясь... сделкой... и орудием контр-революции»... Правильно!.. «лишь укрепляет самодержавие»... Это «лишь» неверно. Самодержавие отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а р а з л а г а е т с я от этого. Дума есть такое «покрытие», которое стоит иного «раскрытия», ибо она впервые открыто на тысяче вопросов показывает зависимость царизма от контр-революционных слоев, впервые демонстрирует en grand имманентный союз Романова и Пуришкевича, царизма и «союза русского народа», самодержавия и Дубровиных - Илиодоров - Половневых.

Что Дума санкционирует преступления царизма, это несомненно, но это—санкция определенных классов, во имя определенных классовых интересов, и дело соц.-дем. как раз выяснение с думской трибуны этих поучительных истин классовой борьбы.

...«8-месячная деятельность III Государственной Думы показала, что с.-д-тия не может ее использовать»...

Вот в этом гвоздь отзовизма, ошибку которого только прикрывают, запутывая дело, наши «ультиматисты» своей смешной уверткой: раз потратили силы на создание фракции, нельзя легко отзывать ее!

Вопрос стоит прямо, и увертки тут не помогут: доказала ли 8-месячная деятельность возможность или невозможность использования думской трибуны? Ответ отзовистов—неверен. Несмотря на громадные трудности партийной работы н а д фракцией, эта работа безусловно д о к а з а л а в о з м о ж н о с т ь использования думской трибуны. Падать духом по поводу трудностей и ошибок есть малодушие, есть замена терпеливой, выдержанной, упорной пролетарской работы интеллигентским «визгом». Другие европейские социалистические партии гораздо большие трудности встречали в начале парламентской деятельности, гораздо больше ошибок при этом делали, но не отмахивались от задачи, а умели преодолевать трудности и выправлять ошибки.

(б)... «наша фракция... упорно вела оппортунистическую тактику, не смогла и не может быть твердой и последовательной представительницей революционного пролетариата»...

Самые великие истины можно опопшлять, товарищи отзовисты, самые великие задачи можно превратить во фразу, и вы это делаете. Борьбу с оппортунизмом вы превратили в фразу, играя этим только на руку оппортунистам. Фракция наша делала и делает ошибки, но именно опыт ее работы доказал, что она «могла и может» твердо и последовательно представлять пролетариат,— могла и может, когда мы, партия, ее направляем, ей помогаем, даем ей лучшие свои силы в руководители, составляем директивы, просим речей, разъясняем ей вред и губительность советов мещанской интеллигенции, всегда и во всем мире, а не только в России, получающей наиболее легкий доступ во всякие околопарламентские учреждения.

Имейте же, товарищи, мужество признать, что мы еще далеко не достаточно сделали для этого действительного направления работ фракции, для помощи ей делом. Имейте мужество признать, что мы можем вдесятеро больше сделать на этом пути, если мы сумеем укрепить свои организации, сплотить свою партию, связать ее теснее с массами, создать постоянно воздействующие на широкие слои пролетариев партийные органы. Вот на что направлены наши усилия, вот на что должны быть направлены усилия всех тех, кто хочет борьбы с оппортунизмом на деле, а не на словах.

Отзовисты превратили борьбу с оппортунизмом фракции во фразу, ибо они заучили слова, не поняв разницу между анархистской и социал-демократической критикой оппортунизма. Возьмите анархистов: они все подхватывают каждую ошибку, каждого соц.-дем. парламентария, они все кричат о том, что да же Бебель тогда-то сказал речь почти в духе патриотизма, тогда-то занял неверную позицию в вопросе об аграрной программе и т. д. и т. п. И это правда, что даже Бебель делал в своей парламентской карьере ошибки оппортунизма. Но какой же отсюда вывод? Для анархиста—вывод тот, что надо отозвать всех рабочих депутатов. Анархисты ругают с.-д. парламентариев, чтобы рвать с ними, ругают, отказываясь работать над выработкой пролетарской партии, пролетарской политики, пролетарских парламентариев. И на деле анархистов превращает их фраза в вернейших пособников оппортунизма, в оборотную сторону его.

Для соц.-дем. вывод из ошибок иной. Вывод тот, что да же Бебель не мог стать Бебелем без длительной партийной работы над созданием действительно социал-демократического предста-

вительства. Пусть не говорят нам: «у нас нет во фракции Бебелей». Бебелем нельзя родиться. Бебелем надо сделаться. Бебели не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, а создаются партией и рабочими классом. Кто говорит: у нас нет Бебелей, тот не знает истории немецкой партии, тот не знает, что было время, когда при исключительном законе делал оппортунистические ошибки Август Бебель, и партия исправляла эти ошибки, партия направляла Бебеля *).

(в) «дальнейшее участие в Гос. Думе с.-д. фракции... может принести лишь вред пролетариату... ронять достоинство и влияние с.-д.»... Для пояснения того, как в этих безмерных преувеличениях «количество переходит в качество», из безмерного преувеличения в ы р а с т а е т (независимо от воли и сознания товарищей отзовистов) анархистская фраза, достаточно сослаться на бюджетные прения 1909 года, на речь Белоусова. Если т а к и е выступления считать «приносящими вред» и не доказывающими возможность и необходимость использования думской трибуны, то разногласие выходит за пределы оценки выступления, становится принципиальным разногласием об основных вопросах с.-д. тактики.

...(I) «Начать широкую агитацию... за лозунг: Долой III Гос. Думу»...

Мы уже говорили в № 39 «Пролетария» **), что этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов,— н е в е р е н. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии, либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контрреволюционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага.

(II) «отозвать... фракцию, что подчеркнет, как... характер Думы, так и революционную тактику с.-д.».

Это—перефразировка того положения московских отзовистов, что отзыв фракции подчеркнет, что революция не похоронена. Такой вывод—повторим слова № 39 «Пролетария»—«подчеркивает» только п о х о р о н ы тех с.-д., которые способны рассуждать подобным образом. Они х о р о н я т этим себя, как

*) На этой поучительной истории и на осуждении еѳ немецких течений, родственных нашему отзовизму, мы надеемся остановиться в особой статье.

**) См. выше 174 стр. этого тома. Ред.

социал-демократов, они теряют чутье действительно пролетарски-революционной работы и потому вымучивают из себя «подчеркивание» революционной фразы.

(III) «все свои силы посвятить организации и подготовке... к открытой... борьбе» (и потому отказаться от открытой проповеди с думской трибуны!)... «и пропаганде» и т. д.

О том, что соц.-дем. неприлично отказываться от проп а г а н д ы с думской трибуны, отзовисты забыли.

Они дают нам здесь довод, повторяемый некоторыми ультиматистами: «не расчет, де, тратить силы на безнадежную думскую работу, давайте все силы употребим производительнее». Это не довод расчета, а софизм, который неминуемо порождает—опять-таки независимо от воли и сознания авторов—анархистские выводы. Ибо анархисты во всех странах, указывая на ошибки с.-д. парламентариев, зовут бросить «нерасчетливую возню с буржуазным парламентаризмом» и сосредоточить «все эти силы» на «прямом действии» организации. Но это ведет к дезорганизации и подмену широкой и всесторонней работы выкрикиванием «лозунгов», бессильных в своей оторванности. Это только так кажется отзовистам и ультиматистам, будто довод здесь новый и только к III Думе приуроченный. Неправда, это общеевропейский, обычный несоциал-демократический довод.

Итак, отзовизм и ультиматизм есть карикатура на большевизм. Чем же порождена эта карикатура? Конечно, ошибочностью всего большевизма,—спешит заявить меньшевик. Такое заключение, несомненно, очень «выгодно» для меньшевиков. Жаль только, что объективными фактами оно не подтверждается, а опровергается. Эти объективные факты говорят нам, что в развитии не только большевизма, но и всего русского марксизма в о о б щ е был период карикатур на марксизм и что русский марксизм окреп и вырос в борьбе с этой болезнью роста, болезнью расширения сферы своего влияния. Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века, в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение Трудя») ¹²⁹). Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения. И что же? эта волна принесла карикатуру на марксизм в лице струвизма, с

одной стороны, рабчедельчества и «экономизма»¹³⁰),—с другой. Марксизм вырос и возмужал потому, что не прикрывал расхождение, не дипломатничал (как дипломатничают меньшевики по отношению к Маслову, Череванину, Кусковой, Прокоповичу, Валентинову, Ерманскому и К-о), а вел и провел победоносный поход против карикатуры, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом в историческом развитии социализма в России. И большевизм вырастет и окрепнет, не прикрывая и а ч а л а искажения его карикатурой, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом контрреволюционного периода, а открыто разъясняя массам, в какое болото ведут фракцию и партию отзовисты и ультиматисты.

*Приложение к № 44 «Пролетария»
от 4 (17) апреля 1909 года.*

„Левение“ буржуазии и задачи пролетариата.

Вопрос о «левении» торгово-промышленной буржуазии давно уже не сходит со страниц нашей легальной печати. Отмечено и признано, что октябристская печать от времени до времени регулярно предается воркотне против «аграрной» (читай: крепостнически-помещичьей) Думы и против соответствующей политики царизма. Отмечено и признано, что целый ряд и местных профессиональных и обще-национальных организаций, торговцев и промышленников,—начиная от провинциальных биржевых комитетов и кончая «Советом съездов представителей торговли и промышленности»,—выражает именно в последние годы и особенно в последнее время недовольство помещичьей политикой. Описано московское «братанье миллионов с наукой», сиречь закрытые от публики совещания крупнейших московских и петербургских тузов: Крестовникова, Гужона, Вольского и др., с кадетскими профессорами и писателями: Мануиловым, Струве, Кизеветтером и К-о. Нечего и говорить, что либеральная печать, вплоть до органов меньшевиков, смакует каждое такое известие и трубит на тысячи ладов о возрождении и обновлении либерализма.

Пресловутое «левение» буржуазии нашло свое выражение в «политических» шагах царского правительства и в думских выступлениях. Излюбленное лицо российского купечества—и в то же время старая бюрократическая крыса—г. Тимирязев назначен министром торговли и промышленности. 13-го марта

он выступил в Думе с большой «программной» речью,—подобные речи министров называются во всех черносотенно-буржуазных и просто буржуазных парламентах мира программными речами исключительно «для ради важности». На деле никакой программы царский министр не изложил, а отделался, как водится, ровно ничего не говорящими любезными кивками по адресу капиталистов да угрозами по адресу рабочего класса, соединив, конечно, эти угрозы с казенно-лицемерным выражением «сочувствия». 19-го марта это лобызание министра с вождями капитала было повторено в Москве, где Тимирязев и Крестовников обменялись любезными речами в заседании московского биржевого общества. «Россия больна, но при надлежащем уходе болезнь ее не опасна и скоропреходяща», говорил Крестовников, приветствуя глубокоуважаемого Тимирязева. А Тимирязев, благодаря глубоко уважаемого Крестовникова, выражал от имени правительства благосклонное согласие «ухаживать» за больной посредством испытанных столыпинских средств «переходного времени».

Спрашивается, какими объективными причинами вызывается это «левение» буржуазии и каково его классовое значение? В журнале «Возрождение» (№ 1) т. Мартов с неособенно обычной для этого писателя прямою и ясною отвечает на эти вопросы в статье, озаглавленной: «„Полесение“ буржуазии». «Жизнь показала,—пишет он,—что если экономическое развитие созрело именно для буржуазного преобразования, а буржуазия не может явиться его движущей силой, то это лишь значит, что общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса не сделает его движущей силой». И в другом месте: «Те, кто полагал, что ныне действующая конституция выражает собой более или менее органическое объединение дворянства и буржуазии, как одинаково «контр-революционных факторов», те могут видеть в явлениях вроде вышеуказанных (т.-е. в «левении» буржуазии) «лишь частные эпизоды, не стоящие в необходимой связи с основным направлением общественного развития... Эти изолированные явления могут иметь симптоматическое значение лишь в глазах тех, для кого а priori было несомненно, что ход общественного развития неумолимо ведет русскую буржуазию, как класс, к резкому противопоставлению себя режиму... 3 июня».

Сопоставьте с этим заявление «Голоса С.-Д.» № 12... «мы солидарны и с предложением кавказцев (т.-е. Дана, Аксельрода

и Семенова на последней Конференции Р. С.-Д. Р. II.) говорить о русской монархии не как о «буржуазной», а как о «плутократической», ибо эта поправка отрицает в корне неверное утверждение большевистской резолюции, будто русский царизм начинает выражать классовые интересы буржуазии.

Перед нами выступает здесь вся политическая теория нашего меньшевизма со всеми ее выводами. Если наша революция буржуазна, то она не может завершиться, пока буржуазия не станет ее движущей силой. «Левение» буржуазии доказывает, что она становится такой движущей силой, и о контр-революционности ее не может быть и речи. Царизм в России становится плутократическим, а не буржуазным. Само собою понятно, что отсюда вытекает защита оппортунистической тактики рабочей партии в нашей буржуазной революции, тактики поддержки либералов пролетариатом в противовес тактике, которая указывает пролетариату, присоединяющему к себе крестьянство, руководящую роль в буржуазной революции вопреки шатаниям и изменам либерализма.

Меньшевистская тактика выступает перед нами как фальсификация марксизма, как прикрытие «марксистскими» словечками антимарксистского содержания. В основе этой тактики лежит метод рассуждения не марксистов, а либералов, переодетых марксистами. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить общий взгляд хотя бы на историю и результаты буржуазной революции в Германии. В «Новой Рейнской Газете» Маркс писал о причинах поражения революции 1848-го года: «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.-е. перед рабочими и демократической буржуазией». На этой точке зрения стоял Маркс и стоят все немецкие марксисты в оценке 1848-го года и последующей тактики немецкой буржуазии. Контр-революционность крупной буржуазии не мешала ей «леветь», например, в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого «левения» не получалась революция, а получалась только робкая оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т.-е. реакционными помещиками.

Так смотрят марксисты. Наоборот, либералы смотрят так, что рабочие своими неумеренными требованиями, своей неразум-

ной революционностью, своими несвоевременными нападениями на либерализм помешали успеху дела свободы в Германии, оттолкнув своих возможных союзников в объятия реакции.

Совершенно очевидно, что марксистскими словечками наши меньшевики прикрывают фальсификацию марксизма, прикрывают свой переход от марксизма к либерализму.

И во Франции после 1789-го года и в Германии после 1848-го года монархия, несомненно, делала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Так же несомненно, что буржуазия после обеих этих революций становилась контр-революционной. Значит ли это, что после 1789-го года во Франции и после 1848-го года в Германии исчезала почва для «левения» буржуазии и для следующей буржуазной революции? Конечно, нет. Французская буржуазия, несмотря на свою контр-революционность, «левела», скажем, в 1830 году,—немецкая—в 1863—1864 годах. Поскольку пролетариат не выступал самостоятельно, поскольку он не завоевывал себе хотя бы даже на короткое время политической власти при помощи революционных слоев буржуазии, постольку «левение» буржуазии не приводило к революции (Германия), а приводила только к дальнейшим шагам превращения монархии в буржуазную монархию. Поскольку пролетариат выступал самостоятельно и завоевывал в союзе с революционными слоями буржуазии политическую власть, свержая старую власть (как было во Франции не раз в XIX веке), постольку «левение» буржуазии оказывалось прологом новой буржуазной революции.

И вот эту азбуку истории забыли и извратили наши меньшевики, переходя на точку зрения либералов: не бывать в России буржуазной революции, пока не станет движущей силой буржуазия! Это — полнейшее непонимание исторической диалектики и уроков XIX века. Наоборот: не бывать в России буржуазной революции, пока пролетариат в союзе с революционными элементами буржуазии (т.-е. у нас с крестьянством) не станет самостоятельной движущей силой вопреки колебаниям и изменам шаткой и контр-революционной буржуазии.

Не при Николае II, любезные тов. меньшевики, а при Александре II русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, «н а ч и н а л выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой о р г а н и з а ц и и буржуазии. Революция 1905-го года подняла нас на высшую ступень, и старая борьба возобновляется

в плоскости более развитых политических отношений. III-ья Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи организаций этих двух классов. Удастся ли ему эта попытка?

Нет. Оказывается, что такой задачи не может решить не только плутократический царизм, не знавший организации национального представительства «высших» классов, но и полубуржуазный царизм при помощи черносотенно-буржуазной Думы. Дума помогает ему решить эту задачу. Но этой помощи оказывается мало. «Левение» буржуазии вызывается именно тем объективным фактом, что, несмотря на Столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции не получается. Подобно тому, как до 1905-го года, в эпоху царизма, не знавшего никаких представительных учреждений, «левение» помещиков и предводителей дворянства было симптомом назревающего кризиса, так и в 1909-м году, в эпоху царизма, давшего национальное представительство Крестовниковым, «левение» этих тузов есть симптом того, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными», что «основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать» (резолуция Конференции о современном моменте).

Меньшевики ограничивают свое рассуждение тем, что революция у нас буржуазна и что буржуазия у нас «левает». Но ограничиваться этим—значит превращать марксизм из «руководства для действия» в мертвую букву, значит фильсифицировать марксизм, переходить фактически на точку зрения либерализма. Возможна буржуазная революция без единой полной победы пролетариата, и в результате—медленное превращение старой монархии в буржуазную и буржуазно-империалистскую (пример: Германия). Возможна буржуазная революция с рядом самостоятельных выступлений пролетариата, дающих и полные победы и тяжелые поражения, а в результате—буржуазную республику (пример: Франция).

Спрашивается: решен ли русской историей вопрос о том или ином пути? Меньшевики не понимают этого вопроса, боятся ставить его, обходят его, не сознавая, что обходить этот вопрос значит фактически в своей политике идти в хвосте либеральной бур-

жуазии. Мы думаем, что русская история еще не решила этого вопроса, что решит его борьба классов в течение ближайших лет, что первая кампания нашей буржуазной революции (1905—1907 годы) неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть в о ж д е м победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной.

И здесь мы встречаем опять-таки чисто либеральную точку зрения меньшевиков на наше т р у д о в и ч е с к о е крестьянство. Трудовики полны мелко-буржуазных утопий, их борьба за землю идет во имя нелепых и реакционных лозунгов социализации земли или уравнительного пользования ею, говорят меньшевики, — «следовательно», трудовицкая борьба за землю о с л а б л я е т борьбу за волю, победа трудовиков была бы реакционной победой деревни над городом, — вот к чему сводятся и рассуждения Мартынова в № 11 «Голоса С.-Д.», и рассуждения Мартова в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века»¹³¹).

Такая оценка трудовицкого крестьянства — не менее безобразное искажение марксизма, чем вышеприведенные рассуждения о буржуазной революции. Это — худшее доктринерство, если марксист не умеет разобрать р е а л ь н о г о значения революционной борьбы против всего современного помещичьего землевладения под оболочкой народнической д о к т р и н ы, действительно нелепой, мечтательной и реакционной, при оценке ее как социалистической доктрины. Меньшевики проявляют поразительную слепоту и непонимание диалектики марксизма, не видя того, что при условиях жизни русского крестьянства его буржуазно-демократическая революционность не смогла идеологически выразиться иначе как в форме «веры» во всеспасающее действие земельного поравнения. «То, что фальшиво в формально-экономическом смысле, может быть истиной во всемирно-историческом смысле», — этих слов Энгельса никогда не могли понять наши меньшевики. Разоблачая ф а л ь ш ь народнической д о к т р и н ы, они, как педанты, закрывали глаза на и с т и н у современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими quasi-социалистическими доктринами.

Мы же говорим: решительная борьба с quasi-социалистическими доктринами трудовиков, с.-р., н.-с. и К-о и прямое, твердое признание с о ю з а пролетариата с революционным кре-

стьянством в буржуазной революции. Победа этой революции развеет как дым доктрину о всеспасающем действии земельного поравнения, но массы крестьянства в теперешней борьбе выражают этой доктриной именно широту, силу, смелость, увлечение, искренность и непобедимость своего исторического действия, ведущего к очищению России от всех и всяких остатков крепостничества.

Буржуазия левеет, долой трудовицкий утопизм, да здравствует поддержка буржуазии,—рассуждают меньшевики. Буржуазия левеет,—скажем мы,—значит накапливается новый порох в пороховнице русской революции. Если сегодня Крестовниковы говорят: «Россия больна»,—то это значит что завтра выступит социалистический пролетариат, ведущий за собой демократическое крестьянство, и скажет: «мы се вылечим!».

«Пролетарий» № 44

от 8 (21) апреля 1909 года.

Об отношении рабочей партии к религии.

Речь деп. Суркова в Гос. Думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос. Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое мирозерцание на научном социализме, т.-е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изоблачает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем

сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновения, сочинения новой, «возвышенной» религии и т. под. Религия есть опиум народа,—это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

И в то же время, однако, Энгельс, неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть «левес» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874-м году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную п р а к т и к у, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза. И в 1877-ом году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии значит,—говорит Энгельс,—«перебисмаркить самого Бисмарка», т.-е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т.-е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только у к р е п и л воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лжи-

вого антиклерикализма. Обвиняя желавшего быть ультра-революционным Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии уметь терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией. Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) ¹³³) закрепил указанную политическую тактику социал-демократии.

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппортунизма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия с ч и т а е т религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах считал необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно, Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом по отношению к государству, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии.

Такова внешняя история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии. Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнь отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе анархических фразеров можно найти не мало выходов против марксизма в этом вкусе.

Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и Энгельсом, что то, что дилетанты или невежды

считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма. Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отношению к религии объясняется так называемыми «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и т. п. Напротив, политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это корни главным образом социальные. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряду вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо

не может быть предусмотрена массами народа, — которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот к о р е н ь современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединению, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого к о р н я религии, против г о с п о д с т в а к а п и т а л а во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т.-е. философии Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т.-е. с религией), — классовой борьбе, т.-е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т.-е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать не диалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных с.-д., кото-

рые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной—не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только на руку попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты на деле помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто-теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения с.-д. к религии. Например, часто

выдвигается вопрос, может ли священник быть членом с.-д. партии, и обыкновенно отвечают на этот вопрос без всяких оговорок положительно, ссылаясь на опыт европейских с.-д. партий. Но этот опыт порожден не только применением доктрины марксизма к рабочему движению, а и особыми историческими условиями Запада, отсутствующими в России (мы скажем ниже об этих условиях), так что безусловный положительный ответ здесь не верен. Нельзя раз-на-всегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами соц.-дем. партии, но нельзя раз-на-всегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен. И, если бы, например, священник пошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем в н у т р и партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обязаны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

Другой пример: можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы

начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедывать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К^о). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода *от* религии к социализму, для других—*от* социализма к религии.

Перейдем теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса: «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающих оппортунизм вообще, как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует от государства объявления религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопроса борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т. д. Опортунисты извращают дело таким образом, как будто бы с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к а я партия с ч и т а л а религию частным делом!

Но кроме обычного оппортунистического извращения (совершенно не разъясненного в прениях, которые вела наша думская фракция при обсуждении выступления о религии) есть особые исторические условия, вызвавшие современное, если можно так выразиться, чрезмерное равнодушие европейских с.-д. к вопросу о религии. Это условия двоякого рода. Во-первых, задача борьбы с религией есть исторически задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху своих революций или своих натисков на феодализм и средневековье. И во Франции и в Германии есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты¹³⁴), Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса. Мелко-буржуазная (народническая) демократия сделала в этом отношении у нас не слишком много (как думают новоявленные черносотенные кадеты или кадетские черносотенцы из «Вех»)¹³⁵), а слишком мало по сравнению с Европой.

С другой стороны, традиция буржуазной войны с религией успела создать в Европе специфически буржуазное и з в р а щ е н и е этой войны анархизмом, который стоит, как давно уже и многократно разъясняли марксисты, на почве буржуазного мировоззрения при всей «ярости» своих нападков на буржуазию. Анархисты и бланкисты в романских странах, Мост (бывший, между прочим, учеником Дюринга) и К-о в Германии, анархисты в 80-х годах в Австрии довели до *plus ultra* революционную фразу в борьбе с религией. Неудивительно, что европейские с.-д. теперь п е р е г и б а ю т п а л к у, согнутую анархистами. Это понятно, и в известной мере законно, но забывать об особых исторических условиях Запада нам, русским с.-д., не годится.

Во-вторых, на Западе п о с л е окончания национальных буржуазных революций, п о с л е введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства с о з н а т е л ь н о пробовали отвлечь внимание масс от социализма устройством *quasi*-либерального «похода» на клерикализм. Такой характер носил и *Kulturkampf* в Германии, и борьба с клерикализмом буржуазных республиканцев Франции. Буржуазный антиклерикализм, как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма,—вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией. И опять-таки это понятно и законно, ибо буржуазному и бисмаркианскому антиклерикализму с.-д. должны были противопоставлять именно п о д ч и н е н и е борьбы с религией борьбе за социализм.

В России условия совсем иные. Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д. Поэтому, если Энгельс сравнительно мягко поправлял оппортунизм немецких с.-д., подменявших требование рабочей партии, чтобы г о с у д а р с т в о объявило религию частным делом, о б ъ я в л е н и е м религии частным делом для самих с.-д. и социал-демократической партии,—то понятно, что перенимание русскими оппортунистами этого немецкого извращения заслужило бы в о с т о р а з более резкое осуждение Энгельса.

Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала таким образом прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии. Следовало ли идти дальше, развивая еще подробнее атеистические выводы? Мы думаем, что нет. Это могло бы грозить преувеличением борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата; это могло бы вести к стиранию грани между буржуазной и социалистической борьбой с религией. Первое, что должна была выполнить с.-д. фракция в черносотенной Думе, было с честью выполнено.

Второе—и едва ли не главное для с.-д.—разъяснение классовой роли церкви и духовенства в поддержке черносотенного правительства и буржуазии в ее борьбе с рабочим классом—равным образом выполнено было с честью. Конечно, на эту тему можно еще сказать очень многое, и последующие выступления с.-д. найдут, чем дополнить речь тов. Суркова, но все же речь его была превосходна и распространение ее всеми партийными организациями есть прямая обязанность нашей партии.

Третье—следовало со всей обстоятельностью разъяснить правильный смысл столь часто искажаемого немецкими оппортунистами положения: «объявление религии частным делом». Этого, к сожалению, тов. Сурков не сделал. Это тем более жаль, что в предыдущей деятельности фракцией была уже допущена по этому вопросу своевременно отмеченная «Пролетарием» ошибка тов. Белоусова. Прения во фракции показывают, что спор об атеизме заслонил от нее вопрос о правильном изложении пресловутого требования объявления религии частным делом. Мы не будем винить за эту ошибку всей фракции одного тов. Суркова. Мало того. Признаем прямо, что тут есть вина всей партии, недостаточно разъяснявшей этот вопрос, недостаточно подготовившей в сознании с.-д. значение Энгельсовского замечания по адресу немецких оппортунистов. Прения во фракции доказывают, что это было именно неясное понимание вопроса, а отнюдь не нежелание считаться с учением Маркса, и мы уверены, что ошибка будет исправлена в последующих выступлениях фракции.

В общем и целом; повторяем, речь тов. Суркова превосходна и должна быть распространяема всеми организациями. Обсуждением этой речи фракция доказала вполне добросовестное испол-

нение ею своего с.-д. долга. Остается пожелать, чтобы корреспонденции о прениях внутри фракции чаще появлялись в партийной печати для сближения фракции с партией, для ознакомления партии с тяжелой внутренней работой, прodelываемой фракцией, для установления идейного единства в деятельности партии и фракции.

*«Пролетарий» № 45
от 13 (26) мая 1909 года.*

Классы и партии в их отношении к религии и церкви.

Прения в Государственной Думе по вопросу о смете Синода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете Синода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется на-лицо, но явно усиливается и организуется все больше. 16-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все стороны освещала бы со своей этической точки зрения... Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?.. Вина в тех, которые разделяют с вами» (т.-е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они первые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как рождение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится—никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы, желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто мораль-

ные, этические цели, а теперь, господа, когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т.-е. кадеты) «обвиняете нас в этом».

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну: левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем: «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 13-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе: «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»... что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» не допустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями. «Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил епископ Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть, и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского (третье июньского, следует добавить) духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих (т.-е. церковных) преобразований должна исходить изнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям» (еп. Евлогий, 14 апреля). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель»: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их (церковные средства) гос. контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведывание их из власти церковной к власти гражданской или государственной?.. Церковные правила

говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества... Ныне стоит перед вами (депутатами Думы) ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами—чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только—вернее: не столько—народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиновники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а крепостники в рясах. Защита феодальных привилегий церкви открытое отстаивание средневековья—вот суть политики большинства 3-ьедумского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (14 апреля). Поп Машкевич громит о к т я б р и с т с к и й доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь, на котором... действительные князья церкви—епископы должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собственность и на права церкви и на ее достоинство». «Докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь со всеми ее хозяйственными функциями Гос. Думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (14 апреля).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целостности и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясах» с «подлой

чернью» в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 г., пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны,— не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность массового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться только старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы совет объединенного дворянства организовывал черные сотни и развертывал самую бесшабашную демагогию; надо, чтобы «князья церкви—епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третьедумский период русской контр-революции характеризуются как раз тем, что эта организация реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочию, и российской соц.-дем. неоднократно придется теперь быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в особый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Октябристы и кадеты, выступавшие в III Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и так называемых прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 17-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т.-е. отношение буржуазии вообще вплоть до претендующих на звание демократов-кадетов к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный—о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы» издается, как говорят, на средства старообрядцев)—заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только нападает на Синод и обер-прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о расходовании приходских сумм. Так же ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (16 апреля), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает так наз. «левый октябрист» Капустин: «Если мы обратимся к народной жизни,—воскликает он,—к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление—колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения... Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом»...

Представитель контр-революционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чув-

ствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классом «чиновниками в рясах», которые понижают авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки для усиления влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглупления народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели,—более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглупления масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе,—вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов целиком стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от «Народной Воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «ужасным» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна, и, значит, связывать церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней во имя того, чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе Христовом—любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими» словами Караулова. Но такой насмешки далеко еще и далеко не достаточно. Надо было выяснить—и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны,—что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглупление народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней,—говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, г.г., возра-

жает им устами Караулова контр-революционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее,—уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики,—только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и в особенности мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и К-о, как авторов сборника «Вехи». Но официальный оратор партии к.-д. в Гос. Думе Караулов превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и К-о. Что у Караулова и у Милюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве т о л ь к о за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи» и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно-откровенное с л о в о и продолжая делать то самое д е л о, которое этому слову соответствует.

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немного. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудовиками-крестьянами и трудовиками-интеллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов насчет того, что союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но зато, когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я и боюсь говорить» (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета),—черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?»—вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революцио-

низирует массы больше, чем какие-угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа и заставила его лишиться слова Рожкова (с.-д., к которым присоединились не которые трудовики, к.-д. и пр. подали протест против этого поступка председателя).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают—против его воли и помимо его сознания—действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем. Кадеты—представители контр-революционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы—представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудовик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел сказать об отделении церкви от государства, как требовании «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллигента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой. В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что только идя за пролетариатом способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся

последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни сдного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание»,—этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространяют его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

*«Социал-Демократ» № 6
от 4 (17) июня 1909 года.*

Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию.

Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей¹³⁶⁾, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе. Но в Европе вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств, видевших восстания пролетариата, сознавших неизбежность борьбы не на живот, а на смерть между трудом и капиталом и готовых приветствовать каких угодно авантюристов и разбойников на троне ради совместной борьбы против пролетариата. И когда в начале XX-го века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России. Услуга за услугу. Царизм помогал не раз контр-револю-

ционными буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазия Европы, ставшая контр-революционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией.

Союзники празднуют победу. Николай Кровавый едет в Европу приветствовать монархов и президента французской республики. Монархи и президент неистовствуют и готовятся чествовать вождя черносотенной контр-революции в России. Но победа далась этим благородным рыцарям черносотенной и буржуазной реакции не благодаря уничтожению их врага, а благодаря раздроблению его сил, благодаря одновременному созреванию пролетариата в разных странах. Победа далась объединенным врагам рабочего класса ценою отсрочки решительной битвы, ценою расширения и углубления того источника, который—может быть, более медленно, чем мы бы того желали, но неуклонно—умножает число пролетариев, увеличивает их сплоченность, закаляет их в борьбе, приучает к операциям против объединенного врага. Этот источник—капитализм, разбуdivший некогда патриархальную «вотчину» дворян Романовых и будящий теперь одно за другим азиатские государства.

Союзники празднуют победу. А каждое празднество Николай Кровавого и вождей буржуазных европейских правительств провожает, точно эхо, голос революционных рабочих масс. Мы задавили революцию,—восклицают Николай и Вильгельм, Эдвард и Фальер, протягивая друг другу руки под охраной густой сети солдат или длинного ряда военных судов. Мы свергнем вас всех вместе,—отвечает, как эхо, революция устами вождей сознательного пролетариата всех стран.

Николай Кровавый едет из России. Его провожают слова соц.-дем. депутата черносотенной Думы, который провозглашает республиканские убеждения всех сознательных рабочих России и напоминает о неминуемом крахе монархии. Николай едет в Швецию. Его чествуют во дворце. Его приветствуют солдаты и шпионы. Его встречает речь вождя шведских рабочих масс, соц.-демократа Брантинга, который протестует против опозорения его страны визитом палача. Николай едет в Англию, во Францию, в Италию. Его готовятся чествовать короли и придворные, министры и полицейские. Его готовятся встретить рабочие массы—митингом протеста в Англии, демонстрацией народного негодования во Франции, всеобщей забастовкой в день

омрачения страны его приездом в Италию. Социалистические депутаты всех этих трех стран, Торн в Англии, Жорес во Франции, Моргари в Италии, последовали уже призыву Международного Социалистического Бюро и заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-Погромщику, к Николаю-Вешателю, к Николаю, давящему теперь персидский народ и наводняющему теперь русскими шпионами и провокаторами Францию.

Буржуазная, «солидная», пресса всех этих стран неистовствует от бешенства, не зная, какое еще подыскать ругательство против выступлений социалистов, как еще поддержать своих министров и президентов, которые обрывали социалистов за их речи. Но это бешенство не помогает, ибо нельзя заткнуть рта парламентским представителям пролетариата, нельзя помешать митингам в действительно конституционных странах, нельзя скрыть ни от себя, ни от других, что русский царь не смеет показаться ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Риме.

Торжественное празднество вождей международной реакции, празднество по поводу подавления революции в России и Персии сорвано единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран.

И на фоне этого протеста социалистов от Петербурга до Парижа и от Стокгольма до Рима, протеста против царского самодержавия, протеста во имя революции и ее лозунгов, с особенной наглядностью вырисовывается презренное лакейство перед царизмом наших российских либералов. Несколько депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых и кончая кадетами, с председателем Думы во главе, гостят в Англии. Они гордятся тем, что представляют большинство Думы, ее истинный центр—без крайних правых и крайних левых. Они корчат из себя представителей «конституционной» России, они восхваляют «обновленный» строй и обожаемого монарха, «даровавшего народу» Думу. Они топорщатся и надуваются, как крыловская лягушка, изображая себя победителями черносотенной реакции, которая-де хочет отмены «конституции» в России. Вождь «конституционно-демократической» (не шутите!) партии, г. Милюков провозгласил в своей речи за завтраком у лорда-мэра: пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству» (телеграмма Спб. агентства от

19-го июня старого стиля). Орган октябристской партии «Голос Москвы» в передовой статье от 21 июня, носящей хлестаковское заглавие «Европа и обновленная Россия», горячо приветствует выступление лидера кадетов и заявляет, что его «умеренно-конституционная» речь, «может быть, знаменует поворотный момент в кадетской политике, отказ от неудачной тактики делания оппозиции ради оппозиции».

Полицейская «Россия» (от 23-го июня) посвящает передовицу речи Милюкова и, воспроизведя «знаменитую» фразу об оппозиции его величества, заявляет: «г. Милюков взял на себя в Англии известное обязательство за русскую оппозицию и, если он выполнит это обязательство, он окажет такую услугу родине, за которую ему простится не мало прежних прегрешений». Дослужились, г.г. кадеты: «Вехи» вообще и Струве в частности одобрен Антонием волыньским, «владыкой» черносотенных извергов; вождь партии Милюков одобрен полицейско-продажной газеткой. Дослужились!

Нам остается только напомнить, что октябристскую природу кадетов мы разоблачали еще с 1906 года, когда трескучие думские «победы» кружили головы многим и многим корыстно-наивным и бескорыстно-наивным людям.

Нам остается напомнить, что с у т ь обнаружившейся теперь особенно наглядно игры царизма в III Думе мы разоблачили б о л е е 20-т и м е с я ц е в тому назад, говоря в №№ 19—20 «Пролетария» (ноябрь 1907-го года) об итоге выборов в III Думу *). В III Думе говорили мы — и говорила резолюция Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в ноябре 1907-го года — возможны два большинства: черносотенно-октябристское и кадетско-октябристское, и о б а эти большинства контр-революционны. «Такое положение в Думе, — гласит тогдашняя резолюция Спб. соц.-дем. организации (№ 19 «П р о л е т а р и я») и резолюция III Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. (№ 20 «П р о л е т а р и я»)**), — чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства, и со стороны кадетов.

Эта характеристика положения подтвердилась теперь п о л н о с т ь ю, обнаружив недалекость тех, кто готов был про-

*) См. 506—511 стр. VIII тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

**) См. 495 и 548 стр. VIII тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

возглашать паки и паки «поддержку» кадетов социал-демократами.

Кадеты воюют с октябристами не как принципиальные противники, а как конкуренты. Нужно «завоевывать» избирателя—мы провозглашаем себя партией «народной свободы». Нужно доказать свою «солидность»—мы двигаем в III Думе Маклаковых; мы заявляем перед Европой через Милюкова, что мы «оппозиция его величества». А верному слуге черносотенного царизма, Столыпину, только того и надо. Пусть черносотенная царская шайка и а деле хозяйничает в стране во всю, пусть она и только она решает все действительно важные вопросы политики. А октябристско-кадетское большинство «нам» нужно для игры, для «представительства» в Европе, для облегчения добывания займов, для «исправления» крайностей черной сотни, для надувания простакон «реформами», ...исправляемыми Государственным Советом.

Его величество знает свою оппозицию. Оппозиция кадетов знает своего Столыпина и своего Николая. И наши либералы и наши министры без труда переняли нехитрую науку европейского парламентского лицемерия и надувательства. И те и другие успешно учатся приемам европейской буржуазной реакции.

И тем и другим объявляет неуклонную революционную войну социалистический пролетариат России, сплывающийся все теснее с социалистическим пролетариатом всего мира.

*«Пролетарий» № 46
от 11 (24) июля 1909 года.*

Ликвидация ликвидаторства.

В особом приложении к настоящему № «Пролетария» читатели найдут сообщение о совещании большевиков*) и текст принятых им резолюций¹³⁷). В настоящей статье мы намерены остановиться на оценке значения этого совещания и происшедшего на ней откола небольшой части большевиков с точки зрения как нашей фракции, так и всей Р. С.-Д. Р. П. в целом.

Два последние года, начиная приблизительно с государственного переворота 3-го июня 1907 г. и до настоящего времени,

*) См. ниже 279—287 стр. этого тома. Ред.

представляют из себя эпоху крутого перелома, тяжелого кризиса в истории русской революции и в развитии российского рабочего движения и Р. С.-Д. Р. П. Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 года подвела итоги по вопросам о современном политическом положении, о состоянии революционного движения и перспективах его, о задачах партии рабочего класса в переживаемый момент. Резолюции этой Конференции— прочное достояние партии, и те меньшевики-оппортунисты, которые желали во что бы то ни стало критиковать их, только обнаружили с особенной наглядностью бессилие своей «критики», неспособной противопоставить ровно ничего осмысленного, цельного, систематического по разрешенным в этих резолюциях вопросам.

Но партийная Конференция дала нам не только это. Она сыграла важнейшую роль в жизни партии тем, что наметила новые идейные группировки в обеих фракциях и у меньшевиков и у большевиков. Борьба этих фракций наполнила собой, можно сказать без преувеличения, всю историю партии, как непосредственно перед революцией, так и во время революции. Поэтому новые идейные группировки представляют из себя очень важное в жизни партии явление, которое должны продумать, понять, усвоить все соц.-демократы, чтобы уметь сознательно отнестись к новым вопросам нового положения.

Эти новые идейные группировки могут быть кратко охарактеризованы как появление на обоих крайних флангах партии ликвидаторства и как борьба с ним. У меньшевиков ликвидаторство обнаружилось к декабрю 1908 года с полной ясностью, борьба же с ним шла тогда почти исключительно со стороны других фракций (большевиков, польских, латышских с.-д., части бундовцев). Меньшевики-партийцы, меньшевики—противники ликвидаторства едва-едва намечались в то время, как течение, не выступая сколько-нибудь сплоченно и открыто. У большевиков определенно обрисовались и открыто выступили обе части: и подавляющее большинство ортодоксальных большевиков, которые решительно боролись с отзовизмом и провели в своем духе все резолюции Конференции, и меньшинство «отзовистов», которые защищали свои взгляды, как отдельная группа, получая неоднократно поддержку от колеблющихся между ними и ортодоксальными большевиками «ультиматистов». Что отзовисты (и ультиматисты, поскольку они скатываются к ним) представляют из себя меньшевиков наизнанку, ликвида-

торов нового вида, это неоднократно было уже сказано и показано в «Пролетарии» (см. особенно №№ 39, 42, 44). Итак: у меньшевиков подавляющее большинство ликвидаторов и едва начинающееся начало протеста и борьбы партийцев с ними; у большевиков полное господство ортодоксальных элементов при открыто выступавшем меньшинстве отзовистов, — таково было внутрипартийное положение, обрисовавшееся на декабрьской Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П.

Что же такое это ликвидаторство? в чем причина его появления? почему отзовисты (и богостроители, о которых мы скажем несколько слов ниже) представляют из себя тоже ликвидаторов, меньшевиков наизнанку? одним словом, каков социальный смысл и каково социальное значение новой идейной группировки внутри нашей партии?

Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и в частности в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции. Отрицание это принимает, разумеется, различные формы, происходит более или менее сознательно, резко, последовательно. В пример можно привести Череванина и Потресова. Первый дал такую оценку роли пролетариата в революции, что вся редакция «Гол. Соц.-Дем.» еще до раскола внутри нее (т.-е. и Плеханов и Мартов—Дан—Аксельрод—Мартынов) оказалась вынуждена отречься от Череванина, хотя сделала она это в сугубо неприличной форме: именно, она отреклась от последовательного ликвидаторства в «Vorwärts'e», перед немцами, не приведя своего заявления в «Гол. С.-Д.» для русских читателей! Потресов в своей статье в «Общественном движении в России в начале XX века» так успешно ликвидировал идею гегемонии пролетариата в русской революции, что Плеханов вышел из коллективной ликвидаторской редакции.

Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях, профессиональных союзах, кооперативах, на съездах, где участвуют рабочие депутаты и т. д. Примерами такого ликвидаторства меньшевиков кишит история любой партийной организации в России в последние два года. Как особенно наглядный пример

ликвидаторства был уже указан нами («Пролетарий» № 41, перепечатано в брошюре: «Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 г.») случай, когда меньшевики-цекисты пытались прямо сорвать Ц. К. партии, прекратить функционирование этого учреждения. Как на признак почти полного распада нелегальных меньшевистских организаций в России, можно указать на то, что «кавказская делегация» последней партийной Конференций сплошь состояла из заграничников, а редакция «Гол. Соц.-Дем.» была утверждена (в начале 1908 г.) Ц. К. партии, как отдельная литературная группа вне всякой связи с той или иной действующей в России организацией.

Меньшевики не подводят итогов всем этим проявлениям ликвидаторства. Отчасти они скрывают их, отчасти путаются сами, не сознавая значения отдельных фактов, — теряясь в мелочах, казусах, личностях, не умея обобщать, не понимая смысла происходящего.

А смысл этот состоит в том, что оппортунистическое крыло рабочей партии в эпоху буржуазной революции неизбежно должно было при кризисах, распаде и развале оказаться либо сплошь ликвидаторским, либо в плену у ликвидаторов. В эпоху буржуазной революции неизбежно присоединение к пролетарской партии мелко-буржуазных попутчиков (Mitläufer называется это по-немецки), наименее способных усвоить пролетарскую теорию и тактику, наименее способных удержаться в эпоху развала, наиболее склонных до конца доводить оппортунизм. Наступил распад — масса интеллигентов меньшевиков, литераторов меньшевиков фактически ушла в либералы. Отхлынула интеллигенция от партии — следователей, распались более всего меньшевистские организации. Те меньшевики, которые искренне сочувствовали пролетариату и пролетарской классовой борьбе, пролетарской революционной теории (а такие меньшевики всегда были, оправдывавшие свой оппортунизм в революции желанием учитывать все повороты ситуации, все изгибы запутанного исторического пути), оказались «еще раз в меньшинстве», в меньшинстве среди меньшевиков, без решимости вести борьбу с ликвидаторами, без сил для успешного ведения этой борьбы. Но попутчики-оппортунисты идут все дальше и дальше в либерализм, Плеханову становится не втерпех от Потресова, «Гол. Соц.-Дем.» — от Череванина, московским рабочим меньшевикам — от интеллигентов меньшевиков и так далее. Меньшевики-партийцы, меньшевики-ортодоксальные марксисты начинают откалываться и

силою вещей они оказываются, раз они идут к партии, идущими к большевикам. И наша задача — понять это положение, всячески и везде постараться отделить ликвидаторов от партийцев - меньшевиков, сблизиться с последними не в смысле стирания принципиальных разногласий, а в смысле сплочения действительно единой рабочей партии, в которой разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе.

Но составляют ли мелко-буржуазные попутчики пролетариата исключительное достояние одной меньшевистской фракции? Нет. Мы уже указывали в № 39 «Пролетария»*), что они имеются и у большевиков, как об этом свидетельствует весь способ аргументации последовательных отзовистов, весь характер их попыток обосновать «новую» тактику. Ни одна сколько-нибудь значительная часть массовой рабочей партии не могла, по самой сути дела, избежать того, чтобы в эпоху буржуазной революции включить то или иное число «попутчиков» различных оттенков. Это явление неизбежно даже в наиболее развитых капиталистических странах после полного завершения буржуазной революции, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев. В этом явлении нет ничего ненормального и ничего страшного, е с л и т о л ь к о пролетарская партия умеет переваривать инородные элементы, подчинять их себе, а не подчиняться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы — действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться. Различие между обеими фракциями Р. С.-Д. Р. П. в этом отношении сводится именно к тому, что меньшевики оказались в плену у ликвидаторов (т.-е. у «попутчиков»), — об этом свидетельствуют из рядов самых меньшевиков и московские их сторонники в России и Плеханов своим отделением от Потресова и от «Голоса С.-Д.» за границей, а у большевиков ликвидаторские элементы отзовизма и богостроительства оказались с самого начала в небольшом меньшинстве, оказались с самого начала обезвреженными, а затем и отодвинутыми.

Что отзовизм есть меньшевизм наизнанку, что он неизбежно ведет тоже к ликвидаторству, только несколько иного вида,

*) См. выш. 172 стр. этого тома. Ред.

в этом не может быть сомнения. Речь идет, конечно, не о лицах и не об отдельных группах, а об объективной тенденции этого направления, раз оно перестает быть только настроением и пытается сложиться в особое направление. Большевики с полной определенностью заявляли до революции, во-первых, что они хотят не создать особое направление в социализме, а применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии; во-вторых, что они сумеют выполнить свой долг и на самой тяжелой, медленной, серой будничной работе, если после борьбы, после исчерпания всех наличных революционных возможностей история заставит нас тащиться путями «самодержавной конституции». Эти заявления найдет всякий сколько-нибудь внимательный читатель в литературе с.-д. 1905-го года. Эти заявления имеют громадное значение, как обязательство всей фракции, как сознательный выбор пути. Чтобы выполнить это обязательство перед пролетариатом, надо было неуклонно переваривать, воспитывать тех, кого привлекали к с.-д-тии дни свободы (— сложился даже тип «социал-демократов дней свободы»—), кого увлекала главным образом решительность, революционность, «яркость» лозунгов, у кого не хватало выдержки, чтобы бороться не только в дни революционных праздников, но и в контр-революционные будни. Часть этих элементов постепенно втянулась в пролетарскую работу и усвоила себе марксистское мировоззрение. Другая часть только заучила, а не усвоила, несколько лозунгов, повторяя старые слова и не умея применить старые принципы революционной с.-демократической тактики к изменившимся условиям. Судьба той и другой части наглядно иллюстрируется эволюцией тех, кто хотел бойкотировать III Думу. В июне 1907 года таковых было большинство большевистской фракции. Но «П р о л е т а р и й» неуклонно вел анти-бойкотистскую линию. Жизнь давала проверку этой линии, и через год «отзовисты» оказались в м е н ь ш и н с т в е среди большевиков (14 голосов против 18 летом 1908г. в Московской организации), твердые былого «бойкотизма». Еще через год, после всестороннего и многократного разъяснения ошибочности отзовизма, большевистская фракция—и в этом значение недавнего совещания большевиков—окончательно ликвидировала отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм, окончательно ликвидировала эту своеобразную форму ликвидаторства.

Пусть не упрекают нас поэтому за «новый раскол». Мы объясняем подробно в сообщении о нашем совещании наши задачи и наше отношение к делу. Мы исчерпали все возможности и все средства убеждения несогласных товарищей, мы работали над этим больше 1½ года. Но, как фракция, т.-е. союз единомышленников в партии, мы не можем работать без единства в основных вопросах. Откол от фракции не то, что откол от партии. Отколовшиеся от нашей фракции нисколько не теряют возможности работать в партии. Либо они останутся «дикими», т.-е. вне фракций, и общая обстановка партийной работы должна будет втянуть их. Либо они попытаются создать новую фракцию—это их законное право, если они хотят отстаивать и развивать свой особый оттенок взглядов и тактики,—и тогда вся партия очень быстро увидит воочию проявление на деле тех тенденций, идейное значение которых мы старались оценить выше.

Большевикам приходится вести партию. Чтобы вести, надо знать путь, надо перестать колебаться, перестать тратить время на убеждение колеблющихся, на борьбу внутри фракции с несогласными. Отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм несовместимы с той работой, которой требуют теперь от революционных с.-д. данные обстоятельства. Мы научились во время революции «говорить по-французски», т.-е. вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться «говорить по-немецки», т.-е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоеывая вершок за вершком. Кому скучна эта работа, кто не понимает необходимости сохранения и развития революционных основ с.-д. тактики и на этом пути, на этом повороте пути, тот всеу приемлет имя марксиста.

Наша партия не может идти вперед без решительной ликвидации ликвидаторства. А к ликвидаторству относится не только прямое ликвидаторство меньшевиков и их оппортунистическая тактика. Сюда относится и меньшевизм наизнанку. Сюда относятся отзовизм и ультиматизм. противодействующие выполнению партией очередной задачи, составляющей своеобразную особенность момента, задачу использования думской трибуны и создания опорных пунктов из всех и всяческих полулегальных и легальных организаций рабочего класса. Сюда относится бого-

строительство и защита богостроительских тенденций, в корне порывающих с основами марксизма. Сюда относится непонимание партийных задач большевиков, задач, которые в 1906—1907 годах состояли в свержении меньшевистского Ц. К., не опиравшегося на большинство партии (не только поляки и латыши, даже бундовцы не поддерживали тогда чисто меньшевистского Ц. К.), — задач, которые теперь состоят в терпеливом воспитании партийных элементов, в сплочении их, в создании действительно единой и прочной пролетарской партии. Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой.

Таковы задачи нашей фракции в связи с переживаемым политическим моментом и общим положением всей Р. С.-Д. Р. П. Эти задачи еще раз и с особенной детальностью повторены и развиты в резолюциях недавнего большевистского совещания. Ряды перестроены для новой борьбы. Изменившиеся условия учтены. Путь выбран. Вперед по этому пути—и революционная Социал-Демократическая Рабочая Партия России станет быстро складываться в силу, которой не поколеблет никакая реакция и которая встанет во главе всех борющихся классов народа в следующей кампании нашей революции *).

*«Пролетарий» № 46
от 11 (24) июля 1909 года.*

Введение к резолюциям Совещания расширенной редакции „Пролетария“.

Ниже читатели найдут текст резолюций, принятых на последнем Совещании расширенной редакции «Пролетария». Состав Совещания был следующий: 4 члена редакции «Пролетария», 3 представителя большевиков, работающих в местных организациях—Пе-

*) Недавно вышли в свет № 15 «Гол. Соц.-Дем.» и № 2 «Откликов Бунда». В изданиях этих нагромождена вновь куча отборных образчиков ликвидаторства, которые потребуют разбора и оценки в отдельной статье в ближайшем № «Пролетария».

тербургской и Областной Московской (центральная Россия) и Уральской, — и 5 членов Центрального Комитета — большевики.

Дебаты, развернувшиеся на Совещании, имеют, несомненно, крупное обще-партийное значение. Они придали большую определенность и до известной степени законченность той политической линии, которую систематически проводит за последнее время руководящий орган большевистской фракции и которая среди известной части товарищей, считающих себя большевиками, вызывает за последнее время не мало нападок. Необходимое объяснение произошло на Совещании, на котором оппозиция была представлена двумя товарищами.

Ввиду всего этого, редакция «Пролетария» приложит все усилия, чтобы изготовить и издать возможно более полные протоколы Совещания. В настоящем же извещении мы хотим коснуться лишь тех пунктов, которые при известном толковании могут вызвать — и вызывают уже среди заграничных товарищей — недоразумения. Пространные и достаточно определенные резолюции совещания говорят, в сущности, сами за себя; протоколы Совещания дадут достаточно материала для исчерпывающего понимания резолюций в целом. Задача настоящего извещения — дать указания, касающиеся главным образом в н у т р и - ф р а к ц и о н н о г о значения принятых постановлений и резолюций.

Начнем с резолюции «об отзовизме и ультиматизме».

Что касается части резолюции, направленной непосредственно против отзовизма, то она по существу не встретила крупных возражений со стороны представителей оппозиции на Совещании. Оба представителя последней признавали, что отзовизм, поскольку он складывается в определенное течение, все больше отходит от социал-демократии, что некоторые представители отзовизма, в частности его признанный вождь, товарищ Ст., успели приобрести даже «некоторый налет анархизма». Борьба упорная и систематическая с отзовизмом, как течением, е д и н о г л а с н о признавалась на совещании необходимой. Иное дело ультиматизм.

Оба представителя оппозиции на Совещании — называли себя ультиматистами. И оба они, в письменном заявлении, поданном при голосовании резолюции, заявляли, что они — ультиматисты, что резолюция предлагает отмежеваться от ультиматизма, что для них это означало бы отмежеваться от самих себя, под чем они подписаться не могут. Впоследствии, когда еще некоторые

резолуции были приняты против голосов оппозиции, два представителя последней письменно заявили, что они считают резолюции Совещания незаконными, что, принимая их, Совещание провозглашает раскол фракции, что подчиняться им и проводить их в жизнь они не будут. На этом инциденте мы остановимся в дальнейшем изложении подробнее, потому что он формально завершил собой откол одного из представителей оппозиции, товарища Богданова, от расширенной редакции «Пролетария». Здесь же мы хотим подойти к нему с другой стороны.

При оценке ультиматизма, как, впрочем, и при оценке того последовательного ультиматизма, имя которому—отзовизм, приходится, к сожалению, иметь дело не столько с писанием, сколько с преданием. Ни ультиматизм, ни отзовизм не получили до сих пор своего выражения в сколько-нибудь цельной «платформе». И приходится брать ультиматизм в его единственно-конкретном выражении—в требовании предъявить думской социал-демократической фракции у л ь т и м а т у м быть строго партийной и подчиняться всем директивам партийных центров, или отказаться от депутатских полномочий. Но утверждать, что такая характеристика ультиматизма в п о л н е верна и точна, как оказывается, нельзя. И вот почему. Товарищ Марат, один из двух ультиматистов, принимавших участие в совещании, заявил, что эта характеристика к нему не подходит. Он, товарищ Марат, признает, что деятельность социал-демократической думской фракции за последнее время значительно улучшается и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно. Он только находит, что партия должна давить на думскую фракцию всеми средствами, вплоть до предъявления ей вышеизложенного ультиматума.

С т а к и м и ультиматистами сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно. Т а к о й ультиматист должен сводить свой ультиматизм на-нет по мере того, как деятельность думской фракции улучшается. Т а к о й ультиматизм не исключает, а, напротив, подразумевает длительную работу партии с думской фракцией и над фракцией, длительную и упорную работу партии в смысле умелого использования думской деятельности для нужд агитации и организации. Раз в деятельности фракции наметилась ясно тенденция к улучшению, то нужно, следовательно, дальше упорно и настойчиво работать в том же направлении. Ультиматизм т е м с а м ы м потеряет постепенно свой объективный смысл. По отношению к т а к и м ультиматистам-большевикам не может бы ь

и речи о расколе. По отношению к ним едва ли уместно и то отмежевание, о котором идет речь в резолюции «Об отзовизме и ультиматизме» и в резолюции «О задачах большевиков в партии». Такой ультиматизм — просто-на-просто оттенок в постановке и решении определенного практического вопроса; сколько-нибудь заметного принципиального разногласия здесь нет.

Ультиматизм, от которого резолюция находит необходимым отмежевать большевизм, как идейное течение в партии, — явление иного рода. Этот ультиматизм, — а он, несомненно, в наличности имеется, исключает длительную работу партии и ее центров над думской фракцией, исключает длительную, терпеливую работу партии среди рабочих в смысле умелого использования богатого агитационного материала, даваемого III-й Думой. Этот ультиматизм исключает положительную, творческую работу партии над думской фракцией. Единственное орудие такого ультиматизма — это его ультиматум, который партия должна повесить над головой своей думской фракции, как Дамоклов меч, и который должен заменить собой для Р. С.-Д. Р. II. весь тот опыт действительно революционного использования парламентаризма, который западно-европейская социал-демократия копила ценою упорной, длительной выучки. Отмежевать такой ультиматизм от отзовизма — невозможно. Общим им духом авантюризма они связаны нераздельно. И как от одного, так и от другого одинаково должен отмежеваться большевизм, как революционное течение в российской социал-демократии.

Но что понимаем мы, что понимало совещание под этим «отмежеванием»? Имеются ли хоть какие-нибудь данные утверждать, что совещание провозгласило раскол большевистской фракции, как хотят уверить нас некоторые представители оппозиции. Таких данных нет. Совещание заявило своими резолюциями: в большевистской фракции намечаются течения, которые противоречат большевизму с его определенной тактической физиономией. Большевизм представлен у нас большевистской фракцией партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. В германской партии рядом с ярко-революционным крылом Каутского мы видим архиревизионистское крыло Бернштейна¹³⁸). Не то — фракция. В партии — фракция есть группа единомышленников, составив-

шаяся с целью влиять прежде всего на партию в определенном направлении, с целью проводить в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное единомыслие. Это различие требований, предъявляемых нами к единству партии и к единству фракции, должен понять всякий, кто хочет уяснить себе истинное положение вопроса о внутренних трениях в большевистской фракции. Советование не провозглашало раскола фракции. В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюции совещания, как призыв изгонять из организаций настроенных отзовистски рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем мы местных работников от подобных шагов. Отзовизма, как оформившегося, самостоятельного течения среди рабочей массы нет. Попытки отзовистов самоопределиться, договорить до конца фатально приводят к синдикализму, к анархизму. Сколько-нибудь последовательные сторонники последних течений сами себя исключают и из фракции, и из партии. Относить сюда те, может быть, и обширные группы рабочих, которые настроены отзовистски, было бы нелепостью. Отзовизм этого рода есть главным образом продукт неосведомленности о деятельности думской фракции. Самое подходящее орудие борьбы с таким отзовизмом—это широкое и полное осведомление рабочих о деятельности фракции, с одной стороны, и предоставление рабочим способов общаться с фракцией и воздействовать на нее—с другой. Для того, чтобы в значительной степени подорвать отзовистское настроение в Петербурге, достаточно было, например, ряда собеседований товарищей думских депутатов с петербургскими рабочими. Все усилия таким образом должны быть направлены к тому, чтобы избежать организационного раскола с отзовистами. Сколько-нибудь настойчивая и последовательная идейная борьба с отзовизмом и родственным ему синдикализмом скоро сделает всякие разговоры об организационном расколе совершенно праздным и в худшем случае приведет к единоличным и групповым отколам отзовистов от большевистской фракции и от партии.

Именно так обстояло дело, в частности, и в совещании расширенной редакции «Пролетария». Ультиматизм товарища Богданова¹⁸⁾ оказался совершенно непримиримым с позицией больше-

визма, еще раз формулированной совещанием. После того, как были приняты основные принципиальные резолюции, он заявил, что считает их незаконными, несмотря на то, что они были приняты десятью голосами против двух, а некоторые против одного (Богданов) при одном воздержавшемся (например, резолюция об отзовизме и ультиматизме в целом). Тогда совещание вынесло резолюцию, что оно снимает с себя всякую ответственность за все политические шаги товарища Богданова. Дело ясно: раз т. Богданов решительно отвергает все принципиальные резолюции, принимаемые столь подавляющим большинством совещания, то он должен понять, что между ним и совещанием нет того единомыслия, которое есть элементарное условие существования фракции внутри партии. Но т. Богданов на этом не остановился: он решительно заявил, что не только не намерен проводить эти резолюции в жизнь, но не будет и подчиняться им. Совещание обязано было снять с себя всякую ответственность за политическую деятельность товарища Богданова, но при этом оно заявило (см. заявление Спб. делегата М. Т. и других), «что речь идет здесь не о расколе фракции, а об отколе товарища Богданова от расширенной редакции «Пролетария» *).

Мы находим также необходимым привлечь все внимание товарищей к резолюциям совещания «О задачах большевиков в партии» и «Об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы». Здесь важно верно понять постановку вопроса о «партийной линии» большевиков и об отношении к легальным возможностям вообще, к думской трибуне в частности.

Очередной нашей задачей является сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. В самом выполнении этой большой задачи есть один

*) Товарищем Маратом¹⁴⁰⁾ также было сделано заявление, что проводить резолюции совещания в жизнь он не будет, но подчиняться им будет. В особом же заявлении т. Марат оговорил, что, признавая необходимую товарищескую идейную борьбу с отзовизмом, он не признает ни организационной борьбы с последним, ни раскола большевистской фракции. Что касается вообще вопроса об организационном расколе, то, как видно из резолюции совещания «О партийной школе за границей в Капри», раскольничий шаг сделан в данном случае отзовистами и сторонниками богостроительства, потому что школа эта есть, несомненно, попытка создать новый идейно-организационный центр новой фракции.

крайне важный момент: это борьба с ликвидаторством обоих оттенков—с ликвидаторством справа и с ликвидаторством слева. Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной Р. С.-Д. Р. П. не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело на-изнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало—для них все. И те, и другие—ликвидаторы Р. С.-Д. Р. П., приблизительно в равной мере, ибо без планомерного, целесообразного сочетания легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении, никакое «сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П.» — немыслимо. Ликвидаторство справа — свирепствует, как известно, особенно сильно в меньшевистской фракции, а отчасти в «Бунде». Но за последнее время среди меньшевиков наблюдается знаменательное явление возврата к партийности, который нельзя не приветствовать: «меньшинство фракции (меньшевиков), как гласит резолюция совещания, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности»^{*)}).

Каковы же задачи большевиков по отношению к этой небольшой пока части меньшевиков, ведущей борьбу против ликвидаторства справа? Большевики должны, несомненно, стремиться к сближению с этой частью партийцев—с частью марксистской и партийной. Речь ни в коем случае не идет здесь о ликвидации наших тактических разногласий с меньшевиками. Против меньшевистских отступлений от линии революционной социал-демократии мы ведем и будем впредь вести самую решительную борьбу. Речь ни в коем случае не идет, само собой разумеется, о каком-либо растворении большевистской фракции в партии. В смысле завоеваний партийных позиций, большевиками сделано очень много, но много работы в этом направлении еще впереди. Большевистская фракция, как определенное идейное течение в партии, должна существовать по-прежнему. Но надо твердо помнить одно: ответственность «за сохранение и укрепление» Р. С.-Д. Р. П., о которых говорит резолюция совещания, лежит теперь, главным образом,

^{*)} Под «расколом в редакции» «Голоса Социал-Демократа» резолюция подразумевает выход тов. Плеханова из этой редакции,— выход, по заявлению самого Плеханова, вынужденный не чем иным, как именно ликвидаторскими тенденциями редакции «Голоса Социал-Демократа».

если не исключительно, на большевистской фракции. Всю, или почти всю, наличную п а р т и й н у ю работу—особенно на местах—несут на себе теперь большевики. И на них, твердых и последовательных защитниках партийности, лежит теперь задача большой важности—привлекать к делу п а р т и й н о г о с т р о и т е л ь с т в а все пригодные для него элементы. И в настоящий тяжелый момент было бы с нашей стороны поистине преступлением не протянуть руку партийцам из других фракций, выступающим в защиту марксизма и партийности—против ликвидаторства.

Эту позицию признало огромное большинство совещания и в том числе все представители большевиков из местных организаций. Оппозиция колебалась, не решаясь занять определенной позиции ни за, ни против нас. Но, тем не менее, именно за эту линию тов. Богданов упрекал совещание в «предательстве большевизма», в переходе на меньшевистскую точку зрения и т. п. Мы на это отвечали одно: скажите это поскорее открыто в печати, перед лицом всей партии и всей большевистской фракции, тогда мы получим возможность еще раз разоблачить истинный смысл вашей «революционности», истинный характер вашей «охраны» большевизма.

Предлагаем товарищам обратить внимание на резолюцию совещания «Об отношении к думской деятельности и т. д.». Мы указали уже выше на тесную связь вопроса о «легальных возможностях» с ликвидаторством различных оттенков. Борьба с ликвидаторством слева так же обязательна теперь, как с ликвидаторством справа. Парламентский кретинизм, для которого вся партийная организация должна сводиться к группировке рабочих вокруг «легальных возможностей», в частности вокруг думской деятельности, так же глубоко противен революционной социал-демократии, как и отзовизм с его непониманием значения легальных возможностей для партии, в интересах партии. В резолюциях совещания использование легальных возможностей для партии признано делом огромной важности. Но нигде в этих резолюциях легальные возможности и их использование не рассматриваются, как сама себе довлеющая цель. Везде они поставлены в тесную связь с задачами и способами деятельности нелегальной. И эта связь заслуживает в настоящее время особенного внимания. Некоторые п р а к т и ч е с к и е указания на этот счет даны в самой резолюции. Но это лишь у к а з а н и я. Вообще же говоря, речь должна идти сейчас не столько о том,

каково именно место «легальных возможностей» в ряду других отраслей партийной работы, а о том, как использовать наличные «легальные возможности» к наибольшей выгоде для партии. В течение долгих лет подпольной работы в партии накопился огромный опыт по части нелегальной работы. Нельзя того же сказать о другой области—об использовании возможностей легальных. Здесь партийей, в частности большевиками, делалось недостаточно. На использование этой области следует обратить больше внимания, инициативы и усилий, чем это делалось до сих пор. Использованию легальных возможностей надо учиться и учиться так же настойчиво, как учились и учимся мы присамам нелегальной деятельности. К этой-то упорной работе, над использованием легальных возможностей в пользу партии, совещание и призывает всех, кому дороги интересы Р. С.-Д. Р. П.

Неизменным по-прежнему остается и должно, конечно, оставаться наше отношение к нелегальной партийной работе. Сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П.—основная задача, которой все должно быть подчинено. Только достигнув этого укрепления, сможем мы использовать в интересах партии и те же легальные возможности. Самое усиленное внимание должно быть обращено на те рабочие группы, которые формируются в промышленных центрах и в руки которых должно переходить—и постепенно переходит—общее руководство партийной работой. Все наши усилия во всех областях нашей деятельности должны быть направлены к тому, чтобы из этих групп создавались действительно партийные социал-демократические кадры. Только на этой основе сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. становится действительно возможным.

*Приложение к № 46 «Пролетария»
от 3 (16) июля 1909 г.*

От редакции к письму Лядова¹⁾.

Охотно даем место открытому выступлению тов. Лядова и заметим ему лишь следующее:

Блюсти традиции большевизма—ортодоксально-марксистского течения в Р. С.-Д. Р. П.—дело, конечно, прекрасное, тов. Лядов. Но соблюдать эту традицию значит, между прочим, оберегать

большевизм от карикатуры на него. А ведь именно карикатурой на большевизм—как мы пространно доказали в ряде статей и как теперь официально признала большевистская фракция—являются потуги отзовизма и богостроительства.

Что касается «революционной этики», к которой апеллирует тов. Лядов, то на этот счет мы можем его спокойно предоставить самому себе, а вот свою «принципиальную позицию» тов. Лядову и его единомышленникам давно бы следовало изложить открыто перед всей партией, а то до сих пор приходилось верить им на слово, что у них есть что-нибудь кроме отзовизма и богостроительства.

В заключение, выскажем уверенность, что тов. Лядов, много лет поработавший в рядах революционной соц.-демократии, не так долго останется в новой фракции богостроителей-отзовистов, или—как их для краткости называют—«божественных отзовистов», и вернется во фракцию большевиков.

*«Пролетарий» № 46
от 11 (24) июля 1909 года.*

Письмо к организаторам партийной школы в Капри.

Уважаемые товарищи!

Получил на-днях ваше приглашение. Программы школы, о которой (программе) вы пишете, что она прилагается, не получил.

Мое отношение к школе в Капри выражено в резолюции расширенной редакции «П р о л е т а р и я» (приложение к №№ 44 и 46 «П р о л е т а р и я»). Если вы не видели «П р о л е т а р и я» и приложений к нему, а также особого письма о школе, разосланного членам партии большевикам в виде печатного листка, то редакция с удовольствием пошлет вам все эти материалы. По существу дела я должен ответить вам, что, разумеется, мой взгляд на данную школу, как на предприятие н о в о й фракции в нашей партии,—фракции, которой я не сочувствую,—что этот взгляд нисколько не вызывает отказа читать лекции товарищам, присланным из России местными организациями. Каких бы взглядов эти товарищи ни держались, я всегда охотно соглашусь прочесть им ряд лекций по вопросам, интересующим

социал-демократию. В Капри читать лекций я, конечно, не поеду, но в Париже прочту их охотно. Приехать в Париж девяти посланным из России товарищам (я беру цифру, о которой сообщал известный вам тов. Лева)¹⁴²), — это предприятие даже в финансовом отношении стоило бы меньше, чем поездка трех лекторов (мне известно ваше обращение к Лева и Иннокентию)¹⁴³) из Парижа в Капри. А помимо финансовых соображений есть еще целый ряд других, несравненно более важных и несомненно вполне для вас понятных соображений в пользу Парижа, как места действительно партийной школы за границей. Во всяком случае могу поручиться, что редакция «Пролетария» сделала бы все, от нее зависящее, для организации желаемых вами лекций в Париже.

18/VIII 1909 г.

*Листок «К вопросу о партийной школе.
Четыре документа»,
выпущенный редакцией «Пролетария».*

К выборам в Петербурге.

(Заметка.)

На 21 сентября назначены выборы в Петербурге. При чрезвычайно тяжелых условиях рабочей партии приходится проводить эти выборы. Но их значение в высшей степени велико, и все социал-демократы должны напрячь все свои силы в предстоящей — отчасти уже пачинающейся — выборной кампании.

Выборы происходят в обстановке самой бешеной реакции, при полном разгуле контр-революционного неистовства царской правительственной шайки: — тем важнее, чтобы этой реакции была противопоставлена кандидатура, выдвигаемая социал-демократической партией, единственной партией, которая сумела и с трибуны черносотенной III Думы возвысить свой голос, заявить свои непреклонные социалистические убеждения, повторить лозунги славной революционной борьбы, развернуть республиканское знамя перед лицом октябристски-черносотенных героев контр-революции и либеральных (кадетских) идеологов и защитников контр-революции.

Выборы происходят при условиях, совершенно исключающих участие широких масс рабочего класса; рабочие исключены из

числа избирателей, ряды избирателей скошены торжествующей дворянской бандой, проводшей государственный переворот 3-го июня 1907-го года;—тем важнее, чтобы перед этой, наименее способной вообще сочувствовать идеям социал-демократии аудиторией, выступила партия, соединяющая борьбу за социализм с борьбой за последовательную и решительную демократическую революцию в буржуазной стране. Как ни узка, как ни стеснена была работа социал-демократической партии среди рабочих масс за последнее время, работа эта все же непрерывно велась и ведется. Сотни рабочих групп и кружков поддерживают традиции социал-демократической партии, продолжают ее дело, воспитывают новых пролетарских борцов. Рабочие-социал-демократы через своих депутатов, своих агитаторов, своих уполномоченных выступают теперь перед массой мелко-буржуазных избирателей и напоминают им о тех задачах действительного демократизма, которые забыты партиями и группками буржуазной демократии.

Выборы происходят при абсолютном изгнании социал-демократической партии и всех, каких бы то ни было, организаций рабочего класса из пределов легальности,—при полной невозможности рабочих собраний,—при полном запрещении рабочей печати, при полном обеспечении (мерами полиции) монополии на «оппозицию» партии кадетов, которая протестировала себя рядом неслыханно лакейских выходов в черной Думе и помогла самодержавию собирать деньги в Европе на тюрьмы и виселицы, помогла проделать перед европейскими капиталистами комедию конституционного самодержавия. Тем важнее, чтобы эта кадетская монополия, огражденная лесом виселиц и «заработанная» беспредельным либеральным холопством перед царизмом, была сломана, сломана во что бы то ни стало, сломана перед широкой массой, которая видит выборы, слышит о выборах, следит за судьбой кандидатов и за результатами выборов. Если буржуазным политикам всех стран, начиная от русских кадетов и кончая «свободо-мыслящими» Германии или «радикалами» буржуазной демократии во Франции, важнее всего непосредственный успех, важнее всего заполучить депутатское местечко, то для социалистической партии важнее всего пропаганда и агитация в массах, важнее всего проповедь идей социализма и последовательной, беззаветной борьбы за полную демократию. А эта пропаганда измеряется далеко, далеко не одним только числом голосов, специально подобранных по закону 3-го июня, проведенному господами дворянами.

Посмотрите на нашу кадетскую печать: с какой удивительной наглостью использует она свою, заработанную Миллюковской услужливостью и защищаемую Столыпиным, монополию. «В исходе Петербургских выборов,—пишет «Речь» в передовице от 1 августа, —никто не сомневается... Если кандидатура Кутлера¹⁴⁴), одного из наиболее авторитетных депутатов II Думы, фиксируется, то избирательная победа будет еще более импозантной». Ну, еще бы! Что может быть «импозантнее» победы над «левыми», которых «отстранил» черносотенный государственный переворот? Что может быть импозантнее победы над социализмом, проповедующим свои старые идеалы в нелегальной печати и в нелегальных рабочих организациях, победы со стороны «демократов», свободно умещающих свой демократизм в рамки Столыпинской конституции? Что может быть «авторитетнее» в глазах мещанина, в глазах обывателя, в глазах запуганного русского человека, чем бывший министр г. Кутлер? Для партии «народной свободы» авторитетность депутата в Думе измеряется его авторитетом в глазах Романова, Столыпина и К-о.

«Надо полагать,—величественно продолжает «Речь»,—что на этот раз не будет допущено и бесцельного дробления голосов между прогрессивными кандидатами. В таком именно смысле высказался один из представителей «левого блока» В. В. Водовозов¹⁴⁵).

Как солнце в малой капле вод, отражает эта маленькая тирада—всю природу наших кадетов. Дробить голоса «бесцельно» (кадеты уже не говорят: опасно перед лицом черносотенцев, ибо глупую либеральную побасенку о черносотенной опасности слишком наглядно опровергли революционные социал-демократы и опровергли события),—почему же «бесцельно», господа? Потому, что не пройдет, это первый и последний довод кадетов. Да ведь это довод октябристский, любезнейшие воители с октябризмом: это довод подчинения закону 3-го июня, того самого любовного подчинения и радостного повиновения, в котором вы упрекаете октябристов! В том-то и суть вашей природы, что перед выборами, перед избирателем, перед толпой вы изобличаете октябристов в неумении вести принципиальную линию, в оппортунизме фраз о «бесцельности», а на выборах, перед начальством, перед царем и Столыпиным вы ведете ту же самую октябристскую политику. «Бесцельно» голосовать против

бюджета — будем голосовать за бюджет. «Бесцельно» отстаивать идеалы революции и свободы — будем поносить их, создадим «Вежи», будем обливаться помоями революцию, найдем побольше ренегатов, Изгоевых, Галичей, Струве и т. д. для демонстрации нашего отречения от революции. «Бесцельно» бороться против поддержки самодержавия иностранным капиталом — будем помогать самодержавию заключать займы, отправим Милюкова в качестве выездного на запятках колымаги Николая Кровавого.

Но если фраза о «бесцельности» идейной борьбы на выборах искренно передает «идейную» природу кадетов, то следующая фраза — образец прямого избирательного мошенничества. Пользуясь монополией «оппозиции его величества», «Речь» оболгала, во-первых, социал-демократов, которые никогда и нигде не высказывались против дробления голосов (и которые — это очень важно — по ве л и за собой трудовиков при знаменитом левом блоке, повели твердой решимостью выставить социал-демократического кандидата в о ч т о б ы т о н и с т а л о), а во-вторых, и трудовика Водовозова.

Кроме передовицы, № от 1-го августа дает еще заметку, в которой Водовозову приписаны слова, будто избиратели высказались уже за кадетов, и трудовики должны либо голосовать за кадетов, либо воздержаться. Только в номере от 6-го августа орган партии «народной свободы» помещает на задворках (после «Дачной жизни») письмо г. Водовозова, заявляющего, что приписанных ему слов он «н и к о г д а н е г о в о р и л». И «Речь» ни капельки этим не смущена, а принимается полемизировать с Водовозовым. Дело сделано, читатель обманут, монополия разрешаемой г.г. Столыпинскими печати использована, а прочее все трин-трава. Наконец, в номере от 9-го августа появляется пара строк о социал-демократическом кандидате Соколове ¹⁴⁶⁾ и о том, что многие трудовики предполагают отдать ему свои голоса. Все сообщение передовицы 1-го августа относительно левых оказывается сплошной уткой...

Трудности задачи, перед которой оказались петербургские социал-демократы, не испугают их, а заставят удесятерить усилия. Не только все партийные организации, — каждый кружок рабочих, каждая группа сочувствующих социал-демократам в каком бы то ни было слое общества, — хотя бы эта группа состояла из двух-трех лиц и была оторвана от живой политической работы, как только может быть оторван от политики русский гражданин в эпоху

Столыпинской конституции,—все и каждый могут и должны принять участие в социал-демократической избирательной кампании. Одни составят и распространят избирательные воззвания социал-демократов; другие помогут делу распространением думских речей социал-демократов; третьи организуют обход избирателей для проповеди социал-демократических идей и разъяснения задач социал-демократической избирательной кампании; четвертые выступят на собраниях избирателей или в частных собраниях; пятые извлекут из кадетской литературы и кадетских речей букет, способный отбить охоту голосовать за кадетов у всякого, сколько-нибудь честного, демократа; шестые... но не нам в заграничной газете указывать пути и способы агитации, которые во сто раз богаче, живее и разнообразнее будут найдены на местах, в Петербурге. Члены думской социал-демократической фракции могут, в силу своего положения, оказать особенно ценные услуги избирательной кампании в Петербурге; на социал-демократических депутатов ложится здесь особенно полезная и особенно благодарная роль. Никакие запрещения администрации, никакие уловки полиции, никакие конфискации социал-демократической литературы, никакие аресты социал-демократических агитаторов не помешают рабочей партии выполнить ее долг: использовать целиком и всесторонне избирательную кампанию для проповеди в массах всей, неукороченной программы социалистического пролетариата, передового борца в русской демократической революции.

Р. С. Заметка наша была уже сдана в печать, когда мы прочли в номере «Речи» от 13-го августа следующее крайне важное сообщение: «11-го августа состоялось первое собрание трудовиков, посвященное выборам в Государственную Думу... Единогласно решено поддержать кандидатуру социал-демократа Соколова, при чем постановлено не обуславливать этой поддержки никакими политическими обязательствами». Нечего говорить, что на других условиях социал-демократия и не смогла бы принять поддержки.

*«Пролетарий» № 47—48
от 5 (18) сентября 1909 г.*

Разоблаченные ликвидаторы.

Читателям известно, конечно, что за последний год нашей партии пришлось иметь дело с так называемым ликвидаторским течением в социал-демократии. Ликвидаторы, это—те наиболее безбоязненные оппортунисты, которые стали проповедывать ненужность нелегальной социал-демократической партии в современной России, ненужность Р. С.-Д. Р. П. Читателям известно также, что борьбу с этим ликвидаторским течением повел и провел большевизм,—провел, по крайней мере, настолько, что на Всероссийской партийной Конференции декабря 1908 года ликвидаторство было самым решительным и бесповоротным образом осуждено против голосов меньшевиков и части бундовцев (другая часть бундовцев восстала против ликвидаторства).

Однако официальный орган меньшевистской фракции «Голос Социал-Демократа» не только не признавал себя ликвидаторским, а, напротив, выступал все время с видом необыкновенно «гордым и благородным», отвергая всякую свою причастность к ликвидаторству. Факты были на-лицо. Но «Голос Социал-Демократа» величественно игнорировал факты. Вышедший недавно № 9 «Дневника Социал-Демократа» Плеханова (август 1909 г.) чрезвычайно ценен тем, что один из вождей меньшевизма окончательно разоблачает здесь ликвидаторство. Этим не исчерпывается значение «Дневника», но на этой стороне дела приходится остановиться прежде всего.

В № 44 «Пролетария» было напечатано письмо меньшевиков Выборгского района (в Петербурге), протестующих против меньшевиков ликвидаторов. В № 14 «Голоса» (май 1909 г.) это письмо перепечатывается, и редакция замечает: «Редакция «Пролетария» притворяется, будто усмотрела в письме товарищей выборжцев шаг *от* газеты «Голос Социал-Демократа»...

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор его показывает в с о д е р ж а н и е ликвидаторских идей в статье, помещенной без всякой оговорки редакции (и при том в статье, выражающей целиком те же взгляды, каковы взгляды редакции) в № 15 «Голоса». Плеханов цитирует при этом письмо выборжцев и говорит: «Письмо это показывает нам, как влияют подчас на широкие рабочие организации люди, покинувшие нашу партию под предлогом «новой работы» (стр. 10 «Дневника»). Это—именно тот «предлог»,

который выставлялся всегда «Голосом»! «Такое влияние,—продолжает Плеханов,—отнюдь не есть социал-демократическое влияние; это влияние по духу своему совершенно враждебно социал-демократии» (стр. 11).

Итак, Плеханов цитирует письмо выборщиков против № 15 «Голоса Социал-Демократа». Мы спрашиваем читателя, кто же на самом деле «притворяется»? «Пролетарий» ли «притворялся», обвиняя «Голос» в ликвидаторстве, или «Голос» притворялся, отрицая всякую связь с ликвидаторством?

Редакция «Голоса» разоблачена в литературной нечестности, разоблачена ее вчерашним членом Плехановым.

Но это еще далеко не все.

В № 15 «Голоса» (июнь 1909 г.) в статье за подписью Ф. Дапа находим заявление, что репутация внефракционности предохраняет «Правду» «от нелепых и заведомо недобросовестных обвинений в ликвидаторстве» (стр. 12). Сильнее выразиться нельзя. Изобразить на своей физиономии более возвышенное, более благородное негодование по поводу обвинения «Голоса» в ликвидаторстве трудно.

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор показывает все содержание ликвидаторских идей в одной из статей № 15 «Голоса» и заявляет по адресу меньшевиков, которые разделяют эти идеи: «Зачем обижаться на упрек в ликвидаторстве, когда в самом деле очень сильно грешить этим грехом? (стр. 5). Товарища С. (автора разбираемой Плехановым статьи в № 15 «Голоса») не только можно, но и должно обвинить в ликвидаторстве, потому что план, излагаемый и защищаемый им в своем письме, действительно не что иное, как план ликвидации нашей партии» («Дневник», стр. 6). А этот т. С. прямо говорит в своей статье о своей солидарности с «кавказской делегацией», т.-е. с редакцией «Голоса», имевшей, как известно, два мандата из трех в этой делегации.

Плеханов продолжает:

«Тут нужно выбирать: или ликвидаторство, или борьба с ним. Третьего нет. Говоря это, я имею в виду, разумеется, товарищей, руководящихся не своими личными интересами, а интересами нашего общего дела. Для тех, которые руководствуются своими личными интересами; для тех, которые думают только о своей революционной карьере,—есть ведь и такая карьера!—

для них существует, конечно, третий выход. Великие и малые люди этого калибра могут и даже должны в настоящее время лавировать между ликвидаторским и анти-ликвидаторским течениями; они должны при настоящих условиях всеми силами отговариваться от прямого ответа на вопрос о том, нужно ли бороться с ликвидаторством; они должны отделяться от такого ответа «иносказаниями и гипотезами пустыми», потому что ведь еще неизвестно, какое течение возьмет верх, ликвидаторское или анти-ликвидаторское,—а этим мудрым дипломатам хочется во всяком случае быть у праздника: они во что бы то ни стало желают быть на стороне победителей. Повторяю, для таких людей есть и третий выход. Но т. С., вероятно, согласится со мной, если я скажу, что это не настоящие люди, а только игрушечного дела людишки. О них толковать не стоит: они—прирожденные оппортунисты; их девиз:—«чего изволите?» (стр. 7—8 «Дневника»).

Это называется: тонкий намек... на толстое обстоятельство. Действие пятое и последнее, сцена 1-ая. На сцене редакторы «Голоса» все без одного. Редактор Имярек, обращаясь к публике с видом особенного благородства: «направленные против нас обвинения е ликвидаторстве не только пелены, но и з а в е д о м о н е д о б р о с о в е с т н ы ».

Сцена 2-ая. Те же и «он», редактор «Голоса», только что благополучно вышедший из редакции (делает вид, что не замечает никого из редакторов и говорит, обращаясь к солидарному с редакцией сотруднику С.): «Или ликвидаторство, или борьба с ним. Третий выход есть только у революционных карьеристов, которые лавируют, отговариваются от прямого ответа, выжидают, кто возьмет верх. Тов. С., вероятно, согласится со мною, что это не настоящие люди, а игрушечного дела людишки. О них толковать не стоит: они—прирожденные оппортунисты; их девиз—чего изволите».

Поживем—увидим, действительно ли согласится с Плехановым «тов. С.»—коллективно-меньшевистский тов. С., или он предпочтет сохранить себе в качестве руководителей некоторых игрушечного дела людишек и прирожденных оппортунистов. Одно мы можем смело заявить уже теперь: из меньшевиков-р а б о ч и х, если им полностью изложат свои взгляды Плеханов, Потресов («убежденный ликвидатор» по отзыву Плеханова, стр. 19 «Дневника») и «игрушечного дела людишки» с девизом «чего изволите?», не найдется, наверное, десяти из сотни з а Потресова и з а «чего

изволите» в м е с т е. За это можно ручаться. Плехановского выступления достаточно, чтобы меньшевиков-р а б о ч и х оттолкнуть и от Потресова, и от «чего изволите». Наше дело—позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики, особенно те, которые трудно поддаются пропаганде, исходящей от большевиков, о з н а к о м и л и с ь полностью с № 9 «Дневника» Плеханова. Наше дело—позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики всерьез взялись теперь за выяснение и д е й н ы х о с н о в расхождения между Плехановым, с одной стороны, Потресовым и «чего изволите»,—с другой.

По этому, особенно важному, вопросу Плеханов дает в № 9 «Дневника» материал тоже чрезвычайно ценный, но далеко, далеко не достаточный. «Да здравствует генеральное межевание!» восклицает Плеханов, приветствуя размежевание большевиков с анархо-синдикалистами (так называет Плеханов наших отзовистов, ультиматистов и богостроителей) и заявляя, что «мы, меньшевики, должны отмежеваться от ликвидаторов» (страница 18 «Дневника»). Разумеется, мы, большевики, проводившие уже у себя г е н е р а л ь н у ю м е ж у, от всей души присоединимся к этому требованию генерального межевания внутри меньшевистской фракции. Мы с нетерпением будем ждать этого генерального межевания у меньшевиков. Мы посмотрим, где пройдет у них генеральная межа. Мы посмотрим, будет ли это действительно г е н е р а л ь н а я м е ж а.

Плеханов изображает раскол внутри меньшевиков из-за ликвидаторства, как раскол по организационному вопросу. Но в то же время он дает материал, показывающий, что дело далеко не ограничивается организационным вопросом. Плеханов проводит п о к а две межи, из которых н и о д н а еще не заслуживает названия генеральной. Первая межа решительно отделяет Плеханова от Потресова, вторая нерешительно отделяет его от «фракционных дипломатов», игрушечного дела людишек и прирожденных оппортунистов. Про Потресова Плеханов говорит, что он еще осенью 1907 года «высказался, как убежденный ликвидатор». Но этого мало. Кроме этого словесного заявления Потресова по организационному вопросу, Плеханов ссылается на известную коллективную работу меньшевиков «Общественное движение в России в начале XX века» и говорит, что он, Плеханов, вышел из редакции этого сборника, ибо статья Потресова оказалась (даже после исправлений и переработки, потребованных

Плехановым и произведенных при посредничестве Дана и Мартова) неприемлемой для Плеханова. «Я вполне убедился, что статья Потресова неисправима» (стр. 20). «Я увидел — пишет он в «Дневнике», — что ликвидаторская мысль, высказанная Потресовым в Мангейме, прочно утвердилась в его уме, и что он совершенно потерял способность смотреть на общественную жизнь, в ее настоящем и прошлом, глазами революционера» (стр. 19—20). «Я Потресову не товарищ... мне с Потресовым не по дороге» (стр. 20).

Здесь уже речь идет совсем не о современных организационных вопросах, которых Потресов в своей статье не затрагивал и не мог затрагивать. Речь идет об основных программных и тактических идеях социал-демократии, «ликвидируемых» коллективным меньшевистским «трудом», выходящим под коллективной меньшевистской редакцией Мартова, Маслова и Потресова.

Чтобы провести здесь действительно генеральную межу, недостаточно порвать с Потресовым и сделать «тонкий» намек на героев «Чего изволите». Для этого нужно вскрыть обстоятельно, в чем именно, когда именно, почему и как именно «потерял Потресов способность смотреть на общественную жизнь глазами революционера». Ликвидаторство, говорит Плеханов, ведет в «болото самого позорного оппортунизма» (стр. 12). «Новое вино превращается у них (ликвидаторов) в кислятину, годную разве только в приготовление мелко-буржуазного уксуса» (стр. 12). Ликвидаторство «облегчает вторжение в пролетарскую среду мелко-буржуазных тенденций» (стр. 14). «Я не раз принимался доказывать влиятельным товарищам меньшевикам, что они делают большую ошибку, обнаруживая подчас готовность итти рука об руку с господами, от которых в большей или меньшей степени отдаст оппортунизмом» (стр. 15). «Ликвидаторство» по прямой линии направляется в невылазное болото оппортунизма и враждебных социал-демократии мелко-буржуазных стремлений» (стр. 16). Сопоставьте все эти отзывы Плеханова с признанием Потресова убежденным ликвидатором. Совершенно очевидно, что Потресов обрисован Плехановым (признан теперь Плехановым, вернее будет сказать), как мелко-буржуазный демократ-оппортунист. Совершенно очевидно, что, поскольку меньшевизм, представляемый всеми влиятельнейшими литераторами фракции (кроме Плеханова) участвует в этой потресовщине

(в «Общественном движении»), по ст о л ь к у меньшевизм признан теперь Плехановым за м е л к о - б у р ж у а з н о е о п п о р т у н и с т и ч е с к о е т е ч е н и е. Поскольку меньшевизм, как фракция, мирволит Потресову и прикрывает его, меньшевизм признан теперь Плехановым за м е л к о - б у р ж у а з н у ю о п п о р т у н и с т и ч е с к у ю ф р а к ц и ю.

Вывод ясен: если Плеханов останется одинок, если он не сгруппирует вокруг себя массу или хотя бы значительную часть меньшевиков, если он не вскрыет перед всеми меньшевиками рабочими всех корней и проявлений этого мелко-буржуазного оппортунизма, тогда наша оценка меньшевизма окажется подтвержденной меньшевиком, наиболее теоретически выдающимся и наиболее далеко заведшим меньшевиков в тактике 1906—1907 годы.

Поживем—увидим, в с и л а х л и будет провозглашенный Плехановым «революционный меньшевизм» провести борьбу со всем кругом идей, родивших Потресова и ликвидаторство.

Говоря о генеральном межевании у большевиков, Плеханов сравнивает большевистских марксистов, социал-демократов, с гоголевским Осипом, который подбирал всякий хлам, всякую веревочку (вплоть до эмпириокритицизма и богостроительства). Теперь большевистский Осип—шутит Плеханов—начал «распространять вокруг себя пространство», выгонять антимарксистов, выкидывать прочь «веревочку» и прочий хлам.

Шутка Плеханова затрагивает не шуточный, а основной и серьезнейший вопрос русской социал-демократии: к а к о е н а п р а в л е н и е в н у т р и н е е б о л ь ш е с л у ж и л о на пользу хлама, «веревочки», т.-е. на пользу б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к и х влияний в пролетарской среде. Все «тонкости» фракционных споров, все долгие перипетии борьбы из-за различных резолюций, лозунгов и т. д.—вся эта «фракционность» (которую так часто осуждают ныне голыми криками против «фракционности», п о о щ р я ю щ и м и в с е г о б о л е е б е с п р и н ц и п н о с т ь)—вся эта «фракционность» вращается вокруг этого основного и серьезнейшего вопроса русской социал-демократии: какое направление внутри ее всего более податливо было буржуазно-демократическим влияниям (неизбежным в той или иной степени, на то или иное время, при буржуазной революции в России, как неизбежны эти влияния во всякой капиталистической стране). Ко всякому направлению в социал-демократии неизбежно пристаёт то

большее, то меньшее количество не чисто пролетарских, а полупролетарских, полумелко-буржуазных элементов: вопрос в том, какое направление меньше подчиняется им, скорее избавляется от них, успешнее борется с ними. Это и есть вопрос о социалистическом, пролетарском, марксистском «Осипе» по отношению к либеральной или анархической, мелко-буржуазной, антимарксистской «веревочке».

Большевистский марксизм,—говорит Плеханов,—есть «более или менее узко и дубовато понятый марксизм». Меншевистский, очевидно, «более или менее широкий и тонкий». Посмотрите на результаты революции, на результаты шести лет истории социал-демократического движения (1903—1909), и каких шести лет! Большевистские «Осипы» уже провели «генеральную межу» и «показали дверь» большевистской мелко-буржуазной «веревочке», которая хныкает теперь, что ее «вышибли» и «устранили».

Меншевистский Осип оказался одиноким, вышедшим и из официальной меншевистской редакции и из коллективной редакции важнейшей меншевистской работы, одиноким протестантом против «мелко-буржуазного оппортунизма» и ликвидаторства, царящего и в той, и в другой редакции. Меншевистский «Осип» оказался с п у т а н н ы м меншевистской «веревочкой». Не он подобрал ее, а она подобрала его. Не он осилил ее, а она его.

Скажите, читатель, предпочли ли бы вы оказаться в положении большевистского или меншевистского «Осипа»? Скажите, тот ли марксизм в истории рабочего движения оказывается «узким и дубоватым», который прочнее связан с пролетарскими организациями и который успешнее справляется с мелко-буржуазной «веревочкой»?

*Пролетарий № 47—48
от 5 (18) сентября 1909 г.*

О фракции сторонников отзовизма и богостроительства.

Т.т. Богданов и Красин выпустили особый листок под названием «Отчет тов. большевикам устранившихся членов расширенной редакции «Пролетария». Горько-прегорько жалуются публике наши устранившиеся на то, какие обиды нанесла им редакция и как она их устранила.

Чтобы показать партии рабочего класса, какого сорта эта публика горько жалующихся устранившихся, рассмотрим прежде всего принципиальное содержание листка. Из № 46 «Пролетария» и из приложения к этому номеру читатели знают, что совещание расширенной редакции «Пролетария» признало тов. Богданова одним из организаторов новой фракции в нашей партии, фракции, с которой большевизм не имеет ничего общего, и сняло с себя «всякую ответственность за все политические шаги тов. Богданова»^{*)}. Из резолюций совещания видно, что основой расхождения с отколовшейся от большевиков новой фракцией (или вернее: с отколовшимся Богдановым и его приятелями) является, во-первых, отзовизм и ультиматизм; во-вторых, богостроительство. В трех подробных резолюциях изложен взгляд большевистской фракции на то и на другое течение.

Что же отвечают теперь горько жалующиеся устранившиеся?

I.

Начнем с отзовизма. Устранившиеся подводят итоги парламентского или думского опыта за истекшие годы, оправдывают бойкот Булыгинской и Виттевской Думы, а также участие во II Думе и продолжают:

...«При острой и усиливающейся реакции все это опять-таки изменяется. Партия не может тогда провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства»...

Первая же фраза самостоятельного, не списанного из старых большевистских изданий рассуждения,—и перед нами вся бездонная пропасть отзовистского политического недомыслия. Ну, подумайте-ка, любезнейшие, может партия при острой и усиливающейся реакции провести «крупное и яркое» устройство «инструкторских групп и школ» для боевиков, о чем вы говорите на той же самой странице, в том же столбце вашего произведения? Подумайте-ка, любезнейшие, может ли партия получить «достойное себя представительство» в таких школах? Если

^{*)} См. выше «Введение к резолюциям Совещания расширенной редакции «Пролетария». Ред.

бы вы умели думать и сколько-нибудь способны были рассуждать политически, о, несправедливо устраненные, то вы заметили бы, что выходит у вас величайшая несуразица. Вместо того, чтобы политически мыслить, вы цепляетесь за «яркую» вывеску и от этого оказываетесь в положении партийных иванушек. Вы болтаете об «инструкторских школах» и об «усилении (!) пропаганды в войсках» (там же), потому что вы, как и все политические недоросли из лагеря отзовистов и ультиматистов, считаете такого рода деятельность особенно «яркой», но подумать об условиях действительного (а не словесного) применения этих форм деятельности вы не умеете. Вы заучили обрывки большевистских словечек и лозунгов, но понять в них вы ровнехонько ничего не поняли. «При острой и усиливающейся реакции» партии трудна всякая работа, но, как ни велики трудности, а добиться достойного парламентского представительства все же возможно. Это доказывает, например, и опыт германской социал-демократии в эпоху «острой и усиливающейся реакции» хотя бы времен введения исключительного закона. Отрицая эту возможность, Богданов и К-о обнаруживают только свое полнейшее политическое невежество. Рекомендовать «инструкторские школы» и «усиление пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся реакции»—и в то же время отрицать возможность для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборник логических нелепостей для учеников низших классов гимназии. И инструкторские школы, и усиление пропаганды в войсках предполагают обязательное нарушение старых законов, прорыв их,—тогда как парламентская деятельность вовсе не обязательно и во всяком случае неизмеримо реже предполагает прорыв старых законов новою общественною силою. Теперь подумайте, любезные, когда легче прорывать старые законы: при острой и усиливающейся реакции или при подъеме движения? Подумайте, о, несправедливо устраненные, и постыдитесь того вздора, который вы говорите, защищая милых вашему сердцу отзовистов.

Далее. Какого рода деятельность предполагает бóльший размах энергии масс, бóльшее влияние масс на непосредственную политическую жизнь,—парламентская ли деятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрывающая сразу и прямоком орудия материальной силы этой власти?

Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская деятельность в указанном отношении стоит позади. А из этого что следует? А из этого следует то, что чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах их энергии, другими словами, чем больше можно говорить об «остром и усиливающемся» революционном натиске народа, а не об «острой и усиливающейся реакции»,—т е м б о л е е возможной, тем более неизбежной, тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках, и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сводящиеся к авантюризму оголтелых боевиков. Именно поэтому, о, несправедливо устранившиеся, большевизм умел выдвинуть и боевую деятельность и пропаганду в войсках особенно сильно в период «острого и усиливающегося» революционного подъема;—именно поэтому большевизм умел проводить (начиная с 1907 года) и окончательно провел к 1909-му году отделение своей фракции от того боевизма, который «при острой и усиливающейся реакции» с в е л с я, неизбежно свелся к авантюризму.

У наших героев, которые заучили обрывки большевистских слов, выходит все наоборот: высшие формы борьбы, неудавшиеся нигде и никогда в мире без непосредственного натиска масс, рекомендуются на первом плане, как «возможные» в эпоху острой реакции,—а низшие формы борьбы, предполагающие не столько непосредственный прорыв закона борьбой масс, сколько и с п о л ь з о в а н и е закона для пропаганды и агитации, п о д г о т о в л я ю щ е й с о з н а н и е масс для борьбы, объявляются «невозможными»!!

Отзовисты и их «устраненные» подголоски слышали и заучили, что большевизм считает непосредственную борьбу масс, вовлекающую в движение даже войска (т.-е. наиболее заскоруждую часть населения, наименее подвижную, наиболее защищенную от пропаганды и т. д.) и превращающую боевые выступления в действительное начало восстания—формой движения высшей, а парламентскую деятельность без непосредственного движения масс—формой движения низшей. Отзовисты и их подголоски вроде Богданова это слышали и заучили, но не поняли, и потому оскандальились. Высшее—значит, «яркое»—думает отзовист и т. Богданов—ну-ка я закричу «поярче»: наверное, выйдет всех революционнее, а разбирать, что к чему, это от лукавого!

Послушайте дальше рассуждение Богданова (мы продолжаем цитату на прерванном месте):

...«Механическая сила реакции разрывает связь уже создавшейся партийной фракции с массами и сграшно затрудняет влияние на нее партии, а это приводит к неспособности такого представительства вести достаточно широкую и глубокую организационно-пропагандистскую работу в интересах партии. При ослаблении же самой партии не исключается даже опасность вырождения фракции, ее уклонения от основного пути социал-демократии»...

Неправда ли, как это бесподобно мило? Когда речь идет о низших, подзаконных формах борьбы, тогда нас начинают запугивать: «механическая сила реакции», «неспособность вести достаточно широкую работу», «опасность вырождения». А когда речь идет о высших, прорывающих старые законы формах классовой борьбы, тогда «механическая сила реакции» исчезает, никакой «неспособности» вести «достаточно широкую» работу в войсках не оказывается, ни о какой «опасности вырождения» инструкторских групп и школ не может быть, извольте видеть, и речи!

Вот—наилучшее оправдание редакции «Пролетария», почему она должна была у с т р а н и т ь политических деятелей, несущих такие идеи в массы.

Зарубите-ка себе на носу, о, несправедливо устраненные:

Когда имеются на-лицо действительно условия острой и усиливающейся реакции, когда механическая сила этой реакции действительно разрывает связь с массами, затрудняет достаточно широкую работу и ослабляет партию, именно тогда специфической задачей партии становится овладение парламентским оружием борьбы; и это не потому, о, несправедливо устраненные, что парламентская борьба выше других форм борьбы; нет, это именно потому, что она н и ж е их, ниже, например, такой борьбы, которая вытягивает в массовое движение д а ж е войско, которая создает массовые стачки, восстания и проч. Каким же образом овладение низшей формой борьбы может стать специфической (т.-е. отличающей данный момент от других моментов) задачей партии? А таким образом, что чем сильнее механическая сила реакции и чем более ослаблена связь с массами, тем больше выдвигается на очередь задача подготовки сознания масс (а не задача прямого действия), тем больше выдвигается на очередь и с п о л ь з о в а н и е созданных старой властью путей пропаганды и агитации (а не непосредственный натиск масс против самой этой старой власти).

II.

Для всякого марксиста, который хотя сколько-нибудь вдумывался в миросозерцание Маркса и Энгельса, для всякого социал-демократа, который хоть сколько-нибудь знаком с историей международного социалистического движения, это превращение одной из низших форм борьбы в специфическое орудие борьбы особого исторического момента не представляет из себя ровно ничего удивительного. Анархисты этой нехитрой вещи абсолютно и никогда понять были не в состоянии. Теперь наши отзовисты и их устраненные подголоски пытаются перенести в русскую социал-демократическую среду методы мышления анархизма, крича (подобно Богданову и К-о), что у «Пролетария» господствует теория «парламентаризма во что бы то ни стало».

Чтобы разъяснить, до какой степени неумны и не социал-демократичны эти крики Богданова и К-о, приходится опять-таки начать с азов. Подумайте-ка, о, несправедливо устраненные, что составляет специфическое отличие политики и тактики немецкой социал-демократии по сравнению с социалистическими рабочими партиями других стран? Использование парламентаризма; превращение буржуазно-юнкерского (по-русски, примерно-октябристско-черносотенного) парламентаризма в орудие социалистического воспитания и организации рабочих масс. Значит ли это, что парламентаризм есть высшая форма борьбы социалистического пролетариата? Анархисты всего мира думают, что значит. Значит ли это, что немецкие социал-демократы стоят на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало? Анархисты всего мира думают, что значит, а потому нет у них врага, более ненавистного, чем немецкая социал-демократия, нет для них мишени, более излюбленной, чем немцы социал-демократы. И в России, когда наши социал-революционеры начинают заигрывать с анархистами и рекламировать свою «революционность», они обязательно пытаются вытащить те или иные действительные или мнимые промахи немецких социал-демократов и сделать отсюда выводы против социал-демократии.

Теперь пойдем дальше. В чем ошибка рассуждения анархистов? В том, что они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в

разных странах, обуславливающих специфическое значение для известного периода времени то одного, то другого средства борьбы. На самом деле немецкая социал-демократия не только не стоит на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало, не только не подчиняет все и вся парламентаризму, а напротив: как раз она всего лучше в международной армии пролетариата развернула такие внепарламентские орудия борьбы, как социалистическую печать, как профессиональные союзы, как систематическое использование народных собраний, как воспитание молодежи в социалистическом духе и т. д. и т. п.

В чем же тут суть? В том, что совокупность целого ряда исторических условий сделала для Германии известного периода парламентаризм специфическим орудием борьбы не главным, не высшим, не крупным, не существенным по сравнению с другими, а именно специфическим, наиболее характерным по сравнению с другими странами. Уменьше использовать парламентаризм оказалось поэтому симптомом (не условием, а симптомом) образцовой постановки всего социалистического дела, во всех его, вышеперечисленных нами, разветвлениях.

Перейдем от Германии к России. Те, кто вздумал бы целиком приравнять условия той или другой страны, впали бы в целый ряд крупнейших ошибок. Но попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента? Мы должны сохранить и укрепить нелегальную партию,—как и до революции. Мы должны неуклонно готовить массы к новому революционному кризису,—как и в 1897—1903 годах. Мы должны всячески укреплять связь партии с массой, развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации,—как и всегда и везде все социал-демократические партии. Специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристско-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для социал-демократов является использование этой Думы в своих целях, в целях распространения идей революции и идей социализма. Не в том суть, чтобы эта специфическая задача была особенно высока, чтобы она открывала широкие перспективы, чтобы она равнялась

или, хотя бы, приближалась по своему значению к тем задачам, которые возникали перед пролетариатом, например, в 1905—1906 годы. Нет. Суть в том, что это — особенность тактики сегодняшнего момента, отличие ее от периода миновавшего и от периода грядущего (ибо этот грядущий период, н а в е р н о е, принесет нам специфические задачи, более сложные, более высокие, более интересные, чем задача использования III Думы). Нельзя овладеть современным моментом, нельзя решить всей совокупности тех задач, которые он ставит перед социал-демократической партией, не решив этой специфической задачи момента, не превратив черносотенно-октябристской Думы в о р у д и е социал-демократической агитации.

Отзовистские пустомели болтают, например, вслед за большевиками об учете опыта революции. Но они не понимают, что они говорят. Они не понимают, что в учет опыта революции в х о д и т отстаивание идеалов и задач и методов революции и з в н у т р и Думы. Не сумеешь изнутри Думы, через наших партийных рабочих, которые могут пройти и которые прошли в эту Думу, отстоять эти идеалы, задачи и методы—значит не уметь сделать первого шага в деле политического учета опыта революции (ибо речь идет здесь, конечно, не об учете опыта теоретическом, в книгах и в исследованиях). Этим первым шагом наша задача отнюдь и ни в коем случае не исчерпывается. Несравненно важнее, чем первый шаг, будут шаги второй и третий: т.-е. превращение уже учтенного массива опыта в идейный багаж для нового исторического действия. Но если же сами эти отзовистские пустомели говорят о «межреволюционной» эпохе, то они должны бы были понять (если бы они умели думать, умели рассуждать по социал-демократически), что «межреволюционный» как раз и значит в ы д в и г а ю щ и й э л е м е н т а р н ы е, п р е д в а р и т е л ь н ы е з а д а ч и н а о ч е р е д ь д н я. «Межреволюционный» есть характеристика неустойчивого, неопределенного положения, когда старая власть, убедившись в невозможности править при помощи одних только старых орудий, п ы т а е т с я использовать п о в о е о р у д и е в общей обстановке старых порядков. Это — внутренне-противоречивая, невозможная попытка, на которой самодержавие опять идет, неминуемо идет к краху, опять ведет нас к повторению славной эпохи и славных битв 1905-го года. Но оно идет н е т а к, как шло в 1897—1903 годах, в е д е т народ к революции н е т а к, как вело до 1905 года. Вот это

«не так» надо уметь понять; надо уметь видоизменить свою тактику, прибавляя ко всем основным, всеобщим, перво-степенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии еще одну, не очень крупную, но специфическую задачу данного момента, нового момента: задачу революционно - социал - демократического использования черносотенной Думы.

Как всякая новая задача, эта задача кажется труднее других, ибо она требует от людей не простого повторения заученных лозунгов (у отзовистов и Богданова дальше этого повторения ума нехватает), а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента. В эпоху «острой и усиливающейся реакции» решить задачу действительно серьезной постановки «инструкторских школ и групп», т.-е. такой постановки, при которой бы они были действительно связаны с массовым движением, действительно подчинены ему, во все не лезя, ибо задача поставлена глупо, поставлена людьми, списавшими формулировку этой задачи с хорошей брошюры, учитывающей условия другого момента. А решить задачу подчинения массовой партии и интересам массы—речей, выступлений, политики социал-демократов в III Думе можно. Не легко, если считать «легким» делом повторение заученного, но осуществимо. Как бы мы ни напрягали сейчас всех сил партии, мы не можем решить задачи социал-демократической (а не анархистской) постановки «инструкторских школ» в данный, «межреволюционный» момент, ибо для разрешимости этой задачи нужны совсем другие исторические условия. Наоборот, напрягая все силы, мы решим (и мы уже начинаем решать) задачу революционно - социал - демократического использования III Думы,—решим ее не для того, о, обиженные устранением и обиженные богом отзовисты и ультиматисты! чтобы возвести парламентаризм на какой-то высокий пьедестал, чтобы провозгласить «парламентаризм во что бы то ни стало», а для того, чтобы после решения «межреволюционной» задачи, соответствующей сегодняшнему «межреволюционному» моменту, пе-

рейти к решению более высоких революционных задач, которые будут соответствовать завтрашнему, более высокому, т.-е. более революционному моменту.

III.

Особенно курьезны эти глупенькие крики Богданова и К-о о «парламентаризме во что бы то ни стало» у большевиков с точки зрения действительной истории отзовизма. Курьезно то, что о преувеличении парламентаризма закричали как раз те люди, которые создали и создают особое направление и с к л ю ч и т е л ь н о на вопросе о своем отношении к парламентаризму! Как вы себя сами зовете, любезнейшие Богданов и К-о? Вы зовете себя «отзовистами», «ультиматистами», «бойкотистами». Богданов до сих пор не может налюбоваться на себя, как на бойкотиста III Думы, и свои редкие партийные выступления обязательно сопровождает подписью: «докладчик бойкотистов на Июльской Конференции 1907-го года». Один писатель подписывался в старину: «действительный статский советник и кавалер». Богданов подписывается: «докладчик бойкотистов» — тоже ведь кавалер!

При том политическом положении в июне 1907 года, когда Богданов защищал бойкот, ошибка была еще совсем, совсем невелика ¹⁴⁷⁾. Но когда в июле 1909 года, выступая с своего рода манифестом, Богданов продолжает любоваться на свой «бойкотизм» по отношению к III Думе, то это уже совсем глупо. И бойкотизм, и отзовизм, и ультиматизм — одни уже эти выражения означают создание и направления из вопроса об отношении к парламентаризму и т о л ь к о из этого вопроса. А выделить себя по этому вопросу, продолжать (два года спустя после решения дела в принципе партией!) выделять себя по этому вопросу — это признак беспредельного узколюбия. Именно те, кто поступает так, т.-е. и «бойкотисты» (1909 года), и отзовисты, и ультиматисты доказывают т е м с а м ы м, что мыслят они не по социал-демократически, что парламентаризм они возводят на особый пьедестал, что совершенно аналогично анархистам они создают н а п р а в л е н и е из отдельных рецептов: бойкотировать такую-то Думу, отозвать из такой-то Думы, поставить ультиматум такой-то фракции в Думе. Поступать так и значит быть карикатурным большевиком. У большевиков направление определяется о б щ и м взглядом их на русскую революцию, и тысячу раз подчерки-

вали большевики (как бы заранее предостерегая политических недорослей), что отождествлять большевизм с бойкотизмом или с боевизмом есть нелепое искажение и опошление взглядов революционной социал-демократии. Наш взгляд на обязательность участия социал-демократов в III Думе, например, вытекает с не из б е ж н о с т ь ю из нашего взгляда на современный момент, на попытки самодержавия сделать шаг вперед по пути создания буржуазной монархии, на значение Думы, как организации контр-революционных классов в представительном учреждении общенационального масштаба. Как анархисты обнаруживают парламентский кретинизм наизнанку, когда они вы д е л я ю т вопрос о парламенте из всего цельного вопроса о буржуазном обществе вообще и пытаются создать направление из выкриков, направляемых против буржуазного парламентаризма (хотя критика буржуазного парламентаризма в принципе однородна с критикой буржуазной прессы, буржуазного синдикализма и т. п.),—так наши отзовисты-ультиматисты-бойкотисты обнаруживают совершенно такой же меньшевизм наизнанку, когда они вы д е л я ю т с я в направление по вопросу об отношении к Думе, по вопросу о средствах борьбы с уклонениями социал-демократической думской фракции (а не с уклонениями буржуазных литераторов, мимоходом забегающих в социал-демократию и т. п.).

До Геркулесовых столпов этот парламентский кретинизм наизнанку дошел в знаменитом рассуждении вождя московских отзовистов, прикрываемого Богдановым: отозвание фракции должно п о д ч е р к н у т ь, что революция не похоронена! А Богданов с ясным челом не стесняется заявлять публично: «отзовисты никогда (о, разумеется, н и к о г д а!) не высказывались в смысле антипарламентаризма вообще».

Это прикрывание отзовистов Богдановым и К-о—одна из самых характерных черт в физиономии новой фракции, и мы должны остановиться на этой черте с тем большей подробностью, что неосведомленная публика особенно часто попадает тут на удочку горько жалующихся устранившихся. Прикрывание, во-первых, состоит в том, что Богданов и К-о неустанно заявляют, бия себя в грудь: мы не отзовисты, мы вовсе не разделяем мнений отзовистов! Во-вторых, Богданов и К-о обвиняют большевиков: в п р е у в е л и ч е н и и борьбы с отзовистами. Повторяется т о ч ь-в-т о ч ь история с отношением рабочедельцев (в 1897—1901 годах) к рабочемысленцам. Мы не экономисты, —воскликали,

бия себя в грудь, рабочедельцы, — мы не разделяем взглядов «Рабочей Мысли», мы спорим с ней (совершенно так же, как «спорил» Богданов с отзовистами!), это только злые искровцы взвели на нас напраслину, оклеветали нас, «раздули» экономизм и проч. и т. д. и т. п. Поэтому среди рабочемысленцев — открытых и честных экономистов — было не мало людей, которые заблуждались искренно, не боясь защищать своего мнения, и которым нельзя было отказать в уважении, — а у заграничной компании «Рабочего Дела» преобладало специфическое интриганство, замешивание следов, игра в прятки, обманывание публики. Точь-в-точь таково же отношение последовательных и открытых отзовистов (вроде известных партийным кругам Всеv. и Стан.)¹⁴⁸ к заграничной компании Богданова.

Мы не отзовисты, — кричит эта компания. Но заставьте любого из них сказать пару слов о современном политическом положении и задачах партии, и вы услышите целиком все отзовистские рассуждения, чуточку разведенные (как мы видели у Богданова) водичей незуитских оговорочек, добавлений, умалчиваний, смягчений, запутываний и проч. Этот незуитизм не освобождает вас, о, несправедливо устранившиеся, от обвинения в отзовистском недомыслии, а удесятеряет вашу вину, ибо прикрытая идейная путаница во сто раз больше развращает пролетариат, во сто раз больше вредит партии *).

Мы не отзовисты, — кричит Богданов и К-о. А между тем с июня 1908 года, выйдя из узкой редакции «Пролетария», Богданов образовал официальную оппозицию внутри коллегии, потребовал и получил свободу дискуссии для этой оппозиции, потребовал и получил особое представительство для оппозиции в важнейших исполнительных органах связанной с распространением газеты организации. Само собой разумеется, что, начиная с того же времени, т.-е. более года, все отзовисты всегда пребывали в рядах этой оппозиции,

*) Маленький пример, иллюстрирующий кстати уверения Богданова, будто только «Пролетарий» из-за злобности своей возводит небылицы на ультиматистов. Осенью 1908-го года Алексинский явился на съезд польских социал-демократов и предложил там ультиматистскую резолюцию. Дело было до открытия в «Пролетарии» решительной кампании против новой фракции. И что же? Польские социал-демократы осмеяли Алексинского и его резолюцию, сказав ему: «вы просто трусливый отзовист и ничего более».

совместно организовавшей российскую агентуру, совместно налаживавшей в целях агентуры заграничную школу (о ней ниже) и т. д. и т. п.

Мы не отзовисты,—кричит Богданов и К-о. А между тем на Всероссийской партийной Конференции в декабре 1908 года, когда более честные отзовисты из состава этой оппозиции выделились перед всей партией в особую группу, в особое идейное течение и получили в качестве такового право выставить своего оратора (на Конференции было постановлено, что только особые идейные течения или особые организации могут выставять—ввиду краткости срока—особого оратора), то оратором от отзовистской фракции оказался—по чисто случайным причинам! по совершенно случайным причинам! —т. Богданов..

Это обманывание партии путем укрывания отзовизма ведется заграничной группой Богданова систематически. В мае 1908 г. отзовизм потерпел поражение в открытой борьбе: его провалили 18 голосами против 14-ти общегородская конференция в Москве (в этом районе в июле 1907 года почти все без исключения социал-демократы были бойкотисты, сумевшие, однако, в отличие от Богданова уже к июню 1908 г. понять, что настаивание на «бойкоте» III Думы было бы непростительной глупостью). После этого тов. Богданов за границей организует формальную оппозицию «Пролетарию» и начинает никогда до тех пор не практиковавшуюся дискуссию на страницах большевистского периодического органа. И вот, когда о с е н ь ю 1908 года, при выборах на Всероссийскую Конференцию, в с я петербургская организация делится на отзовистов и незовистов (выражение рабочих), когда по в с е м районам и подрайонам Петербурга ведутся дискуссии по платформе не большевиков и меньшевиков, а отзовистов и незовистов, то п л а т ф о р м а о т з о в и с т о в п р я ч е т с я о т г л а з п у б л и к и. В «Пролетарии» ее не сообщают. В печать ее не пускают. На Всероссийской Конференции декабря 1908 года ее не сообщают партни. Лишь после Конференции по настойчивым требованиям редакции эта платформа была нам доставлена и напечатана нами в № 44 «Пролетария» («Резолюция петербургских отзовистов.

В Московской области известный всем вождь отзовистов «редактировал» помещенную в № 5 «Рабочего Знамени» статью рабочего отзовиста, но собственной платформы вождя мы до сих пор не получили. Нам прекрасно известно, что еще весной 1909

года, когда шли приготовления к областной конференции центрального промышленного района, платформа вождя отзовистов читалась и ходила по рукам. Нам известно из сообщений большевиков, что в этой платформе перлов несоциал-демократического рассуждения было еще несравненно больше, чем в петербургской. Но текста платформы нам так и не доставили, — вероятно, тоже по столь же случайным, совершенно случайным причинам, по каким Богданов говорил на Конференции, уполномоченный фракцией отзовистов.

Вопрос об использовании легальных возможностей Богданов с К-о тоже прикрыли «гладкой» фразой о том, что это-де «само собой разумеется». Интересно бы знать, «само ли собой разумеется» это теперь и для практических вождей богдановской фракции тов. Лядова и Ст-ва¹⁴⁹), которые еще три месяца тому назад провели в находившемся тогда в их руках Областном Бюро Центрально-промышленной области (того самого состава Областного Бюро, которое утвердило пресловутую «школу»; состав Областного Бюро теперь изменился), резолюцию против участия социал-демократов в съезде фабрично-заводских врачей. Как известно, это был первый съезд, на котором революционные социал-демократы были в большинстве. И против участия в этом съезде агитировали все виднейшие отзовисты и ультиматисты, объявляя «изменой делу пролетариата» участие в нем. А Богданов замечает следы — «само собой разумеется». «Само собой разумеется», что более откровенные отзовисты и ультиматисты открыто подрывают в России практическую работу, а Богданов и К-о, которым не дают спать лавры Кричевского с Мартыновым, замазывают суть дела: никаких расхождений нет, никаких противников использования легальных возможностей не имеется.

Восстановление заграничных партийных органов, заграничных групп по организации сношений и т. д. неизбежно приводит и к повторению старых злоупотреблений, с которыми необходимо самым беспощадным образом бороться. Повторяется целиком история с «экономистами», которые в России вели агитацию против политической борьбы, а за границей прикрывались «Рабочим Делом». Повторяется целиком история с буржуазно-демократическим «Credo» (Credo=символ веры), которое в России пропагандировалось Прокоповичем и К-о и которое против воли авторов было оглашено в печати революционными

социал-демократами ¹⁵⁰). Нет ничего более развращающего партию, чем эта игра в прятки, чем это использование тяжелых условий нелегальной работы против партийной гласности, чем этот пезуитизм, когда Богданов и К-о, действуя целиком и во всем рука об руку с отзовистами, печатно бьет себя в грудь, уверяя, что весь этот отзовизм нарочно раздувается «Пролетарием».

Мы—не крючкотворы, не формалисты, а люди революционной работы. Нам важны не словесные различия, которые можно устанавливать между отзовизмом, ультиматизмом, «бойкотизмом» (III Думы). Нам важно действительное содержание социал-демократической пропаганды и агитации. И если, под прикрытием большевизма, в нелегальных русских кружках проповедуются взгляды, ничего общего не имеющие ни с большевизмом, ни с социал-демократизмом вообще, то люди, мешающие полному разоблачению этих взглядов, полному разъяснению их ошибочности перед всей партией, такие люди поступают, как враги пролетариата.

IV.

В вопросе о богостроительстве эти люди также показали себя. Расширенная редакция «Пролетария» приняла и опубликовала две резолюции по этому вопросу: одну по существу дела, другую специально по поводу протеста Богданова. Спрашивается, что же говорит теперь этот Богданов в своем «Отчете»? Он пишет «отчет» для того, чтобы замести следы—совершенно в духе того дипломата, который говорил, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Распространяются какие-то «неверные сведения» о «якобы-богостроительском» направлении Богдановской компании, только и всего.

«Неверные сведения»,—говорите Вы? О нет, любезнейший, Вы именно потому замечали тут следы, что прекрасно знаете полную верность «сведений» относительно богостроительства, имеющих у «Пролетария». Вы прекрасно знаете, что эти «сведения», как то и изложено в оглашенной резолюции, относятся прежде всего к литературным произведениям, исходящим из в а ш е й литераторской компании. Эти литературные произведения у к а з а н ы с полнейшей точностью в нашей резолюции; в ней не добавлено только—не могло быть добавлено в резолюции,—что около полутора лет сильнейшее недовольство «богостроительством» ваших

соратников высказывается среди руководящих кругов большевиков, и что именно на этой почве (кроме почвы, указанной выше) новая фракция карикатурных большевиков отравляла нам всякую возможность работы увертками, хитростями, придирадками, претензиями, кляузами. Одна из наиболее замечательных этих кляуз особенно хорошо известна Богданову, ибо это есть написанный и формально внесенный в редакцию «Пролетария» протест против помещения статьи «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария») ¹⁵¹). Может быть, это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный? Может быть, это тоже был «якобы-протест»?

Нет, знаете ли политика заматания следов не всегда удается, а в нашей партии она вам никогда не удастся. Нечего играть в прятки и пытаться жеманно сделать секрет из того, что известно всякому, интересующемуся русской литературой и русской социал-демократией. Есть литераторская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Богданов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контр-революционных целях п о н а д о б и л о с ь оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контр-революции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды—шутка сказать!—из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков». И когда официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму не по дороге с подобной проповедью (это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди),—тогда тов. Богданов подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария». Он, Богданов, выбран Лондонским съездом, и поэтому его «приобретенное право» нарушено теми, кто посмел официально отречься от позорной проповеди богостроительства. «Да что же наша фракция—в кабале, что ли, у богостроительских литераторов!» Это замечание вырвалось во время бурной сцены в редакции у т. М а р а т а,—да, да, у того самого тов. Марата,

который так скромен, благожелателен, примирителен, добросердечен; что он до сих пор не может хорошенько решить, идти ли ему с большевиками или с божественными отзовистами.

Или, может быть, все это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный Богданов? Нет никакой компании богостроительских литераторов, не было никакой защиты их Вами, не было Вашего протеста против статьи «Не по дороге»? а?

О «неверных сведениях» насчет богостроительского направления т. Богданов говорит в своем «отчете» по поводу *з а г р а н и ч н о й* школы, которая устраивается новой фракцией Т. Богданов так усиленно подчеркивает это «устройство *п е р в о й* (курсив Богданова) партийной школы за границей», публику так усиленно ведет за нос по этому вопросу, что придется сказать о пресловутой «школе» поподробнее.

Т. Богданов горько жалуется:

«Ни единой попытки не только оказать содействие школе, но хотя бы даже взять в свои руки контроль над нею, со стороны редакции («Пролетария») не делалось; распространяя неизвестно откуда добытые ложные сведения о школе, редакция не сделала организаторам школы ни единого запроса с целью проверки этих сведений. Таково было отношение редакции ко всему этому делу».

Так. Так. «Ни единой попытки хотя бы даже взять в свои руки контроль над школой»... Иезуитизм Богданова в этой фразе дошел до того, что разоблачает сам себя.

Припомните, читатель, Ерогинское общежитие в эпоху первой Думы. Отставной земский начальник (или какой-то вообще в этом роде чиновный кавалер) Ерогин организовал в Петербурге общежитие для приезжих крестьянских депутатов, желая оказать содействие «видам правительства». Неопытные деревенские мужички, попадая в столицу, перехватывались Ерогинскими агентами и направлялись в Ерогинское общежитие, где, разумеется, находили *ш к о л у*, в которой опровергались превратные учения «левых», обливались помоями трудовики и т. д., в которой новички-члены Думы обучались «истинно-русской» государственной премудрости. К счастью, нахождение Государственной Думы в Петербурге заставило Ерогина устроить в Петербурге же свое общежитие, а так как Петербург—достаточно широкий и свободный центр идейной и политической жизни, то, разумеется, Ерогинские депутаты очень скоро стали покидать Ерогинское общежитие и перекочевывать в лагерь трудовиков или в лагерь само-

стоятельных депутатов. Из затеи Ерогина вышел только срам и для него, и для правительства.

Теперь представьте себе, читатель, что подобное сему Ерогинское общежитие устроено не в каком-нибудь заграничном Петербурге, а в каком-нибудь заграничном Царевококшайске. Если вы представите себе это, то вы должны будете согласиться, что отзовистско-богостроительские ерогины использовали свое знакомство с Европой для того, чтобы оказаться похитрее истинно-русского Ерогина. Люди, называющие себя большевиками, собрали свою кассу—независимую от той единственной, насколько мы знаем, общеполитической кассы, из которой покрываются расходы по изданию и распространению «Пролетария»—организовали свою агентуру, свезли нескольких «своих» агитаторов в Царевококшайск, привезли туда нескольких партийных социал-демократических рабочих и провозгласили это (запрятанное от партии в Царевококшайск) Ерогинское общежитие «первой партийной» (партийной—потому, что запрятано от партии) «школой за границей».

Спешим оговориться—ввиду того, что устраненный т. Богданов поднял с особенным усердием вопрос о том, законно или противозаконно его устранение (об этом вопросе ниже)—спешим оговориться, что в образе действий отзовистски-богостроительских ерогинцев нет ровно ничего «противозаконного». Абсолютно ничего. Все тут вполне законно. Законно то, что единомышленники в партии группируются вместе. Законно то, что единомышленники собирают кассу и затевают одно общее пропагандистски-агитационное предприятие. Законно то, что формой этого предприятия они желают выбрать в данный момент, скажем к примеру, не газету, а «школу». Законно то, что они считают ее официально партийной, раз ее устраивают члены партии, и раз есть хоть одна, какая угодно организация партии, берущая на себя политическую и идейную ответственность за предприятие. Все тут вполне законно и все было бы очень хорошо,—если бы... если бы не было иезуитизма, если бы не было лицемерия, если бы не было обмана своей собственной партией.

Разве это не обман партии, если вы публично подчеркиваете партийность школы, т.-е. ограничиваетесь вопросом о формальной ее подзаконности и не называете имен инициаторов и устроителей школы, т.-е. умалчиваете об идейно-политическом направлении школы, как предприятия новой фракции в

нашей партии? В редакции «Пролетария» было две «бумажки» с этой школе (сношения редакции с Богдановым уже более года идут не иначе, как при помощи «бумажек» и дипломатических нот). Первая бумажка была вовсе не подписана, абсолютно никем не подписана—просто рассуждение о пользе просвещения и о просветительном значении учреждений, называемых школами. Вторая бумажка была подписана подставными лицами. Теперь, выступая печатно перед публикой с восхвалением «первой партийной школы за границей», т. Богданов у м а л ч и в а е т по-прежнему о ф р а к ц и о н н о м характере школы.

Эта политика иезуитизма вредит партии. Эту «политику» мы разоблачим. Инициаторами и устроителями школы являются н а д е л е товарищи «Ер»¹⁵²) (назовем так всем в партии известного вождя московских отзовистов, читавшего рефераты о школе, организовавшего школу учеников и выбранного несколькими рабочими кружками в лекторы), Богданов, Луначарский, Лядов, Алексинский и т. д. Мы не знаем и не интересуемся знать, какую роль в частности играли те или другие из этих товарищей, как они размещаются в разных официальных учреждениях школы, в ее «Совете», в ее «исполнительной комиссии», в ее лекторской коллегии и т. п. Мы не знаем, какие «нефракционные» товарищи могут в том или ином отдельном случае дополнить эту команду. Все это совсем неважно. Мы утверждаем, что д е й с т в и т е л ь н о е идейно-политическое направление этой школы, как нового фракционного центра, о п р е д е л я е т с я именно названными именами и что, скрывая это от партии, Богданов ведет политику иезуитизма. Не то дурно, что в партии возник новый фракционный центр,—мы отнюдь не принадлежим к людям, которые не прочь составить себе политический капиталец на дешевенько-популярных криках против фракционности,—напротив, это хорошо, что получил возможность особого выражения в партии особый оттенок, раз таковой имеется. Дурно то, что партия вводится в обман и вводятся в обман и рабочие, сочувствующие—само собой разумеется—всякой школе, как всякому просветительному предприятию.

Разве это не лицемерие, когда тов. Богданов жалуется публике, что редакция «Пролетария» не пожелала «даже» («д а ж е»!) «взять в свои руки контроль над школой»? Подумайте только: в июне 1908 года тов. Богданов вышел из узкой редакции «Пролетария», с тех пор почти непрерывно идет в т ы с я ч е форм

внутренняя борьба в большевистской фракции; Алексинский — за границей, «Ер» и К-о — за границей и в России на тысячу ладов повторяют за Богдановым все отзовистско-богостроительские благоглупости против «Пролетария». Богданов подает письменные и формальные протесты против статьи «Не по дороге»; о грядущем неизбежном расколе у большевиков говорят все, хотя по наслышке знающие партийные дела (достаточно указать, что меньшевик Дан на Всероссийской Конференции декабря 1908 года, во всеуслышанье, на официальном собрании, заявил: «кто же не знает, что Ленина обвиняют теперь большевики в предательстве большевизма!»), — а тов. Богданов, разыгрывая роль невинного, ну совсем-таки невинного младенца, вопрошает почтеннейшую публику: почему это редакция «Пролетария» не пожелала «даже» взять в свои руки контроль над партийной школой в богостроительском Царевококшайске? «Контроль» над школой! Сторонники «Пролетария» в качестве «инспекторов», присутствующих при лекциях Богданова, Луначарского, Алексинского и К-о!! Ну, к чему играть эту недостойную, позорную комедию? К чему? К чему втирать очки публике рассылкой ничего не говорящих «программ» и «отчетов» «школы» вместо того, чтобы прямо и открыто признать идейных руководителей и вдохновителей нового фракционного центра!

К чему? — мы сейчас дадим ответ на этот вопрос, а пока закончим по вопросу о школе: Царевококшайск может поместиться в Петербурге и переместиться (по крайней мере большей своей частью) в Петербург, но Петербург не может ни поместиться в Царевококшайске, ни переместиться в Царевококшайск. Кто поэнергичнее, посамостоятельнее из учеников новой партийной школы, тот сумеет найти себе дорогу от узкой новой фракции к широкой партии, от «науки» отзовистов и богостроителей к науке социал-демократизма вообще и большевизма в частности. А кто хочет ограничиться ерогинским просвещением, с тем ничего не поделаешь. Редакция «Пролетария» готова оказать и окажет всяческую помощь всем рабочим, каких бы взглядов они ни были, раз они пожелают переехать (или съездить) из заграничного Царевококшайска в заграничный Петербург и познакомиться со взглядами большевизма. Лицемерную же политику устроителей и инициаторов «первой заграничной партийной школы» мы разоблачим перед всей партией.

V.

К чему все это лицемерие Богданова—спрашивали мы и отложили ответ на этот вопрос до окончания разговора о школе. Но, говоря строго, не вопрос «к чему?», а вопрос «почему?» заслуживает здесь выяснения. Неверно было бы думать, что лицемерная политика ведется всеми членами новой фракции сознательно ради определенной цели. Нет. Дело обстоит так, что в самом положении этой фракции, в условиях ее выступления и ее деятельности есть причины (несознаваемые многими отзовистами и богостроителями), которые порождают лицемерную политику.

Давно уже сказано, что лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели. Но это изречение относится к области личной морали. По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления.

Состав новой фракции определяет то, что она схватилась за это прикрытие. Штаб фракции божественных отзовистов составляют непризнанные философы, осемянные богостроители, уличенные в анархистском недомыслии и бесшабашной революционной фразе отзовисты, запутавшиеся ультиматисты, наконец, те (немногие, к счастью, в большевистской фракции) боевики, которые сочли ниже своего достоинства переход к невидной, скромной, лишенной внешнего блеска и «яркости», революционной социал-демократической работе, соответствующей условиям и задачам «межреволюционной» эпохи, и которых уболаговоряет Богданов «яркой» фразой об инструкторских школах и группах... в 1909 году. Единственное, что крепко сплывает в настоящую минуту эти разнокалиберные элементы, это—горячая ненависть к «Пролетарию» и, вполне заслуженная им, ненависть за то, что н и е д и н а я попытка этих элементов получить в «Пролетарии» свое выражение, или хотя бы свое косвенное признание, или малейшую защиту и прикрытие не оставалась н и к о г д а без самого решительного отпора.

«Оставь надежду навсегда»—вот что говорил этим элементам «Пролетарий» каждым своим номером, каждым редакционным собранием, каждым выступлением по какому бы то ни было очередному вопросу партийной жизни.

И вот, когда очередными вопросами оказались—в силу объективных условий развития нашей революции и нашей контр-революции оказались—в области литературы—богостроительство и теоретические основы марксизма, а в области политической работы—использование III-ей Думы и третьедумской трибуны социал-демократией,—тогда эти элементы сплотились, и произошел естественный и неизбежный взрыв.

Как и всякий взрыв, он произошел сразу,—не в том смысле, чтобы тенденции не намечались раньше, чтобы не было отдельных проявлений этих тенденций, а в том смысле, что политическое сплочение разнокалиберных тенденций, в том числе и весьма далеких от политики тенденций, оказалось почти внезапным. Широкая публика поэтому склонна, как и всегда, поддаться прежде всего о б ы в а т е л ь с к о м у объяснению нового раскола, объяснению его какими-либо дурными качествами того или иного из руководителей, влиянием заграницы, кружковщины и проч. и т. п. Нет сомнения, что заграница, став неизбежным, в силу объективных условий, местом операционной базы всех центральных революционных организаций, наложила свой отпечаток на ф о р м у раскола. Нет сомнения, что на этой ф о р м е сказались и особенности того литературского кружка, который о д н и м с в о и м б о к о м входил в социал-демократию. Мы называем обывательским объяснением не учет этих обстоятельств, ничего кроме формы, поводов, «внешней истории» раскола объяснить неспособных, а нежелание или неспособность понять и д е й н о - п о л и т и ч е с к и е основы, причины корней расхождения.

Непонимание этих основ новой фракцией является также источником того, что она схватилась за старое прикрытие, заматавая следы, отрицая н е р а з р ы в н у ю связь с отзовизмом и т. д. Непонимание этих основ вызывает со стороны новой фракции с п е к у л я ц и ю н а о б ы в а т е л ь с к о е о б ь я с н е н и е раскола и н а о б ы в а т е л ь с к о е с о ч у в с т в и е.

В самом деле, разве это не спекуляция на обывательское сочувствие, если Богданов и К-о плачутся теперь публично по поводу их «вышибания», их «устранения»? Подайте милостыньку вашего сочувствия, христа ради, невинно вышибленным, несправедливо устраненным... Что этот прием безошибочно верно рассчитан на о б ы в а т е л ь с к о е сочувствие, это доказывает тот оригинальный факт, что д а ж е тов. Плеханов, враг всякого бого-

строительства, всякой «новой» философии, всякого отзовизма и ультиматизма и т. д., даже тов. Плеханов подал милостыньку христа ради, воспользовавшись хныканьем Богданова, и обозвал большевиков по этому случаю еще и еще раз «жестокочивными» (см. «Дневник Социал-Демократа» Плеханова, август 1909).—Если Богданов выпросил милостыню сочувствия даже у Плеханова,—то вы можете себе представить, читатель, сколько слез сочувствия Богданову будет пролито обывательскими элементами внутри социал-д-мократии и около социал-демократии по поводу «вышибания» и «устранения» добрых, благонамеренных и скромных отзовистов и богостроителей.

Вопрос о «вышибании» и «устранении» разрабатывается т. Богдановым и с формальной стороны, и по существу дела. Посмотрим на эту разработку.

С формальной стороны, устранение Богданова «противозаконно», говорят нам устраненные, и «мы не признаем этого устранения», ибо Богданов «выбран большевистским съездом, т.-е. большевистской частью партийного съезда». Читая листок Богданова и Красина, публика видит тяжелое обвинение («противозаконное устранение»), не получая ни точной формулировки его, ни материала для суждения о деле. Но ведь именно таков всегдашний прием известной стороны при заграничных расколах: затенять принципиальное расхождение, прикрывать его, замалчивать идейные споры, прятать своих идейных друзей и шуметь побольше об организационных конфликтах, которые публика не в состоянии разобрать точно и не вправе разбирать детально. Так поступали рабочедельцы в 1899 г., крича, что «экономизма» никакого нет, а что вот Плеханов украл типографию. Так поступали меньшевики в 1903 году, крича, что никакого поворота к рабочедельчеству у них нет, а что вот Ленин «вышиб» или «устранил» Потресова, Аксельрода и Засулич и т. д.¹⁵³). Так поступают люди, спекулирующие на заграничных любителей скандалчика, сенсации. Ни отзовизма нет, ни богостроительства нет, а есть «противозаконное устранение» Богданова «большинством редакции», которое желает «оставить в своем полном распоряжении» «имущество всей фракции»,—пожалуйста-ка в нашу лавочку, господа, мы вам порасскажем об этом самое что ни на есть пикантное...

Старый прием, т.т. Богданов и Красин! Нельзя не сломать себе шеи тем политикам, которые прибегают к этому приему.

О «противозаконности» говорят наши «устраненные» потому, что редакцию «Пролетария» они считают не вправе решать вопрос о судьбе большевистской фракции и об ее расколе. Очень хорошо, господа. Если редакция «Пролетария» и выбранные на Лондонском съезде 15 большевиков членов Ц. К. и кандидатов в члены Ц. К. не вправе представлять большевистскую фракцию, то вы имеете полную возможность заявить это во всеуслышание и повести кампанию за свержение или за перевыбор этого негодного представительства. Да вели вы и эту кампанию и, только потерпев некоторый ряд некоторых неудач, вы предпочли жаловаться и хныкать. Если вы подняли вопрос о съезде или конференции большевиков, т.т. Богданов и Красин, то почему не рассказали вы публике, что тов. «Ер» несколько месяцев в тому назад вносил уже в Московский Комитет проект резолюции о недоверии «Пролетарию» и о конференции большевиков для выбора нового идейного центра большевиков?

Почему вы умолчали об этом, о, несправедливо устраненные?

Почему вы умолчали о том, что резолюция «Ера» отклонена всеми голосами против него одного?

Почему вы умолчали о том, что осенью 1908-го года во всей петербургской организации, вплоть до низов, шла борьба по платформам двух течений в большевизме, отзовистов и противников отзовизма, при чем отзовисты потерпели поражение?

Богданову и Красину хочется похныкать перед публикой, потому что они потерпели поражение неоднократно в России. И «Ер», и петербургские отзовисты имели право, не дожидаясь никакой конференции и а с о п у б л и к о в ы в а я своих платформ перед всей партией, вести борьбу против большевизма вплоть до низов.

Но редакция «Пролетария», с июня 1908-го года объявившая открытую войну отзовизму, не имела права после года борьбы, года дискуссий, года трений, конфликтов и т. д., после вызова трех делегатов от областей из России и нескольких русских членов расширенной редакции, не участвовавших ни в одном заграничном столкновении, не имела права заявить то, что есть, заявить, что Б о г д а н о в откололся от нее, заявить, что большевизм ничего общего не имеет с отзовизмом, ультиматизмом и богостроительством?

Перестаньте лицемерить, господа! Вы боролись там, где вы считали себя особенно сильными, и потерпели поражение. Вы

несли отзовизм в массы вопреки решению официального центра большевиков и не дожидаясь никакой особой конференции. И теперь вы принимаетесь хныкать и жаловаться потому, что вы оказались в ничтожном до смешного меньшинстве в расширенной редакции, в совещании с участием делегатов областей!

Перед нами опять-таки чисто рабочедельческий прием заграничников: играть в «демократию», когда нет на-лицо условий для полной демократии,—спекулировать на разжигание всякого недовольства «заграницей» и в то же время из той же заграницы направлять (посредством «школы») свою отзовистски-богостроительскую пропаганду,—начинать раскол среди большевиков и плакаться потом о расколе,—устроить свою фракцию (под прикрытием «школы») и лицемерно лить слезы по поводу «раскольнической» политики «Пролетария».

Нет, довольно уже этой склоки. Фракция есть свободный союз е д и н о м ы ш л е н н и к о в внутри партии, и после борьбы более чем в течение года, борьбы и в России и за границей, мы имели полное право, мы были обязаны сделать решительный вывод. И мы его сделали. Вы имеете полное право бороться против него, выставлять свою платформу, завоевывать ей большинство. Если вы не делаете этого, если вы вместо открытого союза с отзовистами и выставления общей платформы продолжаете играть в прятки и спекулировать на дешевеньком заграничном «демократизме»,—то вы получите в ответ только заслуженное вами презрение.

Вы ведете двойную игру. С одной стороны, вы объявляете, что «Пролетарий» целый год уже «сплошь» ведет не большевистскую линию (и ваши сторонники в России не раз пытались провести эти взгляды в резолюциях П. К. и М. К.). С другой стороны, вы плачетесь о расколе и отказываетесь признать «устранение». С одной стороны, вы идете на деле во всем рука об руку с отзовистами и богостроителями, с другой—вы отрекаетесь от них и корчите из себя примиренцев, желающих примирить большевиков с отзовистами и богостроителями.

«Оставьте надежду навсегда! Вы можете завоевывать себе большинство. Вы можете одерживать среди незрелой части большевиков какие-угодно победы. Ни на какое примирение мы не пойдем. Стройте свою фракцию, вернее: продолжайте строить ее, как вы уже начали это делать, но не обманывайте партии, не

обманывайте большевиков. Никакие конференции, никакие съезды в мире не примирят теперь большевиков с отзовистами, ультиматистами и богостроителями. Мы сказали, и мы повторяем еще раз: каждый социал-демократ-большевик и каждый сознательный рабочий должен сделать решительный и окончательный выбор.

VI.

Прикрывая свою идейную родню, боясь развернуть свою настоящую платформу, новая фракция старается пополнить нехватку в своем идейном багаже посредством заимствования слов из багажа старых расколов. «Новый Пролетарий», «новопролетариевская линия»,—кричат Богданов и Красин, подражая старой борьбе против новой «Искры».

Прием, способный очаровать некоторых политических младенцев.

Но даже и слов-то старых вы не умеете повторить, господа. «Соль» лозунга «против новой Искры» состояла в том, что меньшевики, получив «Искру», должны были сами начать новую линию тогда, когда съезд (II съезд Р. С.-Д. Р. П. в 1903 году) утвердил именно линию старой «Искры». «Соль» была в том, что меньшевикам пришлось (устаами Троцкого в 1903—1904 г.г.) провозгласить: между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. И до сих пор Потресовы и К-о стараются стереть с себя «следы» той эпохи, когда их вела старая «Искра».

«Пролетарий» выходит теперь 47-ым номером. Ровно три года тому назад, в августе 1906 года, вышел первый номер. В этом первом номере «Пролетария», помеченном 21-го августа 1906 года, находим редакционную статью «О бойкоте» и в этой статье черным по белому: «Теперь как раз наступило время, когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами» *). Ни единого номера «Пролетария» не было с тех пор, где бы хоть строчка была допущена в пользу «бойкотизма» (после 1906 года), отзовизма и ультиматизма, без опровержения этой карикатуры на большевизм. И теперь карикатурные большевики поднимаются на ходули, пытаются сравнить себя с людьми, сначала проводившими трехлетнюю кампанию

*) См. 131 стр. 2 части VII тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

старой «Искры» и закрепившими ее линию II-м съездом партии, а потом показавшими поворот новой «Искры»!

«Бывший редактор популярной рабочей газеты «Вперед» — подписывается теперь тов. Богданов, желая напомнить читателю, что-де «гуси Рим спасли». Ваше отношение к линии газеты «Вперед», — ответим мы Богданову на это напоминание, — совершенно такое же, как отношение Потресова к старой «Искре». Потресов был ее редактором, но не он вел старую «Искру», а старая «Искра» вела его. Как только он захотел изменить линию, — от него отвернулись староискровцы. И теперь даже сам Потресов из кожи лезет, чтобы очиститься от «греха молодости», от участия в редакторстве старой «Искры».

Не Богданов вел газету «Вперед», а газета «Вперед» вела Богданова. Доказательство: бойкотизм III-й Думы, в пользу которого ни е д и н о г о слова не сказала и не могла сказать газета «Вперед». Богданов поступал очень разумно и хорошо, когда давал вести себя газете «Вперед». Богданов стал выдумывать теперь (или все равно, помогать отзовистам выдумывать) такую линию, которая неизбежно ведет его в болото, как и Потресова.

Запомните это, т. Богданов: в основу сравнения надо брать цельность идейно-политического направления, а не «слова», не «лозунги», которые кое-кто з а у ч и в а е т, не понимая их смысла. Большевизм провел за три года, 1900—1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом, как цельное направление. Меньшевики долго путались с новым для них союзом, с антиискровцами, с рабочедельцами, пока не отдали Прокоповичу Потресова (да и одного ли Потресова?). Большевизм провел в духе решительной борьбы с «бойкотизмом» и т. п. с т а р ы й «Пролетарий» (1906—1909 г.г.) и вышел, как цельное направление на борьбу с людьми, которые выдумывают теперь «отзовизм», «ультиматизм», «богостроительство» и т. п. Меньшевики хотели исправить старую «Искру» в духе Мартынова и экономистов — и сломали себе на этом шею. Вы хотите исправить старый «Пролетарий» в духе «Ера», отзовистов и богостроителей, и вы сломите на этом шею.

А «поворот к Плеханову», — торжествует Богданов. А создание «новой фракции центра»? И наш «тоже большевик» объявляет «дипломатией» «отрицание» того, будто «имеется в виду осуществление идеи центра»!

Эти крики Богданова против «дипломатии» и против «объединения с Плехановым» стоят того, чтобы над ними посмеяться. Карикатурные большевики и тут верны себе: они твердо заучили, что Плеханов вел в 1906—1907 годах архи-оппортунистическую политику¹⁵⁴). И они думают, что если твердить это почаще, не разбираясь в происходящих изменениях, то это будет означать наибольшую «революционность».

На самом деле «дипломаты» «Пролетария», начиная с Лондонского съезда, открыто вели все время и провели политику партийности против карикатурных преувеличений фракционности, политику защиты марксизма против критики его. И теперешний источник криков Богданова двоякий: с одной стороны, начиная с Лондонского съезда, имелись всегда отдельные большевики (пример: Алексинский), твердившие о подмене линии большевизма линией «примиренчества», линией «польско-латышской» и т. п. В серьез большевики редко брали эти совсем глупенькие речи, свидетельствующие только о заскорузлости мышления. С другой стороны, та литературная компания, к которой принадлежит Богданов и которая всегда одним лишь своим боком подходила к социал-демократии, в течение долгого времени видела главного врага своим богостроительским и т. п. тенденциям в Плеханове. Нет ничего страшнее Плеханова для этой компании. Нет ничего более разрушающего ее надежды на прививку своих идей рабочей партии, как «объединение с Плехановым».

И вот, эти двоякого рода элементы: заскорузлая фракционность, не понимающая задач большевистской фракции по созданию партии, и литераторски-кружковые элементы богостроителей и прикрывателей богостроительства—сплотились теперь на «платформе»: против «объединения с Плехановым», против «примиренческой», «польско-латышской» линии «Пролетария» и т. п.

Вышедший теперь № 9 «Дневника» Плеханова избавляет нас от необходимости особенно подробно разъяснять читателю всю карикатурность этой «платформы» карикатурных большевиков. Плеханов разоблачил ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа», дипломатию его редакторов и объявил, что ему «не по дороге» с Потресовым, который перестал быть революционером. Для всякого социал-демократа теперь ясно, что рабочие меньшевики пойдут за Плехановым против Потресова. Для вся-

кого ясно, что раскол среди меньшевиков подтверждает линию большевиков. Для всякого ясно, что провозглашение Плехановым партийной линии против раскольниковства ликвидаторов означает громадную победу большевизма, который занимает теперь главенствующее положение в партии.

Эту громадную победу большевизм одержал потому, что он вел свою партийную политику вопреки крикам «левых» недорослей и богостроительских литераторов. Только эти люди способны бояться сближения с тем Плехановым, который разоблачает и изгоняет из Рабочей Партии Потресовых. Только в застоявшемся болоте богостроительского кружка или героев заученной фразы может иметь успех «платформа»: «против объединения с Плехановым», то-есть против сближения с партийными меньшевиками для борьбы с ликвидаторством, против сближения с ортодоксальными марксистами (это невыгодно ерогинской кампании литераторов), против дальнейшего завоевания партии для революционной социал-демократической политики и тактики.

Мы, большевики, можем указать на великие успехи в деле такого завоевания. Роза Люксембург и Карл Каутский—социал-демократы, пишущие нередко для русских и постольку входящие в нашу партию—завоеваны нами идейно, несмотря на то, что в начале раскола (1903 г.) все симпатии их были на стороне меньшевиков. Завоеваны они были тем, что большевики не делали поправок «критике» марксизма, тем, что большевики отстаивали не букву своей, непременно своей фракционной теории, а общий дух и смысл революционно-социал-демократической тактики. Мы и впредь пойдем тем же путем, поведем еще более беспощадную войну против буквоедского недомыслия и бесшабашной игры с заученными фразами, против теоретического ревизионизма богостроительского кружка литераторов.

Два ликвидаторские течения обрисовались теперь вполне ясно у русских социал-демократов: Потресовское и Богдановское. Потресов вынужден бояться Социал-Демократической Партии, ибо в ней безнадежно отныне проведение его линии. Богданов вынужден бояться Социал-Демократической Партии, ибо в ней безнадежно теперь проведение его линии. И тот, и другой будут поддерживать и прикрывать всеми правдами и неправдами проделки особых литераторских кружков с их своеобразными видами ревизионизма в марксизме. И тот, и другой будут цепляться,

как за последнюю тень надежды, за сохранение духа кружковщины против партийности, ибо Потресов может еще иногда побеждать в отборной компании заскоружлых меньшевиков, Богданова могут еще иногда увенчать лаврами отборно заскоружлые кружки большевиков, но ни тому, ни другому никогда не занять прочного места ни среди марксистов, ни в действительно Социал-Демократической Рабочей Партии. И тот, и другой представляют два противоположные, но взаимно друг друга пополняющие, одинаково ограниченные мелко-буржуазные тенденции в социал-демократии.

VII.

Мы показали, каков штаб новой фракции. Откуда может рекрутироваться ее армия? Из буржуазно-демократических элементов, примкнувших к рабочей партии во время революции. Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с ней тысячами переходных ступеней, граней, оттенков. Когда рабочая партия растет особенно быстро (как это было у нас в 1905—1906 годах) проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелко-буржуазным духом, неизбежно. И в этом нет ничего худого. Историческая задача пролетариата—переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него. Очень многие «социал-демократы дней свободы», впервые став социал-демократами в дни увлечения, праздника, в дни ярких лозунгов, в дни побед пролетариата, круживших головы даже чисто буржуазной интеллигенции, стали учиться серьезно, учиться марксизму, учиться выдержанной пролетарской работе,—они всегда останутся социал-демократами и марксистами. Другие не успели или не умели перенять от пролетарской партии ничего, кроме нескольких заученных слов, зазубренных «ярких» лозунгов, пары фраз о «бойкотизме», «боевизме» и т. п. Когда такие элементы вздумали навязывать свои «теории», свое мирозерцание, т.-е. свою ограниченность Рабочей Партии, раскол с ними стал неизбежен.

Судьба бойкотистов III-й Думы превосходно показывает на наглядном примере различие тех и других элементов.

Большинство большевиков, искренно увлеченное желанием непосредственной и немедленной борьбы с героями 3-го июня, склонилось к бойкоту III-й Думы, но очень быстро сумело справиться с новым положением. Они не твердили заученных слов, а внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе, работали головой, а не только языком, они вели серьезную и выдержанную пролетарскую работу и они быстро поняли всю глупость, все убожество «отзовизма». Другие уцепились за слова, стали сочинять из непереваренных слов «свою линию», стали кричать о «бойкотизме, отзовизме, ультиматизме», стали заменять этими криками пролетарско-революционную работу, предписанную данными историческими условиями, стали подбирать новую фракцию из всех и всяческих незрелых элементов большевизма. Скартертью дорога, любезные! Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа, и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мещанскими методами политики и тактики.

*Приложение к № 47—48 «Пролетария»
от 11 (24) сентября 1909 г.*

Беседа с петербургскими большевиками.

Когда настоящий номер «Пролетария» попадет в Россию, избирательная кампания в Петербурге будет уже окончена. Теперь вполне уместно поэтому побеседовать с петербургскими большевиками—а также и со всеми русскими социал-демократами—о той борьбе с ультиматистами, которая едва не разгорелась до полного раскола в Петербурге во время выборов и которая имеет громадное значение для всей Социал-Демократической Рабочей Партии в России.

Четыре этапа этой борьбы должны быть прежде всего ясно установлены, а затем мы подробно остановимся на значении борьбы и на некоторых разногласиях между нами и частью петербургских большевиков. Эти четыре этапа следующие: 1) На заграничном совещании расширенной редакции «Пролетария» окончательно определено отношение большевиков к отзовизму

и ультиматизму, а также констатирован откол тов. Богданова (№ 46 «Пролетария» и приложение к нему).—2) В особом листке, отпечатанном и распространенном тоже за границей под названием: «Отчет товарищам большевикам устранившихся членов расширенной редакции «Пролетария» т.т. Богданов и Красин (условно и частично поддерживаемые т.т. Шанцером и Покровским) излагают свои взгляды на линию «Пролетария», как «меньшевистскую» и т. д. и защищают свой ультиматизм. Разбор этого листка дан в особом приложении к № 47—48 «Пролетария» *).

3) В самом начале избирательной кампании в Петербурге исполнительная комиссия Петербургского Комитета нашей партии приняла ультиматистскую резолюцию по поводу выборов. Текст этой резолюции приводится ниже.—4) Принятие этой резолюции вызывает настоящую бурю в партийных кругах петербургских большевиков. Буря идет, если позволительно так выразиться, и сверху, и снизу. «Сверху», это—негодование и протесты представителей Центрального Комитета и членов расширенной редакции «Пролетария». «Снизу», это—созыв частного междурайонного совещания рабочих и работников социал-демократов в Петербурге. Совещание приняло резолюцию (текст—ниже) солидарности с редакцией «Пролетария», но резко осудила «раскольнические шаги» и этой редакции, и отзовистов-ультиматистов. Затем было собрано новое собрание СПб. Комитета и Исполнительной Комиссии, и ультиматистская резолюция была отменена. Принята была новая резолюция в духе линии «Пролетария». Текст этой резолюции приведен полностью в хронике настоящего номера.

Такова основная канва событий. Значение пресловутого «ультиматизма» в нашей партии освещено теперь на практике с полнейшей ясностью, и все русские социал-демократы должны внимательно вдуматься в спорные вопросы. Далее, осуждение нашей «раскольнической» линии частью наших единомышленников в Петербурге дает нам желанный повод, чтобы окончательно объясниться со всеми большевиками и по этому важному вопросу. Теперь же «объясниться» до конца лучше, чем порождать новые трения и «недоразумения» на каждом шагу практической работы.

Прежде всего восстановим точно, какую позицию по вопросу о расколе заняли мы сразу после совещаний расширенной

*) См. предшествующую статью. Ред.

редакции «Пролетария». В «Извещении» об этом Совещании (приложение к № 46 «Пролетария») сказано с самого начала, что ультиматизм, как направление, предлагающее поставить социал-демократической думской фракции ультиматум, колеблется между отзовизмом и большевизмом. Один из наших ультиматистов заграничных—сказано в извещении—«признает, что деятельность социал-демократической думской фракции за последнее время значительно улучшается, и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно».

С т а к и м и ультиматистами—буквально продолжает «Извещение»—сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно... По отношению к т а к и м ультиматистам-большевикам не может быть и речи о расколе. Смешно было бы даже и говорить об этом».

Далее, на второй странице «Извещения» читаем:

«В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюцию Совещания, как призыв изгонять из организации настроенных отзовистски рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем местных работников от подобных шагов».

Казалось бы, яснее выразиться нельзя. Откол тов. Богданова, отказывающегося подчиняться резолюциям Совещания, неизбежен. Раскола с колеблющимися, неопределенными отзовистски-ультиматистскими элементами мы не только не провозглашали, а решительно предостерегали от него.

Теперь взгляните на второй этап борьбы. Тов. Богданов и К-о выпускают заграничный листок, в котором, с одной стороны, нас обвиняют в расколе, а, с другой стороны, линия нового «Пролетария» (якобы изменившему старому «Пролетарию», старому большевизму) объявляется меньшевистской, «думистой» и т. п. Не смешно ли жаловаться на раскол фракции, т.-е. союза единомышленников внутри партии, если сами признаете отсутствие единомыслия? Защищал свой ультиматизм, тов. Богданов и К-о писали в своем листке, что «партия не может тогда (т.-е. при условиях острой и усиливающейся реакции, характеризующих современный момент) провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства»,—что «вопрос о самой полезности участия в псевдопарламентском учреждении становится тогда сомнительным и спорным»,—что «Пролетарий» «по существу»

дела «переходит на меньшевистскую точку зрения парламентаризма во что бы то ни стало». Эти фразы сопровождаются уклончивой защитой отзовизма (отзовисты никогда (!!!) не высказывались в смысле анти-парламентаризма вообще) и уклончивым отречением от него (мы-де не отзовисты; партия не должна ликвидировать теперь думской социал-демократической фракции; «партия должна» «решать, не было ли в конечном счете все данное предприятие, участие в III-й Думе, для нее невыгодным», как будто бы партия уже не решила этого вопроса!).

Эта уклончивость Богданова и К-о многих обманывала и обманывает; говорят: ну, какой же вред могут принести партии или даже фракции люди, которые вовсе не отказываются исполнять партийные решения и только осторожно защищают свою несколько иную оценку тактики?

Подобный взгляд на проповедь Богданова и К-о сильно распространен среди недумавшей публики, берущей на веру слова, не учитывающей конкретное политическое значение уклончивых, осторожных, дипломатических фраз в обстановке данного партийного положения. Эта публика получила теперь превосходный урок.

Листок Богданова и К-о помечен 3/16 июля 1909 года. В августе Исполнительная Комиссия СПб. Комитета тремя ультиматистскими голосами против двух приняла следующую резолюцию по поводу предстоявшей (теперь уже оконченной) избирательной кампании в Петербурге:

«Исполнительная Комиссия по вопросу о выборах постановила: не придавая особо важного значения Государственной Думе и нашей фракции в ней, но руководствуясь обще-партийным постановлением, произвести выборы, не затрачивая всех имеющихся сил, лишь выставляя собственных кандидатов, для впитывания социал-демократических голосов и организуя избирательную комиссию, подчинив ее через своего представителя Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета».

Пусть сравнят читатели эту резолюцию с заграничным листком Богданова. Сравнение этих двух документов—самое лучшее и самое верное средство для раскрытия публике глаза на настоящее значение заграничной группы Богданова. Резолюция эта совершенно так же, как и листок Богданова, выражает подчинение партии—и совершенно так же, как Богданов, принципиально защищает ультиматизм. Мы отнюдь

не хотим сказать, что петербургские ультиматисты прямо руководились листком Богданова,—об этом у нас нет никаких данных. Да это и не важно. Мы утверждаем, что и д е й н о е тождество политической позиции здесь несомненно. Мы утверждаем, что на данном примере особенно наглядно обнаружилось п р и м е н е н и е «осторожного», «дипломатического», тактичного, уклончивого—называйте, как хотите — ультиматизма н а д е л е, применение, знакомое всякому близко стоящему к партийной работе человеку, из с о т н и аналогичных случаев, менее «ярких», не закрепленных официальными документами, касающихся того, о чем социал-демократ не может рассказать публике по конспиративным причинам и т. п. Конечно, петербургская резолюция менее искусна в литературски-техническом отношении, чем листок Богданова. Но ведь на практике взгляды Богданова всегда (или в 999 случаях из 1000) будут применяться в местных организациях не самим Богдановым, а его менее «искусными» сторонниками. Для партии интересно не то, кто «искуснее» замечает следы, а то, каково д е й с т в и т е л ь н о е содержание партийной работы, каково д е й с т в и т е л ь н о е направление, даваемое работе теми или иными вождями.

И мы спрашиваем любого беспристрастного человека, можно ли работать в одной фракции, т.-е. в одном союзе партийных единомышленников, сторонникам «Пролетария» и авторам подобных резолюций? Можно ли говорить с е р ь е з н о о проведении в жизнь партийного решения об использовании Думы и думской трибуны при подобного рода резолюциях высших органов местных комитетов?

Что резолюция Исполнительной Комиссии н а д е л е бросает палки под колеса начинающейся избирательной кампании, что эта резолюция на деле с р ы в а е т избирательную кампанию,—это сразу поняли все (кроме ее авторов и кроме ультиматистов, восхищенных «искусством» Богданова в деле замечания следов). От том, как отозвались на эту резолюцию большевики в Петербурге, мы уже сказали и скажем еще ниже. Что касается до нас, то мы немедленно написали статью: «Отзовистски-ультиматистские штрейкбрехеры»,—штрейкбрехеры потому, что своей позицией ультиматисты я в н о п р е д а в а л и социал-демократическую избирательную кампанию н а д е т а м — обрисовали в ней всю позорность подобной резолюции для социал-демократов и пригласили приведшую сию резолюцию Исполнительную Комиссию немедленно

снять с «Пролетария» заголовок «органа СПб. Ком.», если эта Исполнительная Комиссия претендует на выражение взглядов петербургских социал-демократов: мы лицемерить не хотим, — говорилось в этой статье, — мы органом подобных... тоже большевиков не были и не будем.

Статья была уже набрана и даже сверстана, когда мы получили письмо из Петербурга об отмене пресловутой резолюции. Номер пришлось отложить (№ 47—48 вышел от этого несколькими днями позже, чем следовало). О резолюции ультиматистов приходится говорить теперь, к счастью, не в связи с ведущейся избирательной кампанией, а в очерке того, что было... и что хорошо бы сделало, если бы совсем «быльем поросло».

Вот текст резолюции, принятой петербургскими большевиками на собрании частного характера, созванном после принятия пресловутой резолюции:

«Частное межрайонное совещание рабочих и работников социал-демократов, обсудив резолюции расширенной редакции «Пролетария», выражает полную солидарность с политической линией, выраженной в резолюциях: «О задачах большевиков в партии», «Об отношении к думской деятельности и т. д.» и «Об ультиматизме и отзовизме».

В то же время совещание резко расходится с методами борьбы с товарищами ультиматистами, занятыми редакцией в тех же резолюциях, считая такие методы препятствием к разрешению основных задач, намеченных редакцией «Пролетария» — воссоздание партии.

В той же мере совещание протестует против раскольных шагов со стороны тов. ультиматистов и отзовистов».

После принятия этой резолюции было собрано новое собрание Петербургского Комитета, отменившее ультиматистскую резолюцию и принявшее новую (см. хронику) ¹⁵⁵. Эта новая резолюция заканчивается: «Считая весьма важным и необходимым использование предстоящей предвыборной кампании, Петербургский Комитет постановляет принять в ней деятельное участие».

Прежде, чем переходить к ответу товарищам, несогласным с нашей раскольной якобы политикой, приведем несколько выдержек из письма одного из этих товарищей:

...«Но если между участниками совещания (частного межрайонного совещания), на $\frac{2}{3}$ состоящего из рабочих, наблюдалось единомыслие по вопросу об оценке момента и вытекающих

из него наших тактических шагов, то не менее единодушно оно было против предлагаемых редакцией «Пролетария» методов борьбы с нашими тактическими противниками-ультиматистами. Оно не согласилось с выраженной в резолюциях «Пролетария» необходимостью фракционно отмежеваться от этих товарищей, видя в такой отмежевке опасный шаг для существования самой партии... Я уверен, что я правильно выражу мнение и настроение совещания, если скажу: мы не допустим раскола. Товарищи! вы там за границей нарисовали себе страшного ультиматистского чорта, которого в действительности у нас не существует. С л у ч а й н ы й состав Петербургского Комитета и Исполнительной Комиссии дал большинство ультиматистов, и в результате была принята нелепая, безграмотная резолюция, которая нанесла этим ультиматистам такой моральный удар, от которого вряд ли они оправятся... На заседании Петербургского Комитета, принявшем эту резолюцию, не было представителей трех районов, а, как выяснилось теперь, представитель четвертого района не имел решающего голоса. Итак, не было, значит, представителей четырех районов, и один голос, давший большинство ультиматистам, оказывается «разъясненным». Выходит, что и это неполное заседание Петербургского Комитета не дало большинства ультиматистам... По отношению к резолюции Петербургского Комитета о выборах совещание постановило добиваться пересмотра резолюции, и безусловно на первом же заседании Петербургского Комитета, где, как выяснилось теперь, большинство будет наше, будет принята иная резолюция. И сами ультиматисты, стыдясь своей резолюции, согласны на ее пересмотр. Все, не исключая, кажется, и ее автора, согласны, что она нелепа во всех отношениях, но— и это я подчеркиваю—она не преступна. Товарищи ультиматисты, голосовавшие за нее, заявили о своем несогласии с автором резолюции, действительно придерживающимся пословицы, рекомендующей поступать так, чтобы и невинность соблюсти и капитал приобрести...

Итак, наш единомышленник обвиняет нас в том, что мы нарисовали за границей страшного ультиматистского чорта, что своей раскольнической борьбой с ультиматистами мы затрудняем (или губим) дело воссоздания партии.

Лучший ответ на эти «обвинения» — история того, что произошло в Петербурге. Поэтому мы и рассказали так подробно эту историю. Факты говорят сами за себя.

Мы признали отколовшимся от фракции тов. Богданова, который отказался подчиняться резолюциям расширенной редакции и организовал под видом пресловутой «школы» идейно организационный центр новой организации за границей. Нас обвиняют за это некоторые наши единомышленники, которые должны были в Петербурге добиваться путем самых экстренных мер (особое частное совещание влиятельных рабочих и пересмотр принятого уже решения!) отмены «нелепой во всех отношениях» резолюции, воспроизводящей взгляды Богданова!!

Нет, товарищи, обвиняя нас в расколе и в «малевании чорта», вы доказали нам только еще и еще раз настоятельную необходимость признать Богданова отколовшимся от фракции, вы доказали только то, что мы безнадежно осрамили бы большевизм и нанесли бы непоправимый удар партийному делу, если бы мы не отмежевались от Богданова накануне выборов в Петербурге. Ваши дела,—товарищи, обвиняющие нас в расколе,—опровергают ваши слова.

Вы «расходитесь только» с нашими методами борьбы против ультиматистов. Мы не расходимся вовсе с вашими методами борьбы против ультиматистов, мы вполне и безусловно приветствуем и ваши методы борьбы, и вашу победу,—но мы вместе с тем глубочайше убеждены, что ваши методы и есть нечто иное, как приложение на деле «наших» методов к известной партийной среде.

В чем состоят наши «худые» методы? В том, что мы призывали к отмежевке от Богданова и К-о. В чем состоят ваши, хорошие, методы? В том, что вы признали резолюцию, целиком проводящую взгляды Богданова, «нелепой во всех отношениях», созвали особое совещание, подняли поход против этой резолюции, добились того, что сами авторы ее устыдились, добились ее отмены и замены резолюцией не ультиматистской, а большевистской.

Ваш «поход», товарищи, есть продолжение нашего похода, а не опровержение его.

Но мы никого не признавали отколовшимся, скажете вы. Прекрасно. Чтобы «опровергнуть» наш, худой, метод, попробуйте за границей сделать то, что вы сделали в Петербурге. Попробуйте добиться того, чтобы Богданов и его сторонники (хотя бы в месте нахождения знаменитой ерогинской «школы») призна-

ли листок Богданова («Отчет товарищам большевикам»), по идейному содержанию, всецело «нелепым во всех отношениях», добиться того, чтобы Богданов и его компания «устыдились» этого листка, чтобы пресловутая «школа» создала листок прямо противоположного идейного содержания *). Если вы добьетесь этого, то вы действительно опровергнете наши методы борьбы, и мы охотно признаем «ваши» методы лучшими.

В Петербурге есть живое, неотложное, общее партийное дело: выборы. В Петербурге социал-демократический пролетариат сразу призвал к порядку ультиматистов и так призвал, что они сразу послушались, чувство партийности перевесило, близость пролетарской массы оказала благотворное влияние; сразу всем стало ясно, что с ультиматистской резолюцией вести дела нельзя. Сразу был поставлен ультиматум ультиматистам, и петербургские ультиматисты (к чести их надо сказать) ответили на ультиматум большевиков подчинением партии, подчинением большевикам, а не борьбой с большевиками (по крайней мере на выборах: прекратят ли они борьбу и после выборов, мы еще не знаем).

Богданов с К⁰—ультиматисты не только по настроению. Они из ультиматизма стремятся сделать целую линию. Они строят

*) Вот, между прочим, иллюстрации замечания следов Богдановым и пресловутой «школы». Школа выпустила помеченный 26 августа 1909 года печатный листок, содержащий программу школы, письмо Каутского (очень мягко советующего «не выдвигать на первый план» философских разногласий и заявляющего, что он «не считает справедливой резкую критику социал-демократической думской фракции»—не говоря уже об «ультиматизме»!), письмо Ленина и резолюцию Совета школы. Этот забавный Совет заявляет, что фракционные распри абсолютно не имеют отношения к ее (школы) строго общепартийным целям и задачам». Читаем подпись под листком. Лектора: Богданов, Горький, Лядов, Луначарский, Михаил^{155а}), Алексинский. Подумайте только: школа с таким составом лекторов «абсолютно не имеет отношения» к «фракционным распрям»! Послушайте, дорогие товарищи: ...сочиняйте, но знайте же меру!—Нам скажут: школа «приглашала» и других лекторов. Во-первых, приглашала, зная, что другие почти никогда не смогут приехать. Во-вторых, школа приглашала, но... «Но школа не могла предложить им (другим лекторам) материальных средств для их поездки и содержания на время лекций» (Листок 28 августа 1909). Не правда ли, хорошо? Мы абсолютно нефракционеры, но средства на поездку мы «не можем предложить» никому кроме «своих»...

целую систему ультиматистской политики (не говорим уже об их дружбе с богостроителями, в чем, вероятно, неповинны петерские ультиматисты), они на этом создают новое направление, они начали систематическую войну с большевизмом. Конечно, потерпят (и уже терпят) поражение и эти вдохновители отзовистов, но для того, чтобы скорее избавить нашу фракцию и партию от отзовистско-ультиматистской болезни тут нужны были более решительные меры, и тем скорее мы избавим партию от этой болезни, чем решительнее мы поведем свою борьбу против явных и скрытых отзовистов.

«Случайное большинство» ультиматистов—говорят петербуржцы. Глубоко ошибаетесь, товарищи. Вы видите сейчас у себя маленькую частицу о б щ е г о явления и объявляете «случайностью» то, связь чего с целым вам неясна. Припомните факты. Весной 1908 года отзовизм всплывает в центральной области и собирает 14 голосов (из 31) на Московской Общегородской Конференции. Летом и осенью 1908 года отзовистская кампания в Москве: «Рабочее Знамя» открывает дискуссию и опровергает отзовизм. Начинается дискуссия с августа 1908 года и в «Пролетарии». Осень 1908 года: выделение отзовистов в «течение» на партийной Всероссийской Конференции. Весна 1909 года: кампания отзовистов в Москве (см. № 47—48 «Пролетария», «Конференция Московской Окружной Организации»). Лето 1909 года: ультиматистская резолюция Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета ¹⁵⁶).

Перед лицом этих фактов говорить о «случайности» ультиматистского большинства прямо наивно. В отдельных местностях неизбежны самые резкие колебания в составе организаций,—пока реакция так сильна, пока личный состав социал-демократических организаций так слаб, как теперь. Сегодня большевики объявляют ультиматистское большинство «случайностью» в N. N., завтра ультиматисты объявляют большевистское большинство «случайностью» в M. M. Перекоряться по этому поводу есть тьма охотников,—мы не из их числа. Надо понять, что эти перекоры и перебранки есть п р о д у к т глубокого идейного расхождения. Только поняв это, мы поможем социал-демократам заменить бесплодные и унижительные перекоры (из-за «случайного» большинства, из-за того или иного организационного конфликта, из-за денег, из-за связей и т. д.) в ы я с н е н и е м и д е й н ы х п р и ч и н р а с х о ж д е н и я. Мы прекрасно знаем, что во многих

городах борьба ультиматистов с большевиками распространилась на самые различные отрасли работы, внесла разлад, разброд и в деятельность среди легальных союзов, обществ, съездов, собраний. Мы имеем письма «с поля битвы» об этом разладе и разброде,—к сожалению, требования конспирации позволяют нам опубликовать в этой области только одну десятую, если не одну сотую, получаемого. Мы утверждаем самым категорическим образом, что борьба с ультиматистами в СПб. на выборах не случайность, а одно из бесчисленных проявлений общей болезни.

И мы повторяем поэтому еще и еще раз всем товарищам большевикам, всем рабочим, ценящим дело революционной социал-демократии: нет ничего ошибочнее и вреднее, как попытки прикрыть эту болезнь. Надо вскрыть со всей отчетливостью причины, характер и значение нашего расхождения со сторонниками отзовизма, ультиматизма, богостроительства. Надо ясно отделить, отмежевать фракцию большевиков, т.-е. союз единомышленников-большевиков, желающих вести партию в известном всем направлении «Пролетария», от новой фракции, неизбежно приводящей своих сторонников сегодня к «случайным» анархистским фразам в московской и петербургской отзовистских платформах, завтра к «случайному» карикатурному большевизму в листке Богданова, послезавтра к «случайной» петербургской «нелепой» резолюции. Надо понять эту болезнь и дружно взяться за лечение ее. Там, где возможно лечение методами петербуржцев, т.-е. немедленной и успешной апелляцией к социал-демократическому сознанию передовых рабочих, там такое лечение есть самое лучшее, там никто и никогда не проповедывал откола и отмежевки во что бы то ни стало. Но там, где, в силу различных условий складываются сколько нибудь прочные центры, кружки, ведущие пропаганду идей новой фракции, размежевка необходима. Там размежевка с новой фракцией есть залог практического единства на работе в рядах партии, ибо невозможность такой работы под знаменем ультиматизма признали только что сами петербургские практики.

«Пролетарий» № 49

от 3 (16) октября 1909 года.

Царь против финского народа.

Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III Думы начали новый поход против Финляндии. Уничтожение конституции, которой защищены права финляндцев от произвола русских самодержцев, уравнивание Финляндии с прочей Россией в бесправии исключительных положений— вот цель этого похода, начало которому положено царским указом о решении вопроса о воинской повинности помимо сейма и назначением новых сенаторов из числа русских чиновников. Праздным было бы останавливаться на разборе тех доводов, которыми разбойники и шулера пытаются доказать законность и справедливость требований, предъявленных Финляндии под угрозой миллиона штыков. Суть дела не в этих доводах, а в цели, которая преследуется. В лице демократической и свободной Финляндии царское правительство и его сподвижники хотят уничтожить последний след народных завоеваний 1905 года. А потому—о деле всего русского народа идет речь в эти дни, когда казачьи полки и артиллерийские батареи спешно занимают городские центры Финляндии.

Русская революция, поддержанная финляндцами, заставила царя разжать пальцы, которыми он в течение нескольких лет сжимал горло финляндского народа. Царь, желавший распространить свое самодержавие на Финляндию, конституции которой клялись его предки и он сам, должен был признать не только изгнание с финляндской земли палачей бобриковцев и отмену всех своих незаконных указов, но и введение в Финляндии всеобщего и равного избирательного права. Подавив русскую революцию, царь принимается за старое, но с той разницей, что теперь он чувствует за собой поддержку не только старой гвардии, своих наемных шпионов и казнокрадов, но и той своры имущих, которая во главе с Крупенскими и Гучковыми, совместно выступает в III Думе от имени русского народа.

Все благоприятствует разбойничьему предприятию. Революционное движение в России страшно ослаблено и забота о нем не отвлечет коронованного изверга от облюбованной добычи. Западно-европейская буржуазия, некогда посылавшая царю адреса с просьбой оставить в покое Финляндию, не шевельнет пальцем о палец, чтобы остановить бандитов. Ведь ей только

что поручились за честность и «конституционность» намерений царя те люди, которые в те времена призывали Европу осудить царскую политику в Финляндии. Именующие себя «представителями русской интеллигенции» и «представителями русского народа», кадетские вожди торжественно заверили европейскую буржуазию, что они, а вместе с ними и народ русский,—солидарны с царем. Русские либералы приняли все меры к тому, чтобы Европа так же безучастно отнеслась к новым набегам двуглавого хищника на Финляндию, как она отнеслась к его экскурсиям против свободной Персии.

Свободная Персия собственными усилиями дала отпор царизму. Финляндский народ, и впереди его финляндский пролетариат, готовит твердый отпор наследникам Бобрíkова¹⁵⁷⁾.

Финляндский пролетариат знает, что ему придется вести борьбу в крайне тяжелых условиях. Он знает, что западно-европейская буржуазия, кокстничающая с самодержавием, не станет вмешиваться; что русское имущее общество, частью подкупленное Столыпинской политикой, частью развращенное кадетской ложью, не окажет Финляндии той нравственной поддержки, которую она имела до 1905 года; что наглость русского правительства необычайно возросла с тех пор, как ему удалось нанести удар революционной армии в самой России.

Но финляндский пролетариат также знает, что политическая борьба не решается одним сражением, что она подчас требует долголетних упорных усилий и что побеждает, в конце концов, тот, за кого сила исторического развития. Свобода Финляндии восторжествует, потому что без нее немыслима свобода России, а без торжества дела свободы в России немыслимо экономическое развитие последней.

Финляндский пролетариат знает также, по славному опыту, как вести долгую, упорную революционную борьбу за свободу, рассчитанную на то, чтобы утомить, дезорганизовать, опозорить гнусного врага, пока обстоятельства позволят нанести ему решительный удар.

Вместе с тем, пролетариат Финляндии знает, что с первых же шагов своей новой борьбы он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, весь свой долг.

Социал-демократическая фракция сейма послала депутацию к социал-демократической фракции III Думы, чтобы сообща обсудить план борьбы с насильниками. С высоты думской трибуны наши депутаты поднимут свой голос, как уже делали в прошлом году, чтобы заклеить царское правительство и сорвать маску с его лицемерных союзников в Думе. Пусть же все социал-демократические организации и все рабочие приложат все усилия, чтобы голос наших депутатов в Таврическом дворце не звучал одиноко, чтобы враги русской и финляндской свободы видели, что весь русский пролетариат солидарен с финляндским народом. Долг товарищей на местах использовать все представляющиеся возможности, чтобы манифестировать отношение российского пролетариата к финляндскому вопросу. Начиная с обращений к русской и финской социал-демократическим фракциям и продолжая более активными формами протеста, партия найдет достаточно способов нарушить то позорное молчание, среди которого русская контр-революция терзает тело финского народа.

За дело всероссийской свободы ведется борьба в Финляндии. Какие бы горькие минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготавливая его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 года и что пытался продолжать в славные дни Кроуштадта и Свеаборга ¹⁵⁸).

*«Социал-Демократ» № 9
от 31 октября (13 ноября) 1909 г.*

Позорный провал.

Читатель помнит краткую, но поучительную историю «партийной» школы в Капри. Вот эта история. Большевистская фракция после года внутренней борьбы решительно отгораживается от «новых» течений—отзовизма, ультиматизма и богостроительства. Большевистское совещание в особой резолюции объявляет школу в Капри центром новой фракции и сторонников этих течений. Заграничные вожди новой фракции, построенной на этих трех китах, откалываются от большевиков организационно. Отличаясь необычайным политическим мужеством и

непоколебимой верой в свою позицию,—герои новой фракции не решаются выступить с открытым забралом в собственном органе и т. п. Вместо этого они выбирают путь простого обмана в партии и фракции: они образуют заграничную школу, которую называют «партийной», и действительно идейную физиономию которой они тщательно скрывают. После ряда усилий им в эту мнимую партийную школу удастся свезти до 13 человек рабочих, которых начинают «обучать», группа, состоящая из Богданова, Алексинского, Лядова и Луначарского. Все время эта компания не только конспирирует тот факт, что «школа» есть центр новой фракции, но изо всех сил подчеркивает, что «школа» не связана ни с какой фракцией, а есть предприятие общепартийное. Богданов, Алексинский, Лядов и К-о—в роли «нефракционных» товарищей!.. *)

И, наконец, теперь—последняя стадия. Из рабочих, приехавших в мнимую-партийную школу, около половины начинают бунт против «дурных пастырей». Ниже мы печатаем два письма учеников пресловутой «школы» и несколько сообщений из Москвы, которые окончательно разоблачают авантюру Богданова-Алексинского-Лядова и К-о. Все описанное в них само говорит за себя. Здесь все хорошо. И «форменное сражение», и «самая отчаянная полемика каждый день», и высывание преподавателем Алексинским языка слушателям-рабочим и т. п. в широковещательных отчетах школы все это, вероятно, превратится в «практические занятия» по вопросам агитации и пропаганды, в курс «об общественных мировоззрениях» и т. д. Но, увы, теперь уже никто не поверит этой жалкой, позорной комедии!

Два месяца вожди новой фракции нашептывали рабочим на ухо о преимуществах отзовизма и богостроительства перед революционным марксизмом. А потом не удержались и стали открыто приставать к ним с отзовистско-ультиматистской «платформой». И наиболее передовые и самостоятельные рабочие, конечно, запротестовали. Мы не хотим быть ширмой для нового идейного центра отзовистов и богостроителей; школа не контро-

*) Кстати, пусть т. Троцкий теперь, ознакомившись с помещаемыми ниже письмами рабочих, решит—не пора ли ему выполнить свое обещание поехать преподавать в Каприйскую «школу» (если правильно передает это обещание один из отчетов школы). Пожалуй, сейчас самая пора явиться на «поле брани» с пальмовой ветвью мира и сосудом «нефракционного» елея в руках.

лируется ни «снизу», ни «сверху»—говорят тов. рабочие в их письмах. И это лучшая гарантия того, что среди п а р т и й н ы х рабочих непременно обанкротится политика игры в прятки и демагогического «демократизма».—Местные организации сами будут управлять школой в Капри,—говорили рабочим Богданов и К-о. Теперь эта игра разоблачена теми рабочими, которые раньше верили эгой компании.

В заключение—одна просьба, господа божественные отзовисты. Когда вы в своем богоспасаемом Царевококшайске закончите—будем надеяться, что вы закончите—выработку своей платформы,—не прячьте ее от нас, по примеру вашего прошлого образа действий. С б ó л ь ш и м или меньшим опозданием мы все равно ее достанем и опубликуем в партийной печати. Так уже лучше не срамиться лишний раз.

*Отдельный оттиск из № 50 газеты «Пролетарий»
от 28 ноября (11 декабря) 1909 года.*

О некоторых источниках современного идейного разброда.

В настоящем номере «Пролетария» напечатано одно из многочисленных писем, указывающих на громадный идейный расброд среди социал-демократов. Особенного внимания заслуживают рассуждения насчет «германских рельсов» (т.-е. повторения у нас пути развития Германии после 1848 года). Чтобы разобрать источники ошибочных взглядов по этому важнейшему вопросу, без уяснения которого невозможна правильная тактика рабочей партии, возьмем меньшевиков и «Голос Социал-Демократа», с одной стороны, польскую статью тов. Троцкого,—с другой.

I.

Основой тактики большевиков в революции 1905—1907 г.г. было то положение, что полная победа этой революции возможна лишь как диктатура пролетариата и крестьянства. Каково экономическое обоснование этого взгляда? Начиная с «Двух тактик» (1905 г.)* и продолжая многочисленными статьями в

*) См. 301—401 стр. VI тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

газетах и сборниках 1906 и 1907 г.г., мы всегда давали следующее обоснование: буржуазное развитие России уже вполне пред-
 решено и неизбежно, но оно возможно в двух формах:—в так
 называемой «прусской» форме (сохранение монархии и поме-
 щичьего землевладения, создание крепкого, т.-е. буржуазного,
 крестьянства на данной исторической почве и т. д.) и в так на-
 зываемой «американской» форме (буржуазная республика, уни-
 чтожение помещичьего землевладения, создание фермерства, т.-е.
 свободного буржуазного крестьянства путем резкого перелома
 данной исторической обстановки). Пролетариат должен бороться
 за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и бы-
 строту развития производительных сил капиталистической Рос-
 сии, а победа в такой борьбе возможна только при революцион-
 ном союзе пролетариата и крестьянства.

Именно этот взгляд проведен в резолюции Лондонского
 съезда о народнических или трудовых партиях и об отношении к
 ним социал-демократов. Меншевики, как известно, всего вра-
 ждебнее относятся к этой резолюции именно по тому специаль-
 ному вопросу, который мы здесь разбираем. Но как шатко э ко-
 н о м и ч е с к о е обоснование их позиции, видно из следующих
 слов влиятельнейшего меньшевистского писателя по аграрному
 вопросу в России, тов. Маслова. Во втором томе «Аграрного во-
 проса», вышедшем в 1908 году (предисловие помечено 15 декабря
 1907 года), Маслов писал: «П о к а (курсив Маслова) не сложились
 чисто капиталистические отношения в деревне, п о к а продоволь-
 ственная аренда» (Маслов напрасно употребляет этот неудач-
 ный термин вместо термина: кабально-крепостническая аренда)
 «имеет место, не исчезнет и возможность наиболее выгодного
 для демократии решения аграрного вопроса. Прошлое всемир-
 ной истории дает два типа образования капиталистического
 строя: тип, преобладающий в Западной Европе (кроме Швей-
 царии, некоторых уголков в других европейских государствах),
 являющийся результатом компромисса между дворянством и
 буржуазией, и тип земельных отношений, создавшийся в Швей-
 царии, Соединенных Штатах Северной Америки, английских и
 других колониях. Приведенные нами данные о положении зе-
 мельного вопроса в России не дают нам достаточных оснований
 определенно утверждать, который тип земельных отношений у
 нас утвердится, а делать субъективные и произвольные выводы
 не позволяет научная совесть...» (стр. 457).

Это верно. И это есть полное признание экономического обоснования большевистской тактики. Не в «революционном угаре» дело (как думают веховцы и Череванины), а в о б ъ е к т и в н ы х экономических условиях, да ю щ и х возможность «американского» пути капитализма в России. В своей истории крестьянского движения в 1905—1907 г.г. Маслов должен был признать наши основные посылки. Аграрная «программа кадетов—пишет он там же—является наиболее утопической, так как нет такого широкого общественного класса, который был бы заинтересован в желательном для них решении вопроса: победят ли интересы землевладельцев с грядущими политическими уступками» (Маслов хочет сказать: при чем неизбежны уступки землевладельческой буржуазии), «или интересы демократии» (стр. 456).

И это верно. Отсюда следует, что «утопична» была в революции тактика поддержки кадетов пролетариатом. Отсюда следует, что с и л ы «демократии», т.-е. демократической революции, суть силы пролетариата и крестьянства. Отсюда следует, что есть д в е дороги б у р ж у а з н о г о развития: по одной ведут «землевладельцы, делающие уступки буржуазии», по другой хотят и могут вести рабочие и крестьяне (ср. Маслов, стр. 446: «Если бы все помещичьи земли перешли даром в пользование крестьянства, то и тогда... происходил бы процесс капитализации крестьянского хозяйства, но более безболезненный...»).

Мы видим, что когда Маслов рассуждает, как марксист, он рассуждает по-большевистски. А вот пример, как, разнося большевиков, он рассуждает подобно либералу. Пример этот находится, само собой разумеется, в ликвидаторской книге: «Общественное движение в России в начале XX века», выходящей под редакцией Мартова, Маслова и Потресова; в отделе «Итоги» (т. I) находим статью Маслова: «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке». В этой статье, на странице 661, читаем:

«...Некоторые из социал-демократов стали рассматривать буржуазию, как безнадежно реакционный класс и ничтожную величину. Сила и значение буржуазии не только не дооценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы: игнорировалось участие средней и мелкой буржуазии в революционном движении и сочувствие ему крупной буржуазии в первый период движения, предпрещалась и на будущее время реакционная роль буржуазии и т. д.»

(так и стоит: «и т. д.»!). «Отсюда делался вывод о неизбежности диктатуры пролетариата и крестьянства, которая противоречила бы всему ходу хозяйственного развития».

Вся эта тирада—целиком веховская. Весь этот «марксизм» брентановский, зомбартовский¹⁵⁹) или струвистский. Позиция автора этой тирады есть именно позиция либерала в отличие от буржуазного демократа. Ибо либерал потому и либерал, что он не видит иного пути, мысли не допускает об ином пути буржуазного развития кроме данного пути, т.-е. руководимого землевладельцами, которые делают «уступки» буржуазии. Демократ потому и демократ, что он видит иной путь, борется за него, именно за путь, руководимый «народом», т.-е. мелкой буржуазией, крестьянством и пролетариатом, но не видит буржуазности и этого пути. В «Итогах» ликвидаторской книги Маслов забыл все о д в у х путях буржуазного развития, о с и л е буржуазии американской (по-русски: вырастающей из крестьянства, на п о ч в е революционным путем очищенной от помещичьего землевладения), о с л а б о с т и буржуазии прусской (закабаленной «землевладельцами»), о том, что большевики никогда не говорили о «неизбежности» «диктатуры», а о необходимости ее д л я победы американского пути, забыл о том, что большевики выводили «диктатуру» не из слабости буржуазии, а из о б ъ е к т и в н ы х, экономических условий, дающих возможность двоякого развития буржуазии. В теоретическом отношении приведенная тирада—сплошной комок путаницы (от которой отрекся сам Маслов во II томе «Аграрного вопроса»); в практически-политическом отношении эта тирада есть либерализм, есть идейная защита крайнего ликвидаторства.

Посмотрите теперь, как шаткость позиции по основному э к о н о м и ч е с к о м у вопросу ведет к шаткости политических выводов. Вот цитата из статьи Мартова «Куда итти?» (№ 13 «Голоса Социал-Демократа»): «В современной России никто не может в данный момент определить, создадутся ли при новом политическом кризисе благоприятные объективные условия для коренной демократической революции; мы можем лишь наметить те политические условия, при наличии которых такая революция станет неизбежной. Пока история не решила этого вопроса так, как его решила для Германии в 1871 году, до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи итти к неизбежному политическому кризису с своим революционным решением

политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация помещного землевладения и полная свобода самоопределения). Но она должна именно и т т и к тому кризису, который окончательно решит вопрос о «германском» или «французском» завершении революции, а не с т о я т ь в ожидании пришествия кризиса».

Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюцию партийной Конференции декабря 1908 г. Такая постановка вполне соответствует словам Маслова во втором томе «А г р а р н о г о в о п р о с а» и тактике большевиков. Такая постановка отличается решительно от позиции, выраженной знаменитым восклицанием: «большевики на Конференции декабря 1908 постановили переть туда, где были раз разбиты». «Итти со своим революционным решением аграрного вопроса» можно только с р е в о л ю ц и о н н ы м и слоями буржуазной демократии, т.-е. только с крестьянством, а не с либералами, удовлетворяющимися «уступками землевладельцев». Итти к конфискации вместе с крестьянством—эта формулировка ничем кроме словесной разницы не отличается от положения: итти к диктатуре пролетариата и крестьянства. Но Мартов, в № 13 «Голоса» вплотную пододвинувшийся к позиции нашей партии, не выдерживает этой позиции последовательно, сбиваясь постоянно к Потресову-Череванину, как в ликвидаторской книге «Общественное движение», так и в том самом № 13. Например, задачу момента он определяет в той же статье, как «борьбу за о т к р ы т о е рабочее движение, в том числе и за завоевание собственного (социал-демократической партии) открытого существования». Сказать так, значит сбиться на уступку ликвидаторам: мы хотим укрепления социал-демократической партии, использующей все легальные возможности и все случаи открытого выступления; ликвидаторы хотят обкарнания партии до рамок легального и открытого (при Столыпине) существования. Мы боремся за революционное свержение Столыпинского самодержавия, пользуясь для такой борьбы всяким открытым выступлением, расширяя пролетарскую базу движения к такой цели. Ликвидаторы борются за открытое существование рабочего движения... при Столыпине. Слова Мартова о том, что мы обязаны бороться за республику и конфискацию земли, формулированы так, что и с к л ю ч а ю т ликвидаторство; слова его о борьбе за открытое существование партии формулированы так, что н е и с к л ю ч а ю т ликвидаторства. В области

политики тут та же неустойчивость, что у Маслова в области экономики *).

У Мартынова в аграрной статье (№ 10—11) эта неустойчивость доходит до геркулесовых столпов. Мартынов пытается хлестко полемизировать с «Пролетарием», но у него выходит, благодаря неумению п о с т а в и т ь вопрос, беспомощное и неуклюжее барахтанье. У «Пролетария», видите ли, выходит по Ткачеву: «Теперь или еще немножко, или никогда!» Это «выходит» и у Маслова, и у Мартова, любезный товарищ Мартынов; это должно выйти у всякого марксиста, ибо речь идет не о с о ц и а л и с т и ч е с к о й революции (как у Ткачева)¹⁶⁰, а об одном из двух методов завершения б у р ж у а з н о й. Подумайте-ка, товарищ Мартынов: могут ли марксисты вообще обязаться поддерживать конфискацию крупного землевладения или они обязаны это делать лишь «пока» («теперь или еще немножко» — или еще довольно долго, этого мы с вами не знаем) буржуазный строй окончательно не «утвердится»? Еще пример. Закон 9 ноября 1906 года «посеял в деревне великую смуту, настоящую междоусобную войну, доходящую подчас до поножовщины», говорит справедливо Мартынов. Вывод его: «в ближайшем будущем рассчитывать на сколько-нибудь единоедушное и внушительное революционное выступление крестьянства, на крестьянское восстание, совершенно нелегально ввиду этой междоусобицы». Противопоставлять восстание, т.-е. гражданскую войну, «междоусобной войне», смешно, любезный тов. Мартынов, а вопрос о ближайшем будущем тут не при чем, ибо речь идет не о практических директивах, а о линии всего аграрного развития. Еще пример. «Выделение из общины идет форсированным маршем». Верно. Вывод ваш?.. «Очевидно, что помещичья ломка будет совершаться с успехом и что в течение небольшого ряда лет как раз в тех обширных районах России, где недавно еще аграрное движение принимало самые резкие формы, община будет разрушена, а вместе с ней исчезнет главное гнездо трудовической идеологии. Таким образом одна из двух перспектив «Пролетария», именно «отрадная», отпадает».

Не в общине дело, любезный товарищ Мартынов, ибо Крестьянский Союз в 1905 году и трудовики в 1906—1907 г.г. тре-

*) Мы взяли для примера только одно из проявлений политической неустойчивости Мартова, который в той же статье № 13 говорит о грядущем кризисе, как кризисе «конституционном» и т. п.

бовали передачи земель не общинам, а отдельным лицам, или свободным товариществам. Общину разрушает и Столыпинская помещичья ломка старого землевладения, и крестьянская ломка, т.-е. конфискация для создания новых земельных распорядков. «Отрадная» перспектива «Пролетария» связана не с общиной и не с трудовичеством, как таковым, а с возможностью «американского» развития, создания свободного фермерства. Поэтому, говоря, что отрадная перспектива отпадает, и в то же время заявляя, что «лозунг экспроприации крупных землевладельцев не умрет», тов. Мартынов путает безбожно. Если прусский тип утвердится, то лозунг этот умрет, и марксисты скажут: мы сделали все возможное за более безболезненное развитие капитализма, нам остается теперь борьба за уничтожение самого капитализма. Если же этот лозунг не умрет, то значит будут налицо объективные условия для перевода «поезда» на американские «рельсы». И тогда марксисты сумеют, если не захотят превращаться в струвистов, за реакционно-«социалистической» фразеологией мелких буржуа, выражающей их субъективные взгляды, видеть объективно-реальную борьбу масс за лучшие условия капиталистического развития.

Резюмируем. Пусты споры о тактике, если они не опираются на ясный анализ экономических возможностей. Вопрос о прусском и американском типе аграрной эволюции России поставлен борьбой 1905—1907 годов, доказавшей его реальность. Столыпин делает еще один шаг вперед по прусскому пути,—было бы смешной боязнью горькой правды не видеть этого. Мы должны изжить своеобразный исторический этап на почве этого нового шага. Но не только смешным, а преступным было бы не видеть того, что пока Столыпин только запутал и обострил старое положение, не создав нового. Столыпин «ставит ставку на сильных» и просит «20 лет мира и покоя» для «реформирования» (читай: ограбления) России помещиками. Пролетариат должен ставить ставку на демократию, не преувеличивая ее сил, не ограничиваясь простым «упованием» на нее, а неуклонно развивая работу пропаганды, агитации, организации, поднимающую все силы демократии—крестьянские массы в первую голову и больше всего—зовущую их к союзу с передовым классом, к «диктатуре пролетариата и крестьянства» в целях полной демократической победы и обеспечения самых лучших условий наиболее быстрого и свободного развития капитализма. Отказ от этого выполнения

пролетариатом его демократического долга неизбежно ведет к шатаниям, о б ъ е к т и в н о играет только на руку контр-революционным либералам вне рабочего движения и ликвидаторам внутри его.

«Пролетарий» № 50

от 28 ноября (11 декабря) 1909 года.

Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков.

Кризис, переживаемый нашей партией в настоящее время, объясняется, как мы уже не раз говорили, неустойчивостью мелко-буржуазных элементов, примкнувших к движению рабочего класса в революции и приведших теперь к ликвидаторству меньшевиков на одном фланге, к отзовизму-ультиматизму на другом. Борьба на два фланга является поэтому необходимой задачей для отстаивания правильной революционно-социал-демократической тактики и для строительства партии. Эту борьбу и ведет неуклонно большевистская фракция, тем самым выковывая и сплавлявая все действительно партийные, действительно марксистские, социал-демократические элементы.

Чтобы успешно вести эту борьбу за партию—и б о п а р т и я решительно осудила ликвидаторство на декабрьской конференции 1908 г. и так же решительно отмежеввалась от отзовизма-ультиматизма на той же конференции,—надо ясно представлять себе ту обстановку, в которой приходится вести эту борьбу внутри социал-демократии. «Голос Социал-Демократа» № 16—17 и новая почти-газетка отзовистов-ультиматистов (8-ми стр. листок товарищей Богданова и Луначарского: «Ко всем товарищам») заслуживает внимания больше всего именно потому, что наглядно рисует эту обстановку. И «Голос», и Богданов и К-о прячут ликвидаторов. Одинаковость приемов ликвидаторов справа и ликвидаторов слева бросается в глаза, доказывая тем самым одинаковую шаткость той и иной позиции.

Ликвидаторство—«нарочито-расплывчатое, злостно-неопределенное словечко», уверяет передовик «Голоса». Богданов уверяет, что «Пролетарий» увеличивает и раздувает практические разногласия с ультиматистами до степени принципиальных. Бедный «Голос»! До сих пор он мог валить всю «злостность вы-

думки» на большевиков, т.-е. «фракционных противников». Теперь приходится в злостности выдумки обвинять Плеханова и Бунд (смотри № 3 «Откликов Бунда» о ликвидаторстве в Бунде). Плеханов ли и бундовцы или «Голос» «злостно» вилуют, что правдоподобнее?

Мы не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только иначе толкуем членство партии; параграф 1 устава мы в Стокгольме приняли большевистский, но это не беда; как раз теперь, после обвинения нас Плехановым в ликвидаторстве, мы вытащим § 1 и будем толковать все наше пресловутое ликвидаторство так, что мы хотим только расширить понятие партии. Партия, видите ли, не только сумма партийных организаций (как мы сами уступили большевикам в Стокгольме), но и все те, кто работает в не организации партии, под контролем и руководством партии!

Какая великолепная увертка, какая гениальная выдумка: никакого ликвидаторства, только старые споры о параграфе 1-м! Беда только, что этим вы подтверждаете обвинение Плеханова, любезные голосовцы, ибо на деле, как это всякий партийный социал-демократ и всякий рабочий социал-демократ поймет сразу, вы вытащили старый хлам о § 1 именно для защиты ликвидаторства (=замены партийной организации «бесформенной» легальной: смотри резолюцию декабрьской Конференции 1908 г.). На деле вы как раз этим и открываете дверь ликвидаторам, сколько бы вы ни уверяли на словах, что «хотите» открыть дверь для социал-демократических рабочих.

Точь в точь Богданов, уверяющий, что он не защитник отзовизма, что он только (только!) считает вопрос об участии в Думе «очень и очень спорным». § 1 спорен, участие в Думе спорно,—при чем тут «злостные» выдумки об отзовизме и о ликвидаторстве?

Мы—не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только находим, что Плехановым благополучно обойден вопрос о том, как же быть, если строение ячейки мешает не чему иному, а именно ее перестройке». На деле Плеханов не обошел, а открыто и прямо решил этот вопрос: призывом к партийности, осуждением раскола и ликвидаторства он ответил на устранение большевиками отзовистов-ультиматистов. Ячейка есть тип нелегальной партийной организации, в которой по общему правилу господствуют большевики и перестройке которой (для участия в Ду-

ме, для участия в легальных обществах и т. д.) мешали отзовисты. Партийные меньшевики не могли иначе ответить на устранение отзовистов большевиками, как ответил Плеханов. «Голос» же виляет и на деле поддерживает ликвидаторов, повторяя в заграничном нелегальном издании сплетню либералов на тему о заговорщическом характере организаций большевиков, на тему о нежелании их строить широкие рабочие организации, участвовать в съездах и прочее (ибо, участвуя в новых «возможностях», ячейки тем самым переустраивались для участия, тем самым учились на деле перестройке). Говорить, что «строение» ячейки мешает ее перестройке, значит, на деле проповедывать раскол, оправдывать раскольничьи шаги ликвидаторов против партии, состоящей из суммы построенных именно теперешним образом ячеек.

Мы—не ликвидаторы, не легалисты, мы только уверяем в «партийном» (по вывеске!), в «нелегальном» (но одобряемом г-жей Кусковой!) издании, что строение ячейки (и суммы ячеек, партии) мешает перестройке партии.—Мы не отзовисты, не разрушители думской работы социал-демократии, мы только уверяем (в 1909 году), что вопрос об участии в Думе «очень спорный» и что «думизм» заслоняет собой все для нашей партии. Которые из этих двоякого типа ликвидаторов более вредят партии?

Плеханов вышел из «Общественного движения», заявив, что Потресов перестал быть революционером. Потресов пишет письмо Мартову: за что меня обидели? я не знаю. Мартов отвечает: я тоже не знаю, оба редактора производят «изыскания» (выражение «Голоса»!) насчет причин недовольства Плеханова. Оба редактора пишут третьему редактору, Маслову, но и Маслов, оказывается, не знает, из-за чего уходит Плеханов. Они годами работали с Плехановым, они пробовали исправить по указанию Плеханова статью Потресова и когда им было брошено печатно и открыто обвинение, они вдруг оказались не понимающими того, в чем обвиняет Плеханов Потресова, они производят «изыскания» об этом! До этой несчастной оказии они были все такими искусными, такими опытными литераторами,—теперь они превратились в детей, которые «не знают», каким духом отречения от революции веет от статей Череванина, от Потресова, от всего «Общественного движения». Роланд-Гольст заметила этот дух у Череванина,—очевидно, тоже из злобности! Но Череванин, продолжая в купе с Потресовым писать в том же

духе, поместил вот там-то о г о в о р о ч к у... при чем же тут ликвидаторство? Кадеты=веховцы с оговорочками. Череванин, Потресов и «Общественное движение»=отречение от революции с оговорочками. Да, да, какое это нарочито-расплывчатое, злобно-неопределенное словечко ликвидаторство!

Но столь же нарочито-расплывчато, злобно-неопределенно словечко «богостроительство», кричат Богданов и Луначарский. Череванина можно прикрыть, написав о г о в о р о ч к у; чем же Луначарский хуже Череванина и Потресова? И Луначарский с Богдановым сочинят о г о в о р о ч к у. «Почему я отказываюсь от этой терминологии?»—так озаглавлен главный параграф в статье Луначарского. Заменяем неудобные термины, не будем говорить ни о религии, ни о богостроительстве... можно побольше говорить о «культуре»... поди там потом разбери, что мы вам преподнесем под видом новой, истинно-новой и истинно-социалистической «культуры». Партия так навязчива, так нетерпима (параграф: о «нетерпимости» у Луначарского)—пу, заменим «терминологию», ведь они же не против идей борются, а против «терминологии»...

А что, любезные голосовцы, не собираетесь ли вы в № 18—19 заявить об отказе от терминологии... например, насчет ликвидаторства? А что, редакторы «Общественного движения», не собираетесь ли вы в томах III—X р а з ъ я с н и т ь, что «вас не поняли», что никакой «идеи гегемонии» вы не оспаривали, что ни малейшего духа ликвидаторства... ничуть!.. вы не одобряете?

Петербургские отзовисты-ультиматисты, давно уже п о р т я щ и е в с ю р а б о т у П е т е р б у р г с к о г о К о м и т е т а, провели накануне выборов в Думу (в сентябре 1909 г.) резолюцию, на деле срывающую выборы. Рабочие начали бунт во имя партии и в ы р в а л и у ликвидаторов слева отмену нелепой резолюции. Богданов виляет теперь: резолюция де «крайне ошибочна», но товарищи «сами отказались от нее». «Ясное дело—пишет Богданов—ультиматизм сам по себе в этой ошибке не при чем». Не это ясно, товарищ Богданов, а ясно ваше прикрывание г у б и т е л ь н о г о для партии ликвидаторства слева.—Меньшевики Выборгского района в СПб. выступили против ликвидаторства (тоже наверное из-за единственной их злобности!). «Голос» сначала одобрил их (после «Пролетария»). Теперь ликвидатор меньшевик Г—г выступает в № 16—17 «Голоса» и на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами, можете себе представить? в

меньшевистском органе ругает меньшевиков б о л ь ш е в и к а м и! Редакция «Голоса» становится скромной, скромной, невинной, невинной и по-Богдановски умывает руки: «не берем на себя ответственности» (стр. 2, столбец 2 приложения к № 16—17), «это—вопрос факта»...

... Ну, какие это злостные клеветники выдумали «легенду» (выражение Мартова в «Vorwärts'e»), будто «Голос» прикрывает ликвидаторство, помогает ликвидаторству! Разве это не клевета, будто помогает ликвидаторам тот, кто в нелегальном органе высмеивает думскую работу Центрального Комитета, инсинуируя, что эта работа развилась «с тех пор, как большинство членов Ц. К. стало жить за границей» (там же),—благо опровергнуть эти инсинуации, т.-е. р а с с к а з а т ь правду про думскую работу нелегального Центрального Комитета н е л ь з я...

Богданов уверяет, что вопрос о возможности партийного руководства думской фракцией очень и очень спорный (после двухлетнего опыта). «Голос» уверяет, что это руководство со стороны партии—пустые слова («с тех пор, как большинство членов Центрального Комитета стало жить за границей»). И Богданов, и голосовцы бьют себя в грудь, уверяя, что только клеветники пускают слухи об а н т и п а р т и й н о й работе правых и левых ликвидаторов.

И Богданов, и голосовцы объясняют всю борьбу с ликвидаторством «вышибательскими» склонностями лиц и групп. Богданов именно это слово и употребляет. «Голос» с негодованием характеризует Плехановский призыв к генеральному межеванию, как «хирургию», метод «стричь, брить и кровь отворять», присмы «Собакевича-Ленина», приемы «удальца» П. (П.=меньшевик-плехановец, не побоявшийся открыто сказать правду о ликвидаторстве Череваниных, Лариных, Потресовых). «Пролетарий» дипломатничает, заигрывает с Плехановым (Богданов), «Пролетарий» подслуживается к Плеханову («Голос»: услужливый по отношению к Плеханову «фельетонист» «Пролетария»). Вы видите: богдановцы и голосовцы совершенно одинаково объясняют новые расколы и новые группировки.

Предоставим игрушечного дела людишкам этакие объяснения и перейдем к делу.

Ликвидаторство—глубокое социальное явление, неразрывно связанное с контр-революционным настроением либеральной буржуазии, распадом и развалом среди демократической мелкой

буржуазии. Тысячами способов либералы и мелко-буржуазные демократы стараются разложить революционную социал-демократическую партию, подорвать, свалить ее, расчистить почву для таких легальных рабочих обществ, в которых они могли бы иметь успех. И в такое время—ликвидаторы идейно и организационно борются с важнейшим остатком революции вчерашней, с важнейшим оплотом революции завтрашней. Голосовцы (от которых ничего большего не просит партия, как честной, прямой, безоговорочной войны с ликвидаторами) своим влиянием служат ликвидаторам. Меншевиизм приперт историей контр-революции к стене: либо воюй с ликвидаторством, либо становись его пособником. Меншевиизм наизнанку, т.-е. отзовизм - ультиматизм, ведет на деле тоже к усилению ликвидаторства: если продолжать «спорить» о думской и легальной работе, если пытаться сохранить старую организацию, не приспособляя ее к новому историческому моменту, к изменившимся условиям, то это фактически означает политику революционного безделья и разрушения нелегальной организации.

У большевиков возникает задача борьбы на два фланга— «центровая» задача (сути которой не понял Богданов, видящий тут неискренность и дипломатию). Нельзя сохранить и укрепить нелегальной социал-демократической организации, если не перестраивать ее систематически, неуклонно, шаг за шагом для овладения современным тяжелым моментом, для длительной работы через «опорные пункты» всех и всяческих легальных возможностей.

Объективные условия предписали эту задачу партии. Кто будет решать ее? Те же объективные условия предписали сближение партийцев в всех фракциях и частей партии, прежде всего сближение большевиков с партийцами меньшевиками, с меньшевиками типа выборщиков в Петербурге, плехановцев за границей. Большевики со своей стороны открыто провозгласили необходимость этого сближения, и мы зовем к нему всех меньшевиков, способных открыто воевать с ликвидаторством, открыто поддержать Плеханова и, конечно, меньшевиков рабочих прежде всего и больше всего. Сближение пойдет быстро и широко, если возможно соглашение с плехановцами: соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компро-

миссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий в пределах партийной линии. Пусть же все большевики и особенно большевики рабочие на местах сделают все для осуществления таких соглашений.

Если плехановцы окажутся слишком слабы или неорганизованны, или не захотят пойти на соглашение,—тогда мы пойдем к той же цели более длинным путем, но мы пойдем к ней и придем к ней во всяком случае. Тогда фракция большевиков остается одна строительницей партии сейчас же и немедленно, в области практической работы (ибо Плеханов помогает ей только литературно). Напряжем все усилия, чтобы двинуть это строительство, будем беспощадны к презренным уловкам и влиянию голосовцев и богдановцев, будем на каждом шаге практической, партийной работы разоблачать и клеймить перед пролетариатом антипартийность тех и других.

Рабочий класс на всю буржуазную революцию в России наложил отпечаток своей, пролетарской, революционно-социал-демократической тактики. Никакие усилия либералов, ликвидаторов и пособников ликвидаторства не вытравят этого факта. И передовые рабочие будут строить и построят революционную Социал-Демократическую Партию вместе с теми, кто хочет им в этом помочь, п р о т и в тех, кто не хочет или неспособен в этом помочь.

«Пролетарий» № 50

от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.

„Голос Социал-Демократа“ и Череванин.

Товарищ Череванин—тип и образчик идейного ликвидатора среди меньшевиков. Он выразил это полностью в своей известной книге: «Пролетариат и т. д.». Ликвидаторство настолько сильно в ней, что известная голландская писательница, марксистка Роланд-Гольст ¹⁶¹⁾, автор предисловия к немецкому переводу, не могла удержаться от выражения своего протеста против искажения марксизма и подмены его ревизионизмом. Тогда редакция «Голоса Социал-Демократа» напечатала в «Vorwärts'e» отречение от Череванина, заявив, что виднейшие меньшевики с ним не согласны. «Пролетарий» указал на иезуитизм подобного

отречения, не перепечатанного в «Голосе» и не сопровождающегося систематическим разъяснением в русской печати «ошибок» Череванина. Разве не так именно поступают буржуазные министры, начиная от Столыпина и кончая Брианом: оговорка, поправка, отречение от зарвавшегося единомышленника, от не в меру усердного сторонника и под прикрытием этого—продолжение старой линии?

В № 16—17 «Голос» дает письмо в редакцию Череванина и свою приписку. «Пролетарий» обвиняется в «клеветничестве», ибо мы-де «скрыли» от публики, что Череванин сам «исправил ошибку» в своей книге: «Современное положение и возможное будущее» (М. 1908).

Покажем же читателям еще и еще раз, каковы приемы голосовцев и что это означает, когда они обвиняют «Пролетарий» за «клеветы» об их ликвидаторстве.

Ограничимся немногими цитатами из названной новой книги Череванина. Стр. 173: «В общем я нисколько не отказываюсь от того анализа, который я дал в своей книге: «Пролетариат в революции». Пролетариат и социал-демократия сделали, несомненно, ряд ошибок, которые не могли не затруднить победы революции, даже если бы эта победа была возможна (курсив Череванина). Но теперь уже нужно поставить вопрос, действительно ли эта победа была возможна и одни ли ошибки пролетариата и социал-демократии были причинами поражения революции. Уже самая постановка этого вопроса невольно подсказывает и ответ на него. Поражение революции настолько глубоко и положение воцарившейся реакции, по крайней мере, для ближайшего ряда лет настолько прочно, что свести причины этого к каким-либо ошибкам пролетариата было бы совершенно невозможно. Дело тут, очевидно, не в ошибках, а в каких-то более глубоких причинах».

Вот вам «исправление ошибки» Череванина, по заявлению «Голоса»! Череванин не отказывается от своего «анализа», а усугубляет его, доходя до целого ряда новых перлов (вроде статистического определения «сил революции» в четверть всего населения, 21,5%—28%; об этом перле в другой раз!). Череванин к тезису: революционный пролетариат ошибался добавляет: революция не имела «возможной» силы (стр. 197, курсив Череванина) больше четверти населения,—а голосовцы называют это «исправлением» и кричат о клеветничестве «Пролетария».

Страница 176: «Представим себе, что меньшевики все время последовательно держались меньшевистских позиций, а не стапывились под влиянием революционного утара большевиками, участвуя в ноябрьской петербургской стачке, в введении 8-часового рабочего дня захватным путем, бойкоте первой Думы». (Вывод: тактика пролетариата улучшилась бы, но поражение все же последовало бы.)

Страница 138: «Может быть, в своих перспективах насчет радикальной ломки аграрных и политических отношений революционные и оппозиционные (слушайте!) партии в бурный 1905 год зашли слишком далеко».

Кажется, довольно? Повторенное и усугубленное ликвидаторство и ренегатство «Голос Социал-Демократа» называет исправлением. Завтра выйдет немецкий перевод «Современного положения»—голосовцы поместят для немцев в новое отечение—Череванин опубликует новую «оговорку»—ликвидаторская проповедь будет усиливаться—«Голос» будет благо-родно негодовать по поводу клеветнических обвинений его в ликвидаторстве. Старая, но вечно новая история.

Маслов, Мартов и Потресов никак не могут понять, решительно не могут, понять какой «дух» писаний Потресова взорвал—наконец!—даже зашедшего очень далеко в маневрировании около кадетов марксиста Плеханова. Так-таки не понимаете, любезные голосовцы? И после цитат из «исправленной» книги Череванина все еще не понимаете? Как иногда удобна бывает непонятливость!

«Пролетарий» № 50

от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.

Басня буржуазной печати об исключении Горького.

Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «Le Radical»), Германии («Berliner Tageblatt») и России («Утро России», «Речь», «Русское Слово», «Новое Время») смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из Социал-Демократической Партии. «Vorwärts» поместил уже опровержение этого вздора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню.

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услышав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (—вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в «Пролетарии» в частности), безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал» на сочиненных «интервью» и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям хочется, чтобы Горький вышел из Социал-Демократической Партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри Социал-Демократической Партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением.

«Пролетарий» № 50

от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.

Последнее слово русского либерализма.

Российская социал-демократия подвела основные итоги урокам революции в лондонской резолюции о непролетарских партиях. С.-д. пролетариат точно и ясно выразил в ней оценку взаимоотношения классов в революции, определил социальную основу всех главных партий и общие задачи рабочего движения в борьбе главных партий и общие задачи рабочего движения в борьбе за демократию. Резолюция Декабрьской партийной Конференции 1908 года дала дальнейшее развитие этим основным взглядам с.-д.

Теперь, через год после этой Конференции, через 2½ года после Лондонского съезда, чрезвычайно поучительно посмотреть, к каким взглядам на современное положение и на задачи демократии приходят наиболее влиятельные представители русского либерализма. Недавнее «совещание» деятелей к.-д. партии особенно интересно в этом отношении. «Совещание» одобрило доклад вождя партии г. Милюкова, который напечатал его теперь в «Речи» под заглавием: «Политические партии в стране и в Думе». Доклад этот — крайне важный политический документ. Мы имеем в нем отныне официальную платформу к.-д. партии. А кроме того мы имеем

здесь ответ на вопросы, давно поставленные и решенные с.-д. партией, ответ, даваемый одним из искуснейших дипломатов и политиканов либерализма, а в то же время и одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком.

Историк Милюков пытается поставить вопрос вполне научно, т.-е. материалистически. Для получения «твердых опорных точек» партийной политики необходимо «одинаковое понимание того, что происходит в стране». А чтобы понять это, необходимо посмотреть на то, как готовые политические партии или «политические течения» стремятся «найти себе опору» в «широких кругах населения».

Метод превосходен. Применение его сразу показывает нам превращение сведущего историка в дюжинного либерального сикофанта: кадеты и все что правее их, это, видите ли, «три главные политические течения», а все, что «левее» кадетов, это—«политическая судорога». Спасибо за откровенность, г. либерал! Но посмотрим все же, что вы нам скажете, как историк. Три главных течения. Первое «демагогический монархизм». Его «смысл» — «защита старых социальных основ быта», «соединение неограниченного самодержавия»... (либерал, конституционный демократ, незаметно для себя переходит на точку зрения октябриста, защищающего ограниченное самодержавие)... «с крестьянством на почве тех патриархальных отношений, при которых дворянство является естественным посредником между тем и другим»... В переводе с либерального на русский язык это означает господство крепостников («патриархальность») помещиков и черносотенного царизма. Г. Милюков верно отмечает, что этот царизм становится «демагогическим», что он «отказывается от старой искусственной беспартийности или надпартийности и вмешивается активно в процесс организации партий в стране». Именно в этом, между прочим, состоит тот шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию, о котором говорит резолюция Декабрьской Конференции с.-д. 1908 г. Именно в этом состоит то новое, что составляет специфическую особенность современного момента и что учла наша партия в ее современной постановке тактических задач. Верно, отмечая некоторые черты процесса, г. Милюков, во-1-х, не додумывает до конца насчет экономических основ его, а, во-2-х, боится сделать неизбежный вывод о

причинах силы крепостников-помещиков. Эта сила сводится к тому, что в Европейской России, по казенной статистике 1905 г., 10 миллионов беднейших крестьян имеют 75 милл. десятин земли, а 30.000 крупнейших помещиков (в том числе уделы, т.-е. семейка Николая Романова) имеют 80 милл. дес. земли. Может ли Россия быть избавлена от «патриархальных» отношений без полного уничтожения этих крепостнических латифундий верхних тридцати тысяч, как вы думаете, г. историк?

Второе течение—«буржуазный конституционализм». Так называет г. Милюков октябристов. «Для крупной буржуазии—пишет он—данное течение, быть может, слишком консервативно по своей тесной связи с бюрократией и дворянством». Объединяет их «отрицательная задача: общая оборона против более радикальных социальных или политических течений». «Буржуазные конституционалисты 3 июня и 9 ноября», ища себе опоры, пытаются «ассимилировать себе хотя бы верхний слой крестьянской массы» («сильных и крепких» г. Столыпина). «Но этого рода социальный базис—пока еще весь в будущем». «Вот почему в поисках социального базиса данное течение, быть может, наиболее слабо обеспечено»!...

У нас любят—даже, к сожалению, среди людей, желающих быть с.-д-тами,—разносить «революционные иллюзии». Но может ли быть что-либо наивнее этой либеральной иллюзии, будто социальный базис контр-революционной буржуазии («общая оборона») и помещиков «слаб», будто их можно разбить иначе как самым решительным и беспощадным революционным натиском масс, восстанием масс? Серьезный историк опять уступает место дюжинному либералу.

Третье течение—к.-д. Г. Милюков называет его «демократическим конституционализмом» и поясняет, что «сущность этой позиции заключается в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы». Историк совсем ступсевался перед дипломатом-политиканом. На деле—вся политика к.-д. идет против радикализма масс. На словах—особенно на «совещаниях», где есть провинциальные кадеты, несколько ближе чувствующие настроение масс,—мы радикальны, мы печемся о демократизме и о массах.

Г. Милюков (особенно под впечатлением «совещания», должно быть) не заблуждается насчет масс. Он признает бесспорным, что «рост сознательности за последние годы огромный», что «причины массового недовольства не исчезли; быть может, они даже увеличи-

лись в числе и действие их усилилось в той же мере, в какой возросла сознательность». Но, если историк вынужден признать это, то либерал все же берет верх: «...в массах, по несчастью, оказалась» (в революции) «возможной лишь более смелая тайная демагогия, которая льстила традиционным взглядам и привычным ожиданиям массы. Эта демагогия связывала чисто искусственным образом понятный и законный лозунг массы «земля» с непонятным и неверно истолкованным лозунгом: воля. При этих условиях даже усвоение народным сознанием естественной связи между двумя лозунгами явилось лишь источником новых недоразумений и плодило те самые иллюзии» и т. д. и т. д. вплоть до «принципа»: «ни революции, ни реакции», а «законная конституционная борьба». На вопрос о возвращении к «старой тактике 1905 года» «необходимо категорически и резко ответить отрицательно».

Читатель видит, что все добрые намерения историка Милюкова искать опоры для тактики партий в широких кругах населения рассыпались в прах, как только дошло дело до крестьянства и до пролетариата. Относительно последнего г. Милюков махает рукой, признавая, что «в городской демократии к.-д. имеют более широкий, более организованный и сознательный социальный базис, чем может его представить какая бы то ни было политическая партия за исключением опирающейся на рабочий класс с.-д.-тии». Относительно же крестьян г. Милюков не теряет надежды. «Несмотря на наличность таких препятствий», как «демагогия» и пр. — пишет он — «не исключена возможность параллельной (курсив Милюкова) деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс».

Параллельная деятельность! — вот новое словечко для старой либеральной тактики. Параллельные линии никогда не встречаются. Либерализм буржуазной интеллигенции понял, что ему не встретиться н и к о г д а с массами, т.-е. не стать их выразителем и вождем в России, — «никогда» в силу выросшей после 1905 года сознательности. Но либералы типа к.-д. продолжают рассчитывать на массы, как на пьедестал своих успехов, своего господства. Итти «параллельно», это значит, в переводе на простой и ясный язык, политически эксплуатировать массы, ловя их словами о демократизме и предавая их на деле. «Поддерживать их (октябристов) систематически в вопросах конституционных», эти слова доклада г. Милюкова выражают с у т ь политики к.-д. На

деле к.-д.—пособники октябризма, крыло буржуазного конституционализма. Струве и прочие веховцы прямо, грубо, прямолинейно признают это и требуют, чтобы к.-д. перестали «косить глаза влево и заискивать перед презирающими их революционерами» (слова известного ренегата г. Изгоева в «Московск. Еженедельнике», 1909, № 46, стр. 10). Милюков и К-о недовольны т о л ь к о грубостью и прямолинейностью веховцев, т о л ь к о тем, что веховцы портят их дипломатию, мешают им водить за нос отстающие элементы массы. Милюков—практический политик. Струве—доктринер либерализма, но их мирное сожительство в одной партии не случайность, а необходимое явление, ибо буржуазный интеллигент по с у т и дела колеблется между упованием на массы (которые помогут, де, каштаны из огня таскать) и упованием на октябристскую буржуазию.

«Невозможность для современной власти допустить свободное общение между политически сознательными элементами демократии и демократической массой и делает неосуществимыми главные обещания манифеста 17 октября»—пишет г. Милюков. Нечаянно он сказал тут более глубокую правду, чем хотел, ибо, во-первых, если правда, что для современной власти н е в о з м о ж н о допустить общение масс с демократами (а это несомненная правда), то отсюда следует необходимость р е в о л ю ц и о н н о й тактики, а не «конституционной» борьбы, необходимость вести народ к с в е р ж е н и ю этой власти, а не к реформированию ее. А во-вторых, октябрь-декабрь 1905 г., и I Дума, и II Дума д о к а з а л и, что не только «для современной власти», но и д л я р у с с к о г о л и б е р а л и з м а, р у с с к и х к а д е т о в «невозможно допустить свободное общение между «демократической массой» и социал-демократами, и даже народниками всех оттенков. Кадеты не могли руководить демократией не только рабочей, но и крестьянской во время свободы октября-декабря 1905 г., и даже во время оберегаемых Горемыкиными и Столыпинными Дум демократии не мирилась с главенством кадетов.

Политическое значение кадетского «совещания» конца 1909 года и доклада г. Милюкова состоит в том, что образованные представители либерализма, будучи злейшими врагами революционной с.-д., дали превосходное подтверждение правильности ее учета момента и ее тактики. Все, что есть ценного и верного в докладе, есть только размазывание и пережевывание нашего основного тезиса о шаге самодержавия по пути превращения в буржуазную мо-

нархию, как о главной отличительной черте переживаемого момента. В этом именно его отличие от вчерашнего и от завтрашнего. В этом основа своеобразной тактики с.-д., тактики, которая должна п р и м е н и т ь принципы революционного либерализма к изменившейся ситуации, а не просто повторить те или иные лозунги.

Либералы признали контр-революционность крупной буржуазии, признали рост сознательности и недовольства масс. Почему же они не идут решительно на службу к крупной буржуазии, если они отрекаются от революции, от 1905 г., от «демагогии», «земли и воли», если они признают, что октябризм слишком консервативен для крупной буржуазии? Потому, что «совещание» провинциалов особенно ясно показало им н е у д а ч у новой, Столыпинской, буржуазной политики самодержавия. Новый социальный базис для монархии — «п о к а е щ е весь в б у д у щ е м» — вот наиболее ценное признание либерализма. Упорядоченный буржуазный конституционализм с монархией во главе превосходная вещь, но е е н е в ы х о д и т, е е н е в ы й д е т без нового движения масс, — вот и т о г кадетского «совещания». Нам ненавистно движение масс, ненавистны «политические судороги», но мы реальные политики, мы должны считаться с фактами, мы должны направлять свою политику так, чтобы итти п а р а л л е л ь н о с движением масс, раз оно неизбежно. «Не исключена возможность» успешной борьбы за руководство крестьянскими и городскими (кроме рабочих) массами: попытаемся словами о нашем «радикализме» обеспечить себе местечко в народном движении, — как словами об оппозиции его величества мы обеспечили себе местечко в Лондоне.

Тактику нашей партии превосходно подтвердило, не подозревая того, кадетское совещание. Мы должны изжить новый исторический момент, когда самодержавие п о н о в о м у пытается спасти себя и когда оно явно идет о п я т ь к краху по этому новому пути. Мы должны изжить этот момент, систематически, упорно, терпеливо работая над более широкой и крепкой организацией более сознательных масс социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Мы должны использовать все условия и возможности партийной деятельности в такое время, когда и черная Дума и монархия вынуждены встать на путь партийности. Мы должны использовать это время, как эпоху подготовки новых масс, на новой почве, при новых условиях, к более решительной революционной борьбе за наши старые требования. Революция и контр-революция

показали на деле полную несовместимость монархии с демократией, с господством народа, с свободой народа,—мы должны нести в массы пропаганду уничтожения монархии, пропаганду республиканизма, как у с л о в и я победы народа, мы должны лозунг «долой монархию» сделать такой же популярной «народной поговоркой», какой сделался после долгих лет упорной с.-д. работы в 1895—1904 годы лозунг «долой самодержавие». Революция и контр-революция показали на деле всю силу и все значение класса помещиков, мы должны нести в массы крестьянства пропаганду полного уничтожения этого класса, полного разрушения помещичьего землевладения. Революция и контр-революция показали на деле природу либералов и буржуазной интеллигенции, мы должны нести в массы крестьянства ясное понимание того, что руководство либералов есть гибель их дела, что без самостоятельной революционной борьбы масс они неизбежно останутся, при всяких кадетских «реформах» останутся в кабале у помещика. Революция и контр-революция показали нам союз самодержавия и буржуазии, союз русской и международной буржуазии,—мы должны воспитать, сплотить и организовать второе большие, чем в 1905 г., массы пролетариата, который один только, руководимый самостоятельной с.-д. партией и идущий рука об руку с пролетариатом передовых стран, в состоянии завоевать для России свободу.

«Социал-Демократ» № 10

от 24 декабря 1909 г. (6 января 1910 г.).

Одиннадцатая сессия Международного Социалистического Бюро.

7-го ноября нов. ст. в Брюсселе состоялось одиннадцатое заседание Международного Социалистического Бюро. Заседание Бюро предшествовала, по установившемуся в последние годы обычаю, конференция социалистических журналистов разных стран. На конференции обсуждались некоторые практические вопросы, касающиеся установления более регулярных сношений между ежедневными социалистическими газетами разных стран.

Что касается до заседания Межд. Соц. Бюро, то помимо мелких текущих дел в порядке дня стояло два крупных вопроса: во-1-х, о Международном Социалистическом Конгрессе 1910 года в Копенгагене и, во-2-х, о расколе в голландской партии.

По первому вопросу был назначен прежде всего срок конгресса, именно: на 28 августа—4 сентября нов. стиля. По поводу места съезда был поднят вопрос, смогут ли русские социалисты свободно приехать в Копенгаген. Представитель датских социалистов Кнудсен ответил, что по их сведениям и по всем тем данным, которые у них есть относительно намерений датского правительства, русских делегатов на съезд полиция не потревожит. Если бы накануне самого съезда выяснилось обратное, то Межд. Соц. Бюро, несомненно, озаботилось бы переменой места конгресса.

Порядок дня Копенгагенского съезда намечен такой: 1) кооперативное движение; 2) международная организация помощи крупным стачкам; 3) безработица; 4) разоружение и третейское разбирательство международных конфликтов; 5) результаты рабочего законодательства разных стран и вопрос о международной организации его, в особенности вопрос о восьмичасовом рабочем дне; 6) улучшение сношений национальных партий с Межд. Соц. Бюро; 7) отмена смертной казни.

Предполагалось сначала поставить в порядок дня аграрный вопрос. Вальян и Молькенбур высказались против, находя затруднительным обсуждение такого вопроса на международном съезде без предварительной более обстоятельной подготовки его на съездах национальных партий. Выражено пожелание, чтобы съезды национальных партий обсудили этот вопрос специально, так чтобы он мог быть подготовлен к международному съезду 1913 года.

Приняв резолюции сочувствия шведским рабочим, организовавшим одну из величайших всеобщих стачек последнего времени, и рабочим Испании, героически боровшимся с военной авантюрой их правительства, а также резолюции протеста против зверств и убийств царизма в России, правительств в Испании, в Румынии и в Мексике, Межд. Соц. Бюро перешло к главному вопросу своего дальнейшего порядка дня—к вопросу о расколе в Голландии.

В Голландии давно уже ведется борьба оппортунистов и марксистов социалистической партии. В аграрном вопросе оппортунисты стояли за пункт программы, требующий наделения земель сельских рабочих. Марксисты энергично боролись против этого пункта (который был защищаем главой оппортунистов, Трульстра) и добились его отмены в 1905 году. Затем, оппортунисты, приспособляясь к религиозно настроенной части голландских рабочих, дошли до защиты выдачи государственных средств на субсидии

преподаванию религии в школах. Марксисты горячо боролись с этим. Оппортунисты с Трульстра во главе противопоставляли парламентскую с.-д. фракцию партии и противодействовали решениям Ц. К. Оппортунисты вели политику сближения с либералами и поддержки их социалистами (разумеется, «оправдывая» это целью добиться социальных реформ, которые либералы обещали и... не проводили). Оппортунисты предприняли пересмотр старой, марксистской, программы голландской с.-д. партии и выставили, между прочим, такие тезисы этого пересмотра, как отречение от «теории крушения» (известная идея Бернштейна), или пожелание, чтобы признание программы обязывало членов партии признавать политико-экономические, *«н о н е ф и л о с о ф с к и е в з г л я д ы М а р к с а»*. Борьба марксистов против такой линии все обострялась. Оттесненные из Ц. О. партии, марксисты (в том числе известная писательница Роланд-Гольст, затем Гортер, Паннекук и др.) основали свою газету «Трибуна». Трульстра, не разбираясь в средствах, преследовал эту газету, обвиняя марксистов в стремлении «вышибить» его лично, подбивая мещански-настроенную часть голландских рабочих против «драчунов», любителей полемики, нарушителей мира марксистов. Кончилось тем, что экстренный съезд партии в Дэвенте (13—14 февраля 1909 г.), дав большинство сторонников Трульстра, постановил *з а к р ы т ь «Т р и б у н у»* и основать вместо нее «приложение» при оппортунистическом Ц. О. партии! Понятно, что редакторы «Трибуны» не пошли на это (кроме Роланд-Гольст, занявшей, к сожалению, безнадежную примиренческую позицию) и *б ы л и и с к л ю ч е н ы* из партии.

Получился раскол. Старая оппортунистическая партия во главе с Трульстра и Ван-Колем («знаменитым» со времени оппортунистических выступлений его по колониальному вопросу в Штуттгарте) сохранила название «с.-д. раб. партии» (S.-D. A. P.). Новая марксистская партия — гораздо более малочисленная — приняла название «с.-д. партии» (S.-D. P.).

Исполнительный Комитет Междунар. Соц. Бюро попытался взять на себя посредничество по восстановлению единства в Голландии, но сделал это крайне неудачно, занял формальную позицию и, явно сочувствуя оппортунистам, обвинил в расколе марксистов. Их просьба включить новую партию в Интернационал была поэтому отвергнута Исп. Комитетом Межд. Соц. Бюро.

На заседании самого Международного Социалистического Бюро 7/XI 1909 стоял вопрос о допущении марксистов голландцев в Интернационал. Все желали избежать прений по существу и ограничиться указанием процедуры, т.-е. направить дело в том или ином порядке, указать способ разрешения конфликта, хотя, разумеется, с у т ь дела, с у т ь борьбы двух направлений в Голландии не могла не быть ясной большинству членов Бюро.

В конце концов два направления выставили две резолюции: Зингер—в пользу марксистов, Адлер—против них. Текст резолюции Зингера гласил:

«Международн. Соц. Бюро постановляет: Партия, основанная в Голландии под именем новой с.-д. партии (ошибка в названии: следует: «с.-д. партии») должна быть допущена на международные социалистические конгрессы, так как она удовлетворяет условиям, которые поставлены уставом Интернационала. Что касается до участия ее делегата в Бюро и до числа ее голосов на конгрессе, то вопрос этот подлежит решению Копенгагенского конгресса, если голландские товарищи не придут сами к улажению этого спора».

Из этого текста видно, что Зингер не сходил с формальной позиции, предоставляя окончательное решение вопроса голландской секции международного конгресса, но в то же время подчеркивая ясно признание марксистской голландской партии Интернационалом. Адлер не решился сказать обратное, не решился заявить, что он не признает марксистов-голландцев членами Интернационала, что он разделяет позицию Исп. Комитета, прямо отказавшего марксистам. Адлер предложил резолюцию: «Просьба С.-Д. П. передается голландской секции. Если соглашения внутри этой секции не последует, тогда предоставляется апелляция к Бюро». Формальная позиция та же, что у Зингера, но из текста ясно, что симпатии этой резолюции на стороне оппортунистов, ибо о признании марксистов членами Интернационала ничего не говорится. И голосование резолюций сразу показало, что д у х той и другой был вполне схвачен членами бюро. За Зингера было подано 11 голосов: 2 голоса Франции, 2 Германии, 1 Англии (с.-д.), 2 Аргентины, 1 Болгарии, 1 России (с.-д.), 1 Польши (с.-д.), 1 Америки (соц. раб. п.). За Адлера было подано 16 голосов: 1 Англии («незав.» раб. партия), 2 Дании, 2 Бельгии, 2 Австрии, 2 Венгрии, 1 Польши (П. П. С.), 1 России (с.-р.), 1 Америки (соц. п.), 2 Голландии (Ван-Коль и Трульстра!), 1 Швеции.

Орган немецких революционных с.-д., «Лейпцигская Народная Газета» (№ 259), справедливо назвала это решение Межд. Соц. Бюро достойным сожаления. «В Копенгагене пролетарский Интернационал должен пересмотреть это решение»—заклЮчила она вполне основательно. «Тов. Адлер—писала другая газета того же направления, «Бременская Гражданская Газета», «Bremer Bürgerzeitung», 11/XI 1909,—выступает как адвокат международного оппортунизма, блещущего всеми красками». Его резолюция прошла, «благодаря поддержке оппортунистической мешанины» (Sammel-singium).

К этим справедливым словам мы, русские с.-д., можем только прибавить, что наши с.-р., разумеется, поспешили вместе с П. П. С. занять местечко в оппортунистической компании.

После окончания сессии Межд. Соц. Бюро, 8/XI 1909 в Брюсселе состоялось 4-ое заседание межпарламентской социалистической комиссии, т.-е. членов социалистических парламентских фракций разных стран. Фракции были представлены вообще слабо (русская с.-д. думская фракция не представлена вовсе). Делегаты обменялись сообщениями по вопросу о страховании рабочих на случай старости, о состоянии законодательства в различных странах, о проектах рабочих депутатов. Наилучшее сообщение было сделано Молькенбуром на основании статьи, помещенной им в «Neue Zeit».

«Социал-Демократ» № 10

от 24 декабря 1909 г. (6 января 1910 г.).

Письмо Я. М. Свердлову *).

Дорогой друг! Получил ваше письмо от 20 IX 1909 и чрезвычайно обрадовался вести от вас. Жаль, что раньше не было вестей от вас,—мы здесь страшно оторваны теперь; пробовали связаться с вами и Вяч.¹⁶²), но не удалось. Годы, действительно, адски-трудные, и возможность сношений с старыми друзьями вде-

*) Воспроизводится с копии письма, отобранного по обыску 14 ноября 1910 года в СПб. у «обвиняемого по 102 ст. уг. ул. мешанина Якова Свердлова» с копии, находящейся в делах бывшего департамента полиции. Прим ред. «Прол. Рев.».

сятеро ценнее поэтому. Буду вам отвечать по порядку. Вы видели газету до декабря 1908 г. С тех пор много воды утекло.

С так наз. «левыми» у нас полный раскол, закрепленный весной 1909. Если вам случится увидеть мою книжку по философии ¹⁰⁸⁾ (книгу эту я вам послал тотчас по выходе, т.-е. в начале лета 1909) и газету за 1909 г., то навряд ли вы скажете, что мы делаем уступки левогдулистам. С Богдановым и богдановцами—полный и формальный раскол. Драка во-всю. Возможно, что они создадут свой орган,—возможно, что нет. Мутят они в Слб. и в Одессе, но силой стать не могут: это—агония «отзовизма-ультиматизма», по-моему. Раскол с Богдановым и К-о отнял у нас не мало сил и времени, но я думаю, что он был неизбежен и будет полезен, в конце концов. Зная ваши взгляды, думаю, даже уверен, что тут мы согласны.

Но вот насчет того, что пора «ликвидировать веру во второе пришествие общедемократического натиска», решительно с вами не согласен. Этим вы сыграли бы только на руку отзовистам (очень склонным к такому «максимализму»: буржуазная революция позади,—вперед «чисто пролетарская») и крайним правым меньшевикам-ликвидаторам. (Кстати: знаете ли вы о расколе у меньшевиков? Плеханов вышел из редакции их газеты «Голос С.-Д.» и из редакции коллективного их труда: «Общественное движение в России XX в.». В августе 1909 он выпустил «Дневник» № 9, где обозвал меньшевиков пособниками ликвидаторов, а Потресову прописал, что он-де мне не товарищ, что Потресов перестал быть революционером и пр. У нас идет дело на сближение с меньшевиками-плехановцами в целях укрепления партии). Но главное, по-моему, это то, что такой взгляд теоретически неверен: «Немецкие рельсы» возможны—слов нет. И мы это прямо признали в начале еще 1908 года. Но эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков (или подъемов или кризисов и т. п.),—подобно тому, как Франция пришла к концу «общедемократических» натисков не после 1789—1793, а после 1871 (т.-е. после 1830, 1848 и 1871) Германия не в 1849—1850, а также после 1871, т.-е. после *) 60-х годов. Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарков-

*) Здесь пропуск. Вероятно, слово не было разобрано. П р и м. ред. «П р о л. Р е в.».

скую Россию,—но не выходит. Не выходит. Импонентны. По всему видно, и сами признают, что не выходит. Аграрная политика Столыпина правильна с точки зрения бисмарковщины. Но Столыпин сам «просит» 20 лет, чтобы ее довести до того, чтобы «вышло». А двадцать лет и даже меньший срок невозможен в России без 30—48—71 (ежели по-французски) и 63—65 (ежели по-немецки) ¹⁶⁵). Невозможны. А все эти даты (и 30—48—71 и 63—65) и есть «общедемократический натиск».

Нет, мы не можем «ликвидировать» идею общедемократического натиска: это было бы коренной ошибкой. Мы должны признать возможность «немецких рельсов», но не забывать, что их пока нет. Нет и нет. Мы не должны связать судьбу пролетарской партии с удачей или неудачей буржуазной революции, это бесспорно. Мы должны работу поставить так, чтобы она при всяком ходе событий была прочным, неотъемлемым приобретением,—это верно. Но мы обязаны исполнить свой долг руководителей демократического, «общедемократического», движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону *).

А до этого поворота в России еще, ой-ой, как не близко! Мы не можем отрицать возможность «немецкого», сиречь «гнилого», разрешения «общедемократических» вопросов, но мы обязаны все сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не «гнилое», не немецкое, а французское, т.-е. по типу 30—48—71, а не по типу 63—65 (только «конституционный» кризис). Ручаться невозможно, выйдет ли у нас наш 63—65 («гнилым» или успешным); но наше дело, дело рабочей партии, все сделать, чтобы из «г н и л о г о» развилось у с п е ш н о е, из немецкого**) французская хорошенькая передряга. И таких законов истории нет, чтобы гнилой кризис не мог превратиться в хорошенькую передрягу. Нет таких законов. Все зависит от обстоятельств, от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и «сферами» и т. д., и т. д. Мы должны заботиться о том, чтобы мы были сильнее (и мы будем сильнее к нашему 63—65, чем немцы тогда),—чтобы крестьяне послушались тогда нас, а не либералов. Только борьба решит, насколько это удастся.

*) Тоже, очевидно, пропуск. Прим. ред. «Прол. Рев.».

**) Тоже. Прим. ред. «Прол. Рев.».

Будем требовать всего в смысле общедемократического натиска: при успехе получим все, при неуспехе—часть: но, идя на бой, ограничиваться требованием части нельзя. По-новому строиться, по-новому организоваться, по-новому идти к кризису—такова суть момента; но поддержать и развить, усилить все старые ловунги, требование «в с е г о». Крепко, крепко жму руку и желаю здоровья и бодрости. Весь Ваш

Старик

Опубликовано в журнале: «Пролетарская Революция» № 5 за 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1908 год.

	Стр.
Политические заметки («Пролетарий» № 21 от 13 (26) февраля 1908 г.) . .	5
К дебатам о расширении бюджетных прав Думы («Социал-Демократ» № 1, февраль 1908 года)	10
Новая аграрная политика («Пролетарий» № 22 от 19 февр. (4 марта) 1908 г.) .	16
Нейтральность профессиональных союзов («Пролетарий» № 22 от 19 февраля (4 марта) 1908 г.)	19
О происшествии с королем португальским («Пролетарий» № 22 от 19 февр. (4 марта) 1908 г.)	28
Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация («Пролетарий» № 25 от 12 (25) марта 1908 г.)	32
Об обмане народа либералами («Пролетарий» № 25 от 12 (25) марта 1908 г.) .	37
Оценка Маркса международным либерализмом («Пролетарий» № 26 от 19 марта (1 апреля) 1908 г.)	40
Пост-скрипtum к статье: «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы» («Пролетарий» № 27 от 26 марта (8 апреля) 1908 года)	49
О «природе» русской революции («Пролетарий» № 27 от 26 марта (8 апреля) 1908 г.)	49
Марксизм и ревизионизм (Сборник «Карл Маркс (1818—1883)»	53
По торной дорожке! («Пролетарий» № 29 от 16 (29) апреля 1908 г.)	61
Блок кадетов с октябристами («Пролетарий» № 29 от 16 (29) апреля 1908 г.) .	68
Кадеты второго призыва («Пролетарий» № 30 от 10 (23) мая 1908 г.)	69
К оценке русской революции («Пролетарий» № 30 от 10 (23) мая 1908 г.) .	72
Очередные задачи («Пролетарий» № 31 от 4 (17) июня 1908 г.)	83
О некоторых чертах современного распада («Пролетарий» № 32 от 2 (15) июля 1908 г.)	89
Горячий материал в мировой политике («Пролетарий» № 33 от 23 июля (5 августа) 1908 г.)	98
Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии («Пролетарий» № 33 от 23 июля (5 августа) 1908 г.)	104
Лев Толстой как зеркало русской революции («Пролетарий» № 35 от 11 (24) сентября 1908 г.)	113
Студенческое движение и современное политическое положение («Пролетарий» № 36 от 3 (16) октября 1908 г.)	118
Заседание Международного Социалистического Бюро («Пролетарий» № 37 от 16 (29) октября 1908 г.)	124
События на Балканах и в Персии («Пролетарий» № 37 от 16 (29) октября 1908 г.)	138

П. Маслов в истерике («Пролетарий» № 37 от 16 (29) октября 1908 г.) . .	147
Об оценке текущего момента («Пролетарий» № 38 от 1 (14) ноября 1908 г.) .	154
Как Плеханов и К-о защищает ревизионизм («Пролетарий» № 39 от 13 (26) ноября 1908 г.)	166
По поводу двух писем («Пролетарий» № 39 от 13 (26) ноября 1908 г.) . .	170
Аграрные прения в III Думе («Пролетарий» № 40 от 1 (14) декабря 1908 г.)	184

1909 год.

Как с.-р. подводят итоги революции и как революция подвела итоги с.-р-ам («Пролетарий» № 41 от 7 (20) января 1909 г.)	197
На дорогу («Социал-Демократ» № 2 от 28 января (10 февраля) 1909 г.) . .	209
Цель борьбы пролетариата в нашей революции («Социал-Демократ» №№ 3 и 4 от 9 (22) марта и 21 марта (3 апреля) 1909 г.)	217
Карикатура на большевизм (Приложение к № 44 «Пролетария» от 4 (17) апреля 1909 г.)	234
«Левение» буржуазии и задачи пролетариата («Пролетарий» № 44 от 4 (17) апреля 1909 г.)	244
Об отношении рабочей партии к религии («Пролетарий» № 45 от 13 (26) мая 1909 г.)	250
Классы и партии в их отношении к религии и церкви («Социал-Демократ» № 6 от 4 (17) июня 1909 г.)	260
Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию («Пролетарий» № 46 от 11 (24) июля 1909 г.)	268
Ликвидация ликвидаторства («Пролетарий» № 16 от 11 (24) июля 1909 г.) .	272
Введение к резолюциям Совещания расширенной редакции «Пролетария» (Приложение к № 46 «Пролетария» от 3 (16) июля 1909 г.)	276
От редакции к письму Лядова («Пролетарий» № 46 от 11 (24) июля 1909 г.)	287
Письмо к организаторам партийной школы в Капри (Листок «К вопросу о партийной школе», выпущенный ред. «Пролетария»)	288
К выборам в Петербурге («Пролетарий» № 47 — 48 от 5 (18) сентября 1909 г.)	289
Разоблаченные ликвидаторы («Пролетарий» № 47 — 48 от 5 (18) сентября 1909 г.)	284
О фракции сторонников отзовизма и богостроительства (Приложение к № 47 — 48 «Пролетария» от 5 (18) сентября 1909 г.)	300
Беседа с петербургскими большевиками («Пролетарий» № 49 от 3 (16) октября 1909 г.)	330
Царь против финского народа («Социал-Демократ» № 9 от 31 октября (13 ноября) 1909 г.)	341
Позорный провал (отгиск из № 50 «Пролетария»)	343
О некоторых источниках современного идейного разброда («Пролетарий» № 50 от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.)	345
Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков («Пролетарий» № 50 от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.)	352
«Голос Социал-Демократа» и Череванин («Пролетарий» № 50 от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.)	358
Васня буржуазной печати об исключении Горького («Пролетарий» № 50 от 28 ноября (11 декабря) 1909 г.)	360
Последнее слово русского либерализма («Социал-Демократ» № 10 от 24 декабря 1909 г. (6 января 1910 г.)	361
Одиннадцатая сессия Международного Социалистического Бюро («Социал-Демократ» № 10 от 24 декабря 1909 г. (6 января 1910 г.)	367
Письмо Я. М. Свердлову	371

